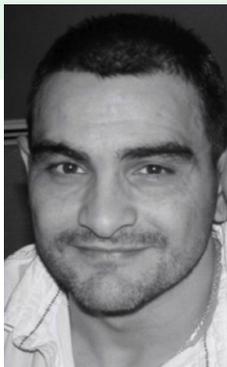

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ – 2020

Сборник материалов
VI Международной научной конференции
(г. Белгород, 16–17 апреля 2020 г.)

Sous la direction du Professeur Arkadiy, le VIème Colloque scientifique international «Lexicographie et communication – 2020» a rassemblé les 16 et 17 avril 2020 à l'Université Nationale de Recherche d'État de Belgorod une trentaine de linguistes de renom du monde entier. Organisé en partie en présentiel et en partie à distance, cet évènement s'inscrit dans la droite lignée des manifestations qui oeuvrent depuis plusieurs années déjà pour la diffusion et la promotion des travaux autour du dictionnaire. La publication des actes de ce colloque permettra non seulement à la discipline Métalexigraphie de disposer d'un ouvrage de référence supplémentaire mais aussi à tous les amoureux et spécialistes des langues de découvrir la fertilité de l'association entre lexicographie et communication.

Christophe Rey
Professeur de Linguistique
Cergy Paris Université
Membre Sénior de l'IUF
EA 7518 LT2D

Под руководством профессора Аркадия Седых VI Международный научный коллоквиум «Лексикография и коммуникация – 2020» собрал 16 и 17 апреля 2020 г. в Белгородском государственном национальном исследовательском университете около тридцати известных лингвистов со всего мира. Это мероприятие, организованное частично заочно и частично удаленно, соответствует современной парадигме научного знания, в рамках которой исследователи вот уже несколько лет работают над распространением и продвижением работ по словарному делу. Публикация материалов этой конференции не только позволит научному направлению «Металексикография» получить дополнительные справочные материалы, но и языковедам и всем интересующимся лексикографией обнаружить перспективность корреляций между лексикографическими исследованиями и коммуникативистикой.

Кристоф Рей
профессор, доктор филологических наук
университет Сержи-Понтуаз, Франция (СУ)
старший научный сотрудник
Университетского института Франции
Директор лаборатории: Лексика, Тексты, Дискурс, Словари:
Центр Жана Прюво (LT2D – EA 7518)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ – 2020

Сборник материалов
VI Международной научной конференции

(г. Белгород, 16–17 апреля 2020 г.)

Белгород 2020

УДК 81'374
ББК 81.054
Л 43

Рецензенты:

Ж. Прюво, доктор филологических наук, профессор
(Университет Сержи-Понтуаз, Франция);

Е.А. Кожемякин, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью НИУ «БелГУ»

Редакционная коллегия:

ответственный редактор: *А.П. Седых*;

члены редколлегии: *А.М. Аматов, Е.А. Огнева,*
И.А. Котенева, Ю.Е. Балабаева

Л 43 Лексикография и коммуникация – 2020: сборник материалов
VI Международной научной конференции (г. Белгород, 16–17 апреля
2020 г.) / отв. ред. А.П. Седых. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»,
2020. – 186 с.

ISBN 978-5-9571-2918-9

В сборнике представлены материалы докладов VI Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2020». Сборник призван способствовать обмену новейшей информацией в области теории и практики лексикографии и коммуникации, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает три раздела – «Лингвистические и методологические аспекты лексикографии», «Текст, дискурс, коммуникация: категории описания» и «Методика преподавания иностранных языков и словари».

Адресуется студентам, аспирантам, учителям школ и преподавателям вузов, магистрантам филологических специальностей и всем, кто интересуется проблематикой взаимодействия словарного дискурса и коммуникации.

УДК 81'374
ББК 81.054

ISBN 978-5-9571-2918-9

© НИУ «БелГУ», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
РАЗДЕЛ 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ	8
Strömsdörfer Dennis Alexander (Фрайбург, Германия) BILDUNGSSPRACHE UND WORTSCHATZ	8
Богачева Г.Ф. (Москва, Россия) СЛОВАРНАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ: ЦИФРОВОЙ ФОРМАТ	12
Вих А.В. (Москва, Россия) РОЛЬ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)	19
Голубева Ю.В., Перелыгина Т.А. (Белгород, Россия) ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ДВИЖЕНИЕ» ПОСРЕДСТВОМ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕКТРОННЫХ КОРПУСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)	23
Жданович О.А. (Белгород, Россия) ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СЛОВАРЕЙ	27
Обрезанова К.А. (Белгород, Россия) АББРЕВИАТУРЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ИХ ОСНОВНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ	31
Парамонова М.К. (Москва, Россия) ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП В ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ	36
Селютина Е.А. (Белгород, Россия) СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА СЛОВ БЛЕНДОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОДНОЯЗЫЧНЫХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ)	40
Сумарокова Н.А. (Москва, Россия) ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ПОДХОДА К ЛЕКСИКОГРАФИИ КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ АНТРОПОЦЕТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ	44
Харченко В.К. (Белгород, Россия) ЛИЧНЫЙ СЛОВАРЬ ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ	48
Янугтик С.Я., Кривчикова Н.Л., Мельникова Ю.Н. (Белгород, Россия) ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В АНГЛИЙСКОМ СЛОВОПРОИЗВОДСТВЕ	52
РАЗДЕЛ 2. ТЕКСТ, ДИСКУРС, КОММУНИКАЦИЯ: КАТЕГОРИИ ОПИСАНИЯ	56
Atitsogbuy Ray Mawuli Kofi, Atitsogbui E., Zimovets N. (Belgorod, Russia) THE ‘EVIL’ OF LANGUAGE IN THE SOCIAL DEVELOPMENT OF A NATION	56
Sedykh Arkadiy, Albert Georges (Belgorod, Russie / France-Liban, Beyrouth) CONTRIBUTION À L’ÉTUDE DU DISCOURS PÉDAGOGIQUE PROFESSIONNEL FRANÇAIS ET DE L’IDENTITÉ DE L’ENSEIGNANT	60
Барнева Т.И., Кривчикова Н.Л. (Белгород, Россия) СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ОЦЕНОЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛСГ «LAIDERON»)	64
Бонадысенко Е.А., Седых А.П. (Белгород, Россия) НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ФРАНЦУЗСКОЙ КИНОКОМЕДИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛОГОВ ФИЛЬМА «ТАИС-ТОИ»)	69
Боровлёва К.А. (Белгород, Россия) ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ	75
Бузинова Л.М., Пашковская Н.Д. (Москва, Россия) СТУДЕНЧЕСКИЙ СЛЕНГ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	80
Волкова А.И., Кривчикова Н.Л. (Белгород, Россия) ВЕРЛАНИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	83
Дрябина Е.Г., Костина М.Л., Лакушина Е.В. (Москва, Россия) ОСОБЕННОСТИ ФАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	87

Дужина Д.П. (Белгород, Россия) ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КОКО ШАНЕЛЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЯДА ЧЕРТ ФРАНЦУЗСКОГО МЕНТАЛИТЕТА	92
Ермакова О.А., Носова М.В. (Белгород, Россия) АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ	95
Зуева О.Б. (Москва, Россия) ВЛИЯНИЕ АФРИКАНСКИХ ЯЗЫКОВ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОЛУМБИЙСКИЙ ВАРИАНТ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА	99
Карюченко Е.О. (Белгород, Россия) НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	103
Марабини А. (Белгород, Россия / Италия) ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ФРАЗЕОЛОГИИ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА	106
Мельникова Ю.Н., Чурова А.А. (Белгород, Россия) ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ПРЕДМЕТ ОДЕЖДЫ» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	111
Мельникова Ю.Н., Балабаева Ю.Е. (Белгород, Россия) FUNKTIONALES SEMANTISCHES FELD DER EVIDENTIALITÄTSMARKER IM MODERNEN DEUTSCH.....	115
Милуд Мохамед Рашид (Алжир, Алжир) К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ В ТЕРМИНОЛОГИИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	118
Нарыжная Д.С. (Белгород, Россия) «RIEFKE» И «ÖSIS»: ЯЗЫК ОДИН – РАЗЛИЧИЯ НА ВСЕХ УРОВНЯХ	122
Нгатейо Акони Шани Павел (Белгород, Россия / Конго) СОКРАЩЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: РУССКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ	125
Носова М.В., Ермакова О.А. (Белгород, Россия) ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ БОРИСА ДЖОНСОНА	129
Огнева Е.А. (Белгород, Россия) МОДЕЛЬ ТЕКСТОВОГО МИРА КАК КОНСТРУКТ КОСВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. СКОТТА «WAVERLEY; OR 'TIS SIXTY YEARS SINCE»)	134
Pleskonos A.S., Filimonova N.G. (Belgorod, Russia) WHAT IS BERRY? ETYMOLOGY OF BERRIES' NAMES	139
Пряникова Е.Б. (Белгород, Россия) СТРАТЕГИЯ КООПЕРАЦИИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ТЕЛЕВЕДУЩЕГО В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ CORINA RIES – DIE TALKSHOW)	142
Седых А.П. (Белгород, Россия) О ЛИНГВОЭСТЕТИКЕ И ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: МАРСЕЛЬ ПРУСТ	146
Сивова Т.В. (Беларусь, Гродно) ТЕРМИНЫ ЦВЕТА В ВИЗУАЛИЗАЦИИ ФЛОРИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПРОЗЫ К.Г. ПАУСТОВСКОГО. ЦВЕТ РОЗЫ.....	150
Stolyarova V.V., Avilova I.A. (Белгород, Россия) BILINGUALISM AS AN INTEGRAL PART OF THE TRANSLATOR	158
Стрижнёва М.Ю. (Белгород, Россия) ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ СТАТЕЙ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	161
Томенко Д.А., Седых А.П. (Белгород, Россия) ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ЛИНГВОКУЛЬТУРА: CARPE DIEM	166
Чересюк П.А. (Белгород, Россия) ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ МЕТАФОРА Л.Н. ТОЛСТОГО В РОМАНЕ «АННА КАРЕНИНА»	174
РАЗДЕЛ 3. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ, ПЕРЕВОД И СЛОВАРИ	178
Balykov V.V., Krivchikova N.L. (Belgorod, Russie) ENSEIGNEMENT DE LA CIVILISATION: CONTENU CULTUREL DU NIVEAU MOYEN	178
Кадышева Д.С., Котенёва И.А. (Белгород, Россия) МЕТАФОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)	181

CONTENT

INTRODUCTION	7
SECTION I. LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF LEXICOGRAPHY	8
Strömsdörfer Dennis Alexander (Фрайбург, Германия) BILDUNGSSPRACHE UND WORTSCHATZ	8
Bogacheva Galina (Moscow, Russia) DICTIONARY SEMANTIZATION: DIGITAL FORMAT	12
Vikh Alexandra (Moscow, Russia) THE ROLE OF ELECTRONIC DICTIONARIES IN THE STUDY OF FOREIGN LANGUAGES (ON THE EXAMPLE OF THE FRENCH LANGUAGE)	19
Golubeva Julia, PereLygina Tatyana (Belgorod, Russia) RESEARCH OF LANGUAGE MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT «MOTION» BY MEANS OF LEXICAL ELECTRONIC CORPORA (BASED ON ENGLISH VERB VOCABULARY)	23
Zhdanovich Oksana (Belgorod, Russia) TYPOLICAL SIGNS OF DICTIONARIES	27
Obrezanova Karina (Belgorod, Russia) ABBREVIATIONS OF THE GERMAN LANGUAGE AND THEIR BASIC CLASSIFICATIONS	31
Paramonova Mariia (Moscow, Russia) THEMATIC GROUPS ORGANIZATION IN THE IDEOGRAPHIC DICTIONARY OF RELIGIOUS VOCABULARY	36
Seliutina Ekaterina (Belgorod, Russia) STRUCTURE AND SEMANTICS OF BLEND WORDS IN MODERN ENGLISH LANGUAGE (BASED ON MONOLINGUAL EXPLANATORY DICTIONARIES)	40
Sumarokova Natalia (Moscow, Russia) INDIVIDUALIZATION OF LEXICOGRAPHY AS A CONSEQUENCE OF ANTHROPOCETRIC SCIENTIFIC PARADIGME	44
Kharchenko Vera (Belgorod, Russia) PERSONAL DICTIONARY OF ELITE CULTURE ..	48
Yanutik Stella, Krivchikova Nelya, Melnikova Yulia (Belgorod, Russia) FOREIGN LANGUAGE ELEMENTS IN ENGLISH WORD PRODUCTION	52
SECTION II. TEXT, DISCOURSE, COMMUNICATION: DESCRIPTION CATEGORY	56
Atitsogbuy Ray Mawuli Kofi, Atitsogbui E., Zimovets N. (Belgorod, Russia) THE ‘EVIL’ OF LANGUAGE IN THE SOCIAL DEVELOPMENT OF A NATION	56
Sedykh Arkadiy, Albert Georges (Belgorod, Russie / France-Liban, Beyrouth) CONTRIBUTION À L’ÉTUDE DU DISCOURS PÉDAGOGIQUE PROFESSIONNEL FRANÇAIS ET DE L’IDENTITÉ DE L’ENSEIGNANT	60
Barneva Tubiia, Krivchikova Nelya (Belgorod, Russia) STRUCTURAL SEMANTIC FEATURES OF EVALUATIVE NAMES IN THE FRENCH LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE LSG «LAIDERON»)	64
Bonadysenko Ekaterina, Sedykh Arkadiy (Belgorod, Russia) SOME FEATURES OF THE DISCOURSE OF THE FRENCH CINEMA (ON THE MATERIAL OF THE «TAIS-TOI» FILM DIALOGUES)	69
Borovleva Kristina (Belgorod, Russia) GENDER FEATURES OF SPEAKING ETIQUETTE IN FRENCH LINGUOCULTURE	75
Buzinova Lyudmila, Pashkovskaia Natalia (Moscow, Russia) STUDENT SLANG IN ACADEMIC DISCOURSE	80
Volkova Anastasia, Krivchikova Nelya (Belgorod, Russia) VERLAN IN THE MODERN FRENCH LANGUAGE	83
Driabina Elena, Kostina Maria, Lakushina Elena (Moscow, Russia) ASPECTS OF PHATIC COMMUNICATION IN MODERN ENGLISH	87
Duzhina Daria (Belgorod, Russia) COCO CHANEL’S LANGUAGE PERSONALITY AS A REFLECTION OF SOME FEATURES OF THE FRENCH MENTALITY	92

Ermakova Olga, Nosova Marina (Belgorod, Russia) ANALYSIS OF ANGLICISMS IN THE HEADLINES OF THE GERMAN-LANGUAGE PRINTED MEDIA	95
Zueva Olga (Moscow, Russia) THE INFLUENCE OF AFRICAN LANGUAGES ON THE NATIONAL COLOMBIAN VERSION OF SPANISH	99
Karyuchenko Ekaterina (Belgorod, Russia) SOME FEATURES OF THE FRENCH TOURIST DISCOURSE	103
Marabini Alessandra (Belgorod, Russia / Italy) STAGES OF DEVELOPMENT OF THE THEORY OF PHRASEOLOGY AND TERMINOLOGICAL APPARATUS	106
Melnikova Yulia, Churova Anastasia (Belgorod, Russia) LINGUOCULTUROLOGICAL CHARACTERISTICS OF LEXICAL UNITS WITH THE COMPONENT «ITEM OF CLOTHING» IN MODERN GERMAN	111
Melnikova Yulia, Balabaeva Yulia (Belgorod, Russia) FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF EVIDENTIAL MARKERS IN MODERN GERMAN	115
Miloud Mohamed Rachid (Algeria, Algeria) ON THE QUESTION OF LANGUAGE CONTACTS IN TERMINOLOGY OF OIL AND GAS INDUSTRY	118
Naryzhnaya Diana (Belgorod, Russia) «PIEFKE» AND «ÖSIS»: ONE LANGUAGE – DIFFERENCES ON ALL LEVELS	122
Ngatheyo Akony Chany Pavel (Belgorod, Russia / Congo) ABBREVIATIONS IN LEGAL TEXTS: RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES	125
Nosova Marina, Ermakova Olga (Belgorod, Russia) LANGUAGE PERSONALITY PRAGMALINGVISTIC STRUCTURE OF THE PRIME MINISTER OF THE GREAT BRITAIN BORIS JONSON	129
Ogneva Elena (Belgorod, Russia) TEXT WORLD MODEL AS A CONSTRUCT OF INDIRECT COMMUNICATION (BASED ON THE NOVEL «WAVERLEY; OR 'TIS SIXTY YEARS SINCE» BY W. SCOTT)	134
Pleskonos A.S., Filimonova N.G. (Belgorod, Russia) WHAT IS BERRY? ETYMOLOGY OF BERRIES' NAMES	139
Prianikova Evgeniia (Belgorod, Russia) STRATEGY OF COOPERATION OF TV PRESENTER'S SPEECH BEHAVIOR IN TELEVISION DISCOURSE BY EXAMPLE: CORINA RIES – DIE TALKSHOW	142
Sedykh Arkadiy (Belgorod, Russia) ON LINGUO-AESTHETICS AND LANGUAGE PERSONALITY: MARCEL PROUST	146
Sivova Tatyana (Belarus, Grodno) COLOR TERMS IN K. PAUSTOVSKY'S PROSE FLORISTIC SPACE VISUALIZATION. COLOR OF THE ROSE	150
Stolyarova V.V., Avilova I.A. (Belgorod, Russia) BILINGUALISM AS AN INTEGRAL PART OF THE TRANSLATOR	158
Stryzhnova Mariana (Belgorod, Russia) GENRE PARTICULARITIES OF SCIENTIFIC- POPULAR ARTICLES OF TOURIST DISCOURSE	161
Tomenko Diana, Sedykh Arkadiy (Belgorod, Russia) PHRASEOLOGISMS AND LINGUISTIC CULTURE: CARPE DIEM	166
Cheresyuk Polina (Belgorod, Russia) INDIVIDUAL AUTHOR'S METAPHOR IN THE NOVEL «ANNA KARENINA» BY L. N. TOLSTOY	174
SECTION III. METHODS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES, TRANSLATION AND DICTIONARIES	178
Balykov Vyacheslav, Krivchikova Nelya (Belgorod, Russie) ENSEIGNEMENT DE LA CIVILISATION: CONTENU CULTUREL DU NIVEAU MOYEN	178
Kadisheva Daria, Koteneva Inna (Belgorod, Russia) METAPHOR IN LITERARY TEXT AS AN OBJECT OF TRANSLATION TRANSFORMATIONS (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE)	181

ПРЕДИСЛОВИЕ

На факультете иностранных языков Педагогического института 16-17 апреля 2020 года прошла традиционная, вот уже шестая Международная научная конференция «Лексикография и коммуникация – 2019». Конференция была организована Белгородским государственным национальным исследовательским университетом (Россия), при участии Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина (Беларусь), Университета Сержи-Понтуаз (Франция), Фрайбургского педагогического института (Германия) и Московского международного университета (Москва).

В связи со сложной эпидемиологической обстановкой конференция прошла в заочно-онлайновом режиме с ограниченным количеством участников. Тем не менее, в состав «скайповой» команды вошли учёные из Алжира, Беларуси, Германии, Ливана, Франции и России.

Главной задачей данной конференции явилось обсуждение и обмен мнениями по актуальным вопросам современной лексикографии и коммуникации, изучение перспектив адекватного словарного отражения состояния национального языка и коммуникативных процессов в современном меняющемся мире.

Почётным гостем и активным участником конференции является **Жан ПРЮВО** – ведущий французский лингвист, Командор Ордена академических пальм, Кавалер ордена Искусств и изящной словесности, профессор, доктор филологических наук (Сержи-Понтуаз, Франция). В этот раз Жан Прюво выступил в роли рецензента сборника статей.

Темы докладов вызвали живой интерес слушателей и активную дискуссию после выступления ораторов, среди которых на пленарном заседании выступили:

Вера Константиновна ХАРЧЕНКО, выдающийся лингвист и блестящий оратор, профессор, доктор филологических наук, представила доклад на тему «Личный словарь элитарной культуры».

Аркадий Петрович СЕДЫХ, заведующий кафедрой немецкого и французского языков, профессор, доктор филологических наук, представил доклад о современном состоянии лексикографии в мире.

Галина Федоровна БОГАЧЁВА, ведущий специалист по лексикографии, кандидат филологических наук Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, подготовила и представила доклад: «Словарная семантизация: цифровой формат».

Доклад о статусе и языковой личности преподавателя представил Руководитель педагогического проекта при Министерстве образования Ливана, представитель Французского института, международный эксперт **Жорж АЛЬБЕР**.

По следам конференции выходит данный сборник, в котором собраны статьи по широкому спектру вопросов теории и практики лексикографирования и коммуникации, дескриптивной лингвистики и дискуртологии, методики преподавания иностранных языков и использования словарей.

Свои исследовательские материалы предоставили не только ведущие учёные и преподаватели вузов, но и учителя школ, аспиранты, магистранты, студенты. Надеемся, что сборник шестой Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2020» найдёт своего вдумчивого и заинтересованного читателя.

Оргкомитет

РАЗДЕЛ 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81'374: 371.3

BILDUNGSSPRACHE UND WORTSCHATZ

Strömsdörfer, Dennis Alexander

Geschäftsführer des Masterstudienganges

Pädagogische Hochschule Freiburg,

Freiburg, Deutschland / dennis.stroemsdoerfer@ph-freiburg.de

I. Einleitung

Das Thema ‚Bildungssprache‘ ist in der DaZ-/DaF-Didaktik und auch für Lehrwerke ausführlich diskutiert worden (1). Da bildungssprachliche Elemente vor allem auf konzeptionell schriftliche Sprache gründen, wird in diesem Artikel zunächst das Medium Schrift im Kontext von Bildungssprache betrachtet (2). Der schriftliche Beispieltext eines Schülers zeigt, inwiefern Bildungssprache und Erwartungen von Lehrkräften zusammenhängen. Schließlich können Lehrkräfte durch einen Perspektivenwechsel (beschrieben in Kapitel IV) selbst einen Eindruck erhalten, welche Schwierigkeiten bei der Produktion bildungssprachlicher Texte entstehen können. Der Blick in ein Chemieschulbuch macht dann noch einmal die bildungssprachlichen Erwartungen in Lehrwerken deutlich. In allen Kapiteln wird der Schwerpunkt auf den Wortschatz gelegt, der oftmals auch in den Bereich der Fachsprache übergeht. Zum Schluss wird – gleichsam als Fazit – der in diesem Bedingungsgefüge entwickelte Ansatz des sprachsensiblen Fachunterrichts vorgestellt.

II. Medium Schrift

Wenn von Bildungssprache die Rede ist, wird meist von schriftlichen Äußerungen ausgegangen. Auch in diesem Beitrag wird das Register Bildungssprache, aus linguistischer Sicht also einer Variante der Sprache, die für eine bestimmte Funktion bzw. für einen bestimmten Zweck eingesetzt wird, in medial schriftlich oder mündlich sowie konzeptionell schriftlich oder mündlich unterschieden (3). Die Register Alltagssprache und Bildungssprache werden meist unterschieden, indem man sie im Kontinuum zwischen (konzeptioneller) Mündlichkeit und (konzeptioneller) Schriftlichkeit einordnet. (4). Jedes Register weist bestimmte Merkmale auf (grammatische, soziale, kontextuelle, funktionale und konzeptionelle), wobei betont werden muss, dass bei dieser Einteilung verschiedene Sprech-Situationen auf einem Kontinuum mit zwei Gegensatzpaaren an den Enden stehen (5). Typische Beispiele dafür sind

- a) Gespräche unter Freunden (konzeptionell mündlich)
- b) Gesetzestext (konzeptionell schriftlich).

Für a) gilt, dass das Gespräch physisch nah, von Privatheit, Subjektivität und von einem eher informellen Charakter geprägt ist. In der gemeinsamen Situation (kontextgebunden) ist gestische und mimische Unterstützung möglich, es handelt sich um einen Dialog. Weitere Merkmale betreffen die grammatikalische Inkorrektheit (ausgehend von der schriftsprachlichen Norm gemäß Duden-Grammatik) sowie häufige Unterbrechungen, Korrekturen und Reparaturverfahren. Ein solches Gespräch ist insofern uneindeutig, als nicht immer ganz genau alles erklärt wird und Missverständnisse möglich sind – ein gewisses Maß an Vagheit bleibt. Es verläuft meist thematisch sprunghaft und unstrukturiert (im Gegensatz zu einem festgelegten Plan). Dieses Register könnte man Alltagssprache oder ‚Sprache der Nähe‘ nennen.

Für b) könnte man dementsprechend festhalten, dass sich die Beteiligten (Produzent und Rezipient) physisch voneinander entfernt befinden (Schreib- und Lesesituation sind oft auch zeitlich versetzt). Zusätzlich kennen die Gesprächspartner (Leser und Autor) einander nicht. Die Kommunikationssituation ist kontextentbunden, denn es gibt keine gemeinsame (gleichzeitige) Situation, daher ist eine gestische oder mimische Unterstützung unmöglich (abgesehen von Emoticons z. B. in medial schriftlichen Chats). Die vermittelten Inhalte sind unabhängig von der Lesesituation (prinzipiell) verständlich. Beispiele aus dem Bereich b) sind monologisch, da der

Autor bzw. der Produzent nicht (mehr) verfügbar ist. Grammatikalisch wird Korrektheit erwartet (ausgehend von der schriftsprachlichen Norm gemäß Duden-Grammatik). Unterbrechungen oder Korrekturen sind nicht möglich, daher muss sprachlich möglichst exakt, eindeutig und objektiv formuliert werden. Die Inhalte sind eindeutig: Das Ziel ist, immer alles ganz genau zu erklären, Missverständnisse zu vermeiden und sich einer reflektierten Sprache zu bedienen. Die thematische Fixierung und Strukturierung zeigt sich z. B. durch ein Inhaltsverzeichnis. In Bezug auf das Medium stellt sich ebenfalls die Frage ‚Wie/Wodurch wird kommuniziert?‘, so dass erneut Mischformen angenommen werden können.

medial mündlich/konzeptionell schriftlich: Nachrichtensprecher

medial schriftlich/konzeptionell mündlich: WhatsApp-Chat

Ich möchte noch anmerken, dass die Register Bildungs- und Fachsprache, also spezifisch auf Fachliches zielende Kommunikation (mit entsprechendem Fachwortschatz bzw. mit Fachtermini, z. B. für die Gruppe der Angler oder die Gruppe der Linguistinnen), Schnittmengen haben (6). Sie lassen sich nicht trennscharf voneinander abgrenzen (z. B. kann Fachwortschatz sowohl ein Merkmal der Fachsprache als auch der Bildungssprache sein). Bildungssprache kommt jedoch übergreifend in allen Fächern bzw. in allen Lehr-Lern-Situationen, insbesondere im Bereich Schule, vor (Feilke spricht von Textprozeduren wie ‚beschreiben‘ (7)), während Fachsprache immer fachspezifisch ist und der effizienten, präzisen Kommunikation unter Fachleuten dient. Bildungssprache umfasst außerdem mehr als Fachsprache (z. B. Beherrschung des Konjunktivs zum Formulieren von Hypothesen). Für den universitären Bereich könnte man auch noch die Wissenschaftssprache hinzunehmen, die ich hier bewusst ausschließe (8).

III. Schüler-Beispiel

Im Folgenden ist die Abschrift eines handschriftlichen Protokolls zu einem Versuch im Chemieunterricht aus einer 8. Klasse einer IGS bei Hannover zur Frage ‚Wie kann man einen Geldschein anzünden, ohne ihn zu verbrennen?‘ wiedergegen:

„Durchführung:

zuerst machen wir die Lösung dazu nehmen Brennpieritus 50 % und 5% Wasser dazu noch

Salz dan Tauchen wir das Blatt Papier

in die Lauge dan zünden wir es an

und Tada das Blatt ist nicht verbrant

Wen es klappt sonst.“ (9)

Was sagen LehrerInnen wohl zu diesem Beispiel? Mögliche Antworten reichen von ‚schlecht geschrieben/unstrukturiert‘ über ‚zu viele Rechtschreib- und Grammatikfehler‘ bis hin zu ‚nur ein langer Satz, kein ganzer Text‘ und ‚Tada mitten in diesem Protokoll ist nicht passend‘. Auch könnte angemerkt werden, dass am Ende etwas fehlt, dass kein richtiger Zusammenhang vorhanden sei. Diese, auf den ersten Blick nachvollziehbaren Anmerkungen führen jedoch schnell zu einer weiterführenden Frage für Lehrende: ‚Würde ich diesen Text als Lehrkraft so akzeptieren?‘ und ‚Wenn nein, warum nicht?‘ Auch hier antworten die Meisten: ‚Eher nein, da der Text nicht gut geschrieben wurde und die Sprache zu viele Fehler aufweist‘. Aber im Prinzip ist der Versuch nachvollziehbar, er ist fachlich passend dargelegt – wenngleich es scheint, dass es eher eine mündliche Äußerung ist (gemäß den oben angegebenen Merkmalen). Man könnte sich diesen Text auch einmal gesprochen und mit Zeigegesten vorstellen, dann wäre diese Antwort leichter als richtig zu akzeptieren.

Es ist wohl davon auszugehen, dass viele Chemielehrkräfte den Text des Schülers so nicht akzeptiert hätten. Vor allem, weil er sprachlich nicht den Anforderungen entspricht. Das bedeutet aber auch, dass sich Lehrende im Fachunterricht (z. B. Chemie) auch mit Sprache beschäftigen sollten. Wenn außerdem Muttersprachler bereits Schwierigkeiten haben, dann sind Zweitsprachlerinnen und -lerner aufgrund ihrer oft eher geringeren Sprachkenntnisse mindestens ebenso stark betroffen. Dabei spielt jedoch auch die Sprache, die zu Hause am häufigsten gesprochen wird – die Familiensprache –, eine große Rolle, denn:

Schülerinnen und Schüler mit erfolgreichen Ergebnissen stammen meist aus einem Elternhaus, das sich durch Bildungsnähe auszeichnet. (...) Gut ausgebildete und beruflich gut gestellte Eltern bieten den Kindern günstige Bedingungen für den Lernerfolg wie der Bezug zu Büchern, die Bereitschaft, soziale, politische oder kulturelle Themen zu diskutieren sowie die sprachlichen Voraussetzungen zur Hilfe bei Hausaufgaben. (10)

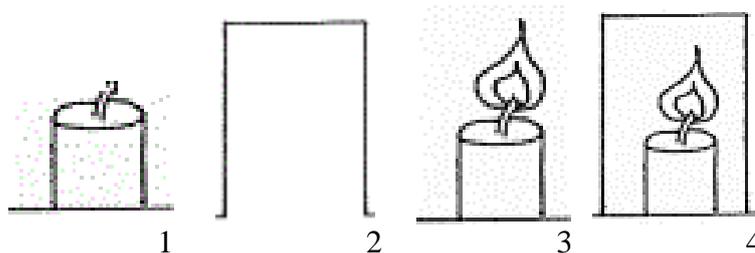
Das bedeutet, dass die Familiensprache in einer sozial gut gestellten Familie zusätzlich den Bildungserfolg der Kinder unterstützt (mit und ohne Migrationshintergrund).

Mit der Erweiterung des Fächerspektrums in der Sekundarstufe I werden erstens die schulischen Fachsprachen weiter differenziert und es werden zweitens fächerspezifische Denk- und Arbeitsweisen (insbesondere im Fachunterricht) eingeführt. Dies erfordert die Erweiterung der sprachlichen Kompetenzen, die die Schülerinnen und Schüler in der Grundschule erworben haben. Für DaZ-Lernende können die Anforderungen höher sein, da die Sprache, die sie noch lernen, gleichzeitig Medium des Unterrichts ist. Das heißt, sie müssen sich fachliche und fachsprachliche Kompetenzen – und dazu zählt auch der Wortschatz – über eine Sprache aneignen, die sie u. U. noch nicht gut beherrschen.

Die Vermittlung von Deutsch bzw. Deutsch als Zweit-/Fremdsprache kann also als Querschnittskompetenz für alle Fächer gelten. Eine Frage muss also sein, welche Kompetenzen in der Lehrerbildung festgeschrieben werden müssen, damit sprachschwachen Lernenden (insbes. mit DaZ) geholfen werden kann? Der Ansatz des sprachsensiblen Fachunterrichts zeigt Möglichkeiten für den Praxiseinsatz auf (11).

IV. Selbsttest

Der hier abgebildete Selbsttest soll Lehrende dafür sensibilisieren, welche sprachlichen Anforderungen im Fachunterricht vorkommen (können).

(Quelle: Auszug aus <http://www.chemieunterricht.de>)

Aufgabe zu den Bildern 1 bis 4: Entzünde die Kerze. Stülpe dann ein größeres Glas darüber. Beschreibe Deine Beobachtungen. Erkläre den Versuch.

Aufgabe zur Sensibilisierung von Lehrkräften: a) Beschreiben Sie und erklären Sie anschließend den abgebildeten Versuch (gemeint: In Ihrer Muttersprache). Nun wird diese Aufgabe abgeändert: a') Beschreiben Sie und erklären Sie diesen Versuch in ihrer besten Fremdsprache (für russischsprachige Personen: auf Deutsch).

Die anschließende Reflexion kann Einsichten in die Schwierigkeiten, die implizit mitgemeinte sprachliche Anforderungen in Sachfächern mit sich bringen, liefern. Die Lehrkräfte könnten sich fragen: ‚War es möglich, die Aufgabe zu lösen?‘ Ein hilfreicher Tipp zur erfolgreichen Bewältigung dieser Aufgabe in der Fremdsprache besteht darin, sich den Versuchsaufbau sowie das dahinterstehende Prinzip präzise, d.h. bildungs- und fachsprachlich, zu beschreiben und den Fachwortschatz zu verwenden. Erst in a') wird deutlich, dass höchstwahrscheinlich sprachliche Unterstützung nötig ist, wenn der Wechsel in die Fremdsprache vollzogen werden soll. Wahrscheinlich fehlen einige Vokabeln (Fachwortschatz) oder auch grammatisches Knowhow (z. B. Partizipialkonstruktionen wie ‚die im umgestülpten Glas erlöschende Flamme‘).

Das fachliche Wissen in der Aufgabe war also nicht das Problem, sondern die sprachlichen Anforderungen haben das Lösen der Aufgabe erschwert oder sogar unmöglich gemacht. Durch den Perspektivenwechsel ist deutlich geworden, dass sprachliche Anforderungen eine große Rolle beim Lösen von fachlichen Aufgaben spielen.

V. Lehrbuch-Beispiel

Wie sich bildungssprachliche Strukturen im Fachunterricht zeigen, lässt sich an gut konkreten Lehrwerken zeigen. Ausgewählt wurde ein Ausschnitt aus einem Lehrbuch im Fach Chemie (s. Abb.).

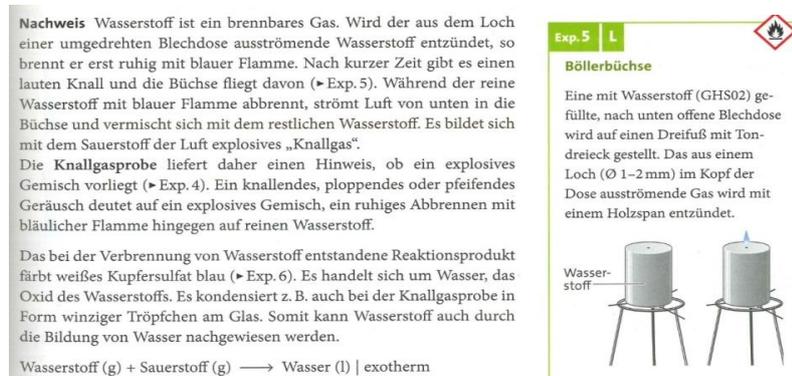

Abb. 2.: Fokus Chemie, S. 141 (zwei Ausschnitte) (12).

Im linken Teil ist in Zeile 1-2 eine komplexe Nominalphrase (Partizipialkonstruktion) zu finden: „der aus dem Loch einer umgedrehten Blechdose ausströmende Wasserstoff“, wodurch eine starke Verdichtung des Inhalts erreicht wird. Die Substantivierung „Abbrennen“ (Z. 10) lässt Handelnde in den Hintergrund und den Vorgang in den Vordergrund treten. Eine ähnliche Funktion haben passivische Formulierungen oder die unpersönliche Ausdrucksweise mit ‚es‘ (Z. 6: „Es bildet sich“). Die fachspezifischen Abkürzungen (letzte Zeile, „(g)“ für gasförmig) sowie Fachbegriffe im Beispiel rechts (Z. 3, „Dreifuß mit Tondreieck“) sind Teil des Fachwortschatzes im Fach Chemie.

Diese kurze exemplarische Übersicht zeigt, welche bildungssprachlichen Elemente auch in Lehrwerken, also in konzeptionell schriftlichen Texten vorkommen und – so muss vermutet werden – auch in Schülertexten erwartet werden. Dies konnte schon in Kapitel III anhand des Schülertextes gezeigt werden.

VI. Fazit

Je nach Situation und Gesprächspartner verwenden Sprecher (bewusst oder unbewusst) verschiedene sprachliche Register. Diese haben spezifische Funktionen und Merkmale in den jeweiligen Kommunikationssituationen. Für die Sprachförderung in der Schule besonders relevant sind Alltagssprache (auch: Gemeinsprache, Standardsprache) sowie Bildungs- und Fachsprache. Die Besonderheiten der Register sind aber auch auf das Verhältnis von gesprochener und geschriebener Sprache zurückzuführen, also das mediale Konzept ‚schriftlich‘ oder ‚mündlich‘, deren Merkmale ich oben angesprochen habe. Mit Leisen könnte man als Plädoyer für sprachsensiblen Fachunterricht, bzw. für den Ansatz ‚DaZ als Querschnittskompetenz‘, schlussfolgern:

Sprachförderung ist eine Aufgabe aller Fächer. Sprache ist nicht vor den Inhalten da, sondern wächst gleichzeitig mit dem Lernen der Fachinhalte. Insofern kann man Fach und Sprache nicht voneinander trennen, weder fachdidaktisch, noch sprachdidaktisch, noch lern-psychologisch. (13)

Sprachsensibler (Fach-)Unterricht ist demnach kein Zusatzangebot, sondern Regelunterricht mit integrierter Sprachförderung. Er achtet auf die Differenzierung zwischen Alltags-, Bildungs- und Fachsprache und prüft Inhalte und Materialien, d.h. auch Lehrwerke, auf die enthaltenen und implizit erwarteten sprachlichen Anforderungen (14). Außerdem macht er transparent, welche sprachlichen Anforderungen im Unterricht erworben werden müssen und

stellt – z. B. gemäß des Scaffolding-Ansatzes (15) (vgl. Kniffka XXX) – sprachliche Hilfen und Lerngelegenheiten bereit.

Fußnoten

- (1) Wiater, Werner: Die Bildungssprache im Schulbuch. In: Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes. 62/4 2015. S. 323-329.
- (2) Über die Stellung von Bilder und Grafiken im Schulbuch siehe: Obermayer, Annika: Bildungssprache im grafisch designten Schulbuch. Eine Analyse von Schulbüchern des Heimat- und Sachunterrichts. Bad Heilbrunn: Klinkhardt 2013.
- (3) Einen guten Überblick zu den unterschiedlichen Schwerpunkten bei der Diskussion um *Bildungssprache* geben: Morek, Miriam/Heller, Vivien: Bildungssprache – Kommunikative, epistemische, soziale und interaktive Aspekte ihres Gebrauchs. In: Zeitschrift für angewandte Linguistik. Band 57, Heft 1/2012. S. 67-101.
- (4) nach Koch/Oesterreicher 1985 und 1994
- (5) Feilke, Helmuth: Bildungssprachliche Kompetenzen – fordern und entwickeln. In: Praxis Deutsch 39/2012., Heft 233. S. 4-13.
- (6) Vgl. hierzu: Kniffka, Gabriele/Roelcke, Thorsten: Fachsprachenvermittlung im Unterricht. Paderborn: Schöningh, 2016.
- (7) Feilke, Helmuth: Bildungssprachliche Kompetenzen – fordern und entwickeln. In: Praxis Deutsch 39/2012., Heft 233. S. 4-13. (hier S. 5).
- (8) Siehe hierzu die lesenswerte Einführung von: Moll, Gabriele/Thielmann, Winfried: Wissenschaftliches Deutsch. Konstanz: Verlag Huter und Roth 2017.
- (9) Ich danke Tina Otten für dieses Beispiel.
- (10) OECD; www.pisa.admin.ch
- (11) Vgl. zum Überblick: Gogolin, Ingrid et al.: Durchgängige Sprachbildung. [...]. Munster u.a. 2011. S. 1-27. [= FörMig Material, Bd. 3]
- (12) Fokus Chemie. Sekundarstufe I. Berlin: Cornelsen 2011.
- (13) Leisen Sprachsensibler Fachunterricht. Ein Ansatz zur Sprachförderung im mathematisch-naturwissenschaftlichen Unterricht. In: Prediger, Susanne/Özgül, Erkan [Hgg.]: Mathematiklernen unter Bedingungen der Mehrsprachigkeit. Münster: Waxmann 2011, S. 143-162. (hier S. 143).
- (14) Fäcke, Christiane/Mehlmauer-Larcher, Barbara [Hgg.]: Fremdsprachliche Lehrmaterialien – Forschung, Analyse und Rezeption. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang.
- (15) Kniffka, Gabriele: Scaffolding - Möglichkeiten, im Fachunterricht sprachliche Kompetenzen zu vermitteln. In: Michalak, Magdalena/Kuchenreuther, Michaela [Hgg.]: Grundlagen der Sprachdidaktik Deutsch als Zweitsprache. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren. S. 208-225.

УДК 81'374

СЛОВАРНАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ: ЦИФРОВОЙ ФОРМАТ

Богачева, Галина Федоровна

вед. специалист по лексикографии, канд. филол. наук

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

Москва, Россия / ms.galbo@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются перспективы семантизации заголовочных единиц, обусловленные цифровым форматом словаря. Цифровой формат позволяет значительно расширить и/или углубить семантизирующую информацию о заголовочном слове, учитывая разнонаправленность описания (лингво- и антропоцентрическое, учебное, исследовательское и др.) и его адресатную дифференциацию. Предлагается при семантизации использовать принцип «многослойности» толкования, который состоит в последовательном расширении и углублении базового толкования, семантически равного сигнификативному значению слова, посредством его дополнения а) энциклопедическими сведениями; б) семантической информацией (экспликация фоновых и потенциальных сем, коннотаций, деривативно и фразеологически значимых сем); в) специализированными толкованиями (к примеру, учебными, психолингвистическими и оstenсивными). Внедрение в электронный словарь технологий баз данных позволяет дифференцировать и использовать информацию в зависимости от потребностей пользователя, а возможность выхода за пределы словаря еще более повысить эффективность семантизирующего текста.

Ключевые слова: электронный словарь, семантизация, информационное расширение, принцип «многослойности» толкования.

DICTIONARY SEMANTIZATION: DIGITAL FORMAT

Bogacheva, Galina Fedorovna

Leading Specialist in Lexicography, Candidate of Sciences in Philology
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Pushkin State Russian Language Institute»
Moscow, Russia / *ms.galbo@mail.ru*

Abstract

The article discusses the prospects for semantizing head words due to the digital format of the dictionary. The digital format allows you to significantly expand and / or deepen the semantizing information of the head word, taking into account the different directions of the description (linguo- and anthropocentric, educational, research, etc.) and its addresse differentiation. It is proposed for semantization to use the principle of “multi-layered” definition, which consists in successively expanding and deepening the basic definition, semantically equal to the meaning of the word, by supplementing it with a) encyclopedic information; b) semantic information (explication of background and potential semes, connotations, derivationally and phraseologically significant semes); c) specialized definitions (for example, learner’s, psycholinguistic and ostensive). The introduction of database technologies into the electronic dictionary allows us to differentiate and use information depending on the needs of the user, and the ability to go beyond the boundaries of the dictionary will further increase the effectiveness of the semantizing text.

Keywords. Electronic dictionary, semantization, information expanding, principle of “multi-layered” definition.

Семантизация лексического массива, составляющего словник лексикографического произведения, всегда была в центре внимания лексикографов. Эта проблема сохраняет свою актуальность, несмотря на то, что находится в числе первых, возникших в истории создания словарей. Казалось бы, в этой области среди лексикографов достигнуто вполне определенное согласие, что демонстрируют самые разные словари, содержащие параметрические характеристики, относящиеся к описанию семантики заголовочного слова. Даже такие сравнительно инновационные приемы определения (толкования) слова, какие мы видим, например, в словарях, созданных в русле теории «Смысл ↔ Текст» (первый из них, конечно, «Толково-комбинаторный словарь русского языка» И.А. Мельчука и А.К. Жолковского – элементы используемой в нем техники присутствуют в словарях, созданных и создаваемых под руководством Ю.Д. Апресяна), или в учебных словарях COBUILD (издательства «Collins»), при ближайшем рассмотрении и небольшой переработке принимают вид «классических» толкований, используемых в словарях «традиционного» толка. Ср.: а) **отомстить** ...: ‘Человек X, которому человек Y в какой-то момент в прошлом причинил зло W, помня это зло и зная, что он будет удовлетворен, только если причинит не меньшее зло Y-у, причинил Y-у зло Z’ [Новый объяснительный словарь 2004] → ‘намеренно причинить кому-чему-л. соразмерное зло в ответ на нанесённую в прошлом обиду, зло, неприятности и т.п.’ (вариант реконструкции); б) **funny** – : 1. ... ‘Someone or something that is **funny** is amusing and likely to make you smile or laugh’ (COBUILD) →: 1. ‘Causing amusement or laughter; humorous; comical’ (in British English Dictionary) [Collins Online Dictionary].

Такая процедура доказывает принципиальное родство определений в «новых» и «традиционных» словарях. Иными словами, формальные различия описания ни в коей мере не затрагивают сущностного сходства семантического содержания заголовочных единиц.

Долгое время содержательным критерием полноты и достаточности толкования являлось предъявление в нём сигнификативного значения слова, т.е. того минимума сем, которые позволяют, с одной стороны, отнести слово к определенной семантической общности (интегральная часть значения), а с другой – достоверно отделить внутри этой общности одно слово от другого (дифференциальная часть).

Однако развитие лингвистической науки, более глубокое рассмотрение семантической составляющей слова, появление новых направлений в разработке заявленной проблемы, наконец, возникновение необходимости описания того или иного языка в целях его преподавания заставили по-иному взглянуть на вопросы достаточности и полноты толкования. Немалую роль в этом сыграл и тот факт, что лексикография перестает быть по преимуществу описательной дисциплиной – мало-помалу она

становится как способом предъявления результатов лингвистических изысканий (ср. тезис Ю.Н. Караулова об «ословаривании» результатов исследований в области лингвистики), так и инструментом изучения разного рода языковых явлений (ср., например, метод лексикографического портрета). Поэтому все чаще высказывается мнение, что привычных нам толкований не всегда достаточно – не всегда они удовлетворяют как запросам лингвистов, так и запросам пользователя, которые становятся более дифференцированными и глубокими.

Одним из выходов из подобной ситуации стали словари, посвященные описанию тех аспектов слова, которые в относительно недавнем прошлом находились вне фокуса внимания лингвистов. Одним из самых очевидных примеров можно назвать лингвострановедческие словари, в которых объектом описания является фоновая семантическая информация, представленная национально специфическими фрагментами значения, которая для толкования, как правило, нерелевантна, но коннотативно важна, придавая сообщению дополнительные смыслы и окраску. Более свежим примером является создаваемый в Воронежском университете «Психолингвистический толковый словарь русского языка». Данный словарный проект является результатом многолетних исследований психолингвистического значения слова, т.е. совокупности сем, выявленных в значении слова в результате ассоциативных экспериментов и ранжированных по степени яркости в соответствии с тем, как они представлены в сознании носителей языка.

Другим выходом могло бы стать включение в собственно толкование дополнительной информации, которая могла бы быть полезной как для адресата словаря, так и для представления слова во всем объеме его семантических свойств и связей. Однако подобное решение имеет следствием увеличение объема толкования и, как правило, его смысловое утяжеление, что, естественно, скажется на его восприятии пользователем. И, если речь идет о бумажных словарях, этот факт не приветствуется издателями словарной продукции, поскольку влечет за собой существенное увеличение объема.

Цифровая эпоха открывает перед лексикографами широкие перспективы в решении намеченных проблем. Переход к электронной форме отражения словарной информации позволяет, во-первых, решить проблему объема словаря, расширив его отдельные зоны за счет дополнительной информации, а во-вторых, углубить лексикографическое описание, добавив в структуру словарной статьи новые параметры, отражающие как собственно лингвистические аспекты, так и запросы предполагаемых пользователей. Все это вместе взятое, как представляется, позволит непротиворечиво совместить лингво- и антропоцентрическое описание.

Следует отметить, что электронная форма словаря (предполагающая наличие системы дифференцированного поиска и гиперссылок, возможности скрывать не нужную в данный момент информацию и, наоборот, выводить нужную на дисплей, осуществимость выхода за пределы словаря при поиске связанных данных и др.) сама по себе позволяет избежать тяжеловесности лексикографического текста, которая непременно возникла бы, если бы информационное расширение и углубление описания происходило в бумажном словаре.

Информационное расширение и углубление семантизирующей информации о заголовочной единице (прежде всего ее толкования) в электронном словаре, разумеется, не может иметь единственного решения, оно многовариантно, и каждый вариант обусловлен тем, какие цели преследует словарное описание и каковы адресатные характеристики словаря.

Каким могло бы быть толкование и сопряженная с ним информация в толковом (объяснительном) словаре цифрового формата? Возможности, предоставляемые компьютерными технологиями, позволяют структурировать словарный текст (и с точки зрения его содержания, и с точки зрения его оформления) с учетом не только многоаспектности, многосторонности рассмотрения семантики заголовочной единицы, но

и соотнося с ним потребности пользователей словаря разных уровней языковой и лингвистической компетенций.

В основу создания семантизирующей зоны словаря может быть положен принцип «многослойности» толкования, суть которого состоит в последовательном расширении и/или усложнении базовой информации, обусловленном задачами, которые призвано решить словарное описание; каждый «слой», «уровень» толкования ориентируется на конкретного адресата и корректируется в соответствии с его запросами и потребностями. Это влечет за собой исключительную содержательную вариабельность семантизирующего раздела – семантика лексических единиц в современной лингвистике рассматривается с самых разных точек зрения, не говоря уже о многообразии аудитории пользователей словаря.

Таким образом, структура семантизирующей зоны электронного словаря могла бы выглядеть следующим образом.

1. **Базовое толкование** – толкование, отражающее сигнификативное значение лексической единицы и ориентированное на носителя языка; типологически соотносится с семантизирующими текстами общефилологических словарей, которые адресуются широкой аудитории, а также – в силу серьёзной лексикографической и лексикологической основы – специалистам, связанным с работой в области лингвистики или с практическим применением языка.

1.1. *Энциклопедические сведения:*

1.1.1. Ориентированные на носителей языка – эта подзона может содержать необходимые дополнительные сведения, важные для адекватного понимания того или иного заголовочного слова. Категории подобных слов весьма разнообразны. Например, одной из них могут быть слова-агнони́мы – слова, которые мало знакомы или не знакомы носителям языка в силу специфических темпоральных характеристик (устарелая или новая лексика), малой употребительности, узкой или специальной сферы использования. Так, толкование слова **алтарь** ‘восточная часть церкви, где находится престол, отделенная от общего помещения иконостасом’ (МАС) могло бы быть дополнено комментарием о запрете находиться в помещении алтаря лицам, не относящимся к служителям церкви, или сведениями о роли алтарного пространства в христианском богослужении; а при толковании не так давно заимствованного слова **хейтер** ‘яростный противник кого-чего-л.’ уместным было бы уточнить, что средой выражения острого неприятия кого-чего-л. является по преимуществу Интернет-среда, социальные сети.

1.1.2. Ориентированные на неносителей языка, в том числе на изучающих язык, – размещаемые в этой подзоне сведения предназначены для разъяснения особенностей реалий страны изучаемого языка, национально-культурных ассоциаций и т.д. Так, толкование заголовочной единицы **дневник** ‘специальная тетрадь учащихся школы для записи заданных уроков и для отметок об успеваемости и поведении’, могло бы быть дополнено сведениями о его структуре и порядке ведения, а также о появлении новой, электронной, формы школьного дневника.

1.2. **Семантическая информация.** Эта подзона семантизирующего блока словаря эксплицирует те семантические компоненты, которые по большей части не входят в состав сигнификативного значения, однако либо оказывают влияние на системные характеристики лексической единицы, либо проявляются при ее реализации в речи. Семантическая информация данного раздела подчиняется формуле **сигнификативное значение (базовое толкование) +**. Подраздел характеризуется бóльшим (в сравнении с энциклопедическим «слоем») адресатным взаимопроникновением – каждый слой может представлять интерес для многих категорий пользователей, хотя и с разных точек зрения, например учебной или исследовательской. Таким образом, в дополнение к базовым могут быть представлены:

1.2.1. Фоновые семы – здесь под фоновыми понимаются такие, которые обладают страноведческой и культурной значимостью и часто лежат в основе семантической

деривации. Например, при толковании слова **медведь** ‘крупное хищное, всеядное млекопитающее с большим грузным, покрытым густой шерстью телом и короткими ногами’ (МАС) указывается сема ‘неуклюжий’; при слове **блин** ‘тонкая лепёшка из кислого жидкого теста, испечённая на сковороде, на жару’ (СОШ) – семы ‘круглый’, ‘ритуальный’.

Адресат данной информации – преимущественно не носитель языка.

1.2.2. Коннотации – содержательные и эмоционально-оценочные «наращения», углубляющие и обогащающие базовое значение. Ср.: **лань** – ‘животное сем. оленей, отличающееся быстротой бега и стройностью’ (СОШ) может быть дополнено указанием на положительно окрашенную коннотацию ‘красота’ (*глаза как у лани* = большие красивые глаза) и коннотацию лёгкой иронической окраски ‘пугливость’ (*пугливый как лань* = всегда настороже, готовый в любую минуту удалиться, скрыться); **лошадь** дополняется взаимосвязанными коннотациями ‘выносливость’, ‘большая работоспособность’, ‘здоровье’ (*работать как лошадь, здоровый как лошадь*).

Пользователи, для которых могла бы быть полезной информация подраздела – носители языка по преимуществу, лингвисты-исследователи, преподаватели, переводчики.

1.2.3. Контрастивные особенности значения, представленные семами, которые обнаруживаются в значении при сопоставительном анализе семантики слов, эквивалентных в двух языках, – будучи в целом семантически схожими, такие слова проявляют различия в нюансировке значений, игнорирование которых при производстве речи может привести к неточностям употребления и породить ситуации недопонимания или неправильной интерпретации сообщения. Приведем пример из [Маклакова 2010, с. 211] – русское *знаток* и английское *connoisseur* демонстрируют совпадение коннотативных и функционально-стилистических характеристик и значительное сходство семантики (‘лицо, мужской или женский пол, обладает большими специальными познаниями в какой-либо области, отличается тонким пониманием чего-либо’), но английский эквивалент более специализирован (‘особенно в изобразительном искусстве, еде, музыке, вине’). Соответственно при семантизации необходимо учитывать наличие контрастивных долей значения и указывать на них. Включение подобной подзоны в словарное описание представляется полезным и почти обязательным, если среди пользователей предполагаются переводчики и изучающие соответствующий язык носители контрастирующего языка.

1.2.4. Потенциальные семы (В.Г. Гак), т.е. семы, участвующие в семантической деривации вне зависимости от того, к какой области (ядерной или периферийной) значения они относятся. Ср.: **дуб** – ‘крупное лиственное дерево сем. буковых с крепкой древесиной и плодами желудями’ (СОШ) – в толковании подчеркивается сема ‘крепкий’ (из базового толкования) и эксплицируется сема ‘с трудом поддающийся обработке’, которые являются основанием для формирования переносного значения ‘о тупом нечутком человеке’, включающего семы ‘с трудом поддающийся воздействию’ в силу ‘эмоциональной и умственной невосприимчивости (крепости)’.

Подзона предполагает наличие многообразных категорий адресатов.

1.2.5. Семы – основания словообразовательной деривации. В данном подразделе предлагается выделять те семы базового толкования или периферийных областей значения, которые при образовании новых слов участвуют в формировании их значений. Таким образом подчеркивается собственно семантический аспект деривационных процессов. Классическим примером являются дериваты от разных значений слова **земля**: *земной* (семный переход на основе компонента ‘планета’); *земляной* (‘вещество, формирующее поверхность планеты, почва’); *земельный* (‘территория’).

Подзона, так же как и предыдущая, может быть востребована самой широкой пользовательской аудиторией.

1.2.6. Семы, связанные со значениями фразеологических или фразеологизированных единиц. Подобные семы подчёркиваются в толковании или приводятся как дополнение к нему (в случае их нахождения вне границ сигнификативного значения) только тогда, когда семантическая связь устанавливается вполне ясно и непротиворечиво, например: *палата* ‘большое богатое здание, помещение’ (СОШ) → *ума палата* – ‘кто-л. очень умен’ (основание для формирования значения фразеологической единицы – ‘обширность’, ‘богатство’).

Адресатная направленность, очевидно, прежде всего – сфера обучения языку.

1.3. *Специализированные определения*. Набор семантизирующих подзон может быть весьма разнообразным и предполагает зависимость от целей словарного описания, преимущественных интересов авторского сообщества, пользовательских запросов на ту или иную информацию. Среди них *могли бы быть* такие:

1.3.1. Учебные толкования, предназначенные для изучающих тот или иной язык как иностранный или как неродной: они могут быть содержательно расширенными или суженными (упрощенными) в соответствии с уровнями владения языком, целями обучения, методическими установками и др. Как вариант представляем толкование, разработанное по технологии COBUILD: **red** – 2. ‘If you say that someone's face is **red**, you mean that it is redder than its normal colour, because they are embarrassed, angry, or out of breath’ [Collins Online Dictionary].

1.3.2. Психолингвистические, отражающие психолингвистическое значение слова, т.е. такие, которые сформированы на основании результатов ассоциативных экспериментов и представляют семный состав значения лексической единицы в виде ранжированных по степени представленности реакций слов – эквивалентов сем. В данном подразделе могут находиться толкования не только общего плана, но и обусловленные какими-либо иными характеристиками, такими, как в приводимом ниже примере, демонстрирующем гендерные различия в наборе компонентов слова, ср.: **белый** – ‘Цвет, неокрашенный, например, снег, облако, кролик, пудель’ (женщины); ‘Цвет, светлый, противоположный черному, например, снег, аист, заяц’ (мужчины) [Психолингвистический толковый словарь 2019, с. 19] Подобные сведения безусловно полезны самой широкой аудитории – от исследователей до преподавателей иностранных языков, переводчиков и просто интересующихся языком.

1.3.3. Остенсивные определения – картинки, фото-, видео- и аудиоматериалы. Электронная форма подачи словарной информации предоставляет широчайшие перспективы для демонстрации значения слова не только вербально, но и используя другие каналы восприятия. Если картинки и фотографии – достаточно привычный инструмент, используемый давно и успешно в рамках бумажного лексикографирования, то видео- и аудиосемантизация – еще не вполне разработанная техника, которая требует внимательного рассмотрения и осмысления. Круг слов, толкования которых могли бы сопровождаться видеороликами, необозримо широк. Это, как представляется, глаголы перемещения / движения в пространстве, изменения в состоянии и т.п. (*махать, плыть, кивнуть, приближаться, исчезать, увеличиваться*) и такого же рода существительные (*басс, галоп ‘аллюр’, жест*) – состав таких заголовочных единиц, а также требования к самой визуальной форме еще только предстоит определить. То же можно сказать и об аудиоматериалах – однако перечень заголовочных слов в этом случае представляется иным. Аудиоопределение могло бы сопровождать толкования слов, обозначающих звуки (*свист, свистеть, топать, хрпать*); также кажется перспективным использование аудио- и видеозаписей при определении междометий и частиц.

Данная семантизирующая подзона характеризуется широкой адресатной направленностью.

Предложенный вариант фиксации семантизирующей информации уместен как в законченной форме, не допускающей изменений, так и в открытой, предполагающей свободное внесение дополнений и поправок. Предложения о создании такого рода

словарей (разной направленности) уже появляются в лексикографическом сообществе (например, в [Борисова, Попенкова 2019; Stashevich 2017]). Как одна, так и другая формы имеют свои плюсы и минусы. Первая, например, обладает определенной конструктивной и содержательной жесткостью, вторая – наоборот, чрезмерной гибкостью, которую, очевидно, требуется нивелировать, ограничив возможности вмешательства рядом строгих правил (первым из которых является обладание необходимыми лингвистическими и лексикографическими компетенциями).

При любом из означенных вариантов словарь должен представлять собой некий симбиоз электронного словаря и базы данных. Использование технологии баз данных не только позволяет расширить исследовательский потенциал словаря [Кочергина 2019, с. 163], но и многократно увеличить количество и форму пользовательских запросов, предоставляя возможность формировать и компоновать материал в соответствии с целями обращения к словарю, работая только с той информацией, которая нужна именно в данный момент, и игнорируя то, что неактуально.

Электронная форма имеет и некоторые дополнительные «бонусы», связанные с семантизацией заголовочных единиц. Среди них – расширение иллюстративной зоны: при необходимости можно предложить демонстрацию семантики и употребления единицы не в одном-двух предложениях, а в значительно большем количестве контекстов, а также дать выход, например, к НКРЯ или Интернет-библиотекам.

Еще одним плюсом считаем возможность указывать источник семантизирующей информации, указывая автора (авторов) толкования и/или местонахождение информации (словари, энциклопедии, справочники, научные исследования и др.). Считаем, что, во-первых, подобное решение способствует повышению достоверности данных, представленных в словаре, и соответственно повышению доверия пользователя к словарю, а во-вторых, решит наконец вопрос о том, кто же все-таки первым предложил настолько удачное определение слова, что теперь оно кочует из словаря в словарь.

Несмотря на что в виртуальном пространстве в настоящее время представлено значительное количество словарей (как обычных, переведенных в электронную форму, так и изначально созданных как электронные), их конструктивные и содержательные компоненты все еще испытывают сильное влияние бумажных словарей. Возможности, которые предоставляет электронная форма, пока только осмысляются, а на практике делаются первые шаги. Очевидно, что настало время для серьезного и последовательного рассмотрения перспектив электронного лексикографирования, причем важным аспектом такого рассмотрения должно стать гармоничное сопряжение имеющихся лингвистических данных, лексикографических инструментов и компьютерных технологий. Одна из версий и представлена в данной статье.

Литература

1. Борисова Е.Г., Попенкова Т.С. Онлайн-словари: возможность и необходимость // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. статей. – Минск: Беларуская навука, 2019. – Вып. 16. – С. 130–133.
2. Кочергина К.С. Применение технологии базы данных в лингвистических исследованиях // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. статей по материалам научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» 3–5 октября 2018 года. – СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 158–168.
3. Маклакова Е.А. Контрастивный анализ семантики наименований лиц как основа их контрастивного лексикографического описания (на материале русского и английского языков) // Вестник Челябинского ГПУ. 2010. № 3. – С. 209–225.
4. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2 изд., испр. и доп. / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
5. Психолингвистический толковый словарь русского языка: Гендерные значения (с комментариями) / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: РИТМ, 2019. – Вып. 10/1. – 176 с.
6. Collins Online Dictionary: Definitions, Thesaurus and Translations. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 16.03.2020).
7. Stashevich I. A. The innovative dictionaries of the future // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. материалов. – Минск: Четыре четверти, 2017. – С. 92–95.

References

1. Borisova E.G., Popenkova T.S. Online dictionaries: what they can provide and what they should provide // *Word and Dictionary = Vocabulum et vocabularium*. I. 16. Minsk: Belaruskaya navuka, 2019. P. 130–133.
2. Kochergina K.S. Application of database technology in linguistic research // *Russian academic lexicography: current state and development prospects: the materials of the conference dedicated to the 70th anniversary of the first volume of the academic "Dictionary of modern Russian literary language" (October 3-5, 2018)*. S.-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018. P. 158–168.
3. Maklakova E.A. Contrastive Analysis of the Persons' Nomination Semantics as the Basis of Their Contrastive Lexicographic Recording (Russian and English Research) // *Bulletin of Chelyabinsk State pedagogical University*, vol. 3. (2010): P. 209–225.
4. *New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language*. 2 ed., revised and corrected / under the general supervision of Y.D. Apresjan. Moscow – Vienna: Yazyki slavyanskoj kultury: venskij slavisticheskij almanah, 2004. P. 1488.
5. *Psycholinguistic explanatory dictionary of the Russian language: Gender meanings (with comments)* / Science editors I.A. Sternin, A.V. Rudakova. I. 10/1. Voronezh: RITM, 2019. P. 176.
6. *Collins Online Dictionary: Definitions, Thesaurus and Translations*. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed 16.03.2020).
7. Stashevich I. A. The innovative dictionaries of the future // *Word and Dictionary = Vocabulum et vocabularium*. Minsk: Chetyre chetverti, 2017. P. 92–93.

Сокращения:

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2 изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4 изд. М., 1997.

УДК 81'374

РОЛЬ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Вих, Александра Витальевна

ассистент кафедры иностранных языков и речевой коммуникации
Московского Международного Университета
Москва, Россия / vih.al@yandex.ru

Аннотация

Одна из задач преподавателя иностранного языка — развитие у студентов умения пользоваться лексикографическими материалами: извлекать необходимую информацию о лексической единице, а затем использовать эту информацию на практике. Словарь — важный лексикографический источник, без которого процесс овладения иностранным языком представляется затруднительным. Однако, в связи с информатизацией общества и активным развитием новых технологий, электронный словарь постепенно вытесняет своего печатного предшественника, т.к. электронный ресурс по сравнению с бумажным имеет значительные преимущества: высокая скорость перевода, автоматизация процесса, доступность и низкая стоимость ресурсов, большой объём информации с возможностью ее дальнейшей корректировки и дополнения. В данной статье приводится обзор ресурсов сети Интернет, полезных для изучающих французский язык. Также, уделяется внимание проблеме ведения индивидуальных словариков, предлагаются решения по информатизации таких рукописных словарей, с целью повышения их эффективности и возможностью дальнейшей актуализации записанных слов с помощью игр и интерактивных упражнений.

Ключевые слова: электронный словарь, мультимедийные технологии, обучение иностранным языкам

THE ROLE OF ELECTRONIC DICTIONARIES IN THE STUDY OF FOREIGN LANGUAGES (ON THE EXAMPLE OF THE FRENCH LANGUAGE)

Vikh, Alexandra Vitalievna

assistant at the Department of Foreign Languages and Speech Communication
Moscow International University
Moscow, Russia / vih.al@yandex.ru

Abstract

One of the tasks of a foreign language teacher is to develop students' ability to use lexicographic materials: to extract the necessary information about the lexical unit, and then use this information in practice. The dictionary is an important lexicographic source, without which the process of mastering a foreign language seems difficult. However, due to the informatization of society and the active development of new technologies, the electronic dictionary is gradually replacing its predecessor, as the electronic resource has significant advantages. This article provides an overview of Internet resources useful to those who study the French language. Also, the author gives an

insight to the problem of creating individual vocabularies and suggests solutions to the informatization of such handwritten vocabularies, with the aim of increasing their effectiveness.

Keywords: electronic dictionary, multimedia technologies, teaching foreign languages

На современном этапе информатизации общества становится неизбежным использование мультимедийных технологий в процессе образования. Это касается, в том числе, и обучения иностранным языкам.

Актуальная методика преподавания иностранного языка строится на базе коммуникативного подхода. Первостепенная задача такого подхода к обучению состоит в имитации условий реального общения на занятиях по иностранному языку. Современная жизнь общества тесно связана с информационными технологиями, таким образом, учебно-методические комплексы, составленные на базе коммуникативного подхода, помимо привычных текстов, грамматических правил и упражнений, включают мультимедийный компонент: короткие видеоролики, диски с интерактивными заданиями и играми, приложения на смартфон.

Как же меняется роль словаря в таких условиях? Если раньше целесообразность приобретения переводного словаря не вызывала сомнений, словарь рассматривался как эффективный способ пополнения лексического запаса, достоверный источник значений, орфографии лексических единиц и их сочетаемости, рекомендовалось “приобрести себе самый лучший, из существующих на рынке, так как маленький словарь скоро перестанет удовлетворять” [5:14], сейчас большинство обучающихся иностранному языку “не воспринимают словарь, даже двуязычный, как действенное средство обучения. Они считают словарь хранилищем значений слов, а не средством повышения уровня владения языком” [3:209]. Более того, современные студенты не обращаются к традиционному печатному словарю даже как к “хранилищу слов”, вследствие экономии времени.

В современных реалиях, испытывая потребность в переводе лексической единицы, обучающийся обратится в первую очередь к онлайн-переводчику (Google, Yandex). Безусловно, такой перевод имеет свои преимущества. К ним можно отнести:

- 1) Высокая скорость перевода. Обучающийся видит результат на экране почти мгновенно.
- 2) Дешевизна. Большинство онлайн-переводчиков предоставляют свои услуги бесплатно, в то время как качественный бумажный словарь имеет высокую цену.
- 3) Доступность. Все, что требуется для использования онлайн-переводчика — это устройство с выходом в интернет, он удобен и прост в использовании, в то время как носить с собой печатный словарь представляется затруднительным.
- 4) Большое количество информации. Ни в одном печатном словаре не содержится тот объём информации, который заложен в онлайн-переводчик, при этом он не перестаёт развиваться и дополняться.
- 5) Возможность перевода не только отдельного слова, но и целого текста.

Несмотря на все достоинства, перечисленные выше, онлайн-переводчик имеет существенный недостаток — неспособность учитывать контекст и в неопределённых ситуациях, например при выборе одного из значений многозначного слова, принимать решение, исходя из контекста. Таким образом, при использовании функции перевода целого текста пользователь сталкивается с орфографическими ошибками, лексическими и стилистическими неточностями.

Помимо этого, онлайн-переводчик не предоставляет такой информации, как лексическая сочетаемость слова, фразеологические и идиоматические выражения с этим словом, множественное число, синонимы, антонимы, и др., то, что обучающимся обычно предоставляет словарь, позволяя обогатить их знания о языке.

Тем не менее, это не означает, что на уроках иностранного языка, следует отказаться от использования информационных технологий, отдавая предпочтение бумажным проверенным изданиям. В современном мире это и вовсе невозможно. На наш

взгляд, задача преподавателя состоит в том, чтобы обеспечить студентов проверенными и надежными онлайн-ресурсами.

Так, например, словарь издательства Larousse [6], широко известный изучающим французский язык, оцифрован и представлен в сети Интернет. На сайте можно бесплатно воспользоваться небольшим энциклопедическим словарем, справочником спряжений глаголов и франко-французским словарем.

Рассмотрим способ подачи информации на примере словарной статьи слова “*souche*”.

Сервис располагает возможностью прослушать слово, не указывая при этом транскрипцию, присутствует информация о том, что слово женского рода (*nom féminin*), галльского происхождения (*gaulois*). Благодаря гиперссылкам, можно сразу перейти на интересующую вкладку: значения (*définitions*), выражения (*expressions*), синонимы (*synonymes*).

The screenshot shows the dictionary entry for the word "souche". At the top, it is identified as a feminine noun (nom féminin) with the etymology (gaulois *tsucarankka). There are three tabs: "Définitions", "Expressions", and "Synonymes". Under the "Définitions" tab, there are several sections:

- DÉFINITIONS**:
 - Partie inférieure du tronc d'un arbre, située au-dessous du collet et d'où partent les racines.
 - Partie d'un arbre qui reste en terre quand l'arbre a été coupé au ras du sol ; cette même partie arrachée.
 - Partie reliée des feuilles d'un registre, d'un carnet, etc., et qui sert à vérifier l'authenticité de la partie détachée, ou « volant » : Carnet à souches.
- Familier**: Personne lourde, d'esprit épais.
- Personne ou animal de qui sort une suite de descendants : Chien de bonne souche.
- Origine de quelqu'un : Être de souche paysanne.
- Source, origine, principe d'un ensemble ethnique, d'une famille linguistique : Mot de souche francique.
- Bâtiment**:
 - Parties basses d'une tour, liées aux structures du corps de bâtiment dans lequel elle prend naissance. (S'oppose aux parties hautes, dégagées.)
 - Partie en maçonnerie d'une cheminée, qui, renfermant les conduits de fumée, s'élève au-dessus d'un toit.
- Droit**: Auteur commun à plusieurs personnes.
- Viticulture**: Pied de vigne.

Значения слова представлены в виде списка с указанием примеров; даются указания стиля речи (*familier* – разговорный стиль) и сферы употребления (*bâtiment* – строительство; *droit* – право; *viticulture* – виноградарство). В конце некоторых словарных статей приводятся антонимичные значения лексической единицы.

На сайте в открытом доступе представлены и переводные двуязычные словари, но, к сожалению, русского языка среди них нет.

Для обучающихся начального уровня, испытывающих сложности в использовании одноязычного словаря, в сети Интернет представлены многочисленные двуязычные онлайн-словари. Среди них, нам бы хотелось выделить словарь МУЛЬТИТРАН [7], чьи словарные статьи не ограничиваются простым переводом слова, но указывают

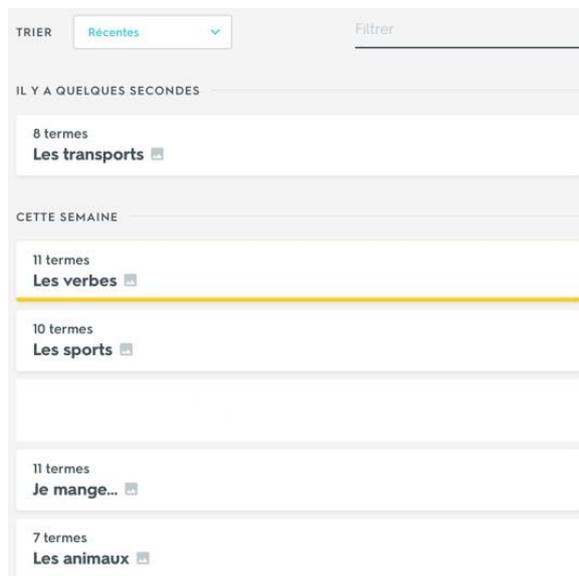
стиль речи, сферу употребления и часть речи, а гиперссылки, встроенные в словарную статью, облегчают навигацию по словарю.

Следует также упомянуть онлайн-словарь АВВУ Lingvo Live [8], чья ценность состоит в предоставлении примеров из литературных и научных текстов, где было употреблено искомое слово.

Во второй части статьи нам бы хотелось подробнее остановиться на словарях, составляемых самими студентами в процессе изучения иностранного языка. В большинстве случаев, они содержат две колонки — слово и его перевод на родной язык. Иногда можно заметить наличие третьей колонки, предназначенной для транскрипции.

Насколько полезно и целесообразно ведение таких словарей? Мы согласимся с точкой зрения Солововой Е.Н. о неэффективности такого способа запоминания лексики, ведь “зачастую учитель не имеет времени заглянуть в эти словарики, и там процветают разнообразные ошибки, начиная от ошибок на правописание и кончая неверным переводом. Об особенностях употребления ЛЕ в большинстве таких словарей речь вообще не идёт.”, к тому же “если слова в индивидуальных словариках лежат без движения, если учащиеся к ним не возвращаются в течение определённого времени, то они, образно говоря, покрываются пылью, а то и просто зарастают мхом”. [4:86].

Тем не менее, мы не считаем, что от индивидуальных словарей следует вовсе отказаться, скорее их модернизировать с помощью информационных технологий, которые позволят не только хранить лексические единицы, но и актуализировать их посредством интерактивных заданий.

Одним из таких приложений по созданию индивидуального словаря может выступить Quizlet [9]. Оно позволяет создавать сети из слов, представленных в виде карточек, где с одной стороны лексическая единица для запоминания, а с другой стороны ее перевод на родной язык, дефиница, синоним или антоним. Для заучивания приложение предлагает упражнения на письмо, подбор слова и определения, тест с выбором одного правильного ответа, перевод с родного языка на иностранный, и др. Таким образом, слова не “зарастают мхом”, к ним можно постоянно возвращаться и актуализировать, а формат игры делает этот процесс увлекательным.

Похожим образом можно создавать сети в АБВУ Lingvo Live [8]. Преимуществом здесь является возможность добавлять в карточку не только слово и перевод, но комментарии и примеры использования; недостаток этого ресурса — ограниченность упражнений на заучивание слова.

Последним нам бы хотелось упомянуть приложение Kahoot [10], также направленное на заучивание лексических единиц. Kahoot будет полезен для работы в группах на занятиях иностранного языка. Приложение предоставляет возможность создавать тесты из изученного материала, а затем проводить групповые соревнования на достижение лучшего результата.

Подводя итог всему вышесказанному, становится очевидно, что электронный словарь постепенно вытесняет своего печатного предшественника. Современным обучающимся традиционная бумажная версия кажется громоздкой и неудобной в использовании. На наш взгляд, если студенты отдают предпочтение электронной версии, задача преподавателя, в таком случае, состоит в том, чтобы обеспечить их доступом к достоверной и проверенной информации. Несмотря на некоторые минусы, присущие электронным словарям, они обладают большими преимуществами для пользователя. Создание электронных словарей — перспективное, активно развивающееся направление современной лексикографии.

Литература

- 1.Ильина Н.В. Мультимедийные технологии в образовании // Проблемы языка: лингвистика, общая дидактика, методика преподавания, страноведение. 2004. — С. 62-66.
- 2.Кадникова О.В., Крамаренко В.А. Преимущества и недостатки машинного перевода на примере популярных онлайн переводчиков // Филологический аспект №6 (26). 2017. — С. 86-95.
- 3.Кузин В.С. Психология. — М.:Высшая школа, 1974.— 473 с.
- 4.Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс: пособие для студентов педагогических вузов и учителей. — М.:АСТ Астрель, 2008. — 239 с.
- 5.Щерба Л.В. Как надо изучать иностранные языки. — М.-Л.:Государственное Издательство, 1929. — 55 с.
- 6.Электронный словарь издательства Larousse, URL: <https://www.larousse.fr>, (дата обращения: 29.03.2020).
7. Электронный словарь МУЛЬТИТРАН, URL: <https://www.multitran.com>, (дата обращения: 29.03.2020).
- 8.Электронный словарь АБВУ Lingvo Live, URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru>, (дата обращения: 29.03.2020).
- 9.Электронный ресурс Quizlet, URL: <https://quizlet.com/ru>, (дата обращения: 29.03.2020).
- 10.Электронный ресурс Kahoot, URL: <https://kahoot.com>, (дата обращения: 29.03.2020).

References

1. Ilina N. Multimedia technologies in education. *Language problems: linguistics, general didactics, teaching methods, regional studies*, 2004: 62-66.
2. Kadnikova O., Kramarenko V. Advantages and disadvantages of machine translation on the example of popular online translators. *Philological aspect №6 (26)*. 2017: 86-95.
3. Kuzin V. *Psychology*. M.: Vyshaya Shkola, 1974. 473 p.
4. Solovova E. *Methods of teaching foreign languages. Basic course: a manual for students of pedagogical universities and teachers*. M.: AST Astrel, 2008. 239 p.
5. Sherba L. *How to learn foreign languages*. M.-Л.: Gosudarstvennoye Izdatelstvo, 1929. 55 p.
6. Electronic dictionary Larousse, URL: <https://www.larousse.fr>, (last visited: 29.03.2020).
7. Electronic dictionary MULTITRAN, URL: <https://www.multitran.com>, (last visited: 29.03.2020).
8. Electronic dictionary ABBYY Lingvo Live, URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru>, (last visited: 29.03.2020).
9. Electronic resource Quizlet, URL: <https://quizlet.com/ru>, (last visited: 29.03.2020).
10. Electronic resource Kahoot, URL: <https://kahoot.com>, (last visited: 29.03.2020).

УДК 811.111'37

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА
«ДВИЖЕНИЕ» ПОСРЕДСТВОМ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕКТРОННЫХ КОРПУСОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)**

Голубева, Юлия Викторовна

кандидат филол. наук, доцент,
доцент кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / golubeva@bsu.edu.ru

Перельгина, Татьяна Анатольевна

кандидат филол. наук, доцент,
доцент кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / perelygina@bsu.edu.ru

Аннотация

Объектом изучения в данной работе выступают глаголы, являющиеся языковыми средствами репрезентации концепта «ДВИЖЕНИЕ». Исследование выполнено на материале глагольной лексики английского языка, вербализующей концепт «ДВИЖЕНИЕ» прямо и метафорически. В качестве модели репрезентации концепта «ДВИЖЕНИЕ» рассматривается фрейм. Опираясь на данные интернет-словаря Frame Net нам удаётся представить модель фрейма «ДВИЖЕНИЕ», определить его облигаторные и факультативные компоненты. Далее на примерах фактического материала из Британского национального корпуса нами исследуются особенности формирования прямого и метафорического значения глаголов движения в соотношении с концептуальным основанием их семантики.

Ключевые слова: концепт, фрейм, глаголы движения, лексема, семантика, метафора.

**RESEARCH OF LANGUAGE MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT
«MOTION» BY MEANS OF LEXICAL ELECTRONIC CORPORA
(BASED ON ENGLISH VERB VOCABULARY)**

Golubeva, Julia Victorovna

Ph. D. in Philology
Associate professor of the English language and methods of teaching department,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia / golubeva@bsu.edu.ru

Perelygina, Tatyana Anatolievna

Ph. D. in Philology
Associate professor of the English language and methods of teaching department,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia / perelygina@bsu.edu.ru

Abstract

The object of study in this work are the verbs that are linguistic means of representing the concept of "MOVEMENT". The study is based on the verbal vocabulary of the English language, verbalizing the concept of "MOVEMENT" directly and metaphorically. As a model for representing the concept of "MOVEMENT", the frame is considered. Based on the data of the Frame Net Internet dictionary, we manage to present the "MOTION" frame model, to determine its obligatory and optional components. Further, using examples of factual material from the British National Corpus, we study the peculiarities of the formation of the direct and metaphorical meaning of the verbs of movement in relation to the conceptual basis of their semantics.

Keywords: concept, frame, verbs of movement, lexeme, semantics, metaphor.

Лингвистика последних лет сосредоточивается на описании внутренней организации системы языка, рассматривает язык с точки зрения того, как он функционирует, как служит выражению мысли. В данной работе мы рассмотрим лексическую категорию глаголов движения с позиции принятого в когнитивной лингвистике концептуального анализа.

Концепт «ДВИЖЕНИЕ» — это универсалия мировой культуры, базовый общечеловеческий концепт, важность исследования которого определяется его чрезвычайной значимостью для любого лингвокультурного коллектива. Концепт «ДВИЖЕНИЕ» является ключевой составляющей языковой картины мира, он структурирует определенным образом восприятие и осмысление действительности. Существует множество философских, социально-исторических, культурологических аспектов описания движения. Понимание движения как физического феномена тесно переплетается с его философским и культурологическим осмыслением. Понятие «движение» имеет метафорическую направленность — перенос на человеческую жизнь. Сюда же примыкает нравственное и этическое понимание движения как стремления к добру, светлосту, чистоте. Концепт «ДВИЖЕНИЕ» играет важную роль в культуре, философии, литературе.

В настоящий момент семантика и особенности функционирования глаголов движения в современном английском языке достаточно глубоко изучены, при этом представляют интерес когнитивно-ориентированные исследования, анализ семантики глаголов движения в корреляции с когнитивными структурами, лежащими в основе их значения. Глаголы движения являются объектом когнитивного анализа в рамках Интернет-проекта Frame Net. В словаре Frame Net, составленном зарубежными лингвистами-когнитологами (Ch. Fillmore, C. Baker, M. Petruck и др.), предпринимается попытка соотнести семантическое содержание лексических единиц с таким типом концепта, как фрейм. MOTION - концепт движения, отражающий изменение координат объекта в пространстве. В словарь Frame Net включены такие глагольные репрезентанты концепта MOTION, как blow, circle, coast, come, drift, float, fly, glide, go, meander, move, roll, slide, snake, soar, spiral, swerve, swing, travel, undulate, weave, wind, zigzag и др., за значениями которых стоит фрейм MOTION. Фрейм - это структурированный концепт, обладающий иерархической структурой, включающей обязательные (обязательные) и факультативные (не обязательные) компоненты.

К числу обязательных компонентов фрейма MOTION авторы словаря относят: **Theme, Area, Direction, Distance, Goal, Path, Source.** [Frame Net, далее FN] Рассмотрим их подробнее.

Theme (субъект) - это сущность, которая изменяет местоположение, не обязательно представляющая собой самодвижущийся механизм.

So they had a small secret do with just close friends [British National Corpus, далее BNC].

Area (область) - пространство, в которой перемещение субъекта происходит без заданного пути.

Emily moved restlessly around the room [FN].

Direction (вектор) – направление движения по линии от дейктического центра к контрольной точке (она может быть неявной), которая не является ни целью изменения положения, ни ориентиром на пути движущегося субъекта. Идентификатором Вектора служат обычно пространственные предлоги, присутствующие в дефиниции соответствующего глагола. Так, в примере с *go* удаление означает 'перемещение от', тогда как *come* 'приближение к'. *Run* в значении 'убегать' означает удаление от ориентира.

Distance (расстояние) – расстояние, пройденное субъектом.

The twig floated atop the water for about 100 yards [FN].

Goal (цель/пункт назначения) - цель движения, определяемая как место, достигаемое субъектом относительно ориентира.

Bryan even came to my home and scoffed at me for suggesting that he and the Duchess were lovers [BNC].

Path (путь) – траектория пути, пройденного субъектом.

Instead of heading north he simply went round and round in circles until he was found in Brandon, Suffolk [BNC].

Source (отправная точка) – местонахождение субъекта до начала движения.

Yet, ironically, the raw nuclear waste originally came from Germany [BNC].

Облигаторные компоненты фрейма обязательны для любого вида движения. На языковом уровне они могут быть выражены как имплицитно, так и эксплицитно, как в предложении, образованном глаголом движения, так и в прилегающем контексте. В зависимости от вида движения или ситуации, в которой оно происходит, может присутствовать один или несколько факультативных компонентов фрейма. Факультативными компонентами фрейма «ДВИЖЕНИЕ» являются: Manner (способ/образ совершения движения), Place (место), Time (время), Purpose (цель совершения движения (разумным существом)), Result (результат), Speed (скорость), Duration (продолжительность), Degree (степень удаления от исходной точки), Frequency (частота совершения движения), Carrier (средство перемещения субъекта), Depictive (состояние субъекта во время движения).

Обратимся к фактическому материалу и проанализируем с позиции фреймового подхода некоторые из наиболее частотных глаголов движения современного английского языка.

В семантической структуре предложений, образованных глаголом *go*, могут активизироваться все облигаторные и большинство факультативных компонентов фрейма «ДВИЖЕНИЕ». Например:

That night Eva put me in her clean little spare room (**Source**). Before getting into a bed (**Time**) I (**Theme**) *went* into (**Direction**) the bathroom (**Goal**) beside her room (**Area**), where I hadn't been before (**Frequency**) [BNC].

Despite these precautions, I (**Theme**) quite often (**Frequency**) *came* home (**Goal**) with a flea and my mother would take out the streaked bottle of calamine lotion and dab the itchy lumps [BNC].

Roderick (**Theme**) *flew* to Jersey (**Goal**) a week later (**Time**) to report his parents missing (**Purpose**) [BNC].

The rain-clouds (**Theme**) *floated* high (**Depictive**), the road lay over rocky ridges, the homesteads had an amplitude of stone wall fencing over these exposed seaboard cliffs [BNC].

A mother (**Theme**) *ran* screaming (**Depictive**) from the building (**Source**) trying to find her children (**Purpose**) [BNC].

One night, he recalls, he sat alone in the Commons library (**Place**) when David Owen (**Theme**) *passed* by and returned a few moments later (**Time**) with David Marquand [BNC].

They were confronted by the robbers who demanded cash. Postal worker Keith, from Chelmsford, Essex, refused to hand over his wallet, and the thugs (**Theme**) *moved* towards Anne (**Direction**). Keith stepped in to stop them -- and paid with his life [BNC].

Анализ фактического материала позволил сделать вывод об активном использовании глаголов движения в стилистической функции. Глаголы движения способны образовывать большое количество фразеологических сочетаний различной семантики, указывая на изменение состояния субъекта движения, как в физическом, так и в психологическом аспекте. Способность к образованию фразеологических сочетаний говорит о метафорической продуктивности рассматриваемого концепта. Метафорическое осмысление концепта «ДВИЖЕНИЕ» подразумевает реализацию концептуальной метафоры «Жизнь – Движение».

Метафорическое значение слова определяется тесной связью с семантическими компонентами буквального значения слова. Так, например, глаголы *pass* и *go* Ш.Е.

Казарян условно называет «глаголами удаления», «так как в их семантике есть дейктическое указание на наличие ориентира как такового в точке, которая иногда не совпадает с полем зрения или личностным пространством наблюдателя. Отсюда возможность образования метафорических значений «исчезать, кончаться, умирать»» [Казарян 2009, 54]. В результате пройденного глаголами пути семантического развития в их семантике произошло «размывание» информации о технике выполнения движения и фокус внимания переместился на движение, как таковое. Допускается описание многих разновидностей движения. Рассмотрим некоторые метафорические значения глагола *go*:

- *идти на убыль*

But the enterprise economy *went* sour, and now failure and disillusion is everywhere [BNC].

- *проходить через (сознание)*

Such thoughts and many others *went* through his mind on his journey to Australia [BNC].

- *пойти не так (как предполагалось)*

A spectacular underwater scene for her new video *went* dramatically wrong [BNC].

Глагол *pass*:

- *случаться/происходить*

Go for a walk and I charge you say nothing of what *has passed*, and I'll forgive you [BNC].

- *следовать/соответствовать*

It also proposed that firms be allowed to trade only if they *pass* cleanliness inspections [BNC].

Метафорические значения глагола *run*:

- *управлять (бизнесом)*

He once *ran* a pub in nearby Much Hoole [BNC].

- *транслировать*

The missing video was finally tracked down yesterday and the BBC *ran* it on their lunchtime news programme [BNC].

Глагол *come* можно условно назвать "глаголом приближения", так как в его семантике есть указание на «прибытие в некую точку». Рассмотрим примеры употребления глагола *come* в метафорическом значении:

- *быть на грани*

After taking out a bank loan, the 21-year-old DJ *came* close to quitting his pop quest when he was rejected by TEN record companies [BNC].

- *касаться чего-либо*

Yet it seemed to me they had much to learn when it *came* to manners and plain humanity [BNC].

Глагол движения *to move* часто встречается в значении «расчувствоваться»:

I've never been so *moved* before as I was when I saw on TV the rescue of a boy who had collapsed on his way to a feeding center in Somalia [BNC].

Глагол движения *to float* «плыть» нередко описывает течение времени:

The evening generally *floats* past, the way some evenings do, when you are sitting in an especially tidy house [BNC].

Итак, концепт-фрейм «ДВИЖЕНИЕ» - это когнитивная модель, включающая в себя информацию о самых разнообразных формах движения, основа для формирования лексического значения глаголов движения. Лексико-семантическая группа глаголов движения многообразна, частотна в употреблении, является источником многочисленных метафор.

Литература

1. Казарян Ш.Е. Когнитивно-этимологическая характеристика английских глаголов движения // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия:

Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – Воронеж: Воронежский ГАСУ, 2009. Вып. № 1 (11) – С. 49-57.

2. British National Corpus. [Электронный ресурс] <http://www.natcorp.ox.ac.uk/corpus/> (дата обращения 05.04.2020).

3. Frame Net Dictionary. [Электронный ресурс] <https://framenet.icsi.berkeley.edu> (дата обращения 05.04.2020).

References

1. Kazaryan S.H.E. (2009) *Kognitivno-etimologicheskaya harakteristika anglijskih glagolov dvizheniya* [Cognitive etymological characteristics of English verbs of movement // Scientific Newsletter of the Voronezh state University of architecture and civil engineering. Series: Modern linguistic and methodical-and-didactic researches]. Voronezh: Voronezhskiy GASU, Issue No 1(11), 49-57.

2. British National Corpus. [Electronic resource] available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/corpus/> (Accessed 05.04.2020).

3. Frame Net Dictionary. [Electronic resource] available at: <https://framenet.icsi.berkeley.edu> (Accessed 05.04.2020).

УДК 81'373.7

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СЛОВАРЕЙ

Жданович, Оксана Александровна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / 1351170@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению и анализу типологий и классификаций отечественных и зарубежных словарей. Проблема типологий словарей обсуждается уже не один десяток лет. В исследовательском процессе привлекает внимание различных ученых роль словарей. Можно утверждать, что эта сфера вызывает всё больший и больший интерес. Немалое количество времени уделяется именно классификации словарей. Типология словарей основывается на понятии идеального словаря. На данный момент одна из важнейших задач лексикографии – создание типологии словарей. Эта задача основывается на понятии идеального словаря. В статье рассматриваются различные подходы к типологии отечественных и зарубежных словарей. Изучаются различные и общие дифференциальные признаки, лежащие в основе типологий разных авторов. Намечаются широкие возможности развития электронной лексикографии. В статье показан анализ некоторых авторитетных и самых известных типологий отечественных и зарубежных ученых.

Ключевые слова: словарь, типология, тенденция, классификация, аспект, лексикография.

TYOLOGICAL SIGNS OF DICTIONARIES

Zhdanovich, Oksana Aleksandrovna

Graduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / 1351170@bsu.edu.ru

Abstract

The article is devoted to the study and analysis of typologies and classifications of domestic and foreign dictionaries. The problem of typologies of dictionaries has been discussed for decades. In the research process, the role of dictionaries has attracted the attention of various scientists. It can be argued that this area is causing more and more interest. A considerable amount of time is devoted precisely to the classification of dictionaries. The typology of dictionaries is based on the concept of an ideal dictionary. At the moment, one of the most important tasks of lexicography is the creation of a typology of dictionaries. This task is based on the concept of an ideal vocabulary. The article discusses various approaches to the typology of domestic and foreign dictionaries. Various and general differential features underlying the typologies of different authors are studied. Wide opportunities for the development of electronic lexicography are outlined. The article shows an analysis of some authoritative and most famous typologies of domestic and foreign scientists.

Key words: Dictionary, typology, trend, classification, aspect, lexicography.

Основными этапами словарного дела в истории совпадают с этапами развития лексикологии в Западной Европе. Словарь рассматривается как справочная книга, содержащая пояснение слов, толкование, перевод, обязательно, расположенный по определенному принципу. Одной из ключевых тенденций последних десятилетий является построение научной классификации словаря, построение которой ведётся на практической основе, т.е. на имеющихся уже словарях. В качестве изначального пункта в научной характеристике обосновано используется определение типологического

признака. На начальном этапе исследования нас интересовал анализ словарей некоторых авторитетных и известных ученых. В лексикографии накоплен значительный опыт создания словарей разных типов. Наша основная задача заключается в том, чтобы разобрать каждый тип и охарактеризовать его.

Подчеркнём, что каждый человек в жизни обязательно сталкивается с несколькими видами словарей. Это может быть толковый словарь, к которому обращаются за разъяснением слова. Может быть двуязычный, орфографический и орфоэпический, который показывает правильное произношение и написание. Также выделяют этимологический. Конечно разнообразие несколько больше, чем вам здесь представлено. Практически все словари предоставляют доступ любому читателю. Малейшая структура информации о языковой структуре находит своё место в специфических выражениях словарях.

Понятия, которые связаны с определенными словами и словосочетаниями являются ведущим объектом изображения энциклопедических справочников. Они сопоставлены с особыми концептами знания о мире и людях. Следственно в справочниках и энциклопедиях разграничивают внеязыковые реалии, резонируя наши разумение о разных вещах и предметах, явления природы и общества. Как правило, излагают сведения и важных событиях, исторические данные и биографии людей. Компендиумом об окружающем мире представляются словарями именно такого типа. В глубине каждого класса квалифицируют дополнительные свойства, которые обуславливают вид и качество сведений.

Важнейшим этапом исследования является деление словарей по содержанию на энциклопедические и лингвистические. Энциклопедические словари отображают концепцию об окружающем мире. В лингвистических словарях описываются языковые единицы: слова, фразеологизмы, а также морфемы. Толковые словари являются основным типом лингвистических одноязычных словарей. В особую группу невозможно не выделить исторические словари. Как правило, такие словари описывают историческое происхождения слова в определенный период.

Новая полоса изысканий в области типологий представляет собой классификации словарей в зависимости от установления и описания системных отношений между словами. Концепция лексической системы языка отображается в словарях омонимов, синонимов антонимов. Подчеркнём отображение общеупотребительной лексики и лексику особой сферы употребления, которые классифицируют по устной речи, ненормативной, а также бранной лексики, диалектам различных регионов, специальной лексике, которая находит своё место в отдельных отраслях науки и техники и, наконец, поэтическая лексика художественных произведений.

Невозможно не обратить внимание на то, как классифицируют словари по объекту описания. Такая классификация включает в себя энциклопедические и лингвистические словари. Энциклопедические содержат информацию о всевозможных явлениях, событиях, которые обозначены словами. Такие словари, как правило, не содержат местоимений, союзов, предлогов и т.п. Лингвистические описывают слово, объясняют его значение, обращая особое внимание на грамматические и орфографические особенности слов. Такие словари создают лингвисты, филологи и лексикографы. Рассматривается классификация по порядку расположения слов. Такая классификация включает в себя словари с расположением слов в алфавитном порядке.

Перспективу для решения данной проблемы открывают работы различных ученых. Важным для исследования является работа Л.В. Щербы и его положение о том, что существует шесть противопоставлений словарей. Весьма полезным для нас оказались результаты исследований, которые рассматривают противопоставление словаря справочника со словарём академического типа, энциклопедический словарь с общим, толковый с переводным и, наконец, исторический с неисторическим [Щерба 1974]. Опираясь на данные исследований, мы отметим, что остальные ученые лишь дополняли

противопоставление Щербы, а также уточняли. Современные исследователи сходятся во мнении, что на сегодняшний день уже не может быть универсальной любая классификация параметров. Данный вопрос неоднократно обсуждался в ходе конференций.

Исследуя работу филолога Е.В. Каламбет, мы исходим из основных концептуальных положений теории матричного описания словарей. Следует заметить, что её используют по причине пересечения классификаций словарей по разным параметрам. Это даёт основание говорить о затруднении построения единой классификации. Сфера таких исследований весьма разнообразна и получила освещение в ряде научных направлений [Денисов 1997].

Большинство авторов рассматривают и классифицируют словари по восьми признакам: конечно же по содержанию, способу описания, отбору лексики, единице описания, расположению материала, числу языков, а также по назначению и эпохе функционирования слова. Все эти признаки дифференциальные [Седых 2011; Седых, Бузинова 2019].

Многочисленные исследования показывают, что определяющее влияние на возникновение типологий словарей оказывают общие параметры. Первым параметром считается семиотический, затем формальный, следом прагматический и, наконец, лингвистический. Весьма полезным оказалась эта классификация. В каждом из этих параметров выделяют дифференциальные признаки. Так к семиотическому параметру относится признак единицы описания, язык описания, способ описания и принцип описания. К формальному параметру относится признак состава словаря, его объем, форма словарной статьи, порядок расположений. К прагматическому параметру относится национальность читателя, категория, возраст и назначение словаря. К последнему, лингвистическому параметру относится отношение к объекту, ко времени, к норме и аспекте языка.

И.С. Куликов и Д.В. Салмина 6 типологических оппозиций словарей лингвистических терминов. Основная ценность работы состоит – рассмотрение тематической направленности словарей лингвистических терминов. Так академический словарь является оппозицией учебного, алфавитный – тематического, оригинальный – переводного, словарь метаязыка – словаря мета-диалекта, общий – отраслевого, одноязычный – двуязычного [Бабкин 1975]. Проведенное исследование типологий известных ученых допускает утверждение, что типологии включают в себя множество признаков и оснований, однако типичные признаки возможно определить.

Глубокое и всестороннее рассмотрение различных аспектов этой темы в трудах Ю.С. Маслова. Теоретический анализ работы позволяет выделить перспективные направления лингвистических словарей. Выделяют общие и специальные виды. К общим относятся идеографические, толковые, переводные, частотные, грамматические, этимологические, исторические, полные диалекты, орфографические, орфоэпические. К специальным относятся фразеологические, словари «крылатых слов», народных пословиц и поговорок, синонимов, антонимов, омонимов, словари «ложных друзей переводчика», дифференциальные диалектные, словари иностранных слов, сокращений, словари имён собственных, а также рифм [Герд 1997].

В распространенном виде в зоне толкования выделяется следующая иерархическая последовательность дефиниционных построений, обусловленная типом словаря: 1) аналитические дефиниции; 2) дефиниции с опорой на производящее слово; 3) синонимические дефиниции; 4) совмещенные дефиниции; 5) синтаксические дефиниции; 6) антонимические дефиниции; 7) негативные дефиниции; 8) переводные дефиниции.

Таким образом, в результате изучения различных источников мы пришли к выводу, что дифференцирующие основания делают классификации более полными, четкими и более эффективными, но не универсальными. Ограниченность таких классификаций проявляется тогда, когда появляются принципиально новые типы словарей с признаками,

не включенными в классификацию. Классификационный тип словаря не может быть задан и определен заранее, а может быть описан через набор признаков, имеющих у словаря. В тоже время, создание типологий словарей позволяет спрогнозировать создание новых словарей, определять характер лексикографических проектов, стимулировать усилия лексикографов разных направлений. Это значит, что при создании типологии существующих словарей можно предвидеть словари, которые могут быть созданы. Из чего можно заключить, что систематизация и выстраивание общей типологии словарей, а также словарей современных моделей образуют область интересов новой теоретической лексикографии. Быстрому темпу современной жизни соответствуют постоянные изменения в языке, поэтому словари должны обновляться в соответствии с требованиями времени, и столь же важны полнота и скрупулезность.

Литература

1. Апажев М.А. Лексикография: теория и практика. Нальчик: Эльбрус, 2005. – 384с.
2. Бабкин А. М. Словарь языка и язык словаря (совершенствование замысла и исполнения нового академического словаря русского языка) // Современная русская лексикография. Ред. кол. А. М. Бабкин, Р. П. Рогожникова, В. Н. Сергеев. Д., 1975.- С. 3-23.
3. Герд С. А. Словарное значение слова и смысл // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии. Межвузовский сборник научных трудов. Отв. ред. О. М. Карпова. Иваново, 1997. - С. 192-198.
4. Денисов П. Н. Об универсальной структуре словарной статьи // Актуальные проблемы учебной лексикографии. Сост. В.А.Редькин. – М.,1977.-С.205-225.
5. Карунц Р. Г. Вопросы толкования глаголов начинательного способа действия в словарях (на примере глаголов с приставкой за-) II Словарные категории. Сборник статей. Отв. ред. Ю. Н. Караулов. — М., 1988.- С. 119-125.
6. Правдин М. Н. Словарное толкование, научность и здравый смысл // ВЯ 1983 -№6-С.3-15.
7. Рублёва О.С. некоторые типы словарей и параметры их классификации, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-tipy-slovaray-russkogo-yazyka-i-parametry-ih-klassifikatsii/viewer> (дата обращения 15.04.2020).
8. Седых А.П. Специфика речевого воздействия Жака Ширака // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). 24-29.
9. Седых А.П., Бузинова Л.М. Французская языковая личность: академический и хроматический дискурс. М.: ЛЕНАНД, 2019. 128.
10. Томаревский Е.Н. Анализ отечественных и зарубежных типологий и классификаций словарей., 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://vuzlit.ru/867353/tipologii_i_klassifikatsii_slovaray (дата обращения 15.04.2020)

References

1. Apazhev M.A. Lexicography: theory and practice. Nalchik: Elbrus, 2005. -- 384s.
2. Babkin A. M. Dictionary of language and the language of the dictionary (improving the design and execution of the new academic dictionary of the Russian language) // Modern Russian lexicography. Ed. count A.M. Babkin, R.P. Rogozhnikova, V.N. Sergeev. D., 1975.- S. 3-23.
3. Gerd S. A. Vocabulary meaning of a word and meaning // Actual problems of theoretical and applied lexicography. Interuniversity collection of scientific papers. Repl. ed. O.M. Karpova. Ivanovo, 1997. -- S. 192-198.
4. Denisov PN About the universal structure of the dictionary entry // Actual problems of educational lexicography. Sost. V.A. Redkin.-M., 1977.-S.205-225.
5. Karunts R. G. Questions of the interpretation of verbs of the initial way of acting in dictionaries (for example, verbs with the prefix z-) II Dictionary categories. Digest of articles. Repl. ed. Yu. N. Karaulov. - M., 1988.-S. 119-125.
6. Pravdin MN Dictionary interpretation, scientific and common sense // VY 1983 -№6-S.Z-15.
7. Rublyova O.S. some types of dictionaries and parameters of their classification, 2013 [Electronic resource]. URL: [:https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-tipy-slovaray-russkogo-yazyka-i-parametry-ih-klassifikatsii/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-tipy-slovaray-russkogo-yazyka-i-parametry-ih-klassifikatsii/viewer) (accessed 04.15.2020).
8. Sedykh A.P. (2011) *Specifika rechevogo vozdeystviya Zhaka Shiraka* [Specifics of speech effect of Jacques Chirac] // *Politicheskaja lingvistika*. 2011. № 1 (35). 24-29.
9. Sedykh A.P., Buzinova L.M. *Francuzskaja jazykovaja lichnost': akademicheskij i hromaticheskij diskurs* [French language identity: academic and chromatic discourse]. Moscow: LENAND, 2019. 128.
10. Tomarevsky E.N. Analysis of domestic and foreign typologies and classifications of dictionaries., 2012 [Electronic resource] .URL: https://vuzlit.ru/867353/tipologii_i_klassifikatsii_slovaray (accessed 04.15.2020)

УДК 811.112.2

АББРЕВИАТУРЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ИХ ОСНОВНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ

Обрезанова, Карина Александровна

студентка кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / *obrezanovapedagog@gmail.com*

Аннотация

Аббревиатуры в современном немецком языке являются достаточно распространенным видом слов. Аббревиация – это один из продуктивных способов образования слов в немецком языке. В нашей работе рассматриваются наиболее известные классификации аббревиатур и их подтипы. Актуальностью исследования является быстрый рост различных сокращений. Для немецкого языка аббревиатуры являются средством удобства и экономии времени, поэтому происходит быстрое увеличение числа различных сокращений.

Ключевые слова: Аббревиатура, классификация, модели, типы, подтипы.

ABBREVIATIONS OF THE GERMAN LANGUAGE AND THEIR BASIC CLASSIFICATIONS

Obrezanova, Karina Alexandrovna

Student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *obrezanovapedagog@gmail.com*

Abstract

Abbreviations in modern German are a fairly common type of word. Abbreviation is one of the productive ways of forming words in German. In our work, we consider the most famous classifications of abbreviations and their subtypes. The relevance of the study is the rapid growth of various abbreviations. For the German language, abbreviations are a means of convenience and time saving, so there is a rapid increase in the number of various abbreviations.

Key words: Abbreviation, classification, models, types, subtypes.

Известно, что немецкий язык состоит из множества многосложных слов и сложных словосочетаний. Данная особенность языка для многих людей доставляла большие неудобства, поэтому для упрощения написания таких слов и словосочетаний в письменной речи стали использоваться сокращения или их еще называют аббревиатуры (нем. *Abbraviatur, Abkürzung*).

Возникновение аббревиатур продиктовано потребностью экономить время, стремлением передать большое количество информации наименьшим объемом средств, что отвечает высокому ритму повседневной жизни общества. Современная жизнь характеризуется быстрым развитием электронных технологий, повышающейся популярностью Интернета и мобильной связи, что содействует широкому внедрению сокращений в повседневную речь. А одним из основных проводников сокращений в словарном составе языка выступает язык средств массовой информации. Актуальность данного исследования обуславливается быстрым увеличением числа сокращенных слов в современном немецком языке. Для начала мы рассмотрим, что из себя представляет понятие Аббревиация. Аббревиация – это «процесс создания единиц вторичной номинации со статусом слова, который состоит в усечении любых линейных частей источника мотивации и который приводит в результате к появлению такого слова, которое по своей форме отражает какую-либо часть или части компонентов исходной мотивирующей единицы. А результатом такого процесса является аббревиатура» [Ракитин 2007, 16]. Для того, чтобы понять суть процесса немецкоязычной аббревиации нужно изучить ее общеисторический подход, потому что без сведений о прошлом невозможно успешно словотворить в настоящем. Процесс аббревиации нельзя назвать феноменом XX века. Данный феномен также стар, как и письменный язык. В древние времена таблички, пергамент и бумага стоили очень дорого и поэтому люди пользовались сокращениями. Примерами таких сокращений могут служить аббревиация *R.I.P.* («*Requiescat in pace*» – «*Покойся с миром*») или аббревиация *SPQR* («*Senatus*

Populusque Romanus» – «Сенат и римский народ»). Конец XIX века ознаменован ростом в процессе формирования аббревиатур специальных языков. Следующим «периодом расцвета» этого феномена является период Первой мировой войны, который обогатил язык военными и техническими аббревиатурами [Седых 2011].

В период Второй мировой войны также появляется большое количество аббревиатур. Этот период рассматривается как языковой и культурный «переломный момент» в истории немецкого языка. В 50-е года большое количество ученых занимаются анализом и классификацией аббревиатур [Steinhauer 2000, 15]. В 80-е годы в книгах по словообразованию и германистике аббревиация заняла собственное место с другими способами словообразования. В 90-е годы появились средства информационной обработки, из-за которых появилось большое количество новых аббревиатур. Они касались почти всех областей жизнедеятельности общества. Но с данным феноменом не всегда так хорошо обстояло дело. В XX века аббревиация была подвергнута нападкам людей, которые боролись за сохранение изначально чистого немецкого языка. Они видели в распространении аббревиатур угрозу гибели языка, именуя этот феномен готтентотским языком, эпидемией, бациллой, словесным чудовищем, аббревиатурным помешательством, обезображиванием родного языка, и тщетно старались вести с ними борьбу [Kobler-Trill 1994, 181], при этом они не понимали, что аббревиатуры в некотором роде являются богатством языка. Но неблагоприятные времена для аббревиатур вскоре закончились. В настоящее время аббревиатуры не подвергаются критике ни одним лингвистом.

Из-за того, что аббревиатуры стали стремительно развиваться, возникла необходимость классифицировать данные явления. Аббревиатуры могут образовываться по разным моделям. Почти каждый исследователь, который занимался данным явление предлагал свою классификацию аббревиатур или сокращений. В немецком языке данным вопросом занимались: Г. Бельманн, В. Фляйшер, Т. Шиппан, А. Штайнхауэр и другие.

На сегодняшний момент времени в языкознании существуют следующие критерии, которые позволяют распределить аббревиатуры на определенные группы: структура, модели образования, освоенность и сфера употребления.

В данной статье мы рассмотрим две группы классификаций Л.Б. Ткачева, И.В. Арнольд и Г. Бельманна, которые показали нам наиболее простыми и значимыми. Л.Б. Ткачева, И.В. Арнольд выделяют следующие виды инициальных аббревиатур [Арнольд 2009, 6]:

- по типу произношения:

1) Звуковые аббревиатуры – это такие аббревиатуры, в которых присутствует гласный звук, а сама аббревиатура произносится как слово.

Например:

- *GOPA* – *Gesellschaft für Organisation, Planung und Ausbildung* – *Общество по организации, планированию и обучению;*

- *DEULA* – *Deutsche Lehranstalt für Agrartechnik* – *Немецкая сельскохозяйственная академия;*

- *INTERGU* – *Internationale Gesellschaft für Urheberrecht* – *Международный союз по авторскому праву.*

2) Буквенные аббревиатуры – это такие аббревиатуры, которые произносятся по буквам.

Например:

- *DDR* – *Deutsche Demokratische Republik* – *Германская Демократическая Республика;*

- *SPD* – *Sozialdemokratische Partei Deutschlands* – *Социально демократическая партия Германии;*

- *CDU* – *Christlich Demokratische Union* – *Христианско-демократический союз.*

- по количеству начальных букв:

1) Аббревиатуры, которые состоят из двух буквы

Например:

- *GU – Gemeinschaftsunternehmen – Совместное предприятие;*
- *VE – Volksentschei – Референдум;*
- *JA – Jahresabschluss – Финансовая отчетность.*

2) Аббревиатуры, которые состоят из трех букв

Например:

- *BGH – Bundesgerichtshof – Верховный федеральный суд;*
- *SDS – Schutzverband Deutscher Schriftsteller – Ассоциация немецких писателей;*
- *PRK – Demokratische Volksrepublik Korea – Корейская Народно-Демократическая Республика.*

3) Аббревиатуры, которые состоят из четырех букв

Например:

- *TTIP – Transatlantic Trade and Investment Partnership – Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство;*
- *ÖVGW – Österreichische Vereinigung für das Gas- und Wasserfach – Австрийская ассоциация газового и водного сектора;*
- *NOFV – Nordostdeutscher Fußballverband – Северо-Восточная Немецкая Футбольная Ассоциация.*

4) Аббревиатуры, которые состоят из пяти букв

Например:

- *BMVBS – Bundesministerium für Verkehr, Bau- und Stadtentwicklung – Федеральное министерство транспорта, строительства и градостроительства ФРГ;*
- *LArbG – Landesarbeitsgericht – Государственный трудовой суд;*
- *NAGUS – Normenausschuss Grundlagen des Umweltschutzes – Комитет по стандартам охраны окружающей среды.*

5) Аббревиатуры, которые состоят из шести и более букв

Например:

- *ORVetR – Oberregierungsveterinärerrat – Высший государственный ветеринарный совет;*
- *RVAndG – Rentenversicherungs –Änderungsgesetz – Закон об изменении пенсионного страхования;*
- *EUROPOL – Europäisches Polizeiamt – европейское полицейское управление.*

Еще один лингвист, который занимался исследованием аббревиатур, Г. Бельманн выделил следующие типы аббревиатур [Bellmann 1980, 370]:

1) Односегментные аббревиатуры (Unisegmentale KW) – это аббревиатуры, которые состоят из связной части полной формы. У полной формы может быть усечено начало, середина или конец. Например:

В результате усечения остается начальная часть:

- *Assi – Assistent – Ассистент;*
- *Demo – Demonstration – Демонстрация;*
- *Treff – Treffpunkt – Место встречи.*

В результате усечения остается конечная часть:

- *Platte – Schallplatte – Виноловая пластинка;*
- *Bombe – Atombombe – Атомная бомба;*
- *Band – Tonband – Магнитофонная лента.*

Примеров с усечением середины нам не удалось выявить, но это не означает, что их не существует.

2) Мультисегментальные (Multisegmentale KW) – это аббревиатуры, которые состоят из нескольких несвязных сегментов полной формы. У них есть следующие подтипы:

1. Initialkurzwörter (инициальные аббревиатуры)

Например:

- **BLfD** – *Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege* – Баварское государственное управление по сохранению памятников;

- **DDP** – *Deutsche Demokratische Partei* – Германская демократическая партия;

- **GDL** – *Gemeinschaft Deutscher Lehrerverbände* – Ассоциация немецких учителей.

2. Silbenkurzwörter (слоговые аббревиатуры)

Например:

- **Eurostat** – *Europäische Statistikamt* – Европейское управление статистикой;

- **Kripo** – *Kriminalpolizei* – Криминальная полиция;

- **Schiri** – *Schiedsrichter* – Судья.

3. Mischkurzwörter (смешанные аббревиатуры)

Например:

- **EUWID** – *Europäischer Wirtschaftsdienst* – Европейская экономическая служба;

- **INTAKO** – *Internationaler Tanzlehrerkongress* – Международный конгресс учителей танцев;

3) **Частично-сокращенные аббревиатуры (Partielle KW)** – это аббревиатуры, в которых сокращена только часть начальной формы, в то время как последний компонент полной формы остается неизменным [Bellmann 1980, 370-372].

Например:

- **U-Bahn** – *Untergrundbahn* – Метро;

- **D-Linie** – *Demarkationslinie* – Демаркационная линия;

- **U-Musik** – *Unterhaltungsmusik* – Легкая музыка.

Проанализировав некоторые статьи из таких газет как Focus, Spiegel и Zeit нам удалось выявить следующие виды аббревиатур:

1. **Звуковые аббревиатуры:** **IBAN** – *International Bank Account Number*; **SARS** – *Schweren Akuten Respiratorischen Syndrom*; **FAZ** – *Frankfurter Allgemeine Zeitung*; **LEA** – *Landeserstaufnahmeeinrichtung*.

2. **Буквенные аббревиатуры:** **SPD** – *Sozialdemokratische Partei Deutschlands*; **CDU** – *Christlich Demokratische Union*; **FDP** – *Freie Demokratische Partei*; **ZDF** – *Zweites Deutsches Fernsehen*; **ARD** – *Arbeitsgemeinschaft der öffentlich-rechtlichen Rundfunkanstalten der Bundesrepublik Deutschland*; **LKA** – *Landeskriminalamt*; **NRW** – *Nordrhein-Westfalen*; **PTBS** – *posttraumatischen Belastungsstörung*; **CSU** – *Christlich-Soziale Union*; **BDA** – *Bedienungsanleitung*; **KMK** – *Kultusministerkonferenz*; **WHO** – *Weltgesundheitsorganisation*; **RKI** – *Robert-Koch-Institut*; **GVL** – *Gesellschaft zur Verwertung von Leistungsschutzrechten*; **EG** *Europäische Gemeinschaft*.

Аббревиатуры, которые делятся по количеству букв:

1. **Аббревиатуры, которые состоят из двух букв:** **EU** – *Europäische Union*; **EG** – *Europäische Gemeinschaft*.

2. **Аббревиатуры, которые состоят из трех букв:** **SPD** – *Sozialdemokratische Partei Deutschlands*; **CDU** – *Christlich Demokratische Union*; **FDP** – *Freie Demokratische Partei*; **ZDF** – *Zweites Deutsches Fernsehen*; **ARD** – *Arbeitsgemeinschaft der öffentlich-rechtlichen Rundfunkanstalten der Bundesrepublik Deutschland*; **LKA** – *Landeskriminalamt*; **NRW** – *Nordrhein-Westfalen*; **CSU** – *Christlich-Soziale Union*; **BDA** – *Bedienungsanleitung*; **KMK** – *Kultusministerkonferenz*; **WHO** – *Weltgesundheitsorganisation*; **LEA** – *Landeserstaufnahmeeinrichtung*; **RKI** – *Robert-Koch-Institut*; **JHU** – *Johns Hopkins University*; **GVL** – *Gesellschaft zur Verwertung von Leistungsschutzrechten*.

3. **Аббревиатуры, которые состоят из четырех букв:** **IBAN** – *International Bank Account Number*; **PTBS** – *posttraumatischen Belastungsstörung*; **SARS** – *Schweren Akuten Respiratorischen Syndrom*; **BMWi** – *Bundesministerium für Wirtschaft*.

Также нам удалось выявить такой тип аббревиатур как **инициальные:** **SPD** – *Sozialdemokratische Partei Deutschlands*; **CDU** – *Christlich Demokratische Union*; **FDP** – *Freie Demokratische Partei*; **ZDF** – *Zweites Deutsches Fernsehen*; **SARS** – *Schweren Akuten*

Respiratorischen Syndrom; EU – Europäische Union; EG – Europäische Gemeinschaft; CSU – Christlich-Soziale Union; RKI – Robert-Koch-Institut; JHU – Johns Hopkins University.

Из проведенного анализа следует, что в немецком языке часто встречающимися аббревиатурами являются аббревиатуры, которые различаются по типу произношения: буквенные и звуковые; аббревиатуры, которые различаются по количеству букв и инициальные аббревиатуры.

Таким образом, в немецком языке существует большое разнообразие сокращений, которыми активно пользуются носители немецкого языка в повседневной жизни. Аббревиатуры просочились почти во все сферы деятельности немцев. Это явление лингвистическое и встречается буквально во всех стилях речи: официально-деловом, публицистическом и научном. Их можно встретить в разных текстах, например: газетных или журнальных статьях, объявлениях, рекламе, различных инструкциях, научных трудах. Аббревиатуры помогают людям упростить речь и сэкономить время при передаче большого количества информации. Их количество постоянно растет, тем самым обогащая немецкий словарный состав языка. Но существуют большие сложности, если человек незнаком с этой областью, поэтому люди создают специальные словари. Чтобы пользоваться аббревиатурами, необходимо знать их виды, по каким принципам они образуются. Чем большим количеством аббревиатур в различных областях владеет человек, тем больше у него возможностей упростить и облегчить выражение своих мыслей, а также донести до других свои мысли и усвоить новую информацию.

Литература

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Наука, 2009. 312 с.
2. Ракитина Н.Н. Лингвокультурологические аспекты функционирования аббревиатур в политическом дискурсе: дисс. к. филол. н. Челябинск, 2007. 253 с.
3. Седых А.П. Специфика речевого воздействия Жака Ширака // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). 24-29.
4. Bellmann G. Zur Variation im Lexikon. Kurzwort und Original // Wirkendes Wort 30. Tübingen, 1980. S. 369-383.
5. Duden. Das Wörterbuch der Abkürzungen. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2014. 512 S.
6. Focus online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.focus.de/>
7. Kobler-Trill D. Das Kurzwort im Deutschen: Eine Untersuchung zu Definition, Typologie und Entwicklung. Tübingen: Niemeyer, 1994. 238 S.
8. Spiegel online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spiegel.de/>
9. Steinhauer A. Sprachökonomie durch Kurzwörter: Bildung und Verwendung in der Fachkommunikation. Tübingen: Gunter Narr, 2000. 371 S.
10. Woxikon [Электронный ресурс]. URL: <https://abkuerzungen.woxikon.de/>
11. Zeit online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zeit.de/index>

References

1. Arnold I.V. Lexicology of modern English. M.: Science, 2009. 312.
2. Rakitina N.N. Linguoculturological aspects of the functioning of abbreviations in political discourse: diss. k. philol. n. Chelyabinsk, 2007. 253.
3. Sedykh A.P. (2011) *Specifics of speech effect of Jacques Chirac* // *Politicheskaja lingvistika*. 2011. № 1 (35). 24-29.
4. Bellmann G. For variation in vocabulary. Short word and original // *Effective word* 30. Tublingen, 1980. P. 369-383.
5. Duden. Dictionary of abbreviations. Mannheim - Leipzig - Vienna – Zurich: Duden publication, 2014. 512.
6. Focus online [Electronic resource]. URL: <https://www.focus.de/>
7. Kobler-Trill D. German abbreviations: Study of definition, typology and development. Tubingen: Niemeyer, 1994. 238.
8. Spiegel online [Electronic resource]. URL: <https://www.spiegel.de/>
9. Steinhauer A. Economics of language through abbreviations: training and use in professional communication. Tubingen: Gunter Narr, 2000. 371.
10. Woxikon [Electronic resource]. URL: <https://abkuerzungen.woxikon.de/>
11. Zeit online [Electronic resource]. URL: <https://www.zeit.de/index>

УДК 81'374

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП В ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ

Парамонова, Мария Константиновна

специалист Проектной научно-исследовательской лаборатории
инновационных средств обучения русскому языку
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия / paramonovamk@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена проблеме организации тематических групп в словаре идеографического типа на примере выпуска «Бог, религия» Русского тематического словаря (РТС), работа над которым ведется в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. РТС имеет тематико-идеографическую ориентацию: лексический массив словаря представляет собой коллекцию тематических групп, расположенных в соответствии с идеографическим синопсисом, внутри которых лексика выстроена согласно смысловой близости. В статье приводится сокращённый синопсис словаря, и рассматриваются основные организационные принципы расположения лексики внутри групп на трёх структурных уровнях: определяются минимальные организационные единицы (отдельные словарные статьи, словообразовательные гнезда, синонимические ряды), описывается их организация с помощью универсальных (логический, хронологический, ассоциативный) и свойственных исключительно религиозной лексике (церковные иерархии) принципов, приводится пример организации крупных тематических блоков от более общих в семантическом отношении к более частным.

Ключевые слова: русский язык, религиозная лексика, лексикография, идеография, словарь, идеографический словарь, тематический словарь.

THEMATIC GROUPS ORGANIZATION IN THE IDEOGRAPHIC DICTIONARY OF RELIGIOUS VOCABULARY

Paramonova, Maria Konstantinovna

specialist of Innovative Russian Language Tutorials Laboratory
Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russian Federation / paramonovamk@gmail.com

Abstract

The article considers the thematic groups organization problem in the issue “God, religion” of The Russian Thematic Dictionary, which is being developed at Pushkin State Russian Language Institute. This dictionary has a thematic-ideographic orientation: the lexical array is split among thematic groups arranged in accordance with the thematic dictionary plan, lexical units are located according to semantic proximity within groups. The article provides an abbreviated thematic dictionary plan and discusses the basic organizational principles for lexical units location within groups at three structural levels: minimal organizational units are defined (separate vocabulary entries, derivational cluster, synonym set), the using universal (logical, chronological, associative) and special (church hierarchies) principles are described, an example of the large thematic blocks organization from the general to the specific is given.

Keywords: Russian language, religious vocabulary, lexicography, ideography, dictionary, ideographic dictionary, thematic dictionary.

Идеографические словари не являются редкостью для русской лексикографии. Несмотря на то, что первые словарные произведения этого типа начали создаваться только в конце 70-х годов, за последние полвека было выпущено несколько десятков словарей, имеющих идеографическую ориентацию. Назовем некоторые из них: «Тематический словарь русского языка для башкирской средней школы» Л.Г. Саяховой, Д.М. Хасановой (1976), «Идеографический словарь русского языка» О.С. Баранова (1995), «Русский семантический словарь» (1998-2007), «Тематический словарь русского языка» Л.Г. Саяховой, Д.М. Хасановой, В.В. Морковкина (2000), «Русский идеографический словарь» (2011) под ред. Н.Ю. Шведовой, серия словарей под редакцией Л.Г. Бабенко (например, «Словарь-тезаурус русских прилагательных: Идеографическое описание» (2011). Отдельно необходимо отметить идеографический раздел «Лексической основы русского языка» под редакцией В.В. Морковкина (1984).

Несмотря на то, что все вышеперечисленные словари направлены на описание тематического разнообразия русской лексики, «подходы к созданию идеографических словарей, к представлению в них лексического материала весьма разнообразны» [4, с. 184]. Вариативность идеографического описания свидетельствует о его большом

потенциале, однако приводит к тому, что алгоритмы работы над словарями этого типа вырабатываются для каждого отдельного лексикографического проекта практически с нуля. Наиболее существенными вопросами являются отбор словника, создание синопсиса, внутренняя организация тематических групп.

Последняя проблема актуализировалась при работе над Русским тематическим словарем (РТС) – лексикографическим проектом Института Пушкина, соединяющим в себе «две основные разновидности идеологического словаря, а именно: словарь идеографический (идеографический тезаурус) и словарь тематический (учебный идеографический)» [2, с. 50]. Создатели словаря ставят перед собой цель максимально полно описать лексическое содержание каждой понятийной области, захватывая не только ядерные, но и периферийные единицы. Ориентация на активные виды речевой деятельности проявляется в предоставлении пользователю максимально полного комплекса языковой информации [2, с. 50-51].

Описание понятийных областей имеет следующую организацию: лексический массив словаря представляет собой коллекцию тематических групп, имеющих древовидную структуру и дробящихся на всё более мелкие подгруппы, расположенные в соответствии с идеографическим синопсисом, внутри которых лексика выстроена согласно смысловой близости.

В качестве примера рассмотрим выпуск РТС «Бог, религия», объём которого составляет 2500 словарных статей. Его синопсис, разработанный после анализа нескольких классификаций религиозной лексики (Г.Н. Складневской [10, с. 38], Р.И. Горюшиной [3, с. 7-11], О.В. Миловановой [5, с. 18-19], Ю.Н. Михайловой [6, с. 45-49], В.В. Морковкина [8, с. 133]) выглядит следующим образом:

- 1.0. Божественное (13 подгрупп)
- 2.0. Религиозность (14 подгрупп)
- 3.0. Церковь: общие понятия, РПЦ (10 подгрупп)
- 4.0. Откровение (нет подгрупп)
- 5.0. Священные книги (4 подгруппы)
- 6.0. Вера vs. неверие (9 подгрупп)
- 7.0. Та же религиозная, вероисповедная принадлежность vs. другая религиозная, вероисповедная принадлежность (2 подгруппы)
- 8.0. Благочестие vs. отсутствие благочестия, святость (5 подгрупп)
- 9.0. Общение с Богом, молитва (нет подгрупп)
- 10.0. Богословие: общие понятия (8 подгрупп)
- 11.0. Религиозное осмысление мира, религиозная космология (8 подгрупп)
- 12.0. Религиозное регулирование жизни, церковное право (нет подгрупп)
- 13.0. Духовенство: общие понятия (6 подгрупп)
- 14.0. Миряне, паства (нет подгрупп)
- 15.0. Общение между клириками и мирянами, а также между мирянами (2 подгруппы)
- 16.0. Церковное одобрение, поощрение vs. церковное осуждение, наказание (нет подгрупп)
- 17.0. Богослужение: общие понятия (6 подгрупп)
- 18.0. Таинства: общие понятия (6 подгрупп)
- 19.0. Иконопочитание, иконопись (8 подгрупп)
- 20.0. Проповедь, миссионерство (нет подгрупп)
- 21.0. Праздники и именованные дни, эортология (7 подгрупп)
- 22.0. Святые места (3 подгруппы)
- 23.0. Храм: общие понятия (3 подгруппы)
- 24.0. Церковное образование (нет подгрупп)

Тематический план словаря насчитывает 24 группы и 114 подгрупп, образующих частные иерархические системы. Создатели словаря не ставили перед собой задачу создать единую иерархическую структуру. Выбранный способ организации лексики

можно назвать индуктивным, это не «логически непротиворечивая древовидная структура категорий», но «множество “деревьев” относительно небольшой глубины», связанных друг с другом горизонтально [1, с. 25].

Внутри тематических групп можно выделить несколько уровней организации лексики.

На первом уровне находятся:

1. Словообразовательное гнездо.

Члены словообразовательного гнезда группируются в следующем порядке: существительное, прилагательное, глагол, наречие, слово категории состояния. Например, *священнодействие, священнодейственный, священнодействовать; христианство, христианский, христианизировать, христианизироваться*. Дериваты также располагаются рядом: *прославление, прославить, новопрославляемый; мученик, мученица, первоученик, великомученик, великомученица*.

2. Синонимические ряды.

Религиозная лексика активно вступает в синонимические отношения [9], в том числе образует ряды абсолютных синонимов, которые выступают как организационная единица первого уровня: *лик святости – лик святых, молитвослов – молитвенник (а), купель – крестильница, архиерейский амвон – облачальное место, теплота – заправка*. Наименования праздников образуют многокомпонентные синонимические цепочки, которым свойственно стилистическое расслоение: *Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии Покров офиц., Покров [Пресвятой] Богородицы с оттенком офиц., Покров, Покров день неофиц.*

3. Отдельные словарные статьи.

Блок словарных статей, заголовочное слово которых не имеет дериватов и не вступает в отношения синонимии, занимает приблизительно четверть словаря: например, *богопознание, хлеб и вино, епитимья, извод, Аксиос*. Иногда отсутствие словообразовательных связей вызвано особенностями тематической группы: например, в группе «10.4.1. Добродетель, добрые дела» находятся словарные статьи *вера (а), любовь, надежда, воздержание, целомудрие, нестяжание, кротость* и др. Включение отдельных словарных статей для дериватов этих лексических единиц является избыточным в контексте тематической группы «Бог, религия».

Перечисленные выше единицы первого уровня могут комбинироваться. Например, синонимический ряд может включать отдельную лексическую единицу: *патерик, патериковый, отечник (син. патерик)*. Также часто наблюдается синонимия между членами словообразовательных гнезд: *богословие – теология, богословский – теологический, богослов – теолог*.

Второй уровень организации – расположение единиц первого уровня по смысловой близости. Можно выделить четыре принципа расположения лексики:

1. Универсальные приёмы организации лексики, основанные на логическом отношении между сравнимыми понятиями. К ним относятся: синонимия (сходство), антонимия (контраст), сужение (родо-видовые отношения), смещение (соподчинение), перенос (причина – следствие, действие – результат, целое – часть, действитель – объект) [7, с. 30].

Не все логические принципы организации являются продуктивными для религиозной лексики, чаще всего используется принцип сходства. Например, таким образом выстроена группа «1.2.4. Иисус Христос»: *Иисус Христос, Иисус, Христос, Спаситель*. Другой распространённый вид отношений слов внутри группы – сужение (род – вид). Этот принцип позволяет упорядочить достаточно разнообразный материал, например, лики святости (*апостол, жены-мироносицы, пророк, исповедник (а), мученик и др.*), иконографию Богородицы (*икона Божией Матери – Оранта, Елеуса, Одигитрия*), виды проповеди (*гомилия, беседа, поучение, слово*). Достаточно часто используется перенос «часть – целое»: например, после словарной статьи *Пятикнижие*, следуют книги,

которые его составляют: *Книга Бытия, Книга Исход, Книга Левит, Книга Чисел, Второзаконие.*

2. Принципы организации, опирающиеся на внеязыковой материал.

К религиозной лексике хорошо применим хронологический принцип. Он позволяет логично расположить материал тематической группы «21.0. Праздники и именованные дни, эортология», а также группы «5.1. Предания, легенды, связанные с библейскими событиями», в которой ключевые события и имена расположены в порядке упоминания в Священном Писании.

Согласно пространственному принципу организована лексика группы «22.0. Святые места»: словарные статьи, посвящённые святыням, расположены относительно территориальной близости друг к другу (*Иерусалим – Храм Гроба Господня, Гефсимания, Елеонская Гора* и др.; *Кана Галилейская – Фавор, Иордан*).

3. В отдельную категорию необходимо выделить принципы, основанные на церковном регламенте.

Внутренняя церковная организация предполагает наличие определенных жёстких последовательностей, которые могут хорошо структурировать религиозную лексику: например, в группе «13.1. Священная и правительственная иерархия» последовательно представлена лексика, связанная сначала с диаконской степенью, затем со священнической и с епископской. В группе, посвящённой монашеству, использовалась последовательность монашеских степеней (*трудник, послушник, инок, монах, малосхимник, великосхимник*).

4. Ассоциативный принцип.

Ассоциативные отношения между словами являются наименее формализованными, этот принцип применяется, если блоки первого уровня практически равноценны, и невозможно установить непротиворечивую последовательность. Например, в группе «2.2. Отрицание религии, атеизм» последовательно следуют словообразовательные гнезда с вершинами *ате'изм, антирелиги'озность, безрелиги'озность, богоб'орчество*.

Тематический блок второго уровня, имеющий внутреннюю организацию, может ограничиваться рамками отдельной нумерованной подгруппы или являться элементом более крупной организационной единицы. В таком случае к нему может быть применён ассоциативный принцип или принцип расположения от более общих в семантическом отношении тематических блоков к более частным. Например, в группе «9.0. Общение с Богом, молитва» выделяются блоки: *молитва, крестное знамение, коленопреклонение*. По ассоциативному принципу выстроена группа «3.2.1. Старообрядчество», в ней последовательно расположены блоки, сформированные вокруг словарных статей, *старообрядец, старовер, раскол, толк, скит (в), двуперстие*.

Таким образом, организация лексики внутри тематической группы опирается как на универсальные приёмы, пригодные для структурирования любого материала, так и на внеязыковые принципы, выведенные в результате анализа конкретного лексического массива.

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Семантика фразеологизмов: иерархия или сеть? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). – М.: Изд-во РГГУ, 2010. – С. 25-29.
2. Богачева Г.Ф., Ольховская А.И. «Русский тематический словарь»: традиции и новации // Русский язык за рубежом. 2016. № 4. – С. 49-55.
3. Горюшина Р.И. Лексика христианства в русском языке (системное отношение прямых профессиональных и производных светских слов): Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 179 с.
4. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – 631 с.
5. Милованова О.В. Актуализированная лексика русского языка новейшего периода (по материалам толковых словарей): Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2001. – 197 с.
6. Михайлова Ю.Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (По данным толковых словарей русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 171 с.
7. Морковкин В.В. Идеографические словари. – М.: Издательство Московского университета, 1970. – 71 с.

8. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы: (слова, которые мы не знаем). – М.: Б. и., 1997. – 414 с.
9. Парамонова М.К. Лексическая синонимия религиозной лексики: особенности и типология // *Litera*. 2018. № 1. – С. 23-28.
10. Складневская Г.Н. Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикологического анализа и лексикографического описания // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2012. Т. 11. Вып. 9: Филология. – С. 36-40.

References

1. Baranov Anatolij, Dobrovolskij Dmitrij. Semantics of idioms: hierarchy or semantic net? *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"*. Issue 9 (16) (2010): pp. 25-29.
2. Bogacheva Galina, Olkhovskaya Aleksandra. Russian Thematic Dictionary: tradition and innovation. *Russkij iazyk za rubezhom*. Issue 4 (2016): pp. 49-55.
3. Goriushina Rozantina. *The vocabulary of Christianity in the Russian language (the systemic relationship of direct confessional and derived secular words)*. Volgograd, 2002. 179 p.
4. Kozurev Vladimir, Chernyak Valentina. *Lexicography of the Russian language: the present and past centuries*. Saint Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2015. 631 p.
5. Milovanova Olga. *Actualized vocabulary of the Russian language of the latest period (based on materials from explanatory dictionaries)*. Voronezh, 2001. 197 p.
6. Mikhajlova Iuliia. *Religious Orthodox vocabulary and its fate (According to the explanatory dictionaries of the Russian language)*. Yekaterinburg, 2004. 171 p.
7. Morkovkin Veniamin. *Ideographic Dictionaries*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1970. 71 p.
8. Morkovkin Veniamin, Morkovkina Anna. *Russian agnonyms: (words that we don't know)*. Moscow: without publisher, 1997. 414 p.
9. Paramonova Mariia. Leksicheskaia sinonimiiia religioznoj leksiki: osobennosti i tipologiiia. *Litera*. Issue 1 (2018): pp. 23-28.
10. Skliarevskaja Galina. The vocabulary of orthodoxy in modern Russian: an experience of lexicological analysis and lexicographical description. *Academic journal "Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology"*. Vol. 11, Issue 9 (2016): pp. 36-40.

УДК 811.111

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА СЛОВ БЛЕНДОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОДНОЯЗЫЧНЫХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ)

Селютина, Екатерина Александровна

магистрант кафедры английского языка и методики преподавания
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / 1338263@bsu.edu.ru

Научный руководитель: кандидат филол. наук, доцент Голубева Юлия Викторовна

Аннотация

Статья посвящена исследованию телескопии как одному из наиболее популярных способов словообразования в современном английском языке. Появление значительной части телескопических единиц в современном английском языке обусловлено непрекращающимися социальными, политическими и культурными изменениями, происходящими в англоговорящем обществе. В статье рассматриваются классификации телескопических единиц с точки зрения структуры и семантики. Предоставляется количественный анализ отобранного материала и намечаются перспективы исследования телескопических единиц.

Ключевые слова: явление телескопии, блендинг, словообразование, телескопическая единица, неологизм.

STRUCTURE AND SEMANTICS OF BLEND WORDS IN MODERN ENGLISH LANGUAGE (BASED ON MONOLINGUAL EXPLANATORY DICTIONARIES)

Seliutina, Ekaterina Aleksandrovna

Graduate student of The Department of the English Language and Teaching Methods
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / 1338263@bsu.edu.ru

Abstract

The article is devoted to the study of telescoping as one of the most popular word formation methods in modern English. The emergence of a significant part of telescopic units in modern English is due to the ongoing social, political and cultural changes taking place in the English-speaking society. The article discusses the classification of

telescopic units in terms of structure and semantics. A quantitative analysis of the selected material is provided and the prospects for the study of telescopic units are outlined.

Keywords: the phenomenon of telescoping, blending, word formation, telescopic unit, neologism.

Современный английский язык, который многие исследователи считают «глобальным», «мировым» языком, переживает настоящий неологический бум, результатом которого является не только значительное увеличение словарного состава, но и качественные изменения в путях, способах и средствах образования новых лексических единиц.

В лингвистических исследованиях последних лет всё больше внимания уделяется телескопии, как «одному из самых продуктивных способов английского словообразования» [Дубенец 2003, 13]. В современной отечественной и зарубежной лингвистике наблюдается существенная вариативность в отношении обозначения термина «телескопия». Л. Ф. Омельченко отмечает разнообразие терминов, которые используют ученые-лингвисты для обозначения этого способа словообразования: слияние, стяжение, гибридизация, контаминация, телескопия, *blending* [Омельченко 1980, 12]. Такое разнообразие мнений свидетельствует о сложности и разноплановости явления телескопии и существовании разных подходов к определению сути этого явления.

Следует отметить, что долгое время этот способ словообразования использовался для формирования ситуативных, окказиональных лексем, которые, как правило, не закреплялись в словарном составе английского языка и быстро исчезали из употребления. К тому же, количество таких новообразованных единиц было незначительным и механизмы их образования оставались еще в стадии формирования, поэтому телескопия не воспринималась носителями языка как самостоятельный способ словообразования [Лаврова 2014].

Теперь рассмотрим, как понятие телескопии объясняют различные ученые-лингвисты. Т.Н. Астафурова, О.Н. Сухорукова трактуют телескопию как «самостоятельный способ словообразования в английском языке, представляющий собой слияние двух или более усечённых (осколочных) основ или слов, а также слияние полного слова/основы с усечённым (осколочным), в результате которого образуется новое слово – телескопическая единица, полностью либо частично совмещающая значение всех входящих в неё структурных компонентов» [Астафурова 2006, 182]. Л.А. Липилина высказывает противоположную точку зрения, рассматривая структуру лексических слияний (телескопических единиц), как «состоящую не из морфем или «осколков» морфов исходных компонентов, а из полнозначных лексем, представленных отдельными фрагментами» [Липилина 2006, 89].

Зарубежные лингвисты также не имеют единой точки зрения касательно проблемы телескопии. Термин «блендинг», согласно мнению А. Энарсон, означает комбинацию двух или более форм, при которой, по крайней мере, одно слово было сокращено. Сокращение может осуществляться за счёт простого опущения части слова или может быть результатом частично совпадающих звуков или букв [Enarson]. С. Грайс даёт следующее определение этого термина: «блендинг подразумевает создание новых лексем за счёт соединения частей, по крайней мере, двух других слов; причем хотя бы одно из них было сокращено» [Gries, 543]. Анализируя мнения всех вышеупомянутых исследователей, можно сделать вывод, что телескопия как продуктивный словообразовательный процесс подразумевает образование нового слова при помощи усечения основ исходных слов, однако в работах тех или иных лингвистов больше внимания уделяется либо структурному, либо семантическому аспекту.

Одним из мощнейших стимулов, которые обеспечивают формирование новых телескопных единиц, является тенденция, которую ученые называют «языковой экономией», или «законом экономии языковых усилий». По мнению Л. П. Попко, «действие этого закона проявляется в том, что в процессе использования языка говорящий совершает выбор наиболее рациональных для цели общения языковых средств» [Попко

2007, 190]. Телескопия позволяет выражать понятия, какими бы сложными они не были, в рамках одного слова. Однако прагматическое значение этого способа словообразования определяется не только формальным удобством, но и экспрессивностью исходных телескопизмов. Фонологическая необычность формы, насыщенность состава этих новообразований делает телескопизмы экспрессивными, эмоциональными. В свою очередь, это придает оригинальность, выразительность, яркость выражениям говорящего.

Основными характерными чертами телескопических единиц считаются следующие:

- большинство телескопизмов не зафиксированы в словарях, поскольку имеют ситуативный характер;
- телескопные образования не зависят от контекста;
- телескопическим словам не свойственна полисемия, именно поэтому их широко используют в области терминологии.

Рассматривая явление телескопии, следует отметить её комплексный характер, поскольку в процессе формирования нового слова участвуют абсолютно независимые лексические единицы.

В ходе нашего исследования был проведен анализ 556 телескопических единиц, которые были отобраны из словарей английского языка (Merriam Webster's Collegiate Dictionary, Oxford English Dictionary: second edition, Oxford English Dictionary: third edition). В ходе исследования было обнаружено, что подавляющее большинство телескопных единиц (93,6%) имеют двухкомпонентную структуру, например *motel* (*motor* + *hotel*). Помимо блендов, образованных из двух исходных единиц, в работе также представлены трёхкомпонентные телескопизмы, например *blupper* (*breakfast* + *lunch* + *supper*), составляющие 6,4% от общего количества рассмотренного материала. В свою очередь, анализ двухкомпонентного языкового материала показывает, что эту группу можно разделить на 10 подгрупп в зависимости от способа их образования. Большинство телескопических единиц (далее – ТЕ) образуются путем финального усечения первого компонента и инициальным усечением второго (так называемые слова- слитки, 201 ТЕ), например *spat* (*spiced* + *ham*), а также путем слияния полного элемента первого слова с инициально-усеченным вторым компонентом (119 ТЕ), например *happenstance* (*happen* + *circumstance*). Количество данных единиц в процентном соотношении составляет 43% и 25,4% соответственно.

Подгруппа телескопизмов, образованных путём наложения одного элемента на другой, например *clincar* (*clinic* + *car*), представлена 64 ТЕ, что составляет 13,6% от общего количества исследованного материала. Следующая подгруппа ТЕ, например *globesity* (*global* + *obesity*), образованных соединением финально-усеченного первого элемента и полного второго (44 ТЕ), составляет 9,4%. Единицы, образованные путем включения одного элемента в состав другого, например *burble* (*bubble* + *murmur*), представлены 4,4% от общего количества (21 ТЕ). ТЕ с финальным усечением первого и второго элементов, например *sitcom* (*situation* + *comedy*), количеством 8 ТЕ составляют 1,6%. Такое же количество ТЕ включены в подгруппу с соединительным гласным между двумя усеченными компонентами, например *electrolier* (*electronic* + *chandelier*) (8 ТЕ, 1,6%). Меньшее количество телескопизмов представлено в подгруппе с инициальным усечением первого элемента и полным вторым, например *blog* (*web* + *log*).

В ходе исследования было обнаружено 2 ТЕ из данной подгруппы, что в процентном отношении составляет 0,4% от общего числа. Наименьшее количество телескопизмов представлено в подгруппах с финальным усечением первого элемента и срединным компонентом второго, например *confab* (*confer* + *confabulation*), и с инициальным усечением первого и второго элементов, например *phonematic* (*telephone* + *automatic*). В ходе исследования было обнаружено по 1 ТЕ из каждой подгруппы, что в процентном отношении составляет 0,3% от общего числа.

В результате семантической классификации материала было обнаружено, что в количественном отношении превалирует группа «предмет/явление», например *dictaphone* (*dictate* + *phone*), в которую вошли 318 ТЕ, что составляет 63,6% от общего количества единиц. Группы «характеристика», например *gamblous* (*gamble* + *hazardous*), и «человек», например *kidult* (*kid* + *adult*, представлены 63 ТЕ (12,7%) и 48 ТЕ (9,6%) соответственно. Наименее представленными по количественному наполнению являются группы «действие», например *to guesstimate* (*guess* + *estimate*), (40 ТЕ, 8%), «состояние», например *fleasure* (*flirting* + *pleasure*), (18 ТЕ, 3,6%), «животное», например *liger* (*lion* + *tiger*), (12 ТЕ, 2,4%) и «количество», например *fewteen* (*few* + *fifteen*) (2 ТЕ, 0,3%).

Согласно проведенному исследованию, наиболее многочисленной группой оказалась общеиспользуемая лексика (271 ТЕ, что составляет 54,2% от общего количества). В свою очередь, в этой группе можно выделить ряд следующих подгрупп:

- лексические единицы, номинирующие чувства (например, *amoration* (*amour* + *adoration*) ‘глубокая любовь к чему-либо’);
- лексические единицы, номинирующие определенные качества человека (например, *hallephant* (*hall* + *elephant*) ‘большой, грузный, неповоротливый человек, с которым сложно разойтись в коридоре’);
- лексические единицы, номинирующие действия человека (например, *gallumph* (*gallop* + *triumph*) ‘идти тяжелым неровным шагом, подпрыгивая на ходу’);
- лексические единицы, номинирующие смешанные географические территории (например, *Ohioa* (*Ohio* + *Iowa*) ‘город в США, расположенный на стыке штатов Огайо и Айова’);
- описательные прилагательные (например, *humongous* (*huge* + *monstrous*) ‘огромный’).

Группу лексических единиц, относящихся к научно-технической сфере использования, составляют 86 ТЕ (17,2%). В этой группе можно выделить подгруппу, номинирующую смежные науки (например, *astrometry* (*astronomy* + *geometry*) ‘раздел астрономии, главной задачей которого является изучение геометрических и кинематических свойств небесных тел’).

К группе лексических единиц СМИ, литературы и кинематографа относятся 73 ТЕ, что составляет 14,6% от общего количества изученного материала.

Политическая лексика представлена 28 ТЕ (5,6%).

Биологические лексические единицы, номинирующие животных и растений-гибридов составляют 3,3% (16 ТЕ).

Телескопизмы, используемые в номинации видов спорта представлены в количестве 13 ТЕ, что составляет 2,6%.

Телескопическая лексика, используемая в сфере кулинарии, составляет 2,3% (13 ТЕ).

Итак, как свидетельствуют наблюдения ученых и результаты нашего исследования, количество телескопизмов постоянно растёт и они становятся неотъемлемой частью словаря современного английского языка. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в сопоставительном изучении телескопии в современном английском и русском языках.

Литература

1. Астафурова, Т.Н. Телескопия: новый способ словообразования? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2006. № 5. – С. 182-185.
2. Дубенец, Э. М. Лингвистические изменения в современном английском языке. Спецкурс. – М.: «Глосса-Пресс», 2003. – 256 с.
3. Лаврова, Н. А. Контаминация в современном английском языке: о некоторых результатах и перспективах исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 20 (706). – С.120-130.
4. Липилина, Л. А. Лексические слияния в современном английском языке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филологические науки. 2006. № 2. – С. 87-92.
5. Омельченко, Л. Ф. Телескопия – один из малоизученных способов глаголообразования современного английского языка. Филологические науки. 1980. № 5. – С. 66–71.

6. Попко, Л. П. Неологизация в языке как трансляция культурно-лингвистической национальной ментальности: монография – Киев: ГАРККиИ, 2007. – 360 с.
7. Enarson, A. *New blends in the English Language*. - Hostterminen, 2006. - 120 p.
8. Gries, St. Th. Cognitive determinants of subtractive word-formation processes: a corpus-based perspective // *Cognitive Linguistics* 17-4, 2006. - P. 535-558.
9. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary (MWCD), Tenth Edition. - Springfield, Massachusetts, 1998. - 908 p.
10. Oxford English Dictionary: second edition. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oed.com/> (дата обращения 01.04.2020).
11. Oxford English Dictionary: third edition. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oed.com/> (дата обращения 01.04.2020).

References

1. Astafurova, T.N. *Teleskopiya: noviy sposob slovoobrazovaniya?* [Telescoping: a new way of word formation?] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Volgograd State University Newsletter]. Volume 2, №5, 2006. P. 182-185.
2. Dubenets, E.M. *Lingvisticheskiye izmeneniya v sovremennom angliyskom yazyke* [Linguistic changes in modern English]. Moscow, Glossa-Press, 2003. - 256.
3. Lavrova, N.A. *Kontaminatsia v sovremennom angliyskom yazyke: o nekotorykh rezultatakh i perspektivakh issledovaniya* [Contamination in modern English: about some results and prospects of the study] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Moscow State Linguistic University Newsletter]. №20 (706), 2014. P. 120-130.
4. Lipilina, L.A. *Leksicheskie sliyaniya v sovremennom angliyskom yazyke* [Lexical merges in modern English] // *Vestnik BFU im. I.Kanta* [Immanuel Kant Baltic Federal University Newsletter]. №2 2006. P. 87-92.
5. Omelchenko, L.F. *Teleskopiya – odin iz maloizuchennykh sposobov glagolobrazovaniya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Telescoping – one of the less studied methods of verb formation in modern English]. №5. 1980. P. 66-71.
6. Попко, Л.Н. *Neologizatsiya v yazyke kak translyatsiya kulturno-lingvisticheskoy natsionalnoy mentalnosti* [Neologization in language as a translation of a cultural-linguistic national mentality]. Kiev, GARKKiI, 2007, 360.
7. Enarson, A. *New blends in the English Language*, - Hostterminen, 2006, 120.
8. Gries, St. Th. Cognitive determinants of subtractive word-formation processes: a corpus-based perspective // *Cognitive Linguistics* 17-4, 2006. - P. 535-558.
9. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary (MWCD), Tenth Edition. - Springfield, Massachusetts, 1998, 908.
10. Oxford English Dictionary: second edition. [Electronic resource], available at: <http://www.oed.com/> (Accessed 01.04.2020)
11. Oxford English Dictionary: third edition. [Electronic resource], available at: <http://www.oed.com/> (Accessed 01.04.2020)

УДК 81'374

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ПОДХОДА К ЛЕКСИКОГРАФИИ КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ АНТРОПОЦЕТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Сумарокова, Наталья Анатольевна

доцент, кандидат филологических наук
Московский международный университет
Москва, Россия / nsumarokova06@gmail.com

Аннотация

Одним из последствий смены научной парадигмы стало явление, которое, за неимением установившегося термина, мы назвали «индивидуализацией лексикографии». Под таким мы имеем в виду тенденцию к появлению всё большего количества словарей, где материал подбирается не в соответствии с классическими представлениями о структуре справочной литературы, а на основе вкусовых пристрастий автора. Благодаря стремительному развитию Интернет-технологий лексикография перестала быть сферой, где заняты только профессионалы. В настоящее время всё больше любителей вносят в свой вклад в развитие данной научной области, действуя на основе собственных представлений о том, каким должен быть словарь. Моду на «народную лексикографию» активно поддерживают и известные словари, создавая на своих сайтах площадки, где каждый желающий может добавить новое слово. А многие известные лингвисты призывают любителей более активно участвовать в лексикографической работе. Данная статья рассматривает плюсы и минуса данной тенденции.

Ключевые слова: парадигма научного познания, антропоцентрический подход, системоцентрический подход, «народная лексикография», онлайн словарь, открытый словарь, регистрация новых слов.

INDIVIDUALIZATION OF LEXICOGRAPHY AS A CONSEQUENCE OF ANTHROPOCENTRIC SCIENTIFIC PARADIGME

Sumarokova, Natalia Anatolievna

Associate Professor, PhD

Moscow international university

Moscow, Russia / *nsumarokova06@gmail.com*

Abstract

The ongoing change of scientific paradigm has resulted, among others, in the emerging of a phenomenon which, for lack of a settled term, we call *individualization of lexicography*. By which we mean the current tendency in lexicography when there appear more and more dictionaries based not on the classical principals of structuring a reference book but on some personal views and tastes of the amateur compilers. Thanks to the rapid development of Internet technologies lexicography had ceased to be a domain for professionals only. Nowadays more and more amateurs contribute to the development of this scientific area, and they base their concept of a dictionary on their own experience and preferences. Many reputable dictionaries incite this fashion for *popular lexicography* by creating sites where any enthusiast can add a new word. And many well-known linguists encourage amateurs to take a more active part in lexicographic research. This article deals with the upsides and downsides of this tendency.

Key words. Paradigm of scientific research, anthropocentric approach, system-centered approach, *popular lexicography*, online dictionary, open dictionary, registering new words.

Мы живём в эпоху перемен – в том числе смены парадигмы научного познания. Всё чаще исследователи в разных областях отмечают отказ от традиционного для XX века системоцентричного подхода в пользу антропоцентричного.

Одним из неожиданных проявлений смены научной парадигмы стало явление, которое, за неимением установившегося термина, мы назвали «индивидуализацией лексикографии». Речь идёт о появлении всё большего количества разнообразных словарей, где подбор материала обосновывается вкусовыми пристрастиями составителя. И, соответственно, структура и содержание таких словарей зависят, прежде всего, от воли автора.

Причиной этого, на наш взгляд, стало с одной стороны бурное развитие Интернет-технологий. С другой – возрастающий в самых широких слоях общества интерес к лексикографии, которая перестаёт быть уделом «избранных», как в прошлом столетии, когда в лексикографии господствовал системоцентрический подход. В рамках этой научной парадигмы язык свойственно было воспринимать, по определению Е.В. Рахилиной, как систему, функционирующую почти независимо от говорящих на нём. Задача носителей языка в таком случае сводится к следованию законам, которые для них формулируют лингвисты. [6, 50]

Сторонники системоцентризма концентрируются на изучении устройства языка как сложной знаковой системы, на характере связей языковых единиц, придавая большое значение строгому выполнению процедуры исследования.

Ярким примером системоцентрического подхода к лексикографии стал своеобразный «кодекс чести» составителя словаря, изложенный Н.Ю. Шведовой в сборнике, посвященном 100-летию со дня рождения С.И.Ожегова: «Что такое ответственность лексикографа? Она не одна: автор словаря ответствен, во-первых, перед наукой о языке и тем самым перед лингвистами, обращающимися к словарю как производству, необходимо отвечающему требованиям современной науки; во-вторых, перед читателем-нелингвистом, доверяющим словарю и ищущим в нем нужную ему точную и достоверную справку; в-третьих, перед традицией, которую он продолжает и развивает; в-четвертых, наконец, перед самим собой как специалистом и автором труда, выходящего под его именем» [7, 13].

За прошедшее с момента появления этой статьи время многое изменилось в организации лексикологических исследований. Современный антропоцентрический подход выводит на первый план человека как творца языка, активного субъекта познания со своим индивидуальным опытом и лингвистической интуицией, чей внутренний мир отражает окружающую действительность. И когда это отражение трансформируется в соответствии с индивидуальными представлениями и ценностями человека, данные

изменения находят своё отражение в языке. Сам же язык рассматривается в своём динамическом развитии, с учётом постоянного появления новых лексем и новых значений привычных слов в процессе применения языка его носителями.

Профессор Мичиганского университета Энн Кёрзан, например, в публичных лекциях призывает каждого слушателя творчески относиться к языку, потому что «...это даёт нам всем возможность решать, что означают слова. (...) Словари – прекрасные путеводители и источники информации, но ни одному составителю словаря не хватит объективности, чтобы стать главным арбитром в определении значения того или иного слова». [3, *пер.Н.С.*]

Призыв профессора Кёрзан находит отклик у всё большего количества лексикографов-любителей. Результатом стали такие онлайн-коллекции как Urban Dictionary, Multitran, Wiktionary, ЛЕО, произносительный аудиословарь Forvo. Во многих проектах рядом с каждой словарной статьёй значится имя автора. А на сайте Wordnik предлагается, за небольшую плату, даже «усыновить» любое понравившееся слово на год, чтобы тем самым помочь осуществлению масштабной миссии Wordnik'a – «собрать как можно больше данных о максимальном количестве слов и поделиться ими с максимальным количеством людей». [10] Таким образом, «слова плюс энтузиазм являются в настоящее время рецептом лексикографии». [5, *пер. Н.С.*]

Моду на «народную лексикографию» активно поддерживают и известные словари. Так, Macmillan предоставляет площадку для записи новых слов в проекте Open Dictionary – «Открытый словарь» на своём Интернет-сайте, где каждый лексикограф-любитель может добавить словарную мини-статью, подписав её своим именем.

Одновременно меняется отношение к классическому «бумажному» словарю – его стремительно вытесняет онлайн-версия. И даже профессиональные лексикологи признают, что на современном этапе «бумажная книга – не лучшая форма для словаря». [5, *пер. Н.С.*] Не спасает даже известное имя издательств с вековыми традициями. Показательным стал пример со знаменитым Оксфордским словарём английского языка Oxford English Dictionary. Над его третьим изданием команда из восьмидесяти лексикографов трудилась более двадцати лет, когда было решено отказаться от выпуска бумажной версии, и обновлять справочник только в онлайн-режиме. Как пояснил журналистам исполнительный директор издательства Oxford University Press Найджел Портвуд, рынок печатных словарей стремительно сокращается. Падение продаж, по его данным, исчисляется десятками процентов ежегодно. [9, *пер.Н.С.*]

На фоне падения продаж «традиционных» бумажных словарей стабильной популярностью пользуются издания, которые внешне напоминают словари, но где подбор материала продиктован исключительно вкусами автора-составителя. Примером может служить «Алфавитный сок» Роя Блаунта-младшего. Формально книга посвящена этимологии, но на деле это лишь повод для автора описать в юмористической форме свои ассоциации с тем или иным словом, или рассказать занятную историю о его происхождении. Читателя регулярно озадачивают – то псевдотермином вроде «богатые клетчаткой слова», то заявлением о том, что «представление о согласованности английского языка является несостоятельным» [1]. Такой подход к словарному делу оказался столь успешным, что за «Алфавитным соком» последовал «Алфа-лучший сок» [2].

Тем временем британский лингвист, профессор Дэвид Кристал предлагает всем любителям необычных слов источник пополнения своего вокабуляра – книгу The Disappearing Dictionary / «Исчезающий словарь» [4]. В ней собрана коллекция диалектных слов разных районов Британии, которые были в ходу столетие и более назад.

Если попытаться определить упомянутые выше книги по системоцентрической классификации структуры словарей, предложенной Л.В. Щербой: словарь академического типа — словарь справочник; энциклопедический словарь — общий словарь и т.д. [8, 265-303], то в произведениях Р. Блаунта-мл. и им подобным можно найти черты большинства, если не всех описанных Л.В. Щербой шести оппозиций.

Возможно, в ближайшее время появится новое, антропоцентрическое определение словаря как объединяющего свойства различных словарей в зависимости от интересов автора-составителя. Тем более что технических возможностей для создания индивидуализированных словарей с каждым днём всё больше. Так, в российском сегменте сети Интернет появилась демонстрационная версия программы по созданию словарей *DictMaster* / «Мастер-Словастер». Как утверждает разработчик, программа «позволяет создавать, проверять, редактировать словари для любых целей и для любых национальных языков». [11] При этом «наполнение словаря содержанием дифференцировано на четырех языках и по восьми специально определенным темам (аналог 32-х словарей в одном)». [11] И, что символично для нашего времени, программа «Мастер-Словастер» позволяет «приспособить настройки «под себя». [11] (*подчёркнуто мной – Н.А.*)

Подводя итоги, следует отметить, что на фоне перехода от системо- к антропоцентризму в лексикологии:

- 1) привычные границы типов словарей, определённые в системоцентрический период, размываются в набирающих популярность «авторских» словарях;
- 2) составление словарей перестало быть делом только профессионалов;
- 3) «мода на лексикографию» даёт возможность прославиться многочисленным энтузиастам (а также заработать, например, за счёт рекламы на Интернет-сайте);
- 4) словарные онлайн-проекты дают возможность оперативно фиксировать все новые слова или значения;
- 5) известные словари с прочной репутацией привлекают добровольцев для участия в открытых онлайн-проектах.

С учётом перечисленных выше тенденций, в ближайшее время можно ожидать дальнейшего реформирования подходов к созданию словарей, результатом которого станет появлению принципиально новых типов справочной литературы. Не вызывает сомнения, что эти издания будут в основном, или полностью, в цифровой форме. Привлечение всё большего количества любителей к лексикографической работе позволит, с одной стороны, найти новые подходы к этой научной деятельности. С другой – будет делать её всё менее научной в классическом смысле слова.

Литература

1. Блаунт-мл. Р. Алфавитный сок. – Нью-Йорк, 2009. – 384 с.
2. Блаунт-мл. Р. Алфа-лучший сок. – Нью-Йорк, 2011. – 304 с.
3. Кёрзан А. Что делает слово настоящим. URL: <https://www.ted.com/talks/> (дата обращения: 16.03.2020).
4. Кристал Д. Исчезающий словарь: Сокровищница утраченных слов британских диалектов. Макмиллан, 2015. – 165 с.
5. МакКин Э. Новое определение словаря. URL: <https://www.ted.com/talks/> (дата обращения: 15.03.2020).
6. Рахилина Е.В. О концептуальном анализе в лексикографии А.Вежицкой // Язык и когнитивная деятельность / Отв. ред. Фрумкина Р.М. – М.: Наука, 1989. – 142 с.
7. Шведова Н.Ю. Автор или составитель?: (Об ответственности лексикографа) // Словарь и культура русской речи. – М., 2001. – 560 с.
8. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. — 427 с.
9. URL:<https://www.telegraph.co.uk/culture/books/booknews/7970391/Oxford-English-Dictionary-will-not-be-printed-again.html> (дата обращения: 16.03.2020).
10. URL: <https://www.wordnik.com> (дата обращения: 16.03.2020).
11. URL: <http://wladm.narod.ru/DictMasterF/index.html> (дата обращения: 16.03.2020).

References

1. Blount Jr., Roy. Alphabet Juice. New York, 2009. 384 p.
2. Blount Jr., Roy. Alphabeter Juice. New York, 2011. 304 p.
3. Curzan Anne. What makes a word real. URL: <https://www.ted.com/talks/> (cited 16.03.2020).
4. Crystal David. The Disappearing Dictionary: A Treasury of Lost English Dialect Words. Macmillan, 2015. – 165 p.
5. McKean Erin. Redefining the Dictionary. URL: <https://www.ted.com/talks/> (cited 15.03.2020).
6. Rachilina E.V. Conceptual analysis in A.Weirzbicka's lexicography. // Language and cognitive activity / Editor Frumkina R.M. – М.: Science, 1989. – 142 p.
7. Shvedova N.Y. Author or compiler? (About lexicographer's responsibility) // Dictionary and culture of the Russian language. Moscow, 2001. 560 p.
8. Scherba L.V. Language system and speech activity. – Leningrad.: Science, 1974. — 427 p.

9. URL: <https://www.telegraph.co.uk/culture/books/booknews/7970391/Oxford-English-Dictionary-will-not-be-printed-again.html> (cited 16.09.2019).
 10. URL: <https://www.wordnik.com> (ref. date: 16.03.2020).
 11. URL: <http://wladm.narod.ru/DictMasterF/index.html> (cited 16.03.2020).

УДК 81'374

ЛИЧНЫЙ СЛОВАРЬ ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ

Харченко, Вера Константиновна

профессор кафедры русского языка и русской литературы,
 доктор филологических наук, профессор
 Белгородский государственный
 национальный исследовательский университет
 Белгород, Россия / wera_kharchenko@mail.ru

Аннотация

Раскрывается необходимость создания личных, индивидуальных, «рабочих» словарей, которые поддерживают и питают элитарную культуру личности. Поиск интересных цитат и афоризмов, обращение к церковнославянскому языку, употребление высоких «устаревших» слов означает, что такой словарь может быть сделан. Работа над элитарным словарем даст реальную возможность обогатить речь, не прибегая к сомнительным словам и фразам.

Ключевые слова: элитарный, культура, цитата, афоризм, церковнославянский, словарь.

PERSONAL DICTIONARY OF ELITE CULTURE

Kharchenko, Vera Konstantinovna

professor of the Department Russian Language and Russian Literature,
 doctor of Philology, professor,
 Belgorod National Research University.
 Belgorod, Russia / wera_kharchenko@mail.ru

Abstract

The necessity of creating personal, individual, and "working" dictionaries is revealed which support the elite culture of the individual. Searching for interesting quotes and aphorisms, referring to the Church Slavonic language, using high «outdated» words means that such a dictionary can be made. Working on an elite dictionary will give you a real opportunity to enrich your speech without resorting to questionable words and phrases.

Key words: elitist, culture, quote, aphorism, Slavonic, dictionary.

Говоря о культуре речи, прежде всего, мы должны учесть такое предвещающее, но и обязательное обстоятельство, как отказ от многоярусного негатива, которым преисполнена речь окружающих. Это полное, абсолютное табу на использование сквернословия, отказ от грубых, обижающих людей слов и оборотов речи, отход от «унылых слов», мешающих претворению всего того, что заложено самим фактом нашего рождения. Спрашивается, какими словами заменять всё сказанное, чем насытить речь, если столь многие слова и обороты запрещены, или нежелательны, или некорректны.

Среди многочисленных и многовекторных словарей до сих пор нет «рабочего словаря» в помощь согражданам, работающим над своей речью в плане повышения её элитарной значимости. Конечно же, можно адресовать заинтересованных лиц к известным словарям: к толковым изданиям, к словарям афоризмов, к глоссариям устаревшей лексики, но это не решает проблемы. Важнее составлять свои собственные «рабочие» словари, черпая по мере чтения и общения слова и обороты высшего, элитарного класса, которые подходят именно для ежедневных нужд, но поначалу кажутся несколько не от мира сего.

Здесь можно ориентироваться на четыре принципа сбора информации: во-первых, в результате усилий у нас постепенно, понемногу получается, кристаллизуется *рабочий словарь* как заведомо открытый, принципиально неполный, точнее пополняющийся от случая к случаю и не претендующий на публикацию. Во-вторых, этот словарь является *любительским словарем*. В него могут входить слова и обороты, в большинстве случаев – цитаты и афоризмы, которые нравятся самому создателю словаря, но которыми не владеет

большинство сограждан. В-третьих, это подчеркнуто индивидуальный, личный, в какой-то мере *тайный словарь*. Он не претендует на обнародование, но, однако, может помочь, например, выступить ярче и лучше других выступающих. Наконец, в-четвертых, это *внутренний словарь*, который, с одной стороны, позволит держать себя в жестких рамках, исключая всё то, что запрещено, а с другой позволит ориентироваться на обилие всего мощного и прекрасного, что может быть разрешено в живой речи. И впоследствии это однозначно будет приветствоваться окружающими.

Лингвистику не случайно упоминают как науку, скорее подчиняющуюся диктату окружения, чем формирующую этот диктат. Об этом хорошо пишет М.Н. Эпштейн, сожалеющий, что гуманитарное знание до сих пор не стало знанием действенным [Эпштейн 2012: 62]. Разработка таких словарей как раз и нацелена на поддержку внутренних, личных языкотворческих инициатив. На подготовку словаря наталкивает нас требование улучшать свою речь, но при этом общепринятая система подсказок касается, повторим, скорее запретов, чем подсказок, ориентиров.

Рассмотрим сначала составляющие словаря, все, что может войти в будущий словарь.

На первое место можно поставить цитаты. «Беда начитанности – искать во всем «восхитительную цитатность» [Книжное обозрение. 2001. 12 дек.]. Прочитывать яркий текст – это значит не просто украсить свою речь, но придать ей еще одно измерение. Эти цитаты таятся внутри нас, помогая жить, но иногда их можно вплести и в свою публичную речь.

И поставив обратно на полку Эдгара По, я ушёл успокоенный. Будет ли книга прочитана, важно для её читателей. А для самой книги важно быть написанной [Эпштейн 2013: 232]. Человеку невозможно без ласки, и её всегда не хватает и будет не хватать, потому что потребность в ласке всегда больше любой ласки [Шишкин 2011: 230]. К будущему, оказывается, надо готовиться. Как? Искать контакт с теми, кто рядом. <...> Отсутствие контакта с близкими – нонсенс, вроде рояля, от которого утерян ключ. Невозможен диалог – и всё обесмысливается [Шапиро 2013: 145-146]. Но мать вдруг вздохнула протяжно и мне вдруг пришло в голову, что здесь всё равно ничего не поделаешь – сломать можно не отдельно эту систему мыслей, а только самого человека вместе с ней (С. Бобров). Нам нужно не забыть между делами: / мы тоже бабочки с прекрасными крылами, / за нами след встают – неясные пока / – поэты – шелкопряды языка... (Светлана Кекова. Любовь не слаще мёда и вина).

Продолжим перечень цитат, но теперь с указанием на возможное их использование.

Цитата для самоподдержки и самоуспокоения: *Просто мы на крыльях носим / То, что носят на руках* (из эстрадной песни). Для переживания разлуки с любимым: *Люби меня, припомяни и плачь. / Все плачущие не равны ль пред Богом? / Прощай, прощай! Меня ведёт палач / По голубым предутренним дорогам* (А. Ахматова). Для переживания измены: *Венчалась Мэри в ночь дождей, / И в ночь дождей я проклял Мэри. / Не мог я отворить дверей, / Возникших между мной и ей, / И я поцеловал те двери* (Г. Табидзе). Для переживании неприятности: *Поскольку предан я мечтам, то я сижу в тюрьме не весь. / А часть витает где-то там, / И только часть ютится здесь* (И. Губерман). Для выражения сочувствия: *О рыцарь, что тебя томит? О чём твои печали?* (Начало стихотворения Дж. Китса).

«Цитата подобна цикаде. Неумолкаемость ей свойственна». Эти слова принадлежат Осипу Мандельштаму, и они означают, что выписанное будет долго жить и не единожды может пригодиться. Одна и та же цитата хорошо срабатывает в разных ситуациях, и это прекрасно. «Книга является носителем тайны, можно сказать, все тайны в ней. Хорошая книга, как хорошая лошадь, выведет из любой беды ездока» (Знание – сила, 2007. № 8. С. 114). «Язык богаче, чем любая интуиция. В словах мы способны услышать нечто большее,

чем увидеть в вещах. ... Достаточно прочитать стихи истинного поэта, например Рильке, и мы поймём, что язык, как он говорил, раскрывает нас самих себе» [Башляр 2009: 352].

Мы привели списки не самых известных цитат, но цитат, способных успокоить слушателей, да и нам самим при случае можно ориентироваться на эти вещи.

Помимо цитации при работе над собственной речью необходимо обращение к старинному церковнославянскому языку или шире вообще к старинным формам. Редкие, неизвестные «формулы» нужны носителям языка, не оценивающим их ровно до той поры, пока не прозвучат эти слова из чьи-то уст. *Бог идеже хоцет, побеждается естества чин* [Водолазкин 2016: 354]. *Кому повем печаль мою?* Конечно, употреблять их нужно не часто, но сила их от этого только выигрывает. Это может быть и цитаты из молитв, к которым полезно иногда прислушаться: *Хлеб наш насущный даждь нам днесь... Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови в утробе моей. Благослови, Бог, милуяй и питаяй нас от юности нашей... да преизобилуем во всякое дело благое.*

Слова церковнославянского языка несут в себе печать высоких текстов, которых относят к категории пассионарных. «Как в истории, по Льву Гумилеву, появляются пассионарные личности, так и в литературе есть пассионарные книги. Их едва ли больше десятка... По сути, каждая пассионарная книга рассказывает о пришествии в мир Бога в том или ином обличье» [Орбий 2012: 92]. Заучивание, запоминание, цитирование этих текстов формирует особый строй личности, о чём свидетельствуют, в том числе, зарубежные ученые.

К цитатам приближаются афоризмы, но среди них должен быть проведён пристальный личный отбор. «Любите книгу – источник знаний», «Подлецы – самые строгие судьи». Ничего нет плохого в этих афоризмах, только их распространённость мешает нам их использовать. Обратимся к иной афористике.

На границе прозы и поэзии расположено поведение. Если человек не в силах ничего создать, он может подать пример [Мандельштам 2002: 14]. Каждый шедевр несёт в себе нечто таинственное. В нём есть всегда что-то, что заставляет вас испытывать лёгкое головокружение (Роден).

Многие афоризмы работают изнутри как внутренний, тайный язык, улучшающий восприятие жизни, поэтому их и надо помнить и время от времени повторять.

Наряд меняет нрав мой (Шекспир). Чины людьми даются, а люди могут обмануться (Грибоедов). Над шрамом судит тот, кто не был ранен (Шекспир). Задача художника – выбить людей из машинальности (Арбузов).

На третьем месте в нашем списке (согласимся, он условный!) стоят паремии, пословицы, которые тоже могут быть весьма полезными: *Бог и колосьев не сравнял. Ежедён не будешь умён. Бог бродягу не старит. Даст Бог зайку, даст и лужайку. Цветёт старость сединою.* Какое слово использовано: *цветёт, цветёт* старость! И здесь нет сожаления о прошедших годах, о размере пенсии, о болезнях. Здесь высокий строй, правда жизни!

Особый шарм имеют паремии из других языков: *На вершину поднимаются самые неторопливые альпинисты* (франц.); *Мёртвого имя назвать всё равно что вернуть его к жизни* (древнеегип.). Обращает на себя внимание и строка из Корана: *Терпение – ключ от рая.*

Самое трудное, пожалуй, но и самое востребованное – это четвертый вариант: слова и обороты, казалось бы, устаревшие, но, тем не менее, элитарная речь в них нуждается.

Достойно сожаления, что...; Смею ли я просить вас о...; Не соизволите ли Вы... Было бы хорошо, если Вы... Достойно замечания, что...

И здесь надо уделить внимание тоже старинным словам. Их можно употреблять изредка, прибегать к ним с некоторой долей почтения к старинному слову. Например: в письмах *глубокоуважаемый...* или *Низко кланяюсь.*

В настоящее время экспрессию словоупотребления создают, с одной стороны, заимствования, с другой – жаргонизмы, тогда как обращения к лексическим фондам

церковнославянского языка открывает возможность использования, например, калек с древнегреческого языка и созданных по аналогичным моделям слов: *благостройный*, *благоукрашение*, *благосердие*. Конечно, здесь необходимы и чувство меры, и чувство контекста, чтобы приглашённое из глубины веков слово не выглядело бы пародийным и карикатурным.

Благорачительный – очень усердный. *Благославие* – добрая слава. *Благоумие* – *благоразумие*, *благонравие*, *благоволение*, *благожелательность*, *благополучие*. *Благонаследие* – *духовное богатство*, *духовное наследие*. *Благодвижение* – *усердие*, *послушание*. *Благопослушание* – *повиновение*, *покорность*. Всего насчитывают за прошлые века 477 лексем с начальным благо-. А нам, живущим в XXI веке, хотя бы одно из них можно употребить?

Старинные слова необходимы и для этики. Возьмём слово «доброхитростный». Оказывается, это особый подход к проблеме, когда зло исчезает или намного уменьшается, поскольку священник действует доброхитростными методами: «...ведь даже в истории Православной церкви уже к XVII веку сошла на нет идея преподобного Иосифа Волоцкого о необходимости борьбы со злом средствами «доброхитростной мудрости». Нужны принципиально новые, реально работающие на оздоровление и консолидацию массового сознания идеи» [Горюнков 2005: 132].

Мы встречаемся со старинными словами, читая Пушкина. *Когда для смертного умолкнет шумный день / И на немые стогны града / Полупрозрачная наляжет ночи тень...* (Пушкин. Воспоминание). Вместо «площади» – *стогны*, вместе «города» – *града*, но стихотворение завораживает. Приведем строки из современной поэзии: *Перо вопишет, звуки воспоют, / лоб озарится измышленьем новым* (Б. Ахмадулина. Наслаждение в Куоккале).

Иногда старинные слова помогают переживать неприятности: *Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний?*

Однако наш материал упирается еще в один, можно сказать главный вопрос: как хранить все это богатство. Конечно, хранить можно по ключевым словам, располагаемым по алфавитному принципу: *Ласка*. Потребность в ласке всегда больше любой ласки (Шишкин). *Соблаговолить*. Не соблаговолите для вы... *Шрам*. Над шрамом шутит тот, кто не был ранен (Шекспир).

Видимо, так хранятся в нашей памяти слова и цитаты, афоризмы и устаревшая лексика. На компьютере тоже удобно собирать факты, пользуясь опцией «алфавит». Но в силу нашей занятости такой подход иногда представляется слишком затратным. И здесь мы должны сделать ещё одно уточнение к сбору материала: этот словарь требует, прежде всего, перечитывания, погружения в него время от времени, тогда он окажется полезным в ходе работы над выступлением или в ходе «случайных» встреч и бесед. Словарь на первых порах может быть проектным, «виртуальным», главное, конечно же, обращаться к его содержанию, вспоминать о его наличии и иногда использовать.

Подытоживая всё сказанное, заметим, что элитарная культура означает, что в обществе незримо царит древнейшая мысль: «Язык – венец воспитания».

Литература

1. Башляр Г. Избранное: Поэтика грёзы: пер. с фр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 440.
2. Водолазкин Е.Г. Авиатор: Роман. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 410.
3. Горюнков Сергей. О предпосылочных основаниях культуры // Нева, 2005, № 2. 127-144.
4. Мандельштам О. Шум времени. М.: Вагриус, 2002. 303.
5. Орбий С. Пассионарные книги // Знание – сила, 2012, № 12. 92-93.
6. Шапиро А.Я. Простая жизнь гения. Главы из будущей книги // Дружба народов. 2013. № 11. 145-146.
7. Эпштейн М.Н. Проективная теория в естественных и гуманитарных науках // Знание – сила, 2012, № 4. 55-62.
8. Эпштейн М.Н. НГ Ex libris. 21 марта 2013.
9. Шишкин М.П. Письмовник: Роман. – М.: АСТ: Астрель, 2011. 412.

References

1. Bachelard G. (2009) *Izbrannoe: Pojetika grjozy* [Favorite: Dream Poetics]: per. s fr. – M.: Rossijskaja poditicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN). 440.
2. Vodolazkin E.G. (2016) *Aviator* [Aviator]: Roman. – M.: AST: Redakcija Eleny Shubinoj. 410.
3. Gorjunktov Sergej. (2005) *O predposylochnyh osnovanijah kul'tury* [On the prerequisites of culture] // *Neva*, № 2. 127-144.
4. Mandel'shtam O. (2002) *Shum vremeni* [Noise of time]. M.: Vagrius. 303.
5. Orbij S. (2012) *Passionarnye knigi* [Passion books] // *Znanie – sila*, № 12. 92-93.
6. Shapiro A.Ja. (2013) *Prostaja zhizn' genija. Glavy iz budushhej knigi* [Simple life of a genius. Chapters from a future book] // *Druzhba narodov*, № 11. 145-146.
7. Epshtejn M.N. (2012) *Proektivnaja teorija v estestvennyh i gumanitarnyh naukah* [Projective theory in natural sciences and humanities] // *Znanie – sila*, 2012, № 4. 55-62.
8. Epshtejn M.N. NG Ex libris. 21 marta 2013.
9. Shishkin M.P. (2011) *Pis'movnik: Roman*. – M.: AST: Astrel'. 412.

УДК 811.11

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В АНГЛИЙСКОМ СЛОВОПРОИЗВОДСТВЕ

Янутик, Стелла Яновна

старший преподаватель кафедры
английского языка методики
преподавания
Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / [yanutik@
bsu.edu.ru](mailto:yanutik@bsu.edu.ru)

**Кривчикова, Нэля
Леонидовна**

кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкого и
французского языков
Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия /
krivchikova@bsu.edu.ru

**Мельникова, Юлия
Николаевна**

кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого и
французского языков
Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия
melnikova@bsu.edu.ru

Аннотация

Иноязычные элементы в английском словопроизводстве являются продуктом развития и становления языков или его разновидностей германских и романских племен. В современном английском словарном запасе имеется большое количество заимствованных элементов из немецкого, латинского и французского языков. В статье рассматриваются различные источники заимствования в английский язык. В процессе заимствования отражаются культурные и языковые контакты, которые могут выражаться в совокупности различных образов мира. Как следствие взаимодействия языков, является заимствование лексических элементов, которые представляют определенный период (этап) заимствования культурных ценностей, знаний и опыта.

Ключевые слова: иноязычные элементы, заимствования, культурные и языковые контакты, язык, диалекты, словарный состав, культурные и языковые контакты, источники заимствования.

FOREIGN LANGUAGE ELEMENTS IN ENGLISH WORD PRODUCTION

Yanutik, Stella Yanovna

Senior Lecturer of the
Department
of the English Language and
Methodology of Teaching
Belgorod State National Research
University
Belgorod, Russia / [yanutik@
bsu.edu.ru](mailto:yanutik@bsu.edu.ru)

**Krivchikova, Nelya
Leonidovna**

Candidate of Sciences in Philology
Associate Professor of German and
French Department
Belgorod State National Research
University
Belgorod, Russia /
krivchikova@bsu.edu.ru

**Melnikova, Yulia
Nikolaevna**

Candidate of Sciences in Philology,
Associate Professor of the German
and French Department
Belgorod State National Research
University
Belgorod, Russia
melnikova@bsu.edu.ru

Abstract

Foreign-language elements in English production are the product of the development and formation of languages or its varieties of Germanic and Romance tribes. The modern English vocabulary has a large number of borrowed elements from German, Latin and French. The article discusses various sources of borrowing in the English language. In the process of borrowing, cultural and linguistic contacts are reflected, which can be expressed in the aggregate of various images of the world. As a consequence of the interaction of languages, it is the borrowing of

lexical elements that represent a certain period (stage) of the borrowing of cultural values, knowledge and experience.

Key words: foreign language elements, borrowings, cultural and linguistic contacts, language, dialects, vocabulary, cultural and linguistic contacts, sources of borrowing

Современный английский язык является продуктом развития и становления языков или его разновидностей германских и романских племен. Характер постепенного исторического развития языка, как развития постоянного, получает свое объяснение в законе, который заключается в его словарном составе, грамматическом строе, звуковом составе. В период распада общинно–родовых отношений, языки, принадлежавшие к тому или иному племени перешли в разновидность местных диалектов общего языка английского народа и в последствии явились основой становления национального английского языка. «Языки и диалекты живут и развиваются в непрерывном взаимодействии, в результате чего наблюдаются изменения на всех уровнях (лексическом, грамматическом, фонологическом) языка» [Ефименко 2008,27].

Процесс развития и изменения переламывания территориальных разновидностей речи английского языка, начиная с XIV века приобретает большой интерес наиболее детального исследования с грамматической и фонетической точки зрения. Каждый из отдельных диалектов отличается своими собственными особыми грамматическими и фонетическими чертами.

Обогащение национального литературного языка за счет лексического материала не прекращается и в настоящее время. Английский язык интегрировал чужие лексические элементы. Изучение и рассмотрение словарного состава английского языка показывает, что в его составе, имеются лексические элементы, восходящие к германской и романской языковой общности, являющиеся результатом английского словопроизводства. Однако следует обратить внимание, что далеко не все источники расширяют и совершенствуют английский словарный состав. Будучи диахроническим явлением, лексическое заимствование всегда зависит как от структурных, так и социально-исторических оценок. Следует отметить, что, немецкий, латинский и французский языки были в контакте друг с другом на протяжении веков. В целом, учитывая такую ситуацию, трудно переоценить степень морфонологической интеграции данного лексического предмета из одного языка в другой.

«В английский язык проникают элементы других языков, ассимилируясь в языке» [Самсонова 2011, 34].

Целый ряд слов, вошедший в английский язык, являются заимствованиями из германских и романских языков

В рамках широкой рубрики языковых контактов, мы рассмотрим лексические заимствования из следующих источников: латинского, французского и немецкого языков. «Заимствование – это процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент. Это неотъемлемая составляющая функционирования и исторического изменения языка, один из основных источников пополнения словарного запаса; также это полноценный элемент языка, являющийся частью его лексического богатства, служащий источником новых корней, словообразовательных элементов и точных терминов» [Смирнова, Хромова, 2016, 86].

Всем известно, что одним из первых языков, соприкасавшимся с английским – был латинский. Многие слова вошли в лексический состав английского языка по причине торговых и военных контактов этих племен с римлянами. Например, butter – лат. butyrum – «масло», pear – лат. pirum, «груша», pea – лат. pisum - «горох», dish – лат. discus – «блюдо», line – лат. linea – «шнур».

Германские племена англо-саксов, ютов и фризов осуществили захват большей части территории Британии, которая была населена кельтскими племенами.

Но мы выделим следующие примеры, пришедшие из Германии *rucksack* – рюкзак, *wunderkind* – вундеркинд, *kindergarten* – детский сад; нем. *kuchen* – kitchen - кухня. Но до вторжения германцев в Британию, она находилась около четырех столетий под властью Римской империи, поэтому следы влияния латинского языка остались в языке основного населения Британии.

Следующим одним из многочисленных источников, был французский язык. Из французского языка было заимствовано значительное множество иностранных слов в английскую лексику. Такие заимствования выражали привилегированную группу людей, в основном выходцев из Германии, название некоторых дворцов, социальные сословия, название одежды, архитектурные детали.

Это следующие слова: *baron* – барон, *banner* – знамя, *charity* – благотворительность, *court* – двор, *crown* – корона, *castle* – замок, *passion* – страсть, *robber* – разбойник, *rent* – аренда и некоторые другие. «Одним из результатов длительных культурно-языковых контактов становится взаимное проникновение элементов контактирующих языков и культур. При этом заимствуются не только слова или выражения, но и понятия, концепты как способ членения и восприятия окружающей действительности» [Абрамова, Ощепкова 2013, 52].

Фактически, рассматриваются заимствованные имена существительные, потому что они легче всего заимствуются и покрывают наиболее дифференцированные домены для маркировки понятий, объектов и ролей. Эти номинальные лексические наполнители являются непрофильными заимствованиями, служащие для потребности в употреблении социальных понятий или нужд.

Присутствие иноязычных элементов в английском языке из вышеуказанных языков с помощью морфологической интеграции предмета заимствования, может быть достигнуто как в большей, так и меньшей степени.

На словарном составе языка отражаются культурные и языковые контакты, которые могут выражаться в совокупности различных образов мира. Как следствие взаимодействия языков, является заимствование лексического материала, который вызван значительным количеством культурных заимствований, знаний и опыта.

Итак, в языке реципиента, вкрапления новых заимствованных слов в данном случае английском и переключение кодов, рассматриваются как формирование континуума с переключенным кодом, представленных средствами образования новых слов. Процесс заимствования влияет на язык реципиента, заставляя менять его каноническую форму слов, то есть фонеморфологические правила. Неотъемлемым процессом в истории развития английского словопроизводства является смешение или скрещивание языков, то есть языковая и комплексная интеграция. Слова, которые мы воспроизводим, употребляемые из других языков, являются необходимостью, обусловленную прагматическими факторами социальных и психологических ценностей и потребностью в названиях тех или иных предметов, явлений и социальных отношений.

Литература

1. Смирнова А.Н. Хромова Н.Б. Процесс ассимиляции немецких заимствований в английском языке. // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera CZ sro, 2016. – № 17. 86-90.
2. Абрамова Е.И., Ощепкова В.В. Особенности функционирования кельтицизмов, характеризующих природные объекты, в английском языке // Вестник Московского областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 6. 52-56.
3. Ефименко Т.Н. Вхождение иностранной лексики в деловой английский // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008 № 1. 26-32
4. Самсонова Е.С. Стратификация графико-фонетических иноязычных средств в эргонимии (на материале номинаций г. Томска) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. 34-37

References

1. Smirnova A. N. Khromova N. B. (2016) *Protsess assimilyatsii nemetskikh zaimstvovaniy v angliyskom yazyke* [The process of assimilation of German loanwords in English].//Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera.– Vedecko vydavatel'ske centrum SociosferaCZ sro.–№ 17. 86-90.
2. Abramova E.I., Oshchenkova V.V. (2013) *Osobennosti funktsionirovaniya keltitsizmov. kharakterizuyushchikh prirodnyye obyekty v angliyskom yazyke* [The peculiarities of celticism describing natural objects, in the English language] //Vestnik Moskovskogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika.. № 6. 52-56
3. Efimenko T. N. (2008) *Vkhozhdeniye inostrannoy leksiki v delovoy angliyskiy* [Introduction of foreign vocabulary in business English] //Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.– № 1. 26-32
4. Samsonova E.S. (2011) *Stratifikatsiya grafiko-foneticheskikh inoyazychnykh sredstv v ergonomii (na materiale nominatsiy g. Tomsk)* [Stratification of graphical and phonetic foreign language means in ergonomii (based on the nominations of Tomsk)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. № 345. 34-37.

РАЗДЕЛ 2. ТЕКСТ, ДИСКУРС, КОММУНИКАЦИЯ: КАТЕГОРИИ ОПИСАНИЯ

УДК 81

THE 'EVIL' OF LANGUAGE IN THE SOCIAL DEVELOPMENT OF A NATION

Atitsogbuy, Ray Mawuli KofiPh.D., Associate Professor,
Department of Foreign Languages,
BSTU. V.G. Shukhov /
*mawu@mail.ru***Atitsogbui, Elena**Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Department of
Foreign Languages
BSTU. V.G. Shukhov /
*eatitsogbui@mail.ru***Zimovets, Natalia**Ph.D., Associate Professor,
Department of Foreign Languages,
Pedagogical Institute
National Research University
"BelSU" / *zimovets@bsu.edu.ru***Abstract**

In modern world, language as the attitude of a stateship has either created a solid ground for progressive development or a deep rift between tribes, ethnic groups and nationalities which have for centuries or decades been living on a particular territorial formation. In this article we discuss various aspects of language emphasizing its social and cultural aspects and giving examples from different linguistic groups of European, Asian and African continents.

Key words: foreign borrowings, social development, ethnic conflicts.

1. Introduction

Language, as a functional aspect and one of the essential and fundamental elements of the society, plays a vital role in its evolution and development processes. Language is an attribute of stateship of any group of people or society which contributes to the traditional and cultural enhancement. It is therefore no wonder that it can be considered as the veins of the society through which people's traditions and customs are traversed though there are other conceptual components by which the national identity can be expressed. For example: the attire the people wear, the dish they cook, the religious belief they adhere to, and even the general interrelationship between them. It is through language that many societies vividly identify themselves as a full fledged entity with all the fundamental social links forming a single cluster woven together. The stronger these fundamental social links are and the more sanity the language receives the more stable the people feel within a specific geographical environment. The removal of a single link leads to a total disintegration of the whole web network. When solidly founded we conceive that many a time the geographical boundary can overlap making the language penetrate other social groups. Good and friendly neighbourliness develops binding them into bilateral or multilateral associations.

2. Economic and political aspects of language development

However, many economists and politicians, for example, Dr. Kwame Nkrumah, Julius Nyerere, Dr. Adebayo Adedji, Dr. K.Y. Amoako do believe that the economic base and political organization play a more important and major role in the development and stability of a society. K.Y. Amoako [1] argues "that attempts to impose an Asian development model in Africa will ultimately fail. He puts forward the idea of "market-friendly industrial policy" to drive the structural transformation of African economies. But if this vision is to become a reality, governments must develop the capacity to mobilize financial resources, deliver public services and ensure peace and security". K.Y. Amoako [1] had this to say on politics: "Any developing country must have a national platform where the government and opposition can work together for the national interest." The more advanced economic and political organization the country attains the more stable it should be. Others, such as Dr. Billy Graham, the Archbishop of Canterbury, Justin Welby and Desmond Tutu of South Africa, think religion is the best knitting line of stability of the society. Besides, it is well known that religion for centuries has maintained a special connection within a people and, of course, still plays an important role in the perception of the environment of a society.

Every year, Christians 'troupe' to Vatican or Jerusalem and Muslims to Mecca or Medina on pilgrimage. The above mentioned aspects of the society determine to a greater extent the

direction and development level of a nation where different language usages can exist. There are abundant nations which have dozens of languages on the specific geographical area making them poly-ethnic society, for instance, Russia, South Africa, India, Switzerland, China, Belgium and Britain. It is believed that the language is the main tool upon which all these elements are based. So much as the language base is solidified the more stable the society is expected to function. To improve the language basis itself as a fiber, which binds the group of people together as a whole, the economic base, political organization and religious mindfulness of the people which can be termed as 'ideological food' of the society should be at the highest development level.

3. Language as the attitude of a stateship

In modern world, language as the attitude of a stateship has either created a solid ground for progressive development or a deep rift between tribes, ethnic groups and nationalities which have for centuries or decades been living on a particular territorial formation. The end result normally comes as fierce tribal, ethnic and national wars between people. The economic prosperity has done not much to strength the fragile links between people due to the differences in dialects or languages. In fact, it is obvious that the economic state and development doesn't always guarantee a watertight bind within the society. It is rather that the economic base and their stratification differences that have triggered many current ethnic conflicts leading to civil wars that we observe today among people and countries, sometimes instigated, fuelled and supported by foreign powers. Based on the language differences, people feel deprived of equal rights and participation in the affairs of a country. The absence of recognition of one group of the other ethnic group normally connected to the differences in languages is very evident in their relationship which leads to struggle for power with the hope that the result will bring the supremacy of one ethnic group over the other and therefore guarantee their survival as an ethnic group of a particular common language which they are proud of and subsequently wish to maintain. C. Small [2] states that "all Rwandans speak almost the same language with slight national variants (kinyarwanda and kirundi) and share the same culture. However, in our perception, this difference creates a basis for conflict when other differences like economic, political and social set in".

A tragic example was the fierce conflict between the Hutus and Tutsis in Rwanda during the early 90s of the 20th century. On April 6, 1994, Rwandan President, Juvenal Habyarimana (a Hutu) was killed when his plane was shot down by Tutsi rebels. The violence began shortly after the president's assassination, and Hutu extremists launched their plight to eradicate the entire Tutsi population.

Carla Del Ponte [3] said that "after the post-World War II Yugoslav constitution established the Autonomous Province of Kosovo and Metohija within the Yugoslav constituent Republic of Serbia. However, tensions between Kosovo's Albanian and Serb communities simmered through the 20th century and occasionally erupted into major violence, culminating in the Kosovo War of 1998 and 1999, which resulted in the withdrawal of the Yugoslav and the establishment of the Kosovo. The Serbians, Orthodox Christians, speaking Slavonic language concede that the land belongs to them and that they had done the Kosovo Albanian mainly Muslim speaking people a favour by granting them homage but these 'foreigners' are claiming the land as well. Besides, they want to form a 'great' Albania as one people and at the same time have applied for observer status in the Organization of the Islamic Cooperation".

Jacques Parizeau [4], a famous and influential Canadian secessionist politician, in his struggle for independence of the Francophone Quebec Province of Canada from the Federal government admitted in 1997 that he considered that it was the language and "money and the ethnic vote" which influenced the orientation of the vote for the independence and not the ethnic origin. Jacques Parizeau though he had lost his political position and demand for independence in the 1995 referendum, but still endowed with a certain political status, continued to comment very publicly on the current political situation, notably the slowness of the new Bouchard government and its hesitations in the promotion of the independence of Quebec. At the same

time he tried to calm the public in one of the radio programs addressing to Quebec's English-speaking community and insisting on "the importance to us of their presence among us and our commitment to respect and defend their rights". He stressed out that "our commitment to take all measures necessary to guarantee in Quebec's new constitution...[that] the identity of their community and their institutions is preserved."

Britain has also for decades been saddled with the secession problems based on languages and territories by the Irish and the Scottish. The most recent one was the independence referendum from the United Kingdom which was organized in September 18, 2014 by the Scottish government, though it was evident that the UK staying within the European Union as a federation gives all the members states economic benefits rather quitting and organizing an independent nation.

Lately, we have been observing the waves of quest for independence in various countries by an ethnic group. For years the regional Catalonian government had been pronouncing the urge to gain independence from Spain but the Spanish government pretended not to hear such a 'nationalist' statement from any semi-autonomous state. This did not stop the Catalonians from persisting for goals and so they conducted a regional referendum. On the October 27, 2017 the Catalonian parliament in line with the regional government promulgated independence from Spain. This led to a political crisis as a result of the organized regional referendum. Soon after that, the Spanish Prime Minister Mariano Rajoy dismissed the Catalonian government led by Carles Puigdemont and his cabinet and decided to organize a new election, however, until today (November 2019) the separation issue has not been resolved but it has rather become more acute though new elections had been conducted to defuse the sentiment.

A great number of the Russian ethnic populations were even deprived of legal citizenship in those republics where they had lived and organized their families for decades before the Soviet Union fell apart. The Baltic states are examples of such nations which decided that it was very appropriate to prevent the Russian ethnic population from active political life of their nation. There were many arguments propounded for these policies. One of them was that the political elites in the Baltic States do believe that the Russian Federation will exploit the language possibilities to destabilize the political, economic and social lives of the nations.

The Russian Federation has not been very successful in their goals because their policies have faced not only the elite propaganda of the Russian threat but also a stronghold opposition from the western countries headed by the US. The counter action from the West in the form of information battle, the so-called 'democracy exportation' and the financial support through the so-called human rights and civil organizations rendered the Russian Federation efforts inactive or totally absent.

According to Ron P. [5] "the current crises in Ukraine are generally attributed to the Russia's unwillingness to accept the general democratic path of development sweeping the globe and the eagerness of the Russian President V. Putin to gather under his umbrella the independent former Soviet republics and keep them in his empirical hug and control". These are the propositions propounded by the political establishments of the United States of America and the West, huge massive media supportive brainwashing attitude of the western countries and secret services and their stooges in Ukraine. These are the propositions and illusions, of course, most people believe is the case in the West that have been founded partially due to the ignorance of the people who refuse to fetch the truth themselves and the refusal of the huge western media magnate to portray the truth for their people around the world.

The factional conflict in Libya currently is in the same vein. Since the overthrow of Muammar Gaddafi in 2011, the country has been thrown into a civil war. Although the language generally spoken in this country is Arabic there are ethnic groups - the Toubous and Zawiya - which were competing between themselves for supremacy of tribal lines. The more dark-skinned Toubous claim they faced discrimination during the Gaddafi era and that the new Libyan authorities continue a campaign of ethnic cleansing against the tribe. The tribal conflict flared up on the eve of the national assembly elections in Libya, which were to be held on July 7, 2011.

Commenting on the tribal conflict, a then London-based activist and journalist Sukant Chandan [6] told RT in the interview on the 22 October 2011 “Over the deadline” TV program, that “the tribal violence was the result of the absence of national unity in the country”. He further explained that: “*All those tensions all those divisions that the Gadaffi era had kind of united and kind of managed successfully have come out in the open and everyone is fighting everyone for the bit of the crumbs that NATO is throwing at them*”. His words described the meddling attitude in the internal affairs of the Libyan people by foreign powers. Sukant Chandan [6] also conceded that the demise of Gadaffi’s Libya had left the African continent defenseless against Western hegemony. He vehemently stated: “*Libya was the veritable shield of Africa and now it has dropped and imperialism of the West is rolling on Africa.*”

The first civil war that occurred on the African continent just after the waves of independence struggle against colonial domination took place in Nigeria where the Ibo and other minority spoken language people mainly located in the southern part of the country fought a fierce war (the Biafra war) against the federal government forces because they, Ibos and others, had considered that their interests had been trampled upon by the federal government where the majority positions had been held by the Yorubas and Muslims mainly situated in the northern part of the country. The Nigerian Civil War, also known as the Biafran War or the Nigerian-Biafran War (6 July 1967 – 15 January 1970), was a war fought between the Federal government of Nigeria and the secessionist state of Biafra. Biafra was ‘coined’ as a republic to represent the nationalist aspirations of the down trodden minority ethnic group people, whose leadership felt they could no longer coexist with the Northern-dominated federal government because they spoke another language. This is an example of tribal division built along language differences within a country.

4. Language as a uniting instrument

A close study of the conflicts in the above-mentioned nations reveals that the main source of the national discontent and agitation of the people for secessionism and freedom seems to be targeted at economic and political independence. However, in our opinion, it is a false representation or rather a misrepresentation of the assessment of issues because the inherent cause and actual cornerstone source is based on language and sometimes followed by religious freedom demand and protests leading to internal rivalries. Even though the igniting elements seem to be economic followed by demands for political reforms which we do often observe, in actual fact, and in most cases, have nothing in common with the whole protest demands.

Observing and recognising the dangers and risks that a language can bring to a country in tribal issues no politician has ever dared to propose openly to the Ghanaian people the introduction of Akan as a national and official language along side with English where about 80% of the population can speak it though there are only three ethnic groups which belong to the Akan language out of the many tribes (9 major languages). The introduction of Akan as a unifying language in Ghana could safely become viable economically, socially and even politically if properly handled and organised amidst tribalism problem that had always been a great burden hindering the development of the African continent. The safe transition could definitely reduce tribal conflicts and disputes. On the other hand it could spark and aggravate the already existing tensions within the society.

However it will be incorrect to state that language brings only problems and troubles. We do have, so far, a clear example of language uniting people together. In some Eastern and Southern African countries, Swahili has become the lingua franca among the following countries: Congo, Tanzania, Uganda, South Africa and Zambia though they still have their local dialects spoken by a large number of people. The Arabic language North Africa has also been relatively peaceful for some time until the recent colour revolution affecting some of the individual nations of the region which had been instigated from outside these nations. Obviously without specific social discontent within the society, there cannot be any social and political upheavals which develop on concrete social fertile resentment grounds. However the Arabic common language that the Northern states of the Continent have could serve as a resourceful platform for the

enhancement of tighter and closer relationships. Similarly, this can be said about the Ewe spoken language which covers a large proportion of the Western African Nations particularly when a regional economic community (ECOWAS) had been formed to ease trade and migration of goods and people. A large population mainly in the southern part of Cote d'Ivoire, Ghana, Togo, Benin and Nigeria understand and speak Ewe though there are variations. The main language core binds them together as one people which make uniting them quite variable.

At the helm of the 19th century the European countries including Britain, France, the Netherlands, Belgium, Italy and Germany used the language as a colonial method/tool to capture the lands of the African Continent and 'enslave' its people and some parts of Asia. The communication gap that existed on the arrival of Europeans was fully utilized. The native people were convinced to learn the European languages instead of learning the local languages and dialects. Obviously, the arrival of the Europeans on the African Continent also paved the way for some positive elements to the local people. Schools and universities were built. Among the first higher educational institutions to appear on the continent were Makerere University, Uganda, Fourah Bay College, Sierra Leone, the Yaba College, Nigeria, University of Ibadan, Nigeria, University of Ghana, Legon were the brain centres through which the effective and absolute of 'non-return' influence and transference of cultural adaptation of the metropolis. Today English and French still remain one of the leading and official languages of many African countries. It will take centuries to derail the system created by the Europeans centuries ago even if the African countries wish to unite the continent, sweep away the colonial remnants and change the course of development direction to reduce the effect of partition of the continent and colonialism. The biggest question is whether it is necessary to do in the face of global integration of the world.

5. Conclusion

Language as social phenomenon has been one of the greatest tools in the hands of politicians for many centuries to manipulate and dismantle stateships and it continues to remain so in the modern world. On the other hand, language really serves as the 'medium' of cultural exchange and enrichment among nations. The more we learn a foreign language the better we understand and learn to accept, tolerate and value the cultural differences and aspects. So far as we continue to live our cultural enrichment is necessary and therefore cultural penetration interchanges are inevitable for our global society.

References

1. K. Y. Amoako, K. Y. On growth, depth, and economic transformation. 2015. URL: <http://www.africaresearchinsitute.org/>
2. Small, C. Rwandan ethnic conflicts. A historical look at root causes. // Journal of peace and conflicts studies. 2015. URL: <https://www.academia.edu/11047836/>
3. Del Ponte, C. Kosovo News. 2016 // URL: <http://en.newalbania.com/category/trending-now/>
4. Parizeau, J., CBC News. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/montreal/jacques-parizeau-english-referendum-victory-speech-public-1.3519036>
5. Ron, Paul USA. TODAY, Crimea secedes. So what? 2014. // URL: <http://www.newsmax.com/Newsfront/ron-paul-crimea-ukraine-Russia/2014/03/13/id/559448/>
6. Chandan, S. October 22, 2011. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=G5NFKbjyUdo>

УДК 811.161.1: 811.133.1

CONTRIBUTION À L'ÉTUDE DU DISCOURS PÉDAGOGIQUE PROFESSIONNEL FRANÇAIS ET DE L'IDENTITÉ DE L'ENSEIGNANT

Sedykh Arkadiy

docteur ès lettres
directeur du département de français et d'allemand
Université nationale de recherche de Belgorod,
Belgorod, Russie) / sedykh@bsu.edu.ru

Albert Georges

Chef de projet pédagogique au ministère de l'éducation du Liban
Institut français du Liban, Expertise-France, Beyrouth /
georges.albert@expertisefrance.fr/
albege@gmail.com

Résumé

L'article tente de décrire les catégories de «discours professionnel et pédagogique» et «identité de l'enseignant» dans la communauté française lexiculturelle d'aujourd'hui. L'article souligne une nécessité de la mise en relief des caractéristiques de genre de discours pédagogique. Comme objet d'étude nous examinons des caractéristiques du discours institutionnel de la République française et son rôle dans l'élaboration de la vision du monde de l'enseignant français. Il est à noter que le comportement communicationnel des enseignants français se caractérise par un individualisme corporatiste et un esprit hiérarchique (esprit de position dominante) bien accusés.

Mots-clés: discours pédagogique, identité linguistique, comportement communicationnel, genre, corps enseignant, distance du pouvoir, individualisme corporatiste, élitisme, position dominante.

Comme on le sait, chaque culture constitue une idée de l'enseignant (des enseignants) et des activités d'enseignement, qui génère finalement une image appropriée dans la conscience langagière de la nation. Dans chaque pays, la profession enseignante se distingue par son authenticité et exclusivité. Il est impossible de ne pas prendre en compte des facteurs sociaux et économiques. En France, par exemple, l'enseignant est officiellement considéré comme un fonctionnaire du ministère de l'éducation nationale, de l'enseignement supérieur et de la recherche et bénéficie d'un emploi à vie. Le salaire net moyen des enseignants du primaire et du secondaire est d'environ 2.475 euros par mois, sans prendre en compte les qualifications et l'expérience de travail mais en incluant les primes et indemnités.. Le nombre d'heures minimal d'enseignement hebdomadaire varie entre 26h pour un professeur des écoles, 18h pour un professeur de collège et lycée et 15h pour un professeur agrégé. A noter qu'à l'origine, ces volumes horaires étaient calculés pour équivaloir à des semaines de 39 heures en comptant les temps de préparation et de correction [C. Thélot]¹. L'année scolaire compte 36 semaines, soit entre 175 et 180 journées d'enseignement par an.

Dans un contexte français de chômage croissant avec perte généralisée de pouvoir d'achat pour les catégories de salariés durant les deux dernières décennies, l'enseignant fonctionnaire, bénéficiant de la garantie de l'emploi, de seize semaines de vacances et d'un salaire net supérieur au salaire médian des français, le « prof » passe désormais pour un privilégié. Dans un réflexe amplifié par les médias, la société cristallise alors les échecs de l'école sur le corps enseignant qui perd en prestige social d'année en année. Les évaluations internationales (PISA, TIMSS) n'arrangent pas l'image des enseignants dans les médias en pointant une France rétrogradée dans le ventre mou des classements OCDE avec, en plus, la palme de champion de l'école inégalitaire!

Pour autant, dans - la conscience collective, si l'image du corps est écornée en tant que rouage d'un système affaibli, - l'identité individuelle de l'enseignant français n'en conserve pas moins une forme de prestige liée aux savoirs savants qu'il véhicule quand beaucoup d'adultes devenus parents ont subi leurs propres échecs scolaires sanctionnés par «les profs». Et les enseignants auraient un peu tendance à user plus ou moins consciemment de cette position dominante dans un réflexe de défense pour se prémunir contre les attaques de plus en plus fréquentes à leur endroit.

- D'un côté, plusieurs chercheurs soulignent, par exemple, que la notion de leader en France correspond aux mots «génie», «élite intellectuelle»; aux États-Unis – «superstar», «agent libre»; au Royaume-Uni – «diplomate»; en Allemagne – «maître», «expert»; au Japon – «représentant du gouvernement»; en Chine – «héros-commandant doté de connaissances locales» [Derr, Rousillon, Bournois 2002]. A l'inverse, on peut lire: «*En France, en Turquie, au Brésil et aux États-Unis, les enseignants sont «considérés comme de simples administratifs qui remplissent leur tâche de façon formelle»* [Le Figaro du 07/01/2014]. Et encore ceci: «*l'étude réalisée par la Varkey GEMS Foundation sur la perception du métier d'enseignant à travers le monde souligne aussi le manque de respect affiché par les élèves français»* [Ibid.]. Nul doute qu'une bonne part de cet irrespect montant se nourrit de commentaires désobligeants entendus dans le milieu familial.

¹ Claude Thélot, L'évaluation du système éducatif, Persée, 1994

Comme on peut le voir d'après les déclarations ci-dessus, les opinions sur le statut des enseignants français sont contrastées: certains croient que le statut de l'enseignant en France est assez élevé, d'autres – assez faible. Ce problème ne figure pas parmi les objectifs du présent article et il sera tranché dans les études ultérieures. Mais en prenant en compte ce constat, notre tâche principale est d'esquisser les caractéristiques de l'identité des enseignants au prisme du discours institutionnel (textes ministériels) de la République française.

L'étude du discours pédagogique français implique l'analyse des textes dans plusieurs relations binaires de communication: «enseignant-enseignant», «enseignant-parent», «enseignant-société», «enseignant-pouvoir». Le dernier binôme peut être étudié sous l'angle du dialogue entre les représentants des structures administratives et éducatives de la société. A cet égard, il est nécessaire de mettre en évidence les caractéristiques du genre de discours pédagogique: professionnel, didactique, éducatif, institutionnel.

Le discours professionnel pédagogique se manifeste en partie à travers les règlements du Ministère de l'éducation nationale. Quand ils sont sous contrat d'association avec l'Etat, les enseignants français sont tenus d'exercer leurs fonctions dans le cadre des textes statutaires. Voici quelques principes clés de l'activité professionnelle et du statut des enseignants et des professeurs de français:

1. *Les personnels d'enseignement relèvent de la **fonction publique d'État**. C'est par voie de concours que l'Éducation nationale recrute les enseignants et les fait accéder au statut de **fonctionnaire titulaire**. Pour devenir enseignant vous devez donc réussir l'un des **concours organisés chaque année**.*

2. *Le professeur des écoles est un **enseignant du premier degré** avec un nouveau statut qui remplace celui de l'ancien corps des instituteurs (voir encadré). Il est recruté au niveau du master depuis 2010. Il intervient en école maternelle et en école élémentaire où **il dispense un enseignement polyvalent**: français, mathématiques, histoire et géographie, sciences expérimentales, langue vivante, musique, arts plastiques, activités manuelles et éducation sportive. Ce sont les contenus et les activités liés à toutes ces disciplines que les professeurs des écoles **sont amenés à organiser et conduire** avec leurs élèves. **Les professeurs des écoles travaillent avec des enfants de 3 ans (parfois 2 ans) à 11 ans**, c'est-à-dire de la première année de l'école maternelle à la dernière année de l'école élémentaire.*

3. *Le **professeur de collège et lycée (PLC)** est titulaire d'un CAPES (certificat d'aptitude professionnel de l'enseignement secondaire), d'un CAPET (enseignement technique) ou d'une agrégation. Les trois catégories sont recrutées au niveau du master (bac +5). Les professeurs certifiés (CAPES, CAPET) sont très majoritaires par rapport aux professeurs agrégés dont le concours est plus sélectif. Ils enseignent une seule discipline au collège, au lycée ou en classes préparatoires aux grandes écoles - pour les agrégés expérimentés.*

4. *Les **enseignants-chercheurs** sont, soit **maîtres de conférences**, soit **professeurs des universités**. Ils ont la **double mission** d'assurer le développement de la **recherche fondamentale et appliquée** et de **transmettre aux étudiants les connaissances** qui en sont issues.*

*Ils participent à l'**élaboration** et à la **transmission des connaissances**, assurent la **direction**, le **conseil** et l'**orientation des étudiants**. Ils contribuent également au développement de la recherche fondamentale, appliquée et à sa valorisation ainsi qu'à la **diffusion de la culture** et à la **coopération internationale**. Ils assurent leur activité de recherche dans des **laboratoires universitaires** qui sont le plus souvent **associés aux grands organismes de recherche** (CNRS, INSERM, INRA, etc.).*

5. *Le fonctionnaire public se voit bénéficier d'un **droit à être protégé par sa hiérarchie** lors de sa mission. Son autorité hiérarchique lui doit **intégrité physique et morale** lors de ses diverses missions. L'Etat peut cependant se retourner contre un agent dont la responsabilité pénale est établie, il ne s'agit donc pas d'une immunité et encore moins d'une impunité.*

6. *Les fonctionnaires doivent **pouvoir progresser en échelon et en grade** tout au long de leur vie professionnelle. L'avancement dans les échelons et les grades inclut une part de mérite dans un rythme de promotion au «grand choix» (le plus rapide), au «petit choix» ou «à*

l'ancienneté» (le plus lent). Les inspecteurs, répartis par corps d'enseignement (premier degré, second degré, enseignement professionnel et technique) sont chargés de l'évaluation professionnelle des agents placés sous leur autorité pédagogique.

7. **Aucune distinction**, directe ou indirecte, ne peut être faite entre les fonctionnaires en raison de leurs **opinions politiques**, syndicales, philosophiques ou **religieuses**, de leur origine, de leur **orientation sexuelle**, de leur âge, de leur patronyme, de leur état de santé, de leur apparence physique, de leur handicap ou de leur appartenance ou de leur non appartenance, vraie ou supposée, à **une ethnie ou une race**.

8. Les fonctionnaires sont soumis à des **obligations éthiques** dans et hors l'exercice de leurs fonctions, notamment à l'obligation de **laïcité**, de **neutralité** et de **réserve**.

9. Les corps enseignants, techniques et scientifiques peuvent **exercer une profession libérale** dès lors qu'elles découlent de l'exercice de leur fonction. L'agent public titulaire, sur autorisation de sa hiérarchie, peut exercer une autre activité, **uniquement en dehors de son temps de travail dans la fonction publique**.

10. Ce sont les missions de service public qui fondent le statut de fonctionnaire. **Ce statut n'est pas un privilège mais est porteur de droits et de devoirs**. <...> c'est-à-dire les principes fondamentaux définis dans les lois statutaires, ... destinés à assurer l'égal accès aux emplois publics, à **garantir** les fonctionnaires **contre l'arbitraire et le favoritisme** et à donner à la puissance publique les moyens d'assurer ses missions sur tout le territoire **dans le respect des règles d'impartialité et de continuité** [<http://www.education.gouv.fr>]. C'est donc bien dans l'intérêt du service public, donc de l'Etat, et non dans l'intérêt du fonctionnaire que l'emploi lui est garanti à vie ; c'est une caractéristique – et non un privilège – qui est remise en question actuellement en France et même amendée dans certains pays d'Europe comme la Suède.

Comme on peut le voir, les documents ministériels définissent clairement le statut d'un **agent public** (d'un enseignant en l'occurrence), (*par voie de concours organisés chaque année; enseignant du premier degré; il dispense un enseignement polyvalent; professeurs des écoles travaillent avec des enfants de 2 à 11 ans*), ses droits (*droit à être protégé par sa hiérarchie; intégrité physique et morale*) et ses responsabilités (*double mission d'assurer le développement de la recherche fondamentale et appliquée et de transmettre aux étudiants les connaissances*). Ils mettent en évidence l'aspect moral du comportement du fonctionnaire: respecter toujours et partout les obligations morales envers la société (*des obligations éthiques dans et hors l'exercice de leurs fonctions*).

Le texte ci-dessus contient des dispositions générales sur comment et pourquoi un enseignant doit se comporter conformément à son statut de fonctionnaire. Cet aspect se manifeste principalement à travers l'utilisation des verbes et des structures à conceptions normatives sémantique (sémantique des actes stimulants) : **relèvent de la Fonction publique d'État; recrute les enseignants et les fait accéder; vous devez donc réussir un des concours; qu'ils sont amenés à organiser et à conduire avec leurs élèves; ont la double mission d'assurer et de transmettre; fonctionnaire public se voit bénéficier de**.

Une réglementation minutieuse de l'activité de l'enseignant contribue à la formation de «bouillon de culture» et de l'identité linguistique en conformité du discours normalisé et de l'identité qui se réclame en corrélation directe avec les comportements institutionnels. Les statuts de discours institutionnel soulignent un statut élevé de l'enseignant, son intérêt pour la réussite d'une mission, contribue à la formation du contrôle interne d'un individu de ses activités.

Ainsi, le continuum discursif de l'enseignant français se caractérise par le schéma relativement rigide des relations corporatives, à la fois verticalement et horizontalement. Institutions de puissance et système de gestion centralisée continuent traditionnellement de bénéficier du soutien d'une majorité de la population française, malgré toutes les vicissitudes de la société en France d'aujourd'hui. Le principe de base de la culture éducative française préconise un équilibre à première vue contradictoire du phénomène: distance au pouvoir élevé et haut degré d'individualisme corporatiste. Ces composants offrent de nombreuses possibilités

pour l'existence d'une bureaucratie centralisée dans le domaine de l'éducation et en même temps fournissent une dépendance directe (indirecte) de l'individu des décisions administratives.

Le discours pédagogique français est très normalisé du point de vue du comportement langagier et communicationnel, ce qui n'exclut pas des manifestations altératives conditionnées tant par la nécessité de communiquer avec des jeunes dans l'environnement polystylistique et multiculturel, que par déformations professionnelles. Dans le même temps le discours corporatif des enseignants français reste encore bien personnalisé et se manifeste souvent par des positions communicationnelles dominantes.

Références et sources

1. Sedykh A.P., Buzinova L.M. *Francuzskaja jazykovaja lichnost': akademicheskij i hromaticheskij diskurs* [French language identity: academic and chromatic discourse]. Moscow: LENAND, 2019. 128.
2. Deer B., Roussillon S., Bournois F. *Cross-Cultural Approaches to Leadership Development*. (p. xi). Brooklyn: Greenwood Publishing Group.
3. Pacte de responsabilité: "chiche !" (Péresse) // Le Figaro du 07/01/2014 URL : <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/2014/01/07/97001-20140107FILWWW00267-pacte-de-responsabilite-chiche-peresse.php>

УДК 81'373.7

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ОЦЕНОЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛСГ «LAIDERON»)

Барнева, Тубия Игоревна

студентка кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / tubiyabarneva@gmail.com

Кривчикова, Нэля Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / krivchikova@bsu.edu.ru

Аннотация

Слово представляет собой лексическую единицу в системе языка, обладая при этом значением. Центральным компонентом значения можно назвать понятие, в формировании которого принимают участие психические процессы, дающие возможность определять объекты и явления внеязыковой действительности к тем или иным классам, группам, категориям. Такие процессы позволяют расположить компоненты языкового значения в иерархическом порядке. В данной статье рассматривается семантическая организация оценочных наименований во французском языке, соотносящихся с понятием «девушка». Выдвигается положение о том, что все компоненты стилистической окраски, которые являются составной частью семантической структуры, тесно связаны между собой.

Ключевые слова: французский язык, лингвистика, оценочные наименования, семантика, лексическое значение, стилистическая окраска.

STRUCTURAL SEMANTIC FEATURES OF EVALUATIVE NAMES IN THE FRENCH LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE LSG «LAIDERON»)

Barneva, Tubiia Igorevna

Student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / tubiyabarneva@gmail.com

Krivchikova, Nelya Léonidovna

Associate Professor, PhD in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / krivchikova@bsu.edu.ru

Abstract

The word is a lexical unit in the language system It has its own meaning. The central component of meaning can be called a concept, in the formation of which mental processes take part, which make it possible to determine objects and phenomena of extra-linguistic reality to one or another class, group, category. This type of processes allows you to arrange the components of the language value in a hierarchical order. This article discusses the semantic organization of appraisal names in French, related to the concept of "girl". The theory is advanced that all the components of the stylistic coloring, which are an integral part of the semantic structure, are closely related.

Key words: french language, linguistics, appraisal names, semantics, lexical meaning, stylistic coloring.

Язык, представляя собой орудие мышления, благодаря своей гибкости всегда быстро реагировал на запросы человеческого разума и с легкостью находил нужное слово, обогащая его подходящим смыслом. Слово представляет собой лексическую единицу в системе языка, которая является многосторонней и многофункциональной. Физическая сторона слова, его написание и звучание, воздействует на наш мозг, вызывая в сознании определенные образы, таким способом происходит связь физической составной языковой единицы с отображаемым ею предметом внеязыковой действительности. Но, как показывает исторический опыт, существует некая «завеса», которая все-таки отделяет лексическое значение языковой единицы от ее абстрактного и когнитивного понимания, то есть между мыслью и соответствующему ей значению, выраженному словом, есть неточности.

Как известно, проблема лексического значения – это вопрос, не имеющий однозначного ответа в силу своей недостаточной изученности, сказывающейся на неточной его верификации в трудах ученых-языковедов. В.А. Звегинцев, отечественный лингвист, в своих работах признавал трудность и важность исследования значения, он говорил о том, что вплоть «до настоящего времени не достигнуто даже самого общего согласия относительно того, что же собой представляет лексическое значение, в какой мере оно поддается лингвистическому анализу и какая вообще его лексическая природа» [Звегинцев 1957, 112]. И действительно, в современном языкознании многие ученые расходятся во взглядах относительно лексического значения языковой единицы. Зарубежные лингвисты, Айвор Ричардс и Чарльз Огден, в своем труде под названием «Значение значения» привели порядком около шестнадцати определений слова «значение».

С понятием природы лексического значения непосредственно связан такой термин как «номинация». Под номинацией в широком смысле принято понимать название той или иной реалии. Если рассматривать термин «номинация» в гносеолого-семантическом аспекте, то он определяется как процесс познания объективной окружающей действительности через языковые единицы и как процесс обращения внеязыковых факторов в достояние системы языка, представляя собой оценку внеязыковой действительности, выполняемую человеческим сознанием.

Оценка, как специфическая разновидность познавательной деятельности человека, получает свое отражение в языке, а если быть точнее – в языковой единице. Объективная реальность воспринимается сознанием, который выполняет анализ окружающей действительности и с помощью логических операций подвергает ее строгой классификации, таким образом в конечном счете мозг выдает результат в виде оценочной номинации, положительной или отрицательной. Но не стоит забывать и про эмоциональный аспект оценки, который составляет суть стилистической окраски.

Отечественные лингвисты, проводя исследования в области языкознания, выбирают субстанциональный подход, который определяет лексическое значение как содержательную категорию, представляющую собой результат отражения в сознании человека окружающей реальности и установления прочных связей между отдельными единицами системы языка, и который рассматривает прежде всего гносеологическую природу данного явления.

Лексическое значение, основная единица семантики, представляет собой достаточно сложное явление, в котором находят свое отражение мысли, идеи, мышление, чувства человека. Центральным компонентом значения можно назвать понятие, продукт интеллектуально-познавательной деятельности индивида, в формировании которого принимают участие процессы разделения, обобщения, сравнения, абстрагирования, дающие возможность определять объекты и явления внеязыковой действительности к тем или иным классам, группам, категориям. Такие процессы, совершаемые нашим мозгом, позволяют расположить компоненты языкового значения в иерархическом порядке.

Семантические компоненты значения имеют специфический характер не только благодаря их особой структурной, уровневой организации, но и также в их способности отражать объективные свойства действительных предметов. Они могут делиться на денотативные, которые представляют собой понятийное ядро и отражают объективные признаки внеязыковой действительности, и на компоненты стилистической окраски.

Вплоть до настоящего момента доподлинно неизвестно, какое место занимает стилистическая окраска в структуре языкового значения. В данном вопросе мнения ученых расходятся: одни считают, что стилистическая окраска представляет собой неотъемлемый компонент лексического значения, а другие полагают, что она не является частью значения и располагается за пределами семантической структуры наименования. Сторонниками первого мнения являются специалисты в области стилистики, и их точка зрения является более аргументированной, так как стилистическая окраска имеет непосредственное отношение к семантическому компоненту лексического значения, поскольку несет в себе определенную смысловую нагрузку.

Внутренняя структура стилистической окраски состоит из трех элементов – это эмоционально-оценочный, образный и функционально-стилевая маркированность. Все три компонента взаимодействуют друг с другом, но обладают разной степенью значимости в семантической структуре лексической единицы.

Первый элемент – эмоционально-оценочный – представляет собой компонент, не лишенный информативной значимости с коммуникативной точки зрения, так как позволяет говорящему выражать свои эмоции; может занимать разные уровни в иерархической структуре лексического значения. В тех случаях, когда данный компонент находится на уровне дифференциации, он проводит анализ и оценку определенного класса предметов, делая разграничения от смежных ему видов понятий, и участвует в его идентификации.

Следующий компонент – образный, в его основе находятся представления и образы, которые появляются в результате отражения внеязыковой предметной реальности в сознании человека в процессе познавательной деятельности. В основе сопоставления образа объекта внеязыковой действительности с его значением лежит психологический механизм, суть которого заключается в разграничении предметного восприятия действительности как результата наглядного опыта от логических операций человеческого сознания, проводящих соотношение того или иного объекта с той или другой отвлеченной категорией.

В иерархичной семантической структуре наименования образный элемент может занимать различные позиции и являться более или менее обязательным в зависимости от его выраженности. Образность наравне с рациональной оценкой предшествует формированию понятия и представляет собой этап познавательной деятельности сознания человека, в процессе которого образный элемент не находит специального выражения в наименовании и представляет собой неконкретный образ того или иного объекта окружающей действительности. В основе концептуального ядра значения находятся признаки, одновременно подходящие понятию и обобщенному образу, значит, можно смело заявить, что понятие и соответствующий ему обобщенный образ нельзя отделить друг от друга.

Последний компонент – функционально-стилевая маркированность – это элемент лексического значения, указывающий на специфику функционирования языковой единицы. В процессе коммуникативного акта подобное слово вводит определенные ограничения, так как в его стилистической окраске частично обозначена специфика его употребления. Только нейтральная общеупотребительная лексика не содержит такого указания, все остальные виды лексики в большей или меньшей степени сигнализируют своим содержанием об определенной сфере и условиях общения.

В статье предлагается рассмотреть следующую группу слов во французском языке: *horreur* (nom, f.) – страшная женщина; *boudin* (nom, m.) – нескладная пухлая девушка; *singe*

(*nom, m.*) – некрасивый человек, представляющие собой одно семантическое поле. Можно выделить общий признак, объединяющий эти понятия, - это слово «*femme*» (женщина). Но, помимо этого, можно выделить понятие, более узкое, определяющее все данные языковые единицы, - это слово «*laideron*» (женщина, неподходящая под каноны общепринятого эталона красоты), представляющее собой смысловое ядро данного лексико-семантического поля благодаря повтору элементов своей семантики в понятийной структуре вышеперечисленных лексических единиц. В таком случае все слова, входящие в состав лексической группировки, объединены содержательной структурой номинативной единицы «*laideron*», которая является индикатором данного лексико-семантического поля.

laideron (*nom, m.*) - *jeune fille, jeune femme laide* [<https://www.larousse.fr/>].

Первые свидетельства существования такой языковой единицы во французском языке как *laideron* относятся еще к 1530 году. По своему происхождению она относится к адъективной форме *laid*, используемой в XI веке, которая восходит к франкийскому этимону *laith*, который буквально переводится как «неприятный, некрасивый» (*desagréable, n'est pas beau*). Данное наименование сохраняет значение франкийского этимона и в своем значении отражает отрицательную оценку внешних данных женщины, черты которой не совпадают с общепринятыми канонами красоты.

Данная номинативная единица в процессе своего существования и употребления во французском языке не приобрела в своей семантической структуре компоненты стилистической окраски (эмоционально-оценочный компонент, образность, функционально-стилевая маркированность), поэтому ее можно отнести к нейтрально-информативной лексике. Благодаря нейтральному статусу мы можем использовать слово *laideron* в качестве «идентификатора» для всех рассматриваемых нами наименований.

Внутренняя форма нейтрального обозначения представлена образным компонентом, который является базовым элементом эмоциональной лексики и содержит в себе признаки, отражающие внешние признаки обозначаемого объекта и совпадающие с концептуальным ядром. Такими признаками являются антропонимичность (в данном случае – человек), определенный возраст (довольно молодой) и отношение к определенному полу (конкретно к женскому).

В семантической структуре наименования немаловажную роль играет оценочный компонент, который носит рациональный характер и имеет социально значимую информацию об объекте, в нашем случае – о женщине, внешне непривлекательной.

Если рассматривать отдельно взятое слово, представляющее собой часть вышеуказанной лексико-семантической группы, то можно заметить, что в семантической структуре слова, помимо общих для всех языковых единиц признаков, присутствуют характерные для данного слова признаки, составляющие его специфическую и индивидуальную коннотацию. Например, слову *singe* (*nom, m.*) присущи следующие признаки: 1) негативная оценка внешности индивида; 2) яркий образный компонент (сравнение индивида с обезьяной).

Первоначальное значение слова *singe* заключается в обозначении вида млекопитающего, а именно обезьяны. Со временем семантические изменения данной лексической единицы приводят к тому, что она начинает включать в свою семантическую структуру элементы стилистической окраски в результате ассоциативных связей с человеком, некрасивым внешне:

singe (*m*) – *au figuré: personne laide* [Le Grand Robert, 2003].

Семантическая структура характеризуется расположением на дифференциальном уровне элементов некрасивой внешности (*laide*). Эмоционально-оценочное обозначение некрасивого человека не совпадает с понятийным ядром по признаку антропонимичность-неантропонимичность. Внутренняя форма слова, представляя собой элемент стилистической окраски, проявляется очень рельефно в семантическом наименовании и

располагается на его периферии дифференциального уровня, сообщая тем самым очень высокую интенсивность проявления эмоционально-оценочного компонента.

Указание au figuré позволяет понять, что данное значение слова метафорично и несет в себе перенос характеристик одного объекта (обезьяны) на другой (человек).

Следующая лексическая единица – *horreur* (nom, f.). Своим происхождением восходя к латинскому *horror* – *une peur, une stupeur* (страх, оцепенение), это слово было впервые зафиксировано во французском языке в 1160 году. На тот момент данная языковая единица носит в себе первоначальное значение (сильное чувство страха, оцепенения, вызванного мыслью о странной и отталкивающей вещи или происходящими событиями). В последующем, в ходе развития французского языка, эта лексическая единица в своей семантической структуре приобретает компоненты стилистической окраски и начинает обозначать вещь или человека, вызывающего неприятные чувства своим внешним видом.

Horreur (f) – Familier: Personne ou objet d'une grande laideur : Il a épousé une véritable horreur [<https://www.larousse.fr/>].

Таким образом происходит перенос первичных признаков значения в предметно-понятийную сферу. Образный компонент стилистической окраски не совпадает с понятийным ядром по признаку антропонимичность – предметность. Адъективная форма *horreur* выступает в качестве основы для образования стилистически-окрашенного наименования, которое в своем значении отражает отрицательную оценку внешних данных человека, в конкретном случае женщины, не подходящей под современные идеалы красоты. А словарная пометка *familier* позволяет понять, что данное выражение присуще лексике фамильярного характера, что усиливает его оценочность.

Наименование *boudin* впервые было зафиксировано во французском языке в 1268 году. С самого начала данная номинативная единица обозначает колбасное изделие, приготовленное на основе крови и свиного сала, запеченного и завернутого в кишку. На тот момент данная языковая единица носит в себе первоначальное значение и в своей структуре не имеет компонентов стилистической окраски:

boudin (m) - préparation de charcuterie cuite, à base de sang de porc, mise dans un boyau [<https://www.larousse.fr/>].

В последующем, в ходе развития французского языка, эта лексическая единица в своей семантической структуре приобретает компоненты стилистической окраски и начинает использоваться для обозначения нескладной и пухлой девушки:

boudin (m) – Populaire: Jeune fille ou jeune femme mal faite et sans grâce [<https://www.larousse.fr/>].

Выражение становится стилистически окрашенным наименованием в силу перенесенных признаков первичного значения в предметно-понятийную сферу. Образный компонент обозначения располагается на периферии дифференциального уровня и в силу этого выражен весьма рельефно, поскольку не совпадает с понятийным ядром по признакам одушевленность-неодушевленность, антропонимичность-предметность, нескладная девушка сравнивается с кровяной колбасой. Отрицательно-оценочный компонент занимает положение дифференциально значимого признака. Эмоционально-оценочный компонент поддерживается функционально-стилевой маркированностью – принадлежностью к разговорному стилю коммуникации, которая выражена в помете *populaire*.

На примере проанализированных выше слов, можно сделать вывод о том, что все три компонента стилистической окраски, представляющие собой составную часть семантической структуры лексической единицы, взаимосвязаны между собой, наиболее ярко это прослеживается в процессе номинации и на начальном этапе функционирования наименований.

Большинство наименований, отражающих эстетическую оценку женской внешности, стали стилистически окрашенными выражениями в процессе ассоциативного

сопоставления образов. Появление эмоционально-оценочного компонента приводит к перераспределению компонентов содержательной структуры. Высокая интенсивность проявления оценки может привести к символизации наименования.

Литература

1. Ахманова О.С. Лингвистическое значение и его разновидности / О.С. Ахманова // Проблема знака и значения. М.: МГУ, 1969. 280 с.
2. Звегинцев В.А. Семасиология. М., 1957. 327 с.
3. Мухутдинова Ф.Б. Концепт «Женщина» во французском языковом сознании (на материале афористики). М., 2006. 158с.
4. Хованская З.И. Стилистика французского языка. М., 1984. 250 с.
5. Larousse: dictionnaire en ligne. URL: <https://www.larousse.fr/>
6. Le Grand Robert de la langue française. Paris: le Robert, 2003. 1580 p.

References

1. Akhmanova O.S.(1969) Linguistic meaning and its varieties / OS. Akhmanova // The problem of sign and meaning. Moscow, Moscow State University, 280.
2. Zvegintsev V.A. (1957) Semasiology. Moscow, 327.
3. Mukhutdinova F.B. (2006) The concept of "Woman" in the French linguistic consciousness (based on aphoristic material). Moscow, 158.
4. Khovanskaya Z.I. (1984) Stylistics of the French language. Moscow, 250.
5. Larousse: dictionnaire en ligne. available at: <https://www.larousse.fr/>
6. Le Grand Robert de la langue française (2003) Paris, le Robert, 1580.

УДК 811.133.1

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ФРАНЦУЗСКОЙ КИНОКОМЕДИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛОГОВ ФИЛЬМА «TAIS-TOI»)

Бонадысенко, Екатерина Александровна

студент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / 1227635@bsu.edu.ru

Седых, Аркадий Петрович

доктор филол. наук, профессор
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Дискурсные исследования находятся на пике своей эпистемологической эволюции. Кинематографический дискурс выступает активно развивающимся элементом национальной лингвокультуры. Французский кинодискурс, в частности комедийный текст обладает этнокультурной спецификой на всех уровнях языковых и коммуникативных манифестаций, от диалогов классического реализма, до дискурсов импрессионизма и натурализма. В задачи статьи входит рассмотрение стилистических особенностей диалогической коммуникации французской кинокомедии. Выдвигается рабочее положение о том, что французский кинематографический диалог отличается высокой степенью социальной стратификации. Намечаются проектные направления дальнейшего изучения кинематографического дискурса французской языковой культуры.

Ключевые слова: кинематографический дискурс, французский диалог, социолингвистика, стилистика текста, лингвокультура, дискурсный узус, коммуникативное поведение.

SOME FEATURES OF THE DISCOURSE OF THE FRENCH CINEMA (ON THE MATERIAL OF THE «TAIS-TOI» FILM DIALOGUES)

Bonadysenko, Ekaterina Aleksandrovna

student of the German and French Department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / 1227635@bsu.edu.ru

Sedykh, Arkadiy Petrovich

Dr. philol. sciences, professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / sedykh@bsu.edu.ru

Abstract

Discourse studies are at the peak of their epistemological evolution. Cinematic discourse is an actively developing element of national linguistic culture. The French film discourse, in particular the comedy text, has ethnocultural specificity at all levels of linguistic and communicative manifestations, from the dialogues of classical realism to the discourses of impressionism and naturalism. The objectives of the article include consideration of the stylistic features of the dialogic communication of the French comedy film. The working position that the French cinema dialogue is distinguished by a high degree of social stratification is advanced. Design directions for further study of the cinematic discourse of the French language culture are outlined.

Key words: cinematic discourse, French dialogue, sociolinguistics, text stylistics, linguistic culture, discourse use, communicative behavior.

Речевое общение, понимаемое как процесс взаимодействия индивидов и воздействия друг на друга с помощью языка, обусловлено, прежде всего, социальным характером сознания человека. Оно является одной из важнейших социально-психических составляющих механизма формирования образа жизни, всех протекающих в обществе процессов. Общение есть также процесс, в той или иной мере включенный в любую деятельность и обеспечивающий обмен информацией между людьми, передачу друг другу эмоциональных состояний, а также оказание различного рода воздействий и влияний друг на друга.

Коммуникация осуществляется, как правило, в диалогической форме. Диалогическое общение не может быть нейтральным, оно всегда носит непосредственный характер. Именно диалогическое общение (диалогическая речь) является, по мнению многих ученых, наиболее естественной формой речи. Анализ диалогической речи представляет интерес в связи с тем, что в ней мы находим в концентрированном виде многие из общих особенностей построения высказывания на национальных языках. Диалогическая речь, как правило, функционирует в рамках дискурсов определённого типа, которые подчиняются коммуникативному заданию национального языка. Одно из ответвлений языкознания, дискурсология занимается поиском структурно-семантических доминант дискурса как элемента коммуникативного процесса.

За последние годы дискурсология прошла недолгий, но плодотворный путь развития. В настоящее время феномен изучается с различных точек зрения: лингвистической [Арутюнова 1990; Седых 2012], психолингвистической [Пешкова 2014], лингвокультурологической [Куценко 2017], когнитивно-коммуникативной [Демьянков 2005; Седых 2011; Седых, Бузинова 2019]. В стадии становления находится формирование терминологического аппарата данной области исследования. Это касается и содержания самого термина «дискурс», который до сих пор не обрёл своей общепринятой дефиниции, что само по себе является признаком активной эволюции парадигм современного научного знания.

Объектом нашего анализа выступает функционирование дискурсных структур в кинематографическом хронотопе Франции, следовательно, следует определиться с содержанием центрального термина «кинематографический дискурс». За основу возьмём одно из самых популярных определений Н.Д. Арутюновой: «Дискурс (от франц. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990].

Исходя из вышеприведённого определения, представим рабочую дефиницию кинематографического дискурса. По нашему мнению данный феномен может трактоваться как: *сценарный (связный) текст в корреляции с экстралингвистическими факторами, взятая в событийном аспекте, речь персонажей, погружённая в виртуально-художественную реальность*. Так как текст сценария «работает» в фильме преимущественно как речь персонажей, и в большинстве случаев в форме диалога, то диалогический дискурс представляет собой адекватный формат функционирования национального языка, в частности французского языка, релевантного для выявления специфики использования соответствующих языковых средств с целью достижения эстетико-художественных целей кинематографического продукта.

Кинематографический дискурс Франции можно охарактеризовать как активное текстовое пространство, имеющее исторически сложившиеся традиции «диалогичности». Это означает, что диалог, как форма коммуникации, является доминантной формой представления действительности. Одним из наиболее популярных авторов диалогов для

кино выступает сценарист, писатель и режиссёр Мишель Одиар, создавший блестящие диалоги к культовым фильмам французской синемаатеки. Назовём лишь часть этих творений: «Целую, до понедельника» (1974) *Bons baisers... à lundi*; «Чудовище» (1977) *L'animal*; «Дядюшки-гангстеры» (1963) *Les tontons flingueurs*; «Барбузы – секретные агенты» (1964) *Les Barbouzes* и многие другие, которых более 130. Конечно, речь идёт о фильмах, снятых во второй половине XX века, но тексты диалогов к ним входят в золотой фонд французской культуры, фразы из которых являются частью прецедентных текстов, на которые продолжают ссылаться и по сей день.

Диалогический дискурс Мишеля Одиара отличается сарказмом парижского юмора, адекватным использованием арготической лексики, неисчерпаемой игрой слов, каламбурной интонацией. Следующие иронично-саркастические высказывания знакомы каждому французу: «*J pense que quand on mettra les cons sur orbite, t'as pas fini de tourner*»; «- *J'ai bon caractère mais j'ai le glaive vengeur et le bras séculier. L'aigle va fondre sur la vieille buse. - C'est chouette ça, comme métaphore. - C'est pas une métaphore, c'est une périphrase. - Oh fait pas chier ! - Ça, c'est une métaphore*»; «*Moi quand on m'en fait trop, j'correctionne plus, j'dynamite, j'disperse, j'ventile...*».

В этом смысле коммуникативный континуум французской кинокомедии «*Tais-toi*» (в российском прокате «Невезучие», авторы сценария и диалогов Франсис Вебер и Серж Фридман) также обладает репрезентативным материалом для выявления типологических черт французского диалога.

Для начала изложим краткое содержание фильма: У Руби, наёмного киллера, одна мысль в голове: отомстить человеку, убившего женщину, которую он любил. У Квентина, добряка и простака, в голове гуляет ветер. Дороги этих непохожих людей пересекаются, крутого парня и добряка, разговаривающего с ангелами. Сможет ли «катастрофическая» доброта Квентина нейтрализовать жажду убийства Руби, в этом – главная интрига фильма.

Рассмотрим несколько образцов диалога персонажей рассматриваемого французского фильма:

1. Hold-up (Ограбление)

<p>Quentin: <i>Les mains en l'air tout le monde! C'est un hold-up! Le fric, vite! C'est quoi, ça?</i></p> <p>H1: <i>Des yens, Monsieur.</i></p> <p>Q.: <i>Je ne veux pas d'argent chinois.</i></p> <p>H1: <i>C'est pas chinois, c'est japonais. Le taux est intéressant, regardez.</i></p> <p>Q.: <i>Rien à foutre! Je veux les euros, les euros français!</i></p> <p>H1: <i>J'en avais tout à l'heure, mais les Japonais m'ont tout pris.</i></p> <p>Q.: <i>Ils vous ont braqués?</i></p> <p>H2.: <i>Mais non, ils ont changé leurs yens.</i></p> <p>Q.: <i>Merde alors. Où je peux les changer, moi, vos yens? Tu peux pas me les changer, toi?</i></p> <p>H2.: <i>J'ai que du sterling et du dollar canadien.</i></p> <p>Q.: <i>Mais qu'est-ce que c'est que cette boîte, bordel ?!</i></p> <p>H1+2.: <i>Un bureau de change, Monsieur.</i></p> <p>Q.: <i>Je croyais braquer une banque, putain...</i></p> <p>H1.: <i>Et, bien allez-y, il y a en a une au coin de la rue-là.</i></p> <p>Q.: <i>Une petite agence?</i></p> <p>H2.: <i>Oui, mais sérieuse.</i></p>	<p>Квентин: Руки вверх, все! Это ограбление! Бабки, быстро! Это что?</p> <p>Служащий 1: Иены, Господин.</p> <p>К.: Мне не нужны китайские деньги.</p> <p>С1.: Это не китайские, японские. Курс – выгодный, посмотрите.</p> <p>К.: На кой чёрт! Мне нужны евро, французские евро!</p> <p>С1.: Недавно были евро, но японцы всё забрали.</p> <p>К.: Они вас грабанули?</p> <p>С2.: Да, нет. Они поменяли свои иены.</p> <p>К.: Вот, блин. Где же мне поменять-то ваши иены? Ты не поменяешь?</p> <p>С2.: У меня только стерлинги и канадские доллары.</p> <p>К.: Да, что же это за контора такая, бл..?!</p> <p>С1+2: Обменный пункт, Господин.</p> <p>К.: Я думал, граблю банк, вашу м...</p> <p>С1.: Тогда идите туда, за углом есть банк.</p> <p>К.: Маленькое агентство?</p> <p>С1.: Да, но очень надёжное.</p>
--	---

В вышеприведённом диалоге (фрейм «Ограбление») перлокутивный эффект задаётся благодаря контрасту стилистических регистров: сленгово-арготического стиля персонажа Квентина (*fric, rien à foutre, braquer, boîte, bordel, putain*), и этикетно-нормативной речи служащих обменного пункта (*Monsieur, Le taux est intéressant, regardez, Oui, mais sérieuse*). Как видим, грабитель употребляет лексику социолекта преступного мира, к которому он принадлежит. Служащие – подчёркнуто вежливы, обращаются к «посетителю», употребляя вежливые обороты, принятые в социуме бизнес-сообщества. Главный персонаж находится в доминантной позиции фрейма (агенса), поэтому он не чувствует необходимости переходить на формы этикетного общения.

2. Les petits-beurre (Печеньки: разговор с сокамерником).

<p>Q.: <i>Salut! Je m'appelle Quentin. Je suis de Montargis. Tu manges?</i></p> <p>Prisonnier: <i>Non, je suis en train de chier!</i></p> <p>Q.: <i>Elle est bonne, celle-là! C'est les petits-beurre?</i></p> <p>P.: <i>Qu'est-ce que tu veux, toi?</i></p> <p>Q.: <i>Moi, je demande si ces les petits-beurres. Mais ces sûrement les petits-beurres, oui. Tu manges toujours du même côté?</i></p> <p>P.: <i>Tu vas m'emmerder longtemps?</i></p> <p>Q.: <i>Non, je te demande ça parce que t'as peut être mal aux dents du côté gauche et pour ça que tu manges à droite. J'ai connu un type qui s'appelait Michou où Michelin, je ne sais pas, un nom comme ça.</i></p> <p>P.: <i>Ferme ta gueule! Je veux manger tranquille.</i></p> <p>Q.: <i>Vas-y, vas-y, mange, ça me gêne pas. Le type-là, Michou où Michelin où Michalou, je ne sais pas, était comme toi. Il avait toujours une grosse joue à gauche et je lui disais: «Tu ressembles à un cul mais t'as qu'une fesse»!</i></p> <p>P.: <i>Si tu continues, je te casse la tête.</i></p> <p>Q.: <i>D'accord. «N'a-qu'une-fesse» je l'appelais. Il faisait du bruit en mangeant comme toi. Une vraie pelleteuse, le mec. N'a-qu'une-fesse tu bouffes comme une pelleteuse!!! ... Je ne comprends pas. On bavardait tranquillement puis il m'a sauté dessus.</i></p>	<p>К.: Привет! Меня зовут Квентин. Я из Монтаржи. Ты ешь?</p> <p>Сокамерник: Нет, личинки откладываю!</p> <p>К.: Классная шутка! Это сухое печенье?</p> <p>С.: Что ты хочешь, ты?</p> <p>К.: Я, я спросил сухое ли это печенье. Ну, да это конечно сухие печеньки, да. Ты всегда ешь на одну сторону?</p> <p>С.: Долго ты ещё будешь меня доставать?</p> <p>К.: Нет, я спрашиваю только потому, что наверное у тебя болят зубы с левой стороны, вот поэтому ты и ешь на правую. Знал я одного типа, которого звали Мишу или Мишленом, не знаю, имя такое.</p> <p>С.: Заткнись! Хочу спокойно поесть.</p> <p>К.: Давай, ешь, ешь, мне это не мешает. Так вот, этот тип, Мишу или Мишлен, а может Мишалу, не помню, он был похож на тебя. У него всегда была толстая левая щека, а я ему и говорил: «Ты похож на зад, но у тебя только одна половинка»!</p> <p>С.: Если не прекратишь, я тебе морду набью.</p> <p>К.: Хорошо, хорошо. Я звал его «Полупопа». Когда он ел, то шумел примерно как ты. Настоящий экскаватор, чувак. Полупопа ты жрешь как экскаватор!!! ... Не знаю, что на него нашло. Мы спокойно беседовали, а он вдруг на меня накинуся.</p>
---	--

В данном диалоге (фрейм «Разговор с сокамерником») оба персонажа (заключённые в камере) находятся в одинаковой ситуации и социальном статусе. Они ведут себя в соответствии с негласными правилами коммуникации и употребляют вокабуляр среды, частью которой они являются. Речь изобилует арготическими и жаргонными выражениями (*chier, emmerder, ferme ta gueule, mec*). При этом Квентин старается быть вежливым, так как он добряк и считает, что потревожил покой сокамерника.

3. Psychiatre (У психиатра)

<p>Docteur: <i>Concentrez-vous, qu'est-ce que vous voyez-là?</i></p> <p>Q.: <i>Une tache?</i></p> <p>D.: <i>Oui, d'accord, mais qu'est-ce que cette tache évoque pour vous? Concentrez-vous bien.</i></p> <p>Q.: <i>Une teinturerie?</i></p> <p>D.: <i>Quentin, il s'agit de la forme de cette tache, pas de la façon de la nettoyer.</i></p> <p>Q.: <i>Pardon! Cette mouche... je l'ai ratée d'ailleurs.</i></p> <p>D.: <i>Alors, cette tache?</i></p> <p>Q.: <i>Il y en a sur la cravate aussi.</i></p> <p>D.: <i>Non, je vous parle de celle-là!</i></p> <p>Q.: <i>Non, celle-là ja m'en fous. Moi, ce qui m'embête, c'est celle-là. Ne bougez pas!</i></p> <p>D.: <i>Mais quel abruti, bordel !!!</i></p> <p>Q.: <i>Je l'ai eue.</i></p> <p><...></p> <p>D.: <i>Desolé, je peux pas le prendre.</i></p> <p>Policier: <i>Non, ne me dites pas ça!</i></p> <p>D.: <i>Je l'ai bien examiné, il n'est pas fou. C'est un petit mental qui a l'incapacité totale à s'extraire du présent.</i></p> <p>P.: <i>Parlez clairement, docteur.</i></p> <p>D.: <i>D'accord. En clair il est incroyablement con.</i></p> <p>P.: <i>Docteur, il faut me débarrasser de lui. Je suis sûr qu'il sera mieux à l'asile.</i></p> <p>D.: <i>C'est un asile des fous, pas l'asile des cons. Il faudrait construire des asiles de cons, mais vous imaginez un peu la taille des bâtiments.</i></p>	<p>Врач: Сконцентрируйтесь, что вы видите на листе?</p> <p>К.: Пятно?</p> <p>В.: Да, хорошо, но что это пятно вам напоминает? Хорошенько сконцентрируйтесь.</p> <p>К.: Химчистка?</p> <p>В.: Квентин, речь идёт о форме этого пятна, а не о способе его чистки.</p> <p>К.: Пардон! Эта муха ... я её упустил, впрочем.</p> <p>В.: Итак, это пятно?</p> <p>К.: И на галстук тоже пятно.</p> <p>В.: Нет, я вам говорю о нарисованном пятне.</p> <p>К.: Нет, на это пятно мне наплевать. Меня беспокоит именно это пятно. Замрите! (пытаясь поймать муху, разливает кофе на халат врача)</p> <p>В.: Тупица, блин!</p> <p><...></p> <p>В.: Сожалею, но я не смогу его госпитализировать.</p> <p>Полицейский: Нет, только не это!</p> <p>В.: Я его обследовал, он не сумасшедший. Это ментально недалёкий человек, у которого полностью отсутствует способность экстрагироваться из настоящего.</p> <p>П.: Говорите яснее, доктор.</p> <p>В.: Хорошо. Проще говоря, он непроходимый идиот.</p> <p>П.: Док, избавьте меня от него. Уверен, ему будет лучше в психушке.</p> <p>В.: Психушка – для психов, а не для идиотов. Хорошо бы было бы построить приют для дураков, но представьте себе, какого размера были бы корпуса.</p>
---	--

В третьем эпизоде (фрейм «У психиатра») практически нет неконвенциональной лексики. Один единственный раз психиатр, выходя из себя, употребляет сниженную лексику (**abruti, bordel**). Оба персонажа точно соблюдают вербальные рамки общепринятой коммуникативной ситуации. Персонаж Квентина даже заменяет глагол сниженного регистра (**emmerder**) глаголом разговорного стиля (**embêter**), допустимого в присутствии человека, стоящего на более высокой ступени социальной лестницы.

Объединяющим элементом для всех эпизодов является близость к современной живой разговорной французской речи. Эта близость проявляется, например, в употреблении частотных лексем и выражений разговорного регистра (**elle est bonne, celle-là, je m'en fous, ta gueule, embêter**). Во всех фрагментах также обнаруживаются элементы разговорного синтаксиса: опущение отрицательной частицы «**ne**» (*je peux pas le prendre; tu*

peux pas me les changer, toi?), реприза, как признак аффективного синтаксиса (*Cette mouche... je l'ai ratée d'ailleurs; Moi, je demande si ces les petits-beurres; Qu'est-ce que tu veux, toi?*), эллиптические конструкции (*Une petite agence? Oui, mais sérieuse*), инвертированные фразы (*Une vraie pelleteuse, le mec*). С прагматической точки зрения все эпизоды характеризуются достаточно высокой степенью социальной идентичности: полицейский изъясняется как любой представитель этой профессии, правонарушитель использует вокабуляр воровской среды, речь врача отличается этикетностью и точностью дискурсных формулировок.

Итак, дискурсология как молодая наука активно развивает свой терминологический аппарат и методику анализа в русле описания дискурсов различного типа, в частности кинематографического дискурса. Рассмотренные фрагменты диалогического дискурса французской кинокомедии, ни в коей мере не претендуя на исчерпывающий анализ, отличаются рядом типологических характеристик. К одному из центральных свойств кинематографического дискурса Франции можно отнести социальную стратификацию и связанную с данным феноменом этикетность коммуникативных характеристик диалогов. В этом смысле французский речевой этикет, отражаемый в текстах диалогов, включает в себя довольно широкую гамму способов коммуникации и ориентируется на употребление скорее косвенных языковых формулировок. Устойчивые этикетные выражения, как правило, воспринимаются французами не как векторы конкретной семантико-смысловой информации, а скорее как формальное и обязательное сопровождение определенной коммуникативной ситуации, что манифестируют рассмотренные фрагменты кинематографического дискурса.

Перспективы дальнейшего исследования кинематографического дискурса видятся в разработке методологических перспектив анализа высказывания в русле выявления когнитивно-коммуникативных и прагма-стилистических признаков языкового материала. Конструктивным также представляется реконструкция механизмов диалогического взаимодействия в кинематографическом дискурсе с целью выделения корреляций с национально-культурными параметрами национального языка и коммуникативного поведения.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // ЛЭС. М., 1990. 136–137.
2. Демьянков В. З. Когниция и понимание текста. Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. 5–10.
3. Куценко А.А. Лингвокультурологические особенности языковой личности в дискурсе телеформата // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 3, №3, 2017. 34–40
4. Пешкова Н.П. Проблемы понимания дискурса в психолингвистическом и прагмалингвистическом аспектах // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. 73–77.
5. Попова, Е.С. Текст и дискурс: дифференциация понятий – Текст: непосредственный, электронный // Молодой ученый, 2014. № 6 (65). 641–643. URL: <https://moluch.ru/archive/65/10692/> (дата обращения: 02.05.2020).
6. Седых А.П. Специфика речевого воздействия Жака Ширака // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). 24–29.
7. Седых А.П. Национальная литература и коммуникативная культура нации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2012. № 2 (10). 16–20.
8. Седых А.П., Бузинова Л.М. Французская языковая личность: академический и хроматический дискурс. М.: ЛЕНАНД, 2019. 128.

References

1. Arutjunova N.D. (1990) *Diskurs* [Discourse] // LJeS. Moscow. 136–137.
2. Dem'jankov V.Z. (2005) *Kognicija i ponimanie teksta. Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Cognition and understanding of the text. Cognitive Linguistics Issues]. № 3. 5–10.
3. Kucenko A.A. (2017) *Lingvokul'turologicheskie osobennosti jazykovoju lichnosti v diskurse teleformata* [Linguoculturological features of the linguistic personality in the teleformat discourse] // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki. T. 3, №3. 34–40

4. Peshkova N.P. (2014) *Problemy ponimaniya diskursa v psiholingvisticheskom i pragmalingvisticheskom aspektah* [Problems of discourse understanding in the psycholinguistic and pragmalinguistic aspects] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 6 (335). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 88. 73-77.
5. Popova, E.S. (2014) *Tekst i diskurs: differenciacija ponjatij – Tekst: neposredstvennyj, jelektronnyj* [Text and discourse: differentiation of concepts – Text: direct, electronic] // Molodoj uchenyj, № 6 (65). 641-643. URL: <https://moluch.ru/archive/65/10692/> (data obrashhenija: 02.05.2020).
6. Sedykh A.P. (2011) *Specifika rechevogo vozdejstvija Zhaka Shiraka* [Specifics of speech effect of Jacques Chirac] // Politicheskaja lingvistika. № 1 (35). 24-29.
7. Sedykh A.P. (2012) *Nacional'naja literatura i kommunikativnaja kul'tura nacii* [National Literature and Communication Culture of the Nation] // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie. № 2 (10). 16-20.
8. Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2019) *Francuzskaja jazykovaja lichnost': akademicheskij i hromaticeskij diskurs* [French language identity: academic and chromatic discourse]. Moscow: LENAND. 128.

УДК 811.133.1'35

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Боровлёва, Кристина Алексеевна

студентка кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / borovleva_k@mail.ru

Аннотация

Одним из факторов формирования социокультурной ситуации в обществе является гендер, который определяет одни черты как женские, другие как мужские. Гендерные нормы поведения, заложенные в ментальной картине мира, находят отражение в языке народа. Изменение основ общественной жизни, в которой все более возрастает роль женщины, меняя традиционный национальный менталитет, обуславливает бурное развитие гендерных исследований в различных направлениях гуманитарных наук, в том числе и в языкознании. В статье рассматриваются понятие концепта вежливости обращений во французском и русском языке. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что основной целью введения понятия «гендер» является разграничение понятий биологического пола и пола социального. Намечаются перспективы исследования гендерных признаков единиц лексического и грамматического уровней французского языка.

Ключевые слова: гендер; этикет; французский язык; феминность; маскулинность; речевые маркеры.

GENDER FEATURES OF SPEAKING ETIQUETTE IN FRENCH LINGUOCULTURE

Borovleva, Kristina Alekseevna

student of the German and French department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / borovleva_k@mail.ru

Abstract

One of the factors in the formation of the sociocultural situation in society is gender, which defines some features as female, others as male. Gender norms of behavior embedded in the mental picture of the world are reflected in the language of the people. Changing the foundations of social life, in which the role of women is increasingly growing, changing the traditional national mentality, determines the rapid development of gender studies in various areas of the humanities, including linguistics. The article discusses the concept of the concept of courtesy of appeals in French and Russian languages. A working hypothesis is put forward that the main purpose of introducing the concept of “gender” is to distinguish between the concepts of biological sex and social sex. Prospects for the study of gender characteristics of units of the lexical and grammatical levels of the French language are outlined.

Keywords: gender; etiquette; French language; femininity; masculinity; speech markers.

Французы – люди, обладающие относительно строгими нормами поведения. Они стремятся самостоятельно вводить разнообразные неписанные правила – в этикет, моду, дипломатию, искусство, литературу и юриспруденцию. Независимый и критический настрой французов оказывает влияние на стиль их делового общения. Любезные и галантные в повседневной жизни, французы считаются сложными партнерами по бизнесу. Формальности, столь характерные для их поведения в свободное время, еще более усиливаются и усложняются в процессе деловых отношений.

Соблюдение формальностей – самая характерная деталь и частной, и деловой жизни во Франции. Одна из немногих вещей, которую большинство людей усваивают о французах сразу – наличие во французском языке двух местоимений второго лица - «*toi*» и «*vous*» («ты» и «вы»), которые в английском обозначаются как «you». Французы проводят различия между семьей, друзьями и теми сослуживцами, с которыми они на «ты», с одной стороны, и всеми остальными, теми, к кому они обращаются более формально, на «вы». Недопустимо говорить «ты» французу, пока он сам не обратится к вам на «ты». Если иностранцу во Франции стали говорить «ты», значит, ему полностью доверяют и даровали звание близкого друга. По традиции французы выражают свое уважение и подчеркивают разницу в положении, кланяясь и называя человека по фамилии. Между прочим, в некоторых французских семьях супруги никогда не говорят друг другу «ты» в течение всей долгой совместной жизни.

У французов в обычае обмениваться рукопожатием только при знакомстве, но никогда при последующих встречах. Поцелуи в щеку допускаются между женщинами, между мужчиной и женщиной и никогда между мужчинами (если только мужчины не близкие родственники). Поцелуи во Франции строго регламентированы: сначала вы слегка касаетесь левой щеки, затем правой и снова левой – очень формально. В Париже иногда разрешается четыре поцелуя: левая щека, правая, левая, правая [Формановская, Соколова 1989, 14].

При приветствии или прощании обычно употребляется слова «*мсье*» и «*мадам*». Считается невежливым, если к традиционным приветствиям типа «*bonjour*» или «*au revoir*» не добавить «*monsieur*» или «*madame*», независимо от их семейного положения.

Как известно, в российском социуме нет официально установленной системы обращения к людям. Тем не менее, отечественные психологи выделяют такие виды обращения, как: «гражданин», «гражданка», «дама». Именно так следует обращаться к незнакомым, а не «женщина», «мужчина» или «молодой человек». Раньше использовались такие обращения, как «сударыня, господин, товарищ». В данный момент они считаются устаревшими.

Как сказал один российский сатирик, Россия – это единственная страна, где люди друг к другу обращаются по половому признаку. И это действительно так. Обращения «мужчина» или «женщина», а уж тем более такие, как «бабушка» или «дедушка», – парадокс для цивилизованных стран.

Во всех европейских странах существует специальное обращение, к примеру, к мужчине, подчеркивающее его человеческое достоинство. В Англии, например, это «сэр», в Германии «херц». Во Франции, соответственно, «мсье». При этом обращение «мсье» не указывает никаким образом на социальный статус человека, к которому вы обращаетесь, оно не несёт в себе такой интеллигентной окраски, как слово «джентльмен». Всё, что в нём заключено – это признание человеческого достоинства того, к кому вы адресуетесь [Алпатов 1998, 368].

Что касается женского пола, здесь всё несколько сложнее. Потому что во все времена было два варианта обращения, а именно – «мадемуазель» для незамужних девушек и «мадам» для замужних. Всё это закладывалось в те времена, когда жизнь каждой представительницы прекрасного пола реальным образом делилась на две половины замужеством: в те времена замужние и незамужние женщины были обязаны по-разному одеваться, по-разному расчёсывать волосы и так далее. Поэтому в те времена как раз не было никакой сложности в том, чтобы обратиться даже к случайно встреченной женщине подобающим образом.

В настоящее время, с исчезновением внешних различий и особого кода, который позволяет различать замужних и незамужних, стало уже не так просто правильно выбрать обращение. Встретив незнакомую женщину, стараться узнать её семейное положение, прежде чем к ней обратиться – нонсенс, тем более что расспросы о семейных делах во Франции вообще не считаются приличными с человеком, с которым вы недостаточно

знакомы. По этой причине, в случае любых сомнений стоит обращаться «мадам». Также обязательно стоит обращаться «мадам» к женщине, с которой у вас чисто деловые отношения. Чисто деловые отношения - это не только совместный бизнес, но, к примеру, так нужно обращаться к женщине-юристу, если вы приходите на консультацию, к женщине-врачу на приёме, к женщине, которая обслуживает ваши банковские операции, и так далее.

Но с другой стороны, два обращения приняты не только во Франции. И в России той же самой, где обращаются по половому признаку, тоже есть «девушка» и «женщина». И скорее всего, это связано с возрастом. И не с возрастом как таковым, а с тем, как этот возраст воспринимается окружающими. Так что любой россиянке приятно услышать «девушка», и чем она старше, тем приятнее [Каменская 2002, 13].

Практически так же дела обстоят и во Франции – «мадемуазель» воспринимается как более «молодое» обращение, так что на него вряд ли обидятся даже самые серьёзные женщины. Это обращение идеально подходит для школьниц и студенток, а также, поскольку уже говорилось, что «мадам» становится всё больше обращением для деловых переговоров, то «мадемуазель» начинает вносить оттенок чего-то личного. Если вы обращаетесь к французской женщине «мадемуазель», и вы не старше её в два раза, то это может показать, что у вас имеется личная заинтересованность в общении с этим человеком.

При любых сомнениях используйте «мадам» - в случае с женщиной, с которой вы плохо знакомы, это более чем идеальный вариант, потому что он в первую очередь подчёркивает человеческое достоинство женщины.

Кроме того, если вы даже просто желаете доброго утра, то обязательно прибавляйте "мадам" или "месье". Если не добавлять обращения, то это может выглядеть не очень вежливо. Особенно это стоит не забывать делать тогда, когда вы общаетесь пока ещё с не очень знакомыми вам людьми.

Если вы общаетесь с человеком достаточно близко, тогда, приветствуя его, можно обращаться по имени. Однако вообще обращение по именам во Франции не очень популярно, этот вариант проходит в основном для тех людей, с которыми вы действительно давно общаетесь и испытываете друг к другу определённое доверие.

Напомним о том, между русским и французским языками нет соответствий личных имен с уменьшительно-ласкательными или уничижительными суффиксами. Русские уменьшительные имена (Таня, Лена) с ласкательными суффиксами (Танечка, Леночка) или с уничижительными (Танька, Ленка) во французском языке сохраняют свою уменьшительную форму, если к ним добавляется прилагательное *cher, petit (ma chère Tania)* [Седых, Бузинова 2019, 128].

Имена и отчества при контакте с взрослыми людьми в русской среде – нормативное обращение к взрослому человеку, не присущее французскому языку. В таком случае (Елена Андреевна, Николай Михайлович) адресат следует назвать Monsieur! Madame! + фамилия.

Вежливость и учтивость во Франции рассматриваются как залог жизненного преуспевания. Здесь по-прежнему принято говорить «добрый день» и «до свидания», обращаясь ко всем присутствующим, когдаходишь в магазин или кафе и выходишь. В одних магазинах хозяину полагается говорить: «Bonjour, monsieur» («Добрый день, месье»), в других следует сказать: «Bonjour, monsieur. Chez vous tout est bon?» («Добрый день, месье. У вас все хорошо?»). Есть и такие, где необходим более тонкий подход: «Bonjour, monsieur. Eh bien, et comment vos affaires?» («Добрый день, месье. Ну, и как ваши дела?»). И подобных вариантов множество. Кому-то может показаться, что особой разницы здесь нет, однако для французов едва уловимые оттенки различных приветствий чрезвычайно важны. В первом случае приветствие более официально, второй и третий варианты говорят о более тесных, дружеских отношениях. Вообще же манеры, с точки зрения французов, и есть цивилизация [Богомолова 1948, 427].

Французы не придают большого значения пунктуальности и расписанию. Как отмечал один из авторов, высказывание французского короля Людовика XIV «L'exactitude - la politesse des rois» («Точность – вежливость королей») не является актуальным для норм поведения во Франции. У них свое представление о том, что значит прийти «вовремя». Поэтому они уверены, что не опаздывают никогда. Если же все-таки опоздание было заметным, французы считают необходимым извиниться в самой лестной для собеседника форме. Значение имеет сама встреча. Для них межличностное взаимоотношение – наилучшая форма инвестирования времени. Они уделяют деловому взаимоотношению столько времени, сколько будут считать необходимым. Французы строго соблюдают необходимые правила этикета и следят, чтобы определенные вещи ни в коем случае не делались прилюдно. Здесь не принято, чтобы мужчины причесывались на улице, а женщины поправляли макияж, какой бы жаркий ни стоял день. Француз, идя по улице, никогда не снимет пиджак и не распустит узел галстука; одежда его всегда будет в полном порядке.

В лингвистике термин «проксемика» обозначает наличие или отсутствие дистанции между говорящими. В.Г. Гак отмечает: «Общение на французском языке характеризуется более дистантной психологической проксемикой» [Гак 1998, 768]. Это проявляется, например, в использовании различных форм лица при обращении к собеседнику, являясь одной из национально-культурных особенностей этноса. Ориентация реплик на 2-е лицо выдвигает на первый план конативную (побудительную) функцию языка, направленность же на 1-е лицо связана с эмотивной функцией.

Контактность проксемики подтверждает факт отсутствия в русской речи устоявшегося обращения к адресату. В общественных местах, чаще всего, можно услышать обращения: «Женщина!» и «Мужчина!». Таким образом, общественно значимые различия между людьми сводятся к признаку пола и, в известной мере, коммуниканты как бы уравниваются социально.

Известно, что у французов существует три вида официального обращения к собеседнику: «Monsieur», «Madame», «Mademoiselle». Первое – соответственно к особе мужского пола (совершеннолетнему), второе – к женщине (совершеннолетней и замужней), последнее – к незамужней женщине. К тому же, обращаясь к многочисленной аудитории (если присутствуют и мужчины, и женщины), принято говорить: «Mesdames et Messieurs, Bonjour à toutes et à tous». Последнее обращение практически невозможно перевести буквально, поскольку во французском языке слово «toutes» обозначает всех присутствующих особ женского пола, тогда как в русском языке не существует формы женского рода множественного числа для кванторного прилагательного «весь» [Алпатов 1998, 148].

При обращении президента республики к нации можно услышать следующее обращение: «Françaises, Français...». Гендерная дифференциация французских обращений обусловлена историческими и социально-культурными факторами, ее, очевидно, также можно отнести к дистантной стратегии речевого общения. По-русски так обращаться к аудитории не принято. Можно, конечно, вспомнить знаменитое сталинское обращение к советскому народу в 1941 году – «Братья и сестры!», но это уникальная фраза привязана к определенному историческому контексту и говорит об особенном душевном состоянии вождя народов. Ее нельзя рассматривать как типичное высказывание. Тем не менее, прагматический смысл подобного обращения очевиден: в критический для страны момент Сталину сознательно хотелось показать свою близость к многострадальному русскому народу. Этот языковой факт можно рассматривать в качестве своеобразного проявления контактной проксемики.

Говоря о дистантности французского коммуникативного поведения, следует отметить, что во Франции, в ситуации, когда клиент (клиентка) входит в магазин, продавец, как правило, говорит одну из следующих общепринятых фраз: «Que puis-je faire pour vous?» (букв. Что я могу сделать для Вас?); «En quoi puis-je vous être utile?» (Чем могу

быть полезен?); «Que désire Madame (Monsieur)?» (Что желает Мадам; Месье?); «Je vous écoute» (Я Вас слушаю); «Vous désirez?» (Вы желаете?) и пр. После сделанной покупки, продавец обязательно благодарит покупателя, желает ему хорошего дня (вечера) и прощается: «Merci Madame (Monsieur) et bonne journée (soirée), Au revoir» etc.

Приведенные французские высказывания семантически и прагматически дистанцированы от адресата. Говорящий как бы находится в состоянии учтвого ожидания, не навязывая свои услуги (мнения), но всегда в готовности выполнить желание клиента. В России фраза «Чего желаете (изволите)?», бытовавшая в XIX веке, канула в Лету, продавцы чаще молчат и практически не говорят: «Спасибо за покупку», скорее покупатель скажет слова благодарности. Таким образом, в рассмотренных языковых фактах проявляется своеобразная для каждого языка степень заинтересованности говорящего в сообщаемом, что отражается в определенных тенденциях речевых стратегий: в бóльшей контактности для русского и в бóльшей дистантности для французского языкового поведения [Щерба 2008, 562].

Таким образом, категория вежливости во французской лингвокультуре существует достаточно давно, но особый интерес лингвистов к данной проблематике появляется лишь последние два десятилетия. Проблема остаётся актуальной, так как без знания основ вежливого поведения и стратегий вежливости бесконфликтное и гармоничное общение с представителями других культур невозможно. Анализ реализации лексических и грамматических единиц как гендерных маркеров, используемых языковой личностью во французском языковом сознании, показал, что категория рода во французской языковой культуре – явление детерминирующее, динамичное, способствующее возникновению гендерных асимметрий в языке и культуре.

Литература

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. Учебное пособие. М.: Языки русской культуры, 1998. 368.
2. Богомолова О.И. Современный французский язык: Теоретический курс. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1948. 427.
3. Гак В.Г. Языковые преобразования: монография. Москва: Языки русской культуры, 1998. 768.
4. Каменская О.Л. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. 13.
5. Седых А.П., Бузинова Л.М. Французская языковая личность: академический и хроматический дискурс. М.: ЛЕНАНД, 2019. 128.
6. Формановская Н.И., Соколова Г.Г. Речевой этикет. Русско-французские соответствия. М.: Высшая школа, 1989. 111.
7. Щерба Л.В., Матусевич М.И., Никитина С.А. Русско - французский словарь. Москва. 2008. 562.

References

1. Alpatov V.M. *Istoriya lingvisticheskikh uchenij* [History of linguistic teachings]. Moscow: Languages of Russian culture, 1998. 368.
2. Bogomolova O.I. *Sovremennyj francuzskij yazyk* [Modern French: Theoretical course]. Moscow: publishing house of literature in foreign languages, 1948. 427.
3. Gak V.G. *Yazykovye preobrazovaniya: monografiya* [Language transformations: monograph]. Moscow: Languages of Russian culture, 1998. 768.
4. Kamenskaya O.L. *Gendergetika – nauka budushchego // Gender kak intriga poznaniya: gendernye issledovaniya v lingvistike, literaturovedenii i teorii kommunikacii* [Gender genetics -science of the future // Gender as an intrigue of knowledge: gender studies in linguistics, literary studies and communication theory]. Moscow, 2002. 13.
5. Sedykh A.P., Buzinova L.M. *Francuzskaja jazykovaja lichnost': akademicheskij i hromaticeskij diskurs* [French language identity: academic and chromatic discourse]. Moscow: LENAND, 2019. 128.
6. Formanovskaya N.I., Sokolova G.G. *Rechevoj etiket. Russko-francuzskie sootvetstviya* [Speech etiquette. Russian-French correspondences]. Moscow: Higher school, 1989. 111.
7. Shcherba L.V., Matusevich M. I., Nikitina S.A. Russian-French dictionary. Moscow. 2008. 562.

УДК 81'72

СТУДЕНЧЕСКИЙ СЛЕНГ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**Бузинова, Людмила Михайловна**

кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков и речевой
коммуникации
Московский Международный университет
Москва, Россия / *l.buzinova@mmu.ru*

Пашковская, Наталья Дмитриевна

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков и речевой
коммуникации
Московский Международный университет
Москва, Россия / *n.pashkovskaia@mmu.ru*

Аннотация

Данная статья посвящена лингвокультурологическому анализу студенческого сленга, который постоянно изменяется и оказывает влияние не только на языковую культуру нации, но и на процесс межкультурной коммуникации в целом. Рассматриваются особенности современного студенческого сленга, анализируются особенности стилистической и лексико-семантической структуры, представляются тематические группы студенческого сленга в академическом дискурсе. Одной из главных причин использования сленговых слов молодёжью является постоянное желание чувствовать себя свободно в своей среде, разговаривать со сверстниками на «своём языке». Поэтому такое интересное, многоплановое и постоянно меняющееся явление остаётся недостаточно изученным и противоречивым. Статья представляет интерес для исследователей в области перевода, лексикологии, стилистики.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, сленг, академический дискурс, коммуникативное поведение

STUDENT SLANG IN ACADEMIC DISCOURSE**Buzinova, Lyudmila Mikhailovna**

PhD of Philology, Associate Professor
of the Department of Foreign Languages
Moscow International University
Moscow, Russia / *l.buzinova@mmu.ru*

Pashkovskaia, Natalia Dmitrievna

PhD in Pedagogic sciences, Associate Professor
of the Department of Foreign Languages
Moscow International University
Moscow, Russia / *n.pashkovskaia@mmu.ru*

Abstract

The paper describes the linguistic and cultural analysis of student slang, which is constantly changing and has an impact not only on the language culture of the nation, but also on the process of intercultural communication in general. The article considers the features of modern student slang, analyzes the features of stylistic and lexical-semantic structure, presents thematic groups of student slang in academic discourse. One of the main reasons for the use of slang words by young people is a constant desire to feel free in their environment, to talk to their peers in "their own language". Therefore, such an interesting, multi-faceted and constantly changing phenomenon remains insufficiently studied and controversial. The article is of interest to researchers in the field of translation, lexicology, and stylistics.

Keywords: intercultural communication, slang, academic discourse, communicative behavior.

Понятие «сленг» приходит в научный лексикон в середине XIX века из английского языка и используется в отношении небрежных форм обиходно-разговорного языка. Следует отметить, что данный термин недостаточно разработан, поэтому единого мнения о том, что является сленгом, не существует. Как отмечает М.М. Маковский, «сленг признается антиподом литературного языка и отождествляется частично с жаргоном, а частично с профессионализмами и разговорным языком» [Маковский 1982: 11]. В данной статье мы понимаем под студенческим сленгом специфические языковые выражения, часто с фамильярной окраской, касающиеся сферы обучения в высшем учебном заведении, которыми владеют представители академического сообщества, в частности студенты. Использование данной лексики считается модным и престижным и объясняется характерным для студентов стремлением к самодостаточности и независимости, «юношеским максимализмом». Такие слова и выражения быстро становятся популярными в академической среде. Интенсивность их использования растет до тех пор, пока сленговые выражения не перестают быть модными, и затем найти их можно только в специальных словарях. Устаревшие слова сменяются новыми, более броскими и интересными. Все же некоторые слова и выражения остаются в словарном запасе поколений: *универ, препод, академ*. В. Елистратов упоминает такие студенческие

«словечки», как *экватор* - время после зимней сессии на третьем курсе, *стипуха* - стипендия [Елистратов 1994: 157].

Актуальность данной работы определяется интересом к изучению новой лексики, которая неожиданно возникает в студенческом мире и приобретает стихийную популярность.

Студент – это особая социальная личность и использование своего сленга в данном случае неизбежно. Развитие личности как процесс «социализации индивида осуществляется в определенных социальных условиях, представителем которого он является» [Пашковская 2009: 144].

Поступая в высшее учебное заведение, студенты попадают в определенную социальную группу и это существенно влияет на их коммуникацию. Представляется, что коммуникативное поведение студенческого сообщества руководствуется принципом «чем хуже, тем лучше», иначе говоря, эффективное речевое взаимодействие достигается «путем упрощения синтаксических конструкций, экономии в употреблении языкового материала, относительной нивелировки в использовании языковых средств» [Бузинова 2017: 125]. Очевидно, что ключевым мотивом словообразования для студентов является экономия речевых средств. Это происходит, потому что каждый день они сталкиваются с большим объемом информации и поэтому стараются облегчить процесс коммуникации за счет речевой компрессии, что характерно не только для студенческого дискурса [Седых 2011; Седых, Бузинова 2019].

Считается, что сленг начал свое существование от сокращений названий предметов. Позже дисциплины стали заменяться фамилиями или именами преподавателей. Можно сказать, что глобальную роль в появлении сленга играют заимствования.

Студенческий сленг обладает сложной структурой, включающей в себя литературный русский язык как основу общения, молодежный жаргон, который интерферируется в язык студентов, и собственно студенческие сленгизмы, как способ автономизации в обществе. С одной стороны, кажется, что речь студента соответствует литературной норме и он никак не сигнализирует свою принадлежность к данной социальной группе, но при более подробном изучении студенческого языка, отмечается использование особых слов и выражений, присущих лишь данной социальной группе.

Рассматривая тематику студенческого сленга, мы пришли к выводу, что она связана в основном с учебой в высшем учебном заведении. Было выделено 8 релевантных тематических блоков:

1. Наименования учебных заведений: «вышка» - высшее учебное заведение, «полутех» – политехническое училище, «Бауманка» – МГТУ им. Баумана, «шарага» – неуваж. техникум, училище и д.т.

2. Учебные предметы: «вышмат» – высшая математика, «микра» – микроэлектроника, «начерталка» – начертательная геометрия, «кулек» – культурология, «иняз» – иностранный язык, «сряшник» – современный русский язык и т.д.

3. Наименование преподавателей:

а) по должности «профи» - профессор, «препод» – преподаватель, «доцник» или «доц» – доцент, «рЕпет» – репетитор;

б) согласно преподаваемому предмету: «латинос»- преподаватель латыни, «сряшница» - преподавательница современного русского языка, «тичалка» - преподаватель английского языка и т.д.

4. Наименования учебных работ: «д/з» – домашняя работа, «курсач» – курсовая работа, «контра» – контрольная работа, «лаба» – лабораторная работа и т.д.

5. Наименования студентов:

а) по месту обучения: *манАгер* – студент, изучающий Менеджмент, «скальпель»- студент- медик, «огарок» – студент МГУ им. Огарева, «архангел» – студент Пензенского

музыкального училища им. А.Архангельского, «Садко» - студент музыкального училища, «педушник» - студент педуниверситета и т.д.

Б) по длительности обучения: «абитура» – абитуриенты, «фрешер» -первокурсник, «мамонт» – студент старшего курса, «аспирин» – аспирант и т.д.

в) по успеваемости: «ботан» – отличник, «дурогон» - двоешник, «красава» - студент, дающий списывать и т.д.

6. Виды учебных занятий: «отсыпаловка» – лекция, «пара» - семинар или лекция продолжительностью в два академических часа, «окно» - перерыв между занятиями и т.д.

7. Экзаменационная тематика: «экзема» - экзамен, «рубикон» - зачет, «допса» - дополнительная сессия, «шпаргалка» - подсказка, «боекомплект» – запас шпаргалок, «бомба» - шпаргалка с полным ответом, балласт- академическая задолженность, «студак»- студенческий билет, «зачетка» – зачетная книжка и т.д.

8. Оценки: «автомат» – получить автоматический зачет за посещение занятий и хорошую работу на них, «банан» – неудовлетворительная оценка, «хвост» – задолженность по предмету и т.д.

Очень часто в своей речи студенты используют англицизмы, которые обозначают их ежедневные действия: «чекиниться» - зарегистрироваться; «банить» – игнорировать кого-то; «чилить» – отдыхать, расслабляться, тратить в пустую время; «хайповать» – разводить шумиху вокруг чего-либо; «агриться» – злиться, беситься, раздражаться; «юзать» - использовать что-л., работать с чем-л.и многие другие слова и выражения.

Сленг используется «для создания эффекта новизны, необычности, отличия от признанных образцов, для придания высказыванию конкретности, живости, выразительности, зримости, точности, краткости, образности, а также, чтобы избежать штампов, клише» [Маковский 1982: 9-10].

Таким образом, можно сделать вывод, что наличие сленговых выражений характерно для описания учебной сферы студенческой жизни, причем сленг используется в общении на любую тему данной сферы, что доказывает актуальность студенческого сленга среди учащихся высших учебных заведений. Некоторые лексические единицы вошли и продолжают входить в городское просторечие, разговорную литературную речь, фиксируются в нормативных словарях современного русского языка.

Литература

1. Береговская Э.М. Студенческий сленг: формирование и функционирование// Вопросы языкознания. - М., 1996. - № 3
2. Бузинова Л.М. Академический дискурс и его место в дискурсологии // Лексикография и коммуникация. 2017. С. 123-126.
3. Бузинова Л.М. Языковая картина мира в преподавании немецкого языка // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2017. № 37. С. 8-10.
4. Елистратов В. Арго и культура // Елистратов В. Словарь московского арго: Материалы 1984-1990 гг. - М., 1994
5. Маковский М.М. Английские социальные диалекты. М., 1982
6. Пашковская Н.Д. О роли иностранного языка в процессе формирования личности студента // Педагогические науки - Москва, 2009. -№6 - С. 144 – 146.
7. Седых А.П. Специфика речевого воздействия Жака Ширака // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 24-29.
8. Седых А.П., Бузинова Л.М. Французская языковая личность: академический и хроматический дискурс. М.: ЛЕНАНД, 2019. 128.

References

1. Beregovskaya E.M. (1996) *Studencheskij sleng: formirovanie i funkcionirovanie* [Student slang: formation and functioning] // Questions of linguistics. Moscow, №3.
2. Buzinova L.M. (2017) *Akademicheskij diskurs i ego mesto v diskursologii* [Academic discourse and its place in discourse] // Lexicography and communication. 123-126.
3. Buzinova L.M. (2017) *Jazykovaja kartina mira v prepodavanii nemeckogo jazyka* [The linguistic picture of the world in the teaching of German] // Foreign languages: linguistic and methodological aspects. № 37. P. 8-10
4. Elistratov V. (1994) *Argo i kultura* [Argo and Culture] // V. Elistratov. Dictionary of Moscow Argo: Materials 1984-1990. Moscow.

5. Makovsky M.M. (1982) *Anglijskie social'nye dialekty* [English social dialects]. Moscow.
6. Pashkovskaia N.D. (2009) *O roli inostrannogo jazyka v processe formirovanija lichnosti studenta* [On the role of a foreign language in the development of a student's personality] // Pedagogical Sciences – Moscow, № 6. 144-146.
7. Sedykh A.P. (2011) *Specifika rechevogo vozdejstviya Zhaka Shiraka* [The specifics of the speech effect of Jacques Chirac] // Politicheskaja lingvistika. № 1 (35). 24-29.
8. Sedykh A.P., Buzinova L.M. *Francuzskaja jazykovaja lichnost': akademicheskij i hromaticeskij diskurs* [French language identity: academic and chromatic discourse]. Moscow: LENAND, 2019. 128.

УДК 81'373.7

ВЕРЛАНИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Волкова, Анастасия Игоревна

студент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / korolina45@yandex.ru

Кривчикова, Нэля Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / krivchikova@bsu.edu.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается такое явление во французском языке, как верлан – древнейший из языков кодирования, изначально считавшийся языком деклассированных элементов. Со временем сфера употребления верланизированной лексики расширилась, ее используют различные социальные группы, в первую очередь – французская молодежь, для придания своей речи большей живости, яркости и экспрессивности.

Ключевые слова: верлан, верланизированная лексика, языковой код, арг, жаргон, молодежный жаргон.

VERLAN IN THE MODERN FRENCH LANGUAGE

Volkova, Anastasia Igorevna

Student of German and French department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / korolina45@yandex.ru

Krivchikova, Nelya Léonidovna

Associate Professor, PhD in Philology
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / krivchikova@bsu.edu.ru

Abstract

This article considers such a phenomenon in the french language as verlan - the oldest of the coding languages, originally considered as the language of social drop-outs. Over time, the sphere of use of verlanized vocabulary has expanded, it is used by various social groups, primarily french youth, to give their speech greater liveliness, vividness and expressiveness.

Key words: verlan, verlanized vocabulary, language code, argot, jargon, youth slang.

Тема данной статьи – лингвистическое исследование верланизмов современного французского языка. Верланизмы образованы особым языковым кодом: верлан, механизм которого заключается в инверсии слогов. Название происходит от французского «l'envers», т.е. «наоборот».

Система языковых кодов имеет глубокую историю. Она вызывает интерес прежде всего у французских ученых (П. Гиро, А. Кристоль, А. Брюан, А. Доз), так как верланизированная лексика — особенность французского языка. Ее основные носители — французская молодежь и ряд узких социальных групп населения страны.

В мире существуют огромное множество языков. Однако, есть и понятие «язык» как нечто единое, присущее человеческому обществу в целом, поскольку при всем многообразии языков, им присущи общие черты. Люди думают, общаются, формируют свое мировоззрение для понимания искусства, даже чувствуют посредством языка. Язык непосредственным образом связан с менталитетными характеристиками коммуникативного поведения представителей лингвокультуры, в частности — Французской республики [Седых, Бузинова 2019].

Социально-культурные перемены в обществе, становление тех или иных общественно-политических движений и другие различные внешние факторы оказывают немалое воздействие на эволюцию языка. Известно, что наиболее заметные и серьезные

изменения в языке происходят в эпоху политических, социальных и экономических потрясений. Следует также отметить, что культура и язык не могут существовать вне деятельности человека и различных социальных групп. Каждой группе присущи свои особенности речи, зачастую далекие от литературного языка, понимаемого как образцовый.

В свете нашего исследования особого внимания заслуживает рассмотрение такой социальной группы, как молодежь, которая также представляет собой языковой сообщество, подразделенное на более узкие сообщества. Молодежный язык определяют как «молодежный жаргон» или «молодежный сленг». Н.Н. Копытина предлагает использовать термин «молодежный социолект» [Копытина 2011, 123]. Речь молодежи, особенно во Франции, экспрессивна, носит яркий оценочный характер. Она наполнена новообразованиями в языке, которые активно распространяются через непосредственное и виртуальное общение. Источником пополнения молодежного социолекта служит, в основном, литературный язык, который претерпевает метафорическое и метонимическое изменение значений слов. Данные лексемы несут мощный эмоциональный и экспрессивный заряд [Копытина 2011, 124].

Все языковые сообщества, в том числе и молодежь, используют определенные средства общения, языки, а также диалекты, жаргоны, стили. Всякое из перечисленных средств является своеобразным кодом. Код – это способ общения: язык народа (французский, английский, русский), азбука Морзе, морская флажковая сигнализация и т. д. В зависимости от различных факторов (ситуация и среда общения, социальный статус собеседника, степень знакомства) говорящий переключается с одних языковых кодов на другие. Для успешного общения происходит взаимное приспособление участников, которое касается как набора языковых средств и правил их использования, так и способов общения, невербальных компонентов (жестов, мимики).

Наименование «код» также может быть использовано для обозначения различных способов создания некой лексической модели, цель которой – изменить лексические единицы языка опираясь на четко определенную схему, являющуюся ключом для расшифровки.

Ярким примером кода французского языка является такой способ языкового кодирования, как *верлан* (*verlan*). Он происходит из маргинальных слоев населения, в частности, парижских воров, использовавших его с целью зашифровки информации. Суть данного кода заключается в перестановке слогов в словах литературного языка местами. Само слово «*verlan*» образовано от французского «à l'envers», что означает «наоборот». Во французском языке факты верлана отмечались еще в начале XIII века в текстах песен трубадуров. В легенде «Тристан и Изольда» автор использовал перестановку слогов, называя главного героя *Tantris*. В произведениях Вольтера, великого французского писателя, также встречаются верланизированные лексемы: *Voltaire* – *Airvault* (название городка, родины семьи писателя). Таким образом, можно сказать, что верлан – довольно древняя языковая игра, но продуктивным языковым кодом стал во второй половине XX века, до начала 70-х, оставаясь языком воровского сообщества [Николаенко 2010, 193]. В данный период верлан распространяется в различных социальных группах и занимает место в языке нового молодого поколения: в лексике протестующей молодежи, молодежи пригородов Парижа и крупных городов Франции.

Базой для верланизированных слов служит литературный французский язык. Верлан явился порождением маргинальных слоев населения пригородов Парижа. В конце прошлого века этот код вдруг начал активно использоваться в среде студентов и школьников (*cansva* – *vacances*, *pinco* – *copain*, *métro* – *tromé*), употребляться в средствах массовой информации, литературе, кинематографе.

Выделяют специфические и неспецифические приемы кодирования.

К специфическим способам образования верланизированной лексики относят собственно языковое кодирование.

Можно выделить три этапа перехода от официального языка к «языку наоборот»:

1. Разделение слова на слоги.
2. Инверсия слогов.
3. Усечение «нового» слова или элизия некоторых звуков.

Исследователи верлана выделяют двусложные слова как самые простые и распространенные для кодирования. Но варианты верланизации включают в себя и односложные, и трехсложные лексемы.

Односложная лексика закрытого типа. В. Мела отмечает, что кодирование односложных слов, заканчивающихся на одиночную согласную или на согласную и «немое» *e*, происходит одинаково. *E* «немое» произносится или после последней согласной появляется **шва** (**star** > **starE** > **reusta**), тем самым создается иллюзия второго слога, что аналогично напоминает просторечие. На схеме это выглядит следующим образом: C1Г1C2Г2 → C2Г2C1Г: **père – reup, sec – keus** [Méla 1997, 20].

Односложные слова открытого типа. Здесь носители верлана сталкиваются с отсутствием элементов C2Г2 и связи C1 и Г1, следовательно кодируемое слово начинается с Г1. Таким образом, начальная согласная или согласные следуют после гласной: **toi – wat, chaud – auch**. Такой способ трансформации преподносит верлан как язык необычный и сложный для восприятия непосвященными людьми.

Двусложная лексика. Объясняя способы кодирования верлана, В. Мела рассматривает первый слог лексемы как всегда открытый. Тогда можно вести речь о том, что верлан опирается на количество согласных звуков и их чередование с гласными. В таком случае, следующий за первой гласной согласный, становится изначальной точкой кодированной лексемы. То есть, совершенное для кодирования слово представляется следующим образом: *согласный/гласный/согласный/гласный* (C1Г1C2Г2) (*cité, camé, raté* и т. д.)

Процесс кодирования лексемы заключается в перестановке в обратном порядке, начиная с C2, группу букв (слог), то есть создать такую последовательность: C2Г2C1Г1. Например:

café – féca
moto – tomo
cité – téci
vago – gova
raté – téra
camé – méca

Исходное для кодирования слово может иметь более одного согласного в позициях C1 и C2, в таком случае группа согласных ассоциируется с одной. Слово в таком случае может оканчиваться на кодированную согласную, привязанной к группе C2Г2. Например, сочетание букв CC1Г1C2Г2C3 трансформируется в C2Г2C3CC1Г1: **bloqueur – keurblo**; C1Г1CC2Г2C3 – в CC2Г2C3C1Г1: **mastoc – stocma, lascar – scarla**.

В случае, если после первой гласной идет звук плавный, то он привязан к ней. Например, C1Г1пCC2Г2 трансформируется в C2Г2C1Г1пC: **barber – bébar**. Когда плавный звук занимает позицию C2, при кодировании занимает также соответствующую позицию C2. Например, C1Г1пC2Г2 переходит в пC2Г2C1Г1: **pourri – ripou**. Полугласный при переходе в верлан не отделим от гласной: **bien – ienb**.

Следовательно, двусложные слова, независимо от структурных отличий, не вызывают проблем при использовании стандартной кодировки [Méla 1997, 19]. Например, слова, состоящие из двух слогов с открытым последним слогом: **Paris – Ripa, manger – géman**; слова, состоящие из двух слогов, с закрытым последним слогом: **carotte – rotteca, mongol – golmon**.

Встречаются сочетания двух односложных слов, переводящиеся в верлан как двусложное слово: **tout seul – seultou, vas-y – ziva, beau gosse – gossbo**.

Слова, состоящие из двух слогов, как показал анализ, составляют большинство в верланизированной лексике. Скорее всего, это связано с тем, что слова из двух слогов – самые простые для трансформации в верлан. Схемы кодирования соответствуют отработанной модели.

Трехсложные слова. Слова, состоящие из трех слогов слишком длинны для употребления в разговорном стиле речи, поэтому нечасто подвергаются верланизации. Лексемы, имеющие более трех слогов не встречаются вообще.

Переход в верлан осуществляется путем перестановки первого слога в конец слова: C1Г1C2Г2C3Г3 – C2Г2C3Г3C1Г1, например: *rigoler – goleri; cigarette – garetteci, dédicace – cacedédi*.

Имеет место перестановка, когда первый слог меняется с последним, C1Г1C2Г2C3Г3 – C3Г3C2Г2C1Г1, кодированные лексемы имеют следующий вид: *énervé – vénère; calibre – brelica*. Или же перестановка последнего слога в начальную позицию, C1Г1C2Г2C3Г3 – C3Г3C1Г1C2Г2: *arracher – chéara*.

Молодые носители верлана также предпочитают упростить задачу, «подгоняя» трехсложные лексемы под двусложный вариант, используя просторечное произношения, т.е. опуская гласную между двумя согласными в середине слова. К примеру, *batterie – triba, maquereau – croma, baraque – racbo, musique – zicmu* [Пылакина 2017, 91].

Зачастую закодированные верланом слова могут подвергаться дальнейшим изменениям, либо же в преобразовании лексем участвуют сразу несколько способов словообразования, что характерно для социолекта молодежи. Рассмотрим наиболее употребляемые случаи.

Апокопа – распространенный в арг процесс отсечения последних слогов лексем, слишком длинных для произношения, как считают носители языка. В языке арг апокопе подвергаются все части речи, чаще всего в результате изменений слово заканчивается на согласную, что можно проследить на следующих примерах: *jambe > jambEU > beujam > beuj*. Слово подвергнуто верланизации и апокопе, в результате усечено окончание **-am**. Аналогичным образом получена лексема *gitan > tangi > tanji > tanj*, в данном случае усечена часть **-i** [Пылакина 2017, 91].

Характерно, что в верлане сокращение зачастую никак не связано с морфологической границей лексемы. И, более того, кодированный язык как бы избегает членения слова на морфемы: разбивается корень слова. Анализ показывает, что если в слове есть гласный *o*, то сокращение лексемы происходит сразу после него и получившееся слово на него оканчивается: *laboratoire > labo* (корень **-labor-**); *restaurant > restau(o)* (корень **-restaur-**). Следовательно, этот гласный служит своего рода показателем преобразования особой группы лексем: верлана. Еще один характерный момент: граница сокращения, которая проходит через корень, не совпадает с границей слогов слова. Здесь на первый план выступает фонетический принцип деления, в большинстве рассматриваемых случаев верланизации слоги разбиваются: *difficile > diff, japonais > jap, magazine > mag, mobilette > mob, certificat > certif*.

Аффераза или усечение первого слога в верлане встречается значительно реже: **SIDA – DASS**. Еще один вид модификации – *эпентеза*, т.е. добавление звука или нескольких звуков в середину слова, используется в верлане нечасто: **ADAM** от **MDA** (*Méthyl Diamphétamine*). Здесь звук *a* добавлен при верланизации аббревиатуры.

Суффиксация в ряде случаев служит процессом, которому подвергаются верланизированные лексические единицы. При образовании прилагательных и существительных встречается суффикс **-on** для обозначения национальной принадлежности: *beuron < beur < reub < arabe; feujon < feuj < juif*. Хотя данный суффикс стилистически нейтрален и в литературном французском языке служит для образования форм слов с уменьшительным или аффективным значением (*ânon < âne; chaînon < chaîne*). Латинский суффикс **-é** образует производные единицы следующего порядка: *keumé < keum < mecEU < mec*. Встречаются нехарактерные для французского языка случаи образования глаголов от

существительных, используя продуктивный суффикс *-er*, происходящий из латыни: *teufer* < *teuf* < *fête*. Или же суффикс *-da*: *reusda* < *reus* < *sœurEU* < *soeur*.

Редупликация или повторение слога, что служит для молодежи выражением субъективной оценки и позволяет варьировать лексическим значением (уменьшительности, интенсивности и т. д.): *zikzik* < *zikmu* < *musique*.

Имеет место такой прием, как *реверланизация* - при котором верланизованное слово подвергается еще раз кодированию, например, самый известный вариант: *rebeu* – *reub* – *keur* – *arabe*. Характерно, что лексема *keur*, обозначавшая эмигранта из стран Магриба во втором поколении, созданная ими же, получила распространение в общении различных слоев населения. Тогда это слово начало оскорблять арабскую молодежь и было вытеснено формой *rebeu*, что и привело, вероятно, к реверланизации. Однако, и форма *rebeu* воспринимается сейчас как расистское обращение. Еще пример: *feukeu* – *keuf* – *flic*.

Таким образом, процесс верланизации лексики во французском языке довольно разнообразен по способам образования, но молодежь стремится к упрощению: самая многочисленная группа верланов – двусложные слова. Верлан интересен для изучения в плане накопления информации, анализа процесса образования слов и его специфики, также выявления новых тенденций словообразования во французском молодежном социолекте.

Литература

1. Копытина, Н.Н. Молодежный социолект как одна из форм существования французского языка. – Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – №12 (107) Выпуск 10. С. 123-130.
2. Николаенко, А.Д. Верлан как вариант молодежного сленга на примере художественного фильма «Ненависть» – Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2010 (1). С. 192-195.
3. Пылакина, В.В. Верлан в современном французском языке. – Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – Вып. 4 (772). С. 88-93.
4. Седых А.П., Бузинова Л.М. Французская языковая личность: академический и хроматический дискурс. М.: ЛЕНАНД, 2019. 128.
5. Méla V. Verlan 2000 / Langue française. – Paris: Larousse, 1997. – № 114. P. 16-34.

References

1. Kopytina, N.N. (2011) *Molodezhnij sociolekt kak odna iz form sutschestvovaniya francuzskogo jazika* [«Youth sociolect as one of the forms of the french language»]. – Belgorod State University scientific bulletin. Humanities. – 2011. – №12 (107) Issue 10. 123-130.
2. Nikolaenko, A.D. (2010) *Verlan kak variant molodezhnogo slenga na primere hudozhestvennogo fil'ma «Nenavist'»* [«Verlan as the variant youth slang on the example of the feature film Hatred»]. – Bulletin of the Moscow Region State University. Series Linguistics. – 2010. – №1. 192-195.
3. Pylakina N.N. (2017) *Verlan v sovremennom francuzskom jazike* [«Verlan in modern french»]. – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences. – 2017. – Issue 4 (772). 88-93.
4. Sedykh A.P., Buzinova L.M. *Francuzskaja jazykovaja lichnost': akademicheskij i hromaticheskij diskurs* [French language identity: academic and chromatic discourse]. Moscow: LENAND, 2019. 128.
5. Méla V. Verlan 2000 / Langue française. – Paris: Larousse, 1997. – № 114. 16-34.

УДК 811.111

ОСОБЕННОСТИ ФАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

**Дрябина, Елена
Георгиевна**

старший преподаватель кафедры иностранных языков и речевой коммуникации Московский международный университет, Москва, Россия/*elena015@bk.ru*

**Костина, Мария
Леонидовна**

старший преподаватель кафедры иностранных языков и речевой коммуникации Московский международный университет, Москва, Россия/*marialkostina@yandex.ru*

**Лакушина, Елена
Васильевна**

старший преподаватель кафедры иностранных языков и речевой коммуникации Московский международный университет, Москва, Россия/*efriebe@mail.ru*

Аннотация

В современном мире в связи со стремительным развитием цифровых технологий и опосредованного общения особое значение и ценность приобретает живая межличностная коммуникация, которая не сможет быть успешной и полноценной, если говорящий не будет принимать во внимание фатическую составляющую общения. Это является особенно актуальным для современного английского языка, где большое значение всегда придавалось умению поддерживать несодержательную беседу для создания благоприятного процесса коммуникации. В данной статье представлены некоторые примеры светской беседы - наиболее популярного вида фатической коммуникации в современном английском языке, которая помогает зачастую совершенно незнакомым людям начать общение, когда этого требует сложившаяся ситуация, и избежать неловкого молчания. Определяется роль светской беседы в зависимости от речевого поведения участников коммуникации, их культурологических особенностей, социального статуса и возраста.

Ключевые слова: фатическая коммуникация, светская беседа, культура, вербальное/невербальное общение, язык, жанр, форма, функция.

ASPECTS OF PHATIC COMMUNICATION IN MODERN ENGLISH**Driabina, Elena Georgievna**Senior teacher of foreign languages
and speech communication
departmentMoscow International University
Moscow, Russia / elena015@bk.ru**Kostina, Maria Leonidovna**Senior teacher of foreign languages
and speech communication
departmentMoscow International University
Moscow, Russia /
marialkostina@yandex.ru**Lakushina, Elena Vasilievna**Senior teacher of foreign languages
and speech communication
departmentMoscow International University
Moscow, Russia / efriebe@mail.ru**Abstract**

In the modern world, due to the rapid development of digital technologies and mediated communication, live interpersonal communication is of particular importance and value, which cannot be successful and full-fledged if the speaker does not take into account the phatic component of communication. This is especially relevant for modern English, where great importance has always been attached to the ability to maintain a non-meaningful conversation to create a favorable communication process. This article presents some examples of small talk - the most popular type of phatic communion in modern English, which often helps strangers to start communication when the situation requires it, and avoid awkward silence. The role of small talk depending on the speech behavior of participants in communication, their cultural characteristics, social status and age.

Keywords: phatic communication, small talk, culture, verbal/nonverbal communication, language, genre, form, function.

В настоящей статье¹ мы хотим остановиться на особенностях бессодержательного общения, использующего коммуникативные средства исключительно с целью поддержания самого процесса общения, то есть на так называемом *фатическом общении*. В научный лексикон понятие «фатическое общение» (*phatic communion*) вводится антропологом польского происхождения Б. Малиновским [Malinowski 1915]. В исследованиях по фатическому общению отмечаются работы В.В. Дементьева, Т.Г. Винокур, А.П. Седых, Л.М. Бузиновой, М.Н. Гузь.

В своей монографии В.В. Дементьев рассматривает следующие фатические речевые жанры:

1. Непринуждённый, бессодержательный разговор – светская беседа.
2. Жанры, ухудшающие межличностные отношения в прямой форме: обвинения, выяснения отношений.
3. Жанры, ухудшающие межличностные отношения в скрытой, косвенной форме: ирония, издевка.
4. Жанры, улучшающие межличностные отношения в прямой форме: признания, комплименты.
5. Жанры, улучшающие межличностные отношения в косвенной форме: шутка, флирт [Дементьев 1999: 43].

¹ Особую благодарность выражаем Jay Davis – UK. Kent. Marden. / Special thanks to Jay Davis - UK. Kent. Marden.

По мнению Т.Г. Винокур, в повседневном общении существует два основных вида речевого поведения между участниками коммуникации: информативное – целью которого является сообщение определённой информации собеседнику и неинформативное, фатическое, которое нацелено на установление и поддержание речевого контакта с собеседником. Функционально фатическая коммуникация часто сопровождает информативную и тем самым сохраняется информативно-фатический баланс «как норма речевого поведения» [Винокур 2017].

Когда люди впервые видят друг друга, они, в зависимости от их уровня восприятия, решают, хотят ли вступать в общение или нет, поэтому склонны бессознательно переходить или не переходить в фатическую коммуникацию. Если мы вступаем в беседу с целью выяснить какую-то информацию, то после можем завершить общение, а если человек нам приятен, то можем перейти к фатическому общению.

В исследованиях коммуникативного процесса ученые определяют два типа лингвокультур: высококонтекстуальную (информативную) и низкоконтекстуальную (неинформативную). Культура первого типа характеризуется большим вниманием содержанию беседы, а не ее форме. Примером этого вида является российская культура, с ее традициями и иерархией вербального общения: в общении особенно важен контекст, искренность, эмпатия по отношению к собеседнику, заинтересованность собеседника в разговоре.

Второй тип культур отличается вниманием форме общения, а не содержанию, что так же обуславливается традиционным укладом. Яркий пример такой культуры - англоязычные страны, жители которых имеют тенденцию поддерживать светскую, несодержательную беседу с малознакомыми или близкими людьми для создания благоприятного процесса коммуникации.

Таким образом, низко-контекстуальная культура часто ассоциируется с наиболее популярным жанром фатической коммуникации - светской беседой - *small talk*, для которой характерна определённая тематика: спорт, увлечения, интересы, путешествия. Одной из наиболее популярных тем в англоязычных странах является погода. Жители Великобритании могут постоянно обсуждать погоду, что тесно связано с традициями этой страны. Ниже представлены примеры светской беседы на эту тему:

Conversation 1

John: Hi Mary.

Mary: Oh, hi.

John: How are you doing?

Mary: I'm doing alright. How about you?

John: Not too bad. The weather is great isn't it?

Mary: Yes. It's absolutely beautiful today.

John: I wish it was like this more frequently.

Mary: Metoo.

Conversation 2

Mary: How's the weather today?

John: It's all right. Not too warm, not too cold.

Mary: Do you think I need a sweater?

John: No, not if you're not going out for long.

Mary: Are you sure? I'm pretty cold-blooded.

John: Well, in that case, you might bring a sweater along.

Conversation 3

John: I'm going to lunch. Is it raining yet?

Mary: Not yet, but the clouds look ominous.

John: Do you recommend an umbrella?

Mary: Sure. Or at least a good hat and coat.

John: It was raining this morning. Then it stopped and the sun came out, but the clouds were moving fast.

Mary: I know. I noticed that too when I was driving to work.

Фатическое общение по своим целевым установкам и формам настолько свободно и разнообразно, что к нему прибегают по дороге на работу, в автобусах и на остановках и т.д. Обратимся к примерам:

On the bus

God, I waited ages for this, think I just missed one!

Most of the buses come along full.

In the train

Do you know what time we get to Hastings?

Wonder when they last washed the windows?

At the station

Why is the waiting room closed?

Am I on the right platform for Marden?

In the restaurant

Have you been waiting long?

Anything you can recommend?

Так называемая «светская», ни к чему не обязывающая беседа (*small talk*) – банальный и очевидный обмен информацией о погоде и времени и т.д., состоящий из готовых предложений или предсказуемых фраз, на самом деле выполняет очень важную связующую коммуникативную функцию. С точки зрения содержания, фатическое общение тривиально – Как дела? Какие новости? Где вы были? (*How are you? What's news? Where you been?*), но с точки зрения отношений это чрезвычайно важно; эти фатические фразы помогают малознакомым людям представиться, начать диалог, проявить интерес к словам собеседника.

Фатическое общение (часто называемое фатической речью) относится к форме общения в отношениях (в отличие от контентного общения), которая открывает каналы общения. Его цель - рассказать об открытости для общения, а не о содержании, скажем, финансах, последнем фильме, который вы видели, или о чем-то внешнем по отношению к отношениям между вами и другим человеком. Это вид коммуникации, который «устанавливает контакт без передачи точного содержания» [Casalegnoand, McWilliam 2004].

Как отмечает Э. Гоффман, «фатическая коммуникация или светская беседа (*small talk*) является важной социальной смазкой. Жесты, которые мы иногда называем пустыми, на самом деле, возможно, самые полные» [Voxer 2002].

Чаще всего мы думаем о фатическом общении как о словесном, но оно также может быть передано невербальными жестами (теплое рукопожатие или жест приветствия), выражением лица (улыбка или беспокойное выражение) и тоном голоса. Приветствие жестом (Hello) является невербальной фатической коммуникацией, а фраза «*How's it going*» - вербальной.

Одним из многих навыков межличностного общения является признание важности фатического общения, правильное его использование и распознавание точки разрыва между фатическим общением и следующим этапом процесса разговора. Без фатического общения люди просто начали бы с «большого» разговора, даже не сказав «привет» или «рад снова тебя видеть» («*hello*» or «*good seeing you again*»), который ясно говорил бы, что что-то не так, что по какой-то причине нормальные правила разговора не соблюдаются.

Список фатических фраз дается, как правило, во многих учебниках и представляет собой перечень уже готовых предложений или риторических вопросов, а также вполне предсказуемых ответов, которые не представляют трудности для запоминания. Однако, как показывает практика, необходимо уделять внимание фатическим фразам на каждом занятии, так как иногда в ходе общения учащиеся не узнают их и трактуют, например, фразу «*How are you?*» («Как дела?») не как фатическую, а как полноценный вопрос, требующий подробного рассказа о своем здоровье. С другой стороны, если вы были в больнице, и посетитель спросил: «Как дела?» это сообщение, вероятно, не будет фатичным, а, скорее всего, будет запросом информации о вашем здоровье.

В ходе занятия может возникнуть ситуация, когда преподавателю необходимо покритиковать работу учащихся. Критика может быть прямой и лаконичной («*The exam results this year are appalling.*» («Результаты экзамена в этом году ужасные»)) - скажет преподаватель учащимся, а может быть и более опосредованной, завуалированной, когда сначала будет сказано что-то хорошее, и лишь потом последует критика (например, «*Your written work has really improved, but you still have a bit of a problem with your spelling*»).

В более широкой ситуации, не ограниченной рамками отношений учитель-ученик, говорящему необходимо принять во внимание следующие факторы: насколько негативным является произошедшее и насколько это важно для говорящего, а также отношения между «критикующим» и «критикуемым».

Как известно, в разговорном английском языке похвала, произнесенная в саркастическом тоне, превращается в критику. «*You are a regular Albert Einstein, Tom.*» (Tom has done or said something stupid.) или «*Another brilliant performance, Tom!*» Общая ситуация, в которой произносится данная фраза, а также интонация говорящего помогают правильно оценить смысл высказывания. Однако, если у учащегося нет достаточного опыта владения фатическим языком, он может понять высказывание в буквальном смысле и посчитать его похвалой.

Если говорящий чувствует, что похвала будет воспринята слушателем, то она может быть выражена прямо: «*Well done/That was great*» («Отличная работа/Это было великолепно»). В ответ на похвалу слушателю следует выразить свою благодарность: «*Thank you / Thanks*» («Спасибо Вам»).

Таким образом, можно сделать вывод, что необходимым условием для осуществления успешного межкультурного общения является уверенное владение фатической коммуникацией. Особенно важно отметить, что межличностное фатическое общение на английском языке будет считаться успешным и полноценным только в случае, если участники процесса коммуникации будут учитывать особенности светской беседы в современном английском языке и научатся правильно реагировать на различные фатические фразы в зависимости от ситуаций.

Литература

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. Изд. 5-е. М.: ЛЕНАНД 2017. 176.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600.
3. Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. 37-55.
4. Седых А.П. Специфика речевого воздействия Жака Ширака // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). 24-29.
5. Седых А.П., Бузинова Л.М. Французская языковая личность: академический и хроматический дискурс. М.: ЛЕНАНД, 2019. 128.
6. Словарь современного английского языка: В 2-х т. – М: С Рус. яз., 1992. Т.1 А-L 626.
7. Словарь современного английского языка: В 2-х т. – М: С Рус. яз., 1992. Т.2 М-Z 1229.
8. Boxer D. (2002) Applying Sociolinguistics. John Benjamins. URL: <https://www.researchgate.net/>
9. Casalegno F., McWilliam I.M. (2004) Communication Dynamics in Technological Mediated Learning Environments. International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. November.
10. Malinowski, B. (1915). The natives of Mailu. Transactions and Proceedings of the Royal Society of South Australia 39: 494-706.

References

1. Vinokur T.G. (2017) *Govorjashhij i slushajushhij. Varianty rechevogo povedenija* [Talking and listening. Variants of speech behavior]. Ed. 5th. Moscow, LENAND 2017 176.
2. Dement'yev V.V. (1999) *Faticheskie rechevyje zhanry* [Fatic speech genres] // Questions of linguistics. № 1. 37-55.
3. Dement'yev V.V. (2010) *Teorija rechevyh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak. 600.
4. Sedykh A.P. (2011) *Specifika rechevogo vozdejstviya Zhaka Shiraka* [Specifics of speech effect of Jacques Chirac] // Politicheskaja lingvistika. 2011. № 1 (35). 24-29.
5. Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2019) *Francuzskaja jazykovaja lichnost': akademicheskij i hromaticeskij diskurs* [French language identity: academic and chromatic discourse]. Moscow: LENAND. 128.
6. Longman dictionary of contemporary English (1992). Longman, V.1 A-L 626.
7. Longman dictionary of contemporary English (1992). Longman, V.2 M-Z 1229.
8. Boxer D. Applying Sociolinguistics (2002). John Benjamins. URL: <https://www.researchgate.net/>
9. Casalegno F., McWilliam I.M. (2004) Communication Dynamics in Technological Mediated Learning Environments. International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. November.
10. Malinowski B. (1915) The natives of Mailu. Transactions and Proceedings of the Royal Society of South Australia 39: 494-706.

УДК 81'373.7

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КОКО ШАНЕЛЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ РЯДА ЧЕРТ ФРАНЦУЗСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Дужина, Дарья Павловна

студентка кафедры
немецкого и французского языков педагогического института
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / duzhinadaria@mail.ru

Аннотация

Языковой личностью является носитель национального языка, который исследуется с точки зрения его ценностей и поведения. Менталитет является ядром личной и мировой культуры. В статье рассматривается французский менталитет в корреляции с манифестациями языковой личности Габриэль Бонер Шанель. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что всемирно известная языковая личность, может ярко отражать менталитет своего народа.

Ключевые слова: языковая личность, менталитет, французский менталитет, Габриэль Бонер Шанель.

COCO CHANEL'S LANGUAGE PERSONALITY AS A REFLECTION OF SOME FEATURES OF THE FRENCH MENTALITY

Duzhina, Daria Pavlovna

student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / duzhinadaria@mail.ru

Abstract

A language personality is a native speaker of a national language, which is studied in terms of its values and behavior. The mentality is the core of personal and world culture. The article examines the French mentality through the reflection of the language personality of Gabrielle Bonheur Chanel. A working hypothesis is put forward that a world-famous language personality can clearly demonstrate the mentality of its people.

Key words: language personality, mentality, French mentality, Gabriel Bonheur Chanel.

Анализ и выявление специфики поведения и деятельности, как отдельных лиц, так и социальных групп коррелирует не только с историческими, экономическими, политическими признаками, но и с духовным аспектом данной проблематики [Седых, Бузинова 2019]. В контексте изучения духовных и психологических вопросов человеческой деятельности философы занимаются проблемой ментальности или менталитета. Менталитет, являясь ядром личной и групповой культуры, стратегической культурной программой индивидуального и коллективного субъекта, работает в рамках фундаментальных противоречий общества.

Понимание моделей социально-исторического процесса невозможно без знания сущности, содержания, типов и функций менталитета. Понимание и учет различных

психических особенностей отдельных лиц, социальных групп и целых народов является условием их бесконфликтного взаимодействия в обществе [Гершунский 1996]. Исследования индивидуального и коллективного менталитета становятся все более актуальными в контексте усиливающейся глобализации и растущей миграции.

Что касается французского менталитета, то можно сказать, что он со временем приобрел большое количество стереотипов. Французы, настоящие патриоты своего языка. Они отличаются вежливостью и умением говорить быстро и красиво [Седых 2011]. Стремление к изысканности форм, живой дух, склонность к новинкам и удивительно элегантный опыт сделали французов своего рода эталоном стиля и вкуса, законодателями в различных областях европейской моды.

В последнее время в научном сообществе повышается интерес к феномену языковая личность. Данное явление очень активно рассматривается лингвистами как в нашей стране, так и за рубежом. Что же вообще означает понятие языковая личность? Это сам носитель национального языка, который исследуется с точки зрения его проявлений в языке, иными словами, его поведение, ценности и мировидение [Карасик 2004]. Одним из ярких представителей французского менталитета является всемирно известная личность Габриэль Бонер Шанель, в дальнейшем, именуемая, как Коко Шанель, сейчас известная больше, как французский модельер, основатель Дома моды Шанель, которая внесла огромный вклад в жизни людей и в отдельных случаях, даже помогла поменять мировоззрение.

Пройдя нелегкий путь, Коко Шанель стала известной в высоком обществе модисткой, которая продавала дамские шляпки. Помимо того, что она была самой популярной портной, также благодаря ей появились знаменитый парфюм «Chanel №5», правда их автором являлся русский эмигрант Эрнест Бо. Этот парфюм не повторял ни одного оттенка цветка. Вместе с Коко Шанель пришла мода на загар и знаменитое маленькое черное платье, которое можно было носить целый день, дополняя его различными аксессуарами, что позволяло многим представительницам женского пола раскрывать свою женственность и элегантность в полной мере. Также не обошлось и без русского вклада, в созданные образы Шанель, например, как классическая деловая блузка у французенок была создана на основе русской мужской рубахи. Также благодаря ей появились маленькие прямоугольные сумочки на длинной цепочке, как говорила сама Коко Шанель «*Je suis fatiguée de porter des ridicules dans mes mains et je les perds toujours*» (Я устала носить ридикюли в руках, к тому же я их вечно теряю), тем самым создав удобные сумочки для женщин, которые можно было носить через плечо. Она изменила моду, сделала свой стиль доминирующим.

Многие высказывания знаменитой личности имеют большое значение в нашей повседневной жизни. Говоря о Коко Шанель, сразу приходит мысль о роскоши, о чем-то высоком, духовном. Французский язык, благодаря ей повышает интерес многих к его изучению. Есть некие нотки престижа и высокого уровня в освоении французского языка и его употреблении.

Она ценила свободу во всем – в движении, в выборе, мировоззрении. На основе этого можно сделать вывод, что и в ее высказываниях присутствует оттенок свободы, элегантности, но в то же время и простоты.

Рассмотрим проявление языковой личности Коко Шанель на примере следующих высказываний: «*Modestie et luxe sont deux soeurs*» (Скромность и роскошь – две сестры), «*L'élégance est une simplicité*» (Элегантность – это простота). Сами эти понятия очень хорошо знакомы Коко Шанель, так как она сама пропустила их через себя, почувствовав простоту, бедность, которые присутствовали в начале ее пути, но затем она ощутила и роскошь, тем самым сопоставляя эти два понятия.

Еще есть очень интересное высказывание у нее «*Si vous voulez avoir quelque chose que vous n'avez jamais eu, vous devrez faire des choses que vous n'avez jamais faites*» (Если вы хотите иметь то, что никогда не имели, вам придется делать то, что никогда не делали).

Здесь очень хорошо прослеживается решительность и стремление к поставленной цели, которыми владела Шанель. Многие ее высказывания, заставляют задумываться о смысле жизни, о настоящем богатстве, красоте и культуре языка.

Шанель вошла в мировую историю не только как французский модельер. О ней много говорили, писали и до сих пор продолжают прославлять ее имя. Французский писатель и политический деятель Мальро Андре утверждал, что «Шанель, де Голль и Пикассо самые известные личности Франции XX века» [Марсель Эдрих 2006].

Таким образом, анализ содержания приведённого материала позволяет прийти к выводу о том, что менталитет языковой личности Коко Шанель в общих чертах совпадает с ключевыми признаками общефранцузской ментальности, которые коррелируют с концептами «новизна», «креативность» и «оригинальность». В этом смысле яркой иллюстрацией вышеуказанных черт французского национального мировидения и менталитета могут служить слова Виктора Гюго: «*Paris fait plus que la loi, il fait la mode; Paris fait plus que la mode, il fait la routine. Paris peut être bête si bon lui semble; il se donne quelquefois ce luxe; <...> Paris montre toujours les dents; quand il ne gronde pas, il rit. <...> Tel est ce Paris. Les fumées de ses toits sont les idées de l'univers. Tas de boue et de pierre si l'on veut, mais, par-dessus tout, être moral. Il est plus que grand, il est immense. Pourquoi ? parce qu'il ose*» (Париж не только хозяйничает, он заправляет модой; Париж больше чем законодатель мод, он законодатель каждодневной жизни. Париж может быть и глупым, когда его это устраивает; Он может себе это позволить; <...> Париж всегда показывает зубы; когда он не возмущается, он смеётся <...> Он такой, Париж. Дым над его крышами сродни идеям вселенной. Кучи грязи и камня, если хотите, но прежде всего – мораль. Он более чем велик, он – необъятен. Почему? Потому что он дерзок и отважен) [Hugo *Notre-Dame de Paris* p.434]. Так и Коко Шанель, она отважилась и весь мир – у её ног.

Литература

1. Гершунский, Б. С. Менталитет и образование: Учеб. пособие для студентов. М.: Ин-т практ. псих. 1996. 144.
2. Гюго В. Собор Парижской Богоматери. М.: Рипол-классик, 2015. 600.
3. Ермилова Д.Ю. История домов моды. М.: ЮРАЙТ, 2019. 443.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 389.
5. Марсель Э. Загадочная Коко Шанель/Пер. с фр. Н. Тодрии. М.: ГЛАГОЛ, 2006. 303.
6. Седых А.П. Специфика речевого воздействия Жака Ширака // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). 24-29.
7. Седых А.П., Бузинова Л.М. Французская языковая личность: академический и хроматический дискурс. М.: ЛЕНАНД, 2019. 128.

References

1. Gershunsky, B. S. (1996) *Mentalitet i obrazovanie: ucheb. Posobie dlia stydentov* [Mentality and education]. Moscow: Institute of practical psychology. 144.
2. Hugo V. *Sobor Parigskoi Bogomateri* [The Hunchback of Notre-Dame]. Moscow: Ripol-classic, 2015, 600.
3. Yermilova D.U. (2019) *Istoria domov moda* [History of fashion houses]. Moscow: YURAYT. 443.
4. Karasik V. I. (2004) *Yazikovoi krug: lichnost, concept, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: GNOSIS. 389.
5. Marseille E. (2006) *Zagadochnai Coco Chanel* [Mysterious Coco Chanel]. Moscow: VERB. 303.
6. Sedykh A.P. (2011) *Specifika rechevogo vozdeystviya Zhaka Shiraka* [Specifics of speech effect of Jacques Chirac] // *Politicheskaja lingvistika*. № 1 (35). 24-29.
7. Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2019) *Francuzskaja jazykovaja lichnost': akademicheskij i hromaticeskij diskurs* [French language identity: academic and chromatic discourse]. Moscow: LENAND. 128.

УДК 81'373.45

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ

Ермакова, Ольга Александровна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
учитель иностранного языка
муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Центр образования №15 «Луч» г. Белгорода
Белгород, Россия / olga.tsyshko@yandex.ru

Носова, Марина Валериевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
учитель иностранного языка
муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Лицей №32» г. Белгорода
Белгород, Россия / nosovamarina302@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена проблеме использования новейших заимствований из английского языка в заголовках немецкоязычных газет. Использован языковой материал из современных периодических изданий на немецком языке. Анализируются причины распространения заимствований, их классификация. Рассматривается роль англицизмов в заголовках печатных изданий.

Ключевые слова: заимствования, англицизмы, газетный заголовок, печатные издания, СМИ.

ANALYSIS OF ANGLICISMS IN THE HEADLINES OF THE GERMAN-LANGUAGE PRINTED MEDIA

Ermakova, Olga Aleksandrovna

graduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
foreign language teacher
municipal budgetary general education institution
«Education centre 15», Belgorod
Belgorod, Russia / olga.tsyshko@yandex.ru

Nosova, Marina Valerievna

graduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
foreign language teacher
municipal budgetary general education institution
«Lyceum 32», Belgorod
Belgorod, Russia / nosovamarina302@gmail.com

Abstract

The article focuses on the problem of using the most recent English loanwords in the headlines of German-language newspapers. The language material was provided by the modern German periodicals. The paper deals with the reasons for appearance of loanwords, their classification and the role of Anglicisms in the headlines of the German-language printed media.

Keywords: loanword, anglicism, headline, printed media, mass media.

Современные СМИ отражают самые яркие тенденции в развитии языка. Зачастую новые термины проникают во все сферы языка именно из печатных изданий, являясь по своей сути заимствованиями. Большая часть новых заимствований происходит из английского языка и проявляется не только в самих текстах публикаций, но в первую очередь в броских заголовках.

Газетный заголовок. Понятие, функции. И.А. Сыров определяет *заголовок* как «коммуникативную единицу в позиции перед текстом, являющуюся его названием, имеющую синтаксическое оформление, прямо или косвенно указывающее на содержание текста и отграничивающее одно речевое высказывание от другого» [Сыров 2002: 59].

Газетные заголовки представляют особый интерес для исследователя благодаря *функциям*, которые они выполняют:

1. резюмировать новости;
2. оценивать важность событий и историй;
3. выступать в качестве заметных элементов в дизайне страницы;
4. привлекать читателя [Malette, 1990: 80].

Заимствования. Понятие, факторы, классификации. Язык прессы очень подвижен. С одной стороны, он отвечает вызовам времени, отражая текущие события в мире. С другой стороны, язык прессы влияет на развитие национального языка, пополняя

его новыми лексическими единицами, такими как неологизмы, жаргонизмы и заимствования. Именно через язык СМИ эти слова и словосочетания попадают в обиход обычных людей. Если неологизмы и жаргонизмы возникают не так часто, то использование заимствований становится настолько распространенным, что вскоре будет возможным причислить эту черту к характеристикам публицистического стиля.

Итак, что такое заимствования? Согласно определению Л.П. Крысина *заимствование* – это «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой» [Крысин 2004: 24]. Примечательно, что процесс заимствования может проходить на различных уровнях языковой системы. Наиболее частым случаем заимствования является заимствование слова, однако заимствования могут также иметь место на фонологическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом уровнях.

При анализе заимствований следует принимать во внимание *факторы*, определяющие данный процесс. Выделяют внешние и внутренние факторы. К внешним факторам относят тесные экономические, политические и культурные связи между народами, т.е. это неязыковые, экстралингвистические причины заимствований. Язык-реципиент наряду со словами, обозначающими конкретные заимствованные понятия и объекты, может принимать слова, которые становятся синонимами к уже имеющимся в языке лексическим единицам.

Спектр внутренних факторов заимствований выглядит значительно шире и отражает стремление к экономии языковых средств. Заимствование может быть обусловлено следующими языковыми причинами:

- тенденция к устранению полисемии исконного слова;
- необходимость детализации имеющихся понятий;
- схожие тенденции образования слов в исходном языке и языке-реципиенте;
- наличие в языке-реципиенте структурного элемента, объединяющего более ранние заимствования;
- тенденция к краткости, лаконичности лексических единиц (замене исконного словосочетания одним словом - заимствованием) [Крысин 2004: 28];
- необходимость наименования новых понятий, использование заимствований в качестве терминов;
- пополнение лексико-семантических групп эмоционально-окрашенными синонимами, а также более привлекательными «модными» словами [Разумова 2016: 82].

В нашей работе мы более подробно рассмотрим заимствования на уровне лексики. Так, одной из широко известных классификаций заимствованных слов является классификация Э. Хаугена, предложенная им в 1950 году. Он выделяет три типа заимствований:

- 1) слова без морфологической субституции (loanwords) – форма и значение полностью скопированы из языка-источника;
- 2) слова с частичной морфологической субституцией (loanblends), или гибриды – слова, состоящие из заимствованной и исконной частей;
- 3) слова с полной морфологической субституцией (loanshifts), которые подразделяются на кальки (loan translations) и семантические заимствования (semantic loans) [Haspelmath 2008: 3].

В другой, традиционной классификации, предложенной немецкими германистами Г. Хиртом, О. Бехагелем, Ф. Верде и другими, выделяют две группы заимствований: ассимилированные заимствования (Lehnwörter) и иностранные слова (Fremdwörter). К ассимилированным заимствованиям ученые относили все заимствования, пришедшие в язык до XV века. Соответственно, все остальные слова относились ко второй группе. Данная классификация широко используется с начала XX века.

В отечественной германистике рассматривают классификацию заимствований, выдвинутую Л.Р. Зиндером и Т.В. Строевой в 1941 году. Учёные разделяют немецкую лексику на три части:

- 1) немецкие слова (исконно немецкие слова и ассимилированные заимствования);
- 2) интернационализмы;
- 3) иностранные слова.

К последней группе относятся слова, характеризующиеся слабой словообразовательной продуктивностью, параллельным существованием с исконно немецкими словами и особой лексической окраской [Ольшанский 2005: 133].

Англицизмы в газетных заголовках немецкой прессы. Наиболее примечательной тенденцией в современном языке немецких СМИ является употребление англицизмов, которые мы рассмотрим далее.

Для анализа газетных заголовков на предмет использования заимствований нами была выбран информационный портал Spiegel Online, который находится в ведении редакции журнала Spiegel. Выбор был неслучайным: журнал Spiegel имеет крупнейший тираж во всей Европе, а, следовательно, имеет большой охват читателей и большее влияние на них.

Мы произвели сплошную выборку и рассмотрели все публикации портала Spiegel Online за 15 марта 2020 года. На предмет заимствований было проанализировано 96 заголовков. Из них 42 заголовка содержали различного рода заимствования. В свою очередь в 25 заголовках обнаружены англицизмы. Выделенные заимствования из английского языка мы распределили в соответствии с классификацией, предложенной Э. Хаугеном. Мы обнаружили 16 слов без морфологической субституции, 6 слов с частичной морфологической субституцией и ни одного слова с полной морфологической субституцией. Полученные результаты приведены в таблице 1.

Слова без морфологической субституции (loanwords)	Слова с частичной морфологической субституцией (loanblends)	Слова с полной морфологической субституцией (loanshifts)
Lockdown Update Jobcenter Brexit Teleshopping Corona-Tracking-Apps Coronavirus-Newsletter Shutdown Covid-19 News-Update Games Boom Exit Tipps Work-out Corona-Lockdown	Drohmails Smartphone-Neuheit Corona-Exit-Diskussionen Corona-Besuchscontainer Corona-Helikoptergeld Weltstar	

Согласно классификации Г. Хирта, О. Бехагеля, Ф. Верде, все указанные выше слова относятся к группе иностранных слов (Fremdwörter).

В рамках классификации Л.Г. Зиндера и Л.Г. Строевой представляется возможным распределить выделенные нами англицизмы между второй и третьей группой, т.е. между интернационализмами и иностранными словами. Однако данной классификации поддаются только слова без морфологической субституции. Слова с частичной морфологической субституцией невозможно распределить на интернационализмы и иностранные слова, но мы можем сделать это с их заимствованными корневыми морфемами.

	Интернационализмы	Иностранные слова
Слова без морфологической субституции	Brexit Covid-19 Work-out	Lockdown Update Jobcenter Teleshopping Corona-Tracking-Apps Coronavirus-Newsletter Shutdown News-Update Games Boom Exit Tipps Corona-Lockdown
Слова с частичной морфологической субституцией	<i>-mails</i> <i>Smartphone</i> <i>-container</i>	<i>Exit</i> <i>Helikopter</i> <i>-star</i>

Кроме того, мы изучили степень оправданности использования заимствований из английского языка. Оправданными заимствованиями можно считать те слова, которые обозначают понятие, прежде не существовавшее в культуре и языке. К ним относятся практически все указанные выше интернационализмы, кроме корневой морфемы – *container* (= Behälter) и слова *Work-out* в том контексте, в котором его употребляют в заголовке (*Selbstoptimierung: mein Haus, mein Brot, mein Work-out*), т.е. не особый вид уличной тренировки, а просто набор упражнений, который можно назвать *Sportstunde*.

Употребление остальных слов и корневых морфем, отнесенных нами в группу иностранных слова по классификации Л.Г. Зиндера и Л.Г. Строевой, можно считать неоправданными – для каждого из них можно подобрать исконно немецкий синоним.

Рассмотрев тематику англицизмов, употребляемых в газетных заголовках, мы определили, среди заимствований выделяется несколько крупных тематических блоков: медицина/проявления и последствия пандемии (*Lockdown, Covid-19, Shutdown, Corona-Tracking-Apps, Coronavirus-Newsletter*), техника (*Update, Teleshopping, Corona-Tracking-Apps, Games, Drohmails, Smartphone-Neuheit, Corona-Helikoptergeld*), политические и социальные явления (*Brexit, Jobcenter, Weltstar*). Хотя часть заимствований не имеет прямого отношения к пандемии, все англицизмы употребляются в контексте данной проблемы. В связи с этим высокой словообразовательной продуктивностью обладает корневая морфема *Corona-*, которая как правило стоит в начале слова. Также мы выявили слова, вошедшие в немецкий язык именно в связи с пандемией, что подтверждается тем, что данные слова ещё отсутствуют в толковом словаре (*Lockdown, Shutdown*).

Таким образом, англицизмы получили очень широкое распространение в языке СМИ. По большей части, эти заимствования сохраняют свой исходный вид, их большая часть относится не к группе интернационализмов, а к группе иностранных слов. Использование последних не является оправданным и служит для привлечения внимания читателя. При этом все заимствования строго обусловлены внешними факторами либо употребляются в их контексте.

Литература

1. Геранина, И. Н. О термине «заимствование» // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. – 2008. – №10. – С. 101-103.
2. Груенко, С.Е. К вопросу классификации заимствованной лексики // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2016. – №1 (23) – С. 43-49.
3. Крысин, Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: «Языки славянской культуры», 2004. – 888 с.

4. Лютая, А.А. Заголовок, подзаголовок, текст газетной статьи: прагматика соотношений // Тамбов: Альманах современной науки и образования. – 2008. – №2-1. – С. 133-135.
5. Ольшанский, И.Г. Лексикология: Современный немецкий язык: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.Г. Ольшанский, А.Е. Гусева – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 416 с.
6. Разумова, Н. В. Формы и причины заимствований в немецком языке // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 23. – С. 82–87.
7. Сыров, И. А. Функционально-семантическая классификация заглавий и их роль в организации текста / И. А. Сыров // Филологические науки. - 2002. - № 3.
8. Bartelik P. Ansatz einer Lehnwörter-Klassifikation am Beispiel der Deutschen Entlehnungen im Kaschubischen und Dolnischen. – POLILOG. STUDIANEOFILOLOGICZNE NR 6, 2016. – P. 249-260.
9. Haspelmath M. Loanword typology: Steps toward a systematic crosslinguistic study of lexical borrowability // Aspects of language contact: New theoretical, methodological and empirical findings with special focus on Romancisation processes. / Thomas Stolz, Dik Bakker, Rosa Salas Palomo – Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 2008. – P. 43-62.
10. Malcolm F. Mallette. Handbook for journalists of Central and Eastern Europe. – Washington, D.C. : World Press Freedom Committee, Rex Rand Fund, 1990. – 152 p.
11. Qais Abdul Majeed. Linguistic Features of Newspaper Headlines. – Anbar: Journal of Al_Anbar University for Language and Literature, = 2012. – Issue 7. – P. 192-2015.

References

1. Geranina, I. N. (2008) О термине «зaimstvovanie» [On term «loanword»]. Izvestiya PGU im. V.G. Belinskogo, 101-103.
2. Gruenko, S.E. (2016) К вопросу классификации заимствованной лексики [On problem of loanwords classification]. Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. No 1 (23), 43-49.
3. Krysin, L.P. (2004) Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike. [Russian word, ours and foreign one: Research in modern Russian language and social linguistics]. Moscow, «Yazyki slavyanskoj kul'tury», 888.
4. Lyutaya, A.A. (2008) Zagolovok, podzagolovok, tekst gazetnoj stat'i: pragmatika sootnoshenij [Headline, subtitle, text of periodical publication: pragmatics of relations]. Tambov: Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. No 2-1, 133-135.
5. Ol'shanskij, I.G. (2005) Leksikologiya: Sovremennij nemeckij yazyk: Uchebnik dlya stud. lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenij [Lexicology: Modern German language: Studentsbook for linguistical faculties of the higher education institutions]. Moscow, «Akademiya», 416.
6. Razumova, N. V. (2016) Formy i prichiny zaimstvovanij v nemeckom yazyke [Forms and principles of borrowing in German]. Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». Vol. 23, 82–87.
7. Syrov, I. A. (2002) Funkcional'no-semanticheskaya klassifikaciya zaglavij i ih rol' v organizacii teksta [Functional-semantic classification of the headlines and their role in text structure]. Filologicheskie nauki, No 3.
8. Bartelik P. Ansatz einer Lehnwörter-Klassifikation am Beispiel der Deutschen Entlehnungen im Kaschubischen und Dolnischen. – POLILOG. STUDIANEOFILOLOGICZNE NR 6, 2016. – P. 249-260.
9. Haspelmath M. Loanword typology: Steps toward a systematic crosslinguistic study of lexical borrowability // Aspects of language contact: New theoretical, methodological and empirical findings with special focus on Romancisation processes. / Thomas Stolz, Dik Bakker, Rosa Salas Palomo – Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 2008. – P. 43-62.
10. Malcolm F. Mallette. Handbook for journalists of Central and Eastern Europe. – Washington, D.C. : World Press Freedom Committee, Rex Rand Fund, 1990. – 152 p.
11. Qais Abdul Majeed. Linguistic Features of Newspaper Headlines. – Anbar: Journal of Al_Anbar University for Language and Literature, 2012. – Issue 7. – P. 192-2015.

УДК 81'72

ВЛИЯНИЕ АФРИКАНСКИХ ЯЗЫКОВ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОЛУМБИЙСКИЙ ВАРИАНТ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Зуева, Ольга Борисовна

старший преподаватель
кафедры иностранных языков и речевой коммуникации
Московский Международный Университет
Москва, Россия / o.zueva@mtu.ru

Аннотация

В статье рассмотрено влияние африканских языков на формирование национального колумбийского варианта испанского языка. Анализируется причина появления африканизмов на территории испанской Америки вообще и Колумбии в частности – широкое распространение работорговли, с помощью которой Испания делала попытку решить проблему нехватки рабочих рук в колониях. В статье указывается

количество африканцев, привезенных в качестве рабов в Колумбию, из каких именно стран черного континента они прибывали, и на каких языках они продолжали говорить и почему. Рассматривается то, что негры-рабы чаще всего селились в Колумбии на побережье Тихого и Атлантического океанов, и по этой причине африканизмы наиболее распространены в прибрежных районах страны. Известен тот факт, что африканцы привозили с собой предметы обихода и обозначающие их слова, или давали свои названия незнакомым реалиям Нового Света. Это послужило объяснением того, что африканизмы проявляют себя в большей степени в лексике национального колумбийского варианта испанского языка, и в меньшей степени в его фонетике и синтаксисе. В настоящей статье рассматривается также пример креольского языка Паленкеры, сохранившегося на территории Колумбии.

Ключевые слова: Колумбия, Америка, Африка, испанский язык, банту, йоруба, киконго.

THE INFLUENCE OF AFRICAN LANGUAGES ON THE NATIONAL COLOMBIAN VERSION OF SPANISH

Zueva, Olga Borisovna

Senior lecturer
of the Department of foreign languages
Moscow International University
Moscow, Russia / *o.zueva@mmu.ru*

Abstract

The article considers the influence of African languages on the formation of the national Colombian version of Spanish. The author analyzes the reason for the emergence of africanisms in the territory of Spanish America in general and Colombia in particular – the widespread slave trade, with which Spain tried to solve the problem of labor shortage in the colonies. The article indicates the number of Africans brought as slaves to Colombia, from which countries of the black continent they came, and what languages they continued to speak, and why. It is considered that Negroes-slaves most often settled in Colombia on the coast of the Pacific and Atlantic oceans, and for this reason, africanisms are most common in the coastal areas of the country. It is a well-known fact that Africans brought with them household items and words that denote them, or gave their names to unfamiliar realities of the New World. This explained that africanisms are more pronounced in the vocabulary of the national Colombian version of Spanish, and less so in its phonetics and syntax. This article also examines an example of the Palenquero Creole language preserved in Colombia.

Keywords: Colombia, America, Africa, Spanish, Bantu, Yoruba, Kikongo.

Проблема единства и разнообразия форм существования испанского языка всегда привлекала зарубежных и отечественных ученых, а изучению колумбийского национального варианта посвятили исследования такие выдающиеся лингвисты, как Хосе Хоакин Монте, Руфино Хосе Куэрво, Мигель Антонио Каро, Карлос Патиньо Роселли, Херман де Гранада, Н.М. Фирсова и многие другие. Следует отметить огромный интерес работ Николаса дель Кастильо, посвященных влиянию африканских языков на лексический состав испанского языка Колумбии.

С момента открытия Америки Христофором Колумбом в 1492 году начинается новый исторический период, отмеченный, в том числе, развитием такого явления, как торговля людьми африканского происхождения в испанских колониях. Причины заключались в резком уменьшении численности местного населения в результате сражений с испанскими конкистадорами, голода, болезней. Для решения проблемы недостатка рабочих рук на новых территориях метрополия нашла выход в труде рабов. «Из Африки были привезено 20 миллионов человек, принадлежавших сотням разных этносов» [Roux 1992: 15]. Большинство из них были родом из центральных областей Конго, Анголы, Мали, Ганы, Гвинеи, Нигерии и других стран Африки. Представители этих территорий продолжали говорить на своих языках и после прибытия в Колумбию, где они расселялись главным образом на побережье Тихого и Атлантического океанов, внося свою лепту в формирование национального колумбийского варианта испанского языка. Порт Картахена в Колумбии стал основным портом прибытия для рабов, приплывающих в Новый Свет с африканского континента.

Исследователь Херман де Гранада обнаружил, что, «из 548 рабов, упоминаемых в книге регистрации Чоко в 1759, 322 (58,75%) были представителями лингвистической группы Kwa, 160 семьи Akan, 99 Ewe, 6 Yoruba, 2 Ga-Adangme и 55 Ogbo, Ijo, Ibibio или

Efik; языков семьи Kru, 26; языков Bantú, 95; языков группы Mande, 30; языков группы Gur, 28» [Granada 1988: 73].

Наибольшее влияние оказали языки этнических групп южного побережья Нигерии: банту и йоруба, из двадцати диалектов которого самые важные «oyó, ifé, iyésá, ilá» [Valdés 1990: 200], которые получили наибольшее распространение в Америке. Носители могут свободно понимать друг друга, и этот факт способствовал наибольшему распространению языков в регионах работорговли.

Рассмотрим влияние африканских языков на лексику, фонетику и синтаксис испанского языка Колумбии.

В Колумбии часто используются такие слова, как *biche*, *bitute*, *guarapo*, *mandinga*, *malanga*, *guineo*, *ñoso*, *cumbia* и др., все они имеют африканское происхождение. Негры-рабы, прибывающие из Африки в Америку, давали названия из родных языков тем реалиям, с которыми они сталкивались в новой стране, или привозили с собой предметы африканского быта и обозначающие их слова. Постепенно данные африканизмы выходили за рамки обихода чернокожего населения и становились частью национального варианта испанского языка страны. Вот несколько примеров:

Biche “verde, tierno, inmaduro” – зеленый, мягкий, незрелый - происходит из языка банту. В Департаменте Чоко используется как существительное и обозначает ферментированный напиток из сахарного тростника. В значении плода молочно-восковой спелости *biche* сейчас используется по всей территории Колумбии, за исключением Сантандера, где означает «мягкий». В Антиокии *biche* означает *niño*, *niñito* – ребенок, ребеночек. [Castillo 1992: 96]

Bitute - разг. Обозначает юмористически любую еду. Например: *Estuvo bueno el bitute.*- Еда была вкусная. В Тимана (Уила, Колумбия) это вид приправы, *sousa*, который добавляют в супы, блюда из бананов, юки.... [Castillo 1992: 100]

Guarapo – гуарапо, напиток, чаще всего ферментированный, из сахарного тростника, который выращивали негры-рабы. Упоминается в романе Г.Г.Маркеса «100 лет одиночества», а также известен во всех странах Латинской Америки. Первое документальное свидетельство о гуарапо появилось в 1620 году благодаря Тирсо де Молина, который жил на Эспаньоле (современная Доминиканская Республика) и ассоциировал это слово с рабами. Логично утверждать, что существительное *guarapo* происходит из языка *kikongo* от слова *ngwala*, что означает алкогольный напиток, спирт, алкоголь. Такж на языке *lingala* это алкоголь, на *quinbundo*, *ualua* это пиво и непосредственно гуарапо (*garapa*, на португальском напиток из сахарного тростника).[Castillo 1992: 109]

Mandinga – черт, дьявол. В Колумбии и во всей Латинской Америке означает дьявол, проклятие. Появилось в Колумбии вместе с рабами из Западной Африки, которые говорили на языке мандинка (мандинго). На Атлантическом побережье, например, Черт возьми!: *¡mandinga sea!* = *maldita sea* [Castillo 1984: 46]. Главная героиня романа Габриэля Гарсия Маркеса «О любви и других бесах» Мария Мандинга разговаривает на языке йоруба и поет песни на языках конго и мандинга.

Malanga –маланга. Падре Ламан утверждает, что на языке *kikongo* слово *ma-langa* означает “растение со съедобными листьями и клубнями” [Castillo 1992: 111]. Существительное *malanga* встречается и в других национальных вариантах испанского языка, так как это растение часто употребляется в пищу.

Guineo – это разновидность банана. Гвинея одно из названий Западной Африки, которе происходит от берберского *Akal-n I quinawen* = земля негров [Castillo 1982: 180]. Также *guineo* можно встретить в других испаноговорящих странах, например на Кубе, Доминиканской Республике и др.

Ñoso – беспальный. Может также означать не только отсутствие одного пальца, но и руки, стопы или целой ноги. Распространено во всем Карибском бассейне. Пришло из

языка конго Mombasa, по мнению выдающегося африканиста Лидии Кабреры [Castillo 1992: 107].

Cumbia – кумбия. В Колумбии обозначает традиционный танец Атлантического побережья. Имеет африканское происхождение и означает разновидность барабана. Падре Ламан утверждает, что на языке kikongo del sur nkumbi это “барабан, который используют, когда приносят кровавые жертвы на могиле великого охотника [Castillo 1992: 112].

Также существует возможное влияние африканских языков, принесенных в Америку из Африки, на фонетику. Например: Замена d=r: maduro-maruro, bodega-borega, morada-moraga... Обратная замена r=d: mosquera-mosqueda.

Подобное явление в целом распространено в низших слоях населения, проживающего на Тихоокеанском побережье Колумбии.

Наблюдаются некоторые синтаксические элементы африканского происхождения, например, повтор: Yo no pude decir, no. Sí, le pagué, sí. Esta ya la comí, ya. Необходимо заметить, что данное явление имеет крайне ограниченную зону распространения, а именно, в департаменте Чокó Тихоокеанского побережья Колумбии.

Колумбия является единственной страной американского континента, где существует креольский язык с испанской основой и заметным влиянием языка банту. Это Паленкero, на котором разговаривают жители Сан Базилио де Паленке близ Картахены-де-Индиас, и который сформировался под влиянием экстралингвистических факторов. Во времена работорговли там находили убежище беглые рабы, продолжавшие разговаривать на родном языке и контактировавшие с испаноязычным населением. Креольские языки «подпитываются социальным неравенством и поддерживают с соответствующими престижными языками отношения, отражающие структуру и социальное движение» [Friedemann, Patiño 1983: 85]. Можно утверждать, что креольские языки сформировались в результате трансформаций пиджинов, когда последние из-за социального неравенства превратились в родной язык некоторых групп населения. Язык паленкero сейчас находится на грани исчезновения из-за декреолизации под влиянием СМИ, развития образования и всеобщей глобализации.

Таким образом, африканские языки банту, киконго оказали влияние главным образом на лексику колумбийского варианта испанского языка, и в меньшей степени на фонетику и синтаксис. Африканизмы могут быть многозначными и чаще всего обозначать растения, особенно те, что употребляются в пищу, блюда национальной кухни, части тела человека, предметы обихода, религиозных культов и др. Слова африканского происхождения наиболее распространены в местах исторического расселения чернокожего населения на колумбийском побережье Карибского моря и Тихого океана.

Литература

1. Фирсова Н.М. Испанский язык и культура в испаноязычных странах. М.: Книжный дом Либроком, 2012
2. Фирсова Н.М. Современный испанский язык в Колумбии, М.: Изд. УДН, 1984
3. Castillo Mathieu, Nicolás del. El aporte negro-africano al léxico de Colombia. Bogotá: ICC, 1992
4. Castillo Mathieu, Nicolás del. El léxico negro-africano de San Basilio de Palenque. Bogotá: ICC, 1984
5. Castillo Mathieu, Nicolás del. Esclavos negros en Cartagena y sus aportes léxicos. Bogotá: ICC, 1982
6. Friedemann, Nina de, Patiño Roselli, Carlos. Lengua y Sociedad en el Palenque de San Basilio. Bogotá, 1983
7. Granada, Germán de. Los esclavos en el Chocó. Su procedencia africana (siglo XVIII) y su posible incidencia lingüística en el español del área. // Thesaurus. Bogotá, 1988, tomo XLIII, № 1. С. 73
8. Roux, Gustavo I de. Carta a un viejo luchador negro a propósito de la discriminación. // Documentos de Trabajo. Cali, 1992 - № 09. С. 15.
9. Valdés Bernal, Sergio. Visión lingüística del Africa al sur del Sahara. La Habana: Editorial de ciencias sociales, 1990

References

1. Firsona N.M. (2012) *Ispanskij jazyk i kul'tura v ispanojazychnykh stranakh* [Spanish language and culture in Spanish-speaking countries]. М.: Knizhnyi dom Librokom
2. Firsova N. M. (1984) *Sovremennij ispanskij jazyk v Kolumbii* [Modern Spanish in Colombia]. М.: Izd. UDN
3. Castillo Mathieu, Nicolás del. (1992) *El aporte negro-africano al léxico de Colombia* [The black - African contribution to the lexicon of Colombia]. Bogotá: ICC

- 4.Castillo Mathieu, Nicolás del. (1984) *El léxico negro-africano de San Basilio de Palenque* [The Black-African lexicon of San Basilio de Palenque]. Bogotá: ICC
- 5.Castillo Mathieu, Nicolás del. (1982) *Esclavos negros en Cartagena y sus aportes léxicos* [Black slaves in Cartagena and their lexical contributions]. Bogotá: ICC
- 6.Friedemann, Nina de, Patiño Roselli, Carlos. (1983) *Lengua y Sociedad en el Palenque de San Basilio* [Language and society in the Palenque de San Basilio]. Bogotá
- 7.Granada, Germán de. (1988) *Los esclavos en el Chocó. Su procedencia africana (siglo XVIII) y su posible incidencia lingüística en el español del área* [The slaves in el Chocó. Its African origin (eighteenth century) and its possible linguistic incidence in the Spanish area] // Thesaurus. Bogotá, volume XLIII, № 1. P. 73
8. Roux, Gustavo I. de. (1992) *Carta a un viejo luchador negro a propósito de la discriminación* [Letter to an old black fighter about discrimination] // Working Papers. Cali, № 09. P.15
- 9.Valdés Bernal, Sergio. (1990) *Visión lingüística del Africa al sur del Sahara* [Linguistic vision of Africa south of the Sahara]. Havana: Social Sciences Editorial

УДК 811.133.1'35

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Карюченко, Екатерина Олеговна

бакалавр кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / ya.katya09121997@yandex.ru

Аннотация

Важнейшая функция дискурсологии в лингвистике состоит в том, чтобы обеспечить критерии для выделения совокупности текстов для осуществления адекватного анализа дискурсного пространства. Дискурсология включает в себя исследования в русле различных разделов гуманитарных наук. Дискурс, в частности французский туристический дискурс, рассматривается как сложное коммуникативное явление. Выдвигается гипотеза о том, что речевое воздействие является регулятором поведения адресата в туристическом дискурсе. Намечаются перспективы исследования туристического дискурса.

Ключевые слова: дискурс, совокупность текстов, анализ дискурса, коммуникативное явление, речевое воздействие, поведение адресата, туристический дискурс.

SOME FEATURES OF THE FRENCH TOURIST DISCOURSE

Karyuchenko, Ekaterina Olegovna

Bachelor of the Department of German and French languages/
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / ya.katya09121997@yandex.ru

Abstract

The most important function of discourse in linguistics is to provide criteria for the selection of texts for an adequate analysis of the discourse space. Discourse includes research in line with various sections of the humanities. Discourse, in particular the French tourist discourse, is seen as a complex communicative phenomenon. A hypothesis is put forward that speech influence is a regulator of recipient behavior in tourist discourse. The prospects for the study of tourist discourse are outlined.

Key words: discourse, set of texts, discourse analysis, communicative phenomenon, speech impact, addressee behavior, tourist discourse.

Дискурсология – относительно молодой раздел лингвистики, который исследует особенности функционирования языкового материала в различных условиях коммуникативной деятельности [Седых, Бузинова 2019]. Дискурс рассматривается с различных точек зрения: социолингвистической, когнитивной, прагмалингвистической и др. При этом существует большое количество определений дискурса.

Мы разделяем точку зрения Натальи Вячеславовны Филатовой о том, что туристический дискурс в широком смысле является *сложным коммуникативным явлением*, устным речевым действием, включающим как социальный контекст, дающий представление об участниках коммуникации и их характеристиках, так и процессы производства и восприятия сообщения. [Филатова 2012, 41].

Туристический дискурс современной Франции изучается достаточно активно как в самой республике, так и за её рубежами [Седых 2011]. Тем не менее, следует отметить,

что о французском туристическом дискурсе пишут в большей степени «нефранцузские» франкоговорящие лингвисты [Чекалина, Ушакова 1998].

Как бы там ни было, большинство филологов сходятся в мысли о том, что французский туристический дискурс (далее – ФТД) отличается рядом характерных черт, выделяющих его на фоне туристических дискурсов других стран. В частности к особенностям туристического дискурса Франции можно отнести следующие доминантные признаки:

- **аргументативность;**
- **корректность аксиологии;**
- **жанровую полифонию.**

Рассмотрим каждую позицию:

Аргументативность.

Аргументативные стратегии и тактики ФТД понимаются как «совокупность отношений функциональной смысловой зависимости между ее элементами (тезисом, аргументами первого и второго порядка)» [Гавришина 1991, 19-20]. Мы не будем вдаваться в тонкости аргументов первого и второго порядка, а уточним лишь некоторые особенности категории «аргументативность», представленной во французском туристическом дискурсе. Сюда мы относим активное использование когнитивных коннекторов: конклюдивных (*c'est pourquoi, donc, il en résulte, pourtant*); сравнительных (*comme*); противительных (*mais*); присоединительных (*et*) Анализируя эмпирический материал, мы пришли к выводу, что доминантной аргументативной единицей ФТД выступает присоединительный коннектор *et* (и). Как отмечает С.А. Погодаева, данный коннектор обладает добавочным значением и «широко используется при представлении разнообразных аргументов», что способствует расширению возможностей всестороннего рассмотрения проблемы [Погодаева 2008].

Корректная аксиология.

С категориями лингвистики соотносится *оценочность* – «потенциал языковой единицы, ее способность эксплицитно выразить положительные или отрицательные свойства объекта, его фиксацию на оценочной оси, его место в аксиологическом поле» [Марьянчик 2013, 77]; т.е. оценочность – это лингвистическая актуализация оценки [Чекалина, Ушакова 1998]. Наиболее яркой формой оценки выступает аксиологическое суждение.

По нашим наблюдениям ФТД отличается высокой корректностью оценочных суждений, что проявляется в отсутствии высказываний прямой (позитивной, негативной) оценки тех или иных явлений и фактов.

Жанровая полифония.

Как любой жанр дискурса, ФТД выполняет функцию активизации (оптимизации) коммуникативного взаимодействия агентов турфирм и реципиентов туруслуг. Учёные выделяют различные ипостаси жанровых характеристик французского туристического дискурса: собственно-туристический дискурс, рекламно-туристический дискурс, научный дискурс, образовательный и законодательный дискурс в сфере туризма Французской республики [Косицкая 2013].

К первому типу ФТД относятся: *contrat de vente, formulaire de réservation de l'hôtel, lettre de réclamation, demande de cotation, lettre de CV, de candidature, demande de modification de réservation, offre d'hébergement, offre de restauration, facturation, voucher, commande, liste de prix, offre d'emploi, fiche de renseignement, fax, courriel, titres de transport etc.* (контракты, формуляры заказов, письма-рекламации, резюме, фактуры, ваучеры, заказы, прејскурант, транспортные накладные)

Ко второй форме ФТД можно отнести: *catalogue, guide, annonce promotionnelle, brochure touristique, dépliant, encart publicitaire, présentation d'une destination, feuillet publicitaire, mini-guide, circuit, facture, devis, cotation, bon d'échange, bon de forfait, bon de dépôt, note d'information, note de service, compte-rendu, rapport, lettre commerciale etc.*

(каталоги, гиды, туристические брошюры, флаеры, служебные записки, отчёты, доклады, коммерческая корреспонденция)

К научному речевому жанру ФТД относятся: монографии, диссертации, научные доклады.

Дидактический ФТД включает в себя: учебники, сборники упражнений, курсы лекций.

Законодательный французский дискурс в сфере туризма может быть представлен: кодексом туристической деятельности, текстами законов, постановлениями, приказами.

По мысли ряда филологов, которую мы разделяем, функциональные характеристики ФТД отличаются *информативностью, оценочностью, побудительностью, персуазивностью*, а также *энциклопедичностью* [Тарнаева, Дацюк 2013].

Таким образом, французский туристический дискурс является адекватным и эффективным инструментом речевого воздействия на поведение адресата. Несмотря на гетерогенный характер туристической активности, перспективным для дальнейшего исследования видится анализ данного типа дискурса с целью выявления этнокультурных признаков коммуникативного поведения его носителей.

Литература

1. Акимова Н.Ф. Оценочная стратегия во французском туристическом дискурсе // Лингвокультурное пространство туристического дискурса: универсальные, национальные и региональные приоритеты и направления. Материалы международной научно-практической конференции. 2017. 9-13.
2. Гавришина, И. Н. Функционально-коммуникативная специфика речевой аргументации (на материале текстов выступлений во французском парламенте): автореф. дис. . канд. филол. наук: 10.02.05 / И. Н. Гавришина. М., 1991. 25.
3. Косицкая Ф.Л. Жанровая палитра французского туристического дискурса // Вестник ТГПУ, 2013. 3 (131). 192-195.
4. Марьянич В. А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 272 с.
5. Погодаева С.А. Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.05. Иркутск, 2008. 234.
6. Седых А.П. Специфика речевого воздействия Жака Ширака // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). 24-29.
7. Седых А.П., Бузинова Л.М. Французская языковая личность: академический и хроматический дискурс. М.: ЛЕНАНД, 2019. 128.
8. Тарнаева Л.П., Дацюк В.В. Туристический дискурс: лингвопрагматические характеристики // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2013. Вып. 3. 229-235.
9. Филатова Н. В. Туристический дискурс в ряду смежных дискурсов: гибридизация или полифония? // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». № 3 / 2012. 41–46.
10. Чекалина Е.М., Ушакова Т.М. Лексикология французского языка. Спб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. 235.

References

1. Akimova N.F. *Ocenochnaja strategija vo francuzskom turisticheskom diskurse* [Evaluation Strategy in French Tourism Discourse] // *Lingvokul'turnoe prostranstvo turisticheskogo diskursa: universal'nye, nacional'nye i regional'nye prioritety i napravlenija Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii*. 2017. 9-13.
2. Gavrishina, I. N. *Funkcional'no-kommunikativnaja specifika rechevoj argumentacii (na materiale tekstov vystuplenij vo francuzskom parlamente)* [Functional and communicative specifics of speech argumentation (based on the texts of speeches in the French parliament)]: avtoref. dis. . kand. filol. nauk: 10.02.05 / I. N. Gavrishina. Moscow, 1991. 25.
3. Kosickaja F.L. *Zhanrovaja palitra francuzskogo turisticheskogo diskursa* [Genre palette of French tourist discourse] // *Vestnik TGPU*, 2013. 3 (131). 192-195.
4. Mar'janchik V. A. *Aksiologichnost' i ocenochnost' media-politicheskogo teksta* [Axiological and evaluative media-political text]. Moscow: LIBROKOM, 2013. 272.
5. Pogodaeva S.A. *Jazykovye sredstva argumentacii vo francuzskom turisticheskom diskurse* [Linguistic means of argumentation in the French tourist discourse]: dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.05. Irkutsk, 2008. 234.
6. Sedykh A.P. (2011) *Specifika rechevogo vozdejstvija Zhaka Shiraka* [Specifics of speech effect of Jacques Chirac] // *Politicheskaja lingvistika*. 2011. № 1 (35). 24-29.

7. Sedykh A.P., Buzinova (2019) L.M. *Francuzskaja jazykovaja lichnost': akademicheskij i hromaticeskij diskurs* [French language identity: academic and chromatic discourse]. Moscow: LENAND. 128.
8. Tarnaeva L.P., Dacjuk V.V. *Turisticheskij diskurs: lingvopragmaticheskie harakteristiki* [Tourist discourse: linguo-pragmatic characteristics] // Vestnik SPbGU. Ser. 9. 2013. Vyp. 3. 229-235.
9. Filatova N. V. *Turisticheskij diskurs v rjadu smezhnyh diskursov: gibridizacija ili polifonija?* [Tourist discourse in a number of related discourses: hybridization or polyphony?] // Vestnik MGOU. Serija «Lingvistika». № 3 / 2012. 41–46.
10. Chekalina E.M., Ushakova T.M. *Leksikologija francuzskogo jazyka* [French lexicology]. Spb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1998. 235

УДК 81'373.7

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ФРАЗЕОЛОГИИ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА

Марабини, Алессандра

ассистент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / marabini92@gmail.com

Аннотация

В данной статье рассматриваются направления в изучении фразеологических единиц и понятийно-терминологический аппарат данной области исследований. В настоящее время развитие фразеологии как одной из важных областей языкознания характеризуется разработкой методов и объектов исследования; особое внимание здесь уделяется семантике фразеологизмов, её номинативную аспекту, мотивации, на основе которой формируется внутренняя форма.

Ключевые слова: фразеологические исследования, конструкция, семантика, номинация, внутренняя форма.

STAGES OF DEVELOPMENT OF THE THEORY OF PHRASEOLOGY AND TERMINOLOGICAL APPARATUS

Marabini, Alessandra

Teacher assistant of the Department of German and French languages
Belgorod State University
Belgorod, Russia / marabini92@gmail.com

Abstract

The current article analyses the directions in the study of the phraseological units and the conceptual and terminological apparatus. Currently, the development of phraseology as one of the important areas of linguistics is characterized by the elaboration of research methods and objects; special attention is paid to the semantic of phraseologisms, its nominative aspect, motivation, on the basis of which the inner form is structured.

Key words: phraseological research, construction, semantics, nomination, inner form.

Фразеология формируется в самостоятельную лингвистическую дисциплину сравнительно недавно – около полувека назад. Во фразеологических исследованиях обычно выделяют две крайние точки зрения: первая – узкая концепция фразеологии, состоящей только из идиом (А.Ш. Молотков, В.И. Мокиенко, А. Богуславски, А. Пайдзиньска); вторая – широкое понимание, когда в число фразеологических единиц (ФЕ) включаются поговорки, крылатые слова, афоризмы, сверхсловные клише и штампы, термины – фразеологизмы и др. (М.А. Алексеенко, Л.И. Ройзензон, А.П. Седых, И.В. Сопова, С. Скорупка, В.Н. Телия, В. Хлебда, М.Н. Шанский).

Фразеологизмы, как сложные лексические конструкции, состоящие более чем из одного слова, которые обозначают концептуальные единицы, изучаются в литературе под разными названиями – среди которых термины «идиомы» и «фразы» (Бурген, 2010; Доналис, 2009; Маккай, 1972; Мельчук, 1998; Фляйшер, 1997).

В начале прошлого века французский лингвист Шарль Балли, редактор лекционных курсов Соссюра, вводит понятие *locutions phraséologiques*, которые содержат категорию *unités phraséologiques*, чтобы указать фиксированные словосочетания слов, характеризующиеся высокой внутренней сплоченностью как структурной, так и семантической. Эта тема особенно разработана в советском языкознании, где изучаются фразеологизмы, прежде всего со структурной точки зрения, в отличие от фиксированных

словосочетаний, под общим названием устойчивых словосочетаний, «фиксированных словосочетаний» [Benigni, Ramusino, Mollica, Schafroth 2015, 277].

В 50-ых годах прошлого столетия главное внимание уделяется вопросам сходства и различий фразеологизмов со словом или словосочетанием слов, то есть проблематика фразеологии исчерпывается, в основном, выяснением критериев фразеологичности и уточнением основ классификации фразеологизмов [Каримова 2008, 578].

Великого русского филолога академика В.В. Виноградова можно считать «отцом» в данной области исследования. Частично используя классификацию Ш. Балли, в 1947 году он даёт определение фразеологических единиц, в пределах которых можно выделить три подтипа на основе различающихся степеней внутренней сплоченности между составляющими частями: *фразеологические сращения* (устойчивые сочетания слов, не мотивированные внутренней формой), *фразеологические единства* (устойчивые сочетания слов с прозрачной внутренней формой), *фразеологические сочетания* (выражения, в которых одно из слов употреблено в прямом значении, а второе – во фразеологически связанном). Пословицы и поговорки в данной классификации не выделяются. Русский учёный отделяет фразеологические единицы от свободных словосочетаний, утверждая, что фразеологизмы воспроизводятся в готовом виде и изучаются во фразеологии, а сочетания слов свободно организуются в процессе речи и рассматриваются в синтаксисе [Черникова 2016, 19].

Однако, теория, разработанная И.Е. Аничковым, противостоит теории В.В. Виноградова. Из лингвистических наук И.Е. Аничков выделяет фонетику, морфологию, синтаксис, идиоматику и семантику. Он рассматривает идиоматику как дисциплину, изучающую сочетаемость слов, а синтаксис как наука о сочетаемости словоформ. Объектом идиоматики – идиомы, который указывают на любые словосочетания, начиная от свободных и заканчивая пословицами и поговорками. И.Е. Аничков утверждает, что в языке слова сочетаются с ограниченным числом других слов и любое слово не может быть переменным компонентом, следовательно, сочетания слов во всех случаях несвободны и лексические связаны [Красса, Дудкина 2011, 12].

В 1964 г. А.В. Куниный предлагает метод фразеологической идентификации, который способствует выявлению фразеологичности того или иного сочетания слов и отнесения его к тому или иному разряду фразеологии. Показатели любой фразеологических единиц являются устойчивости, раздельноформленность и возможность построения по порождающей модели переменного сочетания слов [Сафина 2012, 550].

Ещё одна классификация фиксированных комбинаций представляется И. Мельчуком (1998), который вводит понятие *phrasemes* или *set phrases*, в оппозиции к *free phrases* (в английской терминологии). Компоненты в середине между этими двумя понятиями являются *semi-phrasemes* или *collocations*; т.е. частично непрозрачные формы, в которых один из компонентов сохраняет своё буквальное значение, в то время как другой используется в метафорическом смысле [Benigni, Ramusino, Mollica, Schafroth 2015, 277].

Почти одновременно с советской фразеологической школой, Лондонская лингвистическая школа, одно из направлений структурной лингвистики, также проявляет интерес к словосочетаниям. Её основатель Дж. Р. Ферс вводит понятие «коллокация» для обозначения среды, в которой встречаются слова [Benigni, Ramusino, Mollica, Schafroth 2015, 277].

Английский корпусный лингвист, лексикограф и специалист по дискурсивному анализу Д. Синклер, через инновационный лексикографический проект COBUILD, представляет подход к изучению повторяющихся словосочетаний, основанный на их частоте использования. Данный подход к изучению фразеологизмов через языковой корпус расширяет сферу фразеологии, включая в неё коллокации и словосочетания, а также новые понятия и термины, такие как *lexical bundles* (называемые также *clusters*, *chunks* или *n-*

grams, последовательность слов, имеющих высокую частотность, которые употребляются в пределах одного регистра) [Benigni, Ramusino, Mollica, Schafroth 2015, 277].

С методологической точки зрения, немецкий и американский лингвисты А. Стефанович и С. Грис (2003) представляют *collostructional analysis*, в котором методы *corpus linguistics* используются для определения слов, статистически связанных с какой-то конструкцией и, следовательно, с общим смыслом самой конструкции [Benigni, Ramusino, Mollica, Schafroth 2015, 277]. Это расширенная перспектива во фразеологических исследованиях, которая включает словосочетания и «преференциальные комбинации» слов, с одной стороны, способствует созданию синтаксических проверок (замещения, инверсии, фокусировки, изоляции, пассивации и т.д.) и семантических критериев (некомпозиционности, десемантизации составляющих частей, способности обозначать концептуальные единицы), что позволяет отличать фразеологизмы в строгом смысле от аналогичных конструкций. Тем не менее, она также демонстрирует, что часто граница между этими единицами трудноопределима.

В последнее время, особенно в немецкой и английской лингвистике большое внимание уделяется сравнению групп фраз на разных языках. Так, русские ученые Д. Добровольский и Э. Пийрайнен делают важный теоретический вклад в проблему кросс-лингвистической сопоставимости идиоматических структур, вводя понятие «функциональной эквивалентности», чтобы обозначать эквиваленты, которые могут быть использованы в одном же функциональном контексте, несмотря на различия в их лексической структуре [Benigni, Ramusino, Mollica, Schafroth 2015, 277].

Лингвист Э. Пийрайнен (2012), развивая данную концепцию, даёт начало к исследовательскому проекту под названием «Распространенные идиомы в Европе и за ее пределами», который анализирует идиомы, которые делят одну же лексическую и семантическую структуру во многих европейских и неевропейских языках. Развитие кросс-лингвистического подхода к фразеологии имеет важное значение для переводоведения и владения вторым иностранным языком (*Second Language Acquisition - SLA*) [Benigni, Ramusino, Mollica, Schafroth 2015, 277].

В своей работе 2008 года, американский лингвист Стивен Грис предлагает определение фразеологизма, основанное на совместном появлении шести различных параметров, начиная с совместного присутствия лексической формы и, хотя бы еще одного лингвистического материала любого рода, лексического или грамматического, не исключая возможности присутствия более двух элементов (второй критерий). Следующий критерий – частота использования и необязательность смежности составляющих частей, критерий строго связан с пятым, который рассматривает больше или меньше синтаксическую гибкость. В конце, шестой критерий, требует, чтобы фразеологизм функционировал как семантическая единица, независимо от того, что его значение является композиционным или нет [Gries, 2008].

В исследовании американского лингвиста Стивена Гриса, термин «фразеологизм» употребляется в самом широком смысле, чтобы включить выражения из нескольких слов различной степени структурной сложности (например, идиоматические выражения, пословицы, обороты и т.д.) и с различными уровнями структурного и семантического сплоченности (таким образом, не только фиксированные выражения в строгом смысле, но и структуры, которые, независимо от их степени композиционности или идиоматичности, стремятся к хранению в ментальной лексике говорящего в виде единиц) [Benigni, Ramusino, Mollica, Schafroth 2015, 277].

Среди европейских фразеологов, распространяется определение фразеологизма в корреляции с теорией *Construction Grammar*, сокращенно CxG (Грамматика Конструкций), которая изучает так называемые конструкции; то есть *pairings of form and meaning*, которые могут быть различной сложности (морфемы, слова, синтаксические паттерны и т.д.) и представляют различные степени абстракции / конкретности (например, нецелесообразно лексические указанные синтаксические паттерны vs. фиксированные

идиомы). Что касается аспекта творчества, Трауготт и Трусдейл (2013) вводят концепцию конструирования, которая понимается как создание пары языковых единиц с новой формой и новым значением, «другими словами <...> разработка нового знака» [Benigni, Ramusino, Mollica, Schafroth 2015, 278].

Данная концепция возникает именно из-за необходимости найти теоретическую модель, которая была также адекватна для описания фразеологических единиц, чья форма трудно предсказуема (например, коллокации), а также их содержание (например, идиоматические выражения). Еще одна важная характеристика подхода *Construction Grammar* заключается в том, что фразеологическая сфера не отличается от продуктивной грамматической сферы; наоборот, упоминается так называемый континуум между лексикой и синтаксисом, который позволяет описывать фразеологизмы более единообразно внутри лингвистической системы, а не в лексиконе.

В современном понимании, когнитивный подход стремится к формализации смысловых процессов с целью объяснения формирования фразеологических единиц. Понятия номинации и мотивации непосредственно связаны с познавательной активностью человека. В лингвистике номинация делится на первичную и вторичную: первичная – это первообразное наименование, отражающее элементы действительности, а вторичная (или косвенная) – это использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции. Вторичная номинация – это иной семантический результат и при вторичной номинации в ФЕ функционируют иные механизмы номинации.

Специфика фразеологической номинации проявляется во внутренней форме, концепция которой изучается в семантической типологии ФЕ и базируется на сопоставлении общего значения данных единиц с исходным значением отдельных слов и сочетаний слов. Внутренняя форма, по концепции ряда учёных, обладает не всегда чётко выделяемыми этнокультурными характеристиками [Седых, Сопова 2010]. В том что касается ФЕ, они как правило относительно легко поддаются этнокультурной идентификации.

Вопрос о внутренней форме требует выяснения отношений между формой, значением и знаком. Так, русский филолог А.А. Потебня утверждает, что внутренняя форма является знаком, символом другого, субъективного по отношению к ней содержания. По мысли учёного, внутренняя форма представляет собой признак, положенный в основу наименования объекта языковой единицей (словом). Она имеет смысловое содержание, формализованное по отношению к его актуальному значению. Характеристики внутренней формы следующие: неустойчивость, динамичность, она не закрепляется за концептами в системе языка, не является стабильным признаком определенного концепта и может эсплицироваться отдельными словами и сочетаниями. Фразеологические выражения, как и фразеологические сочетания, и фразеологические единства, обладают внутренней формой, индивидуальной для каждого оборота. ФЕ, у которых структурно-семантическая мотивированность отсутствует, лишены внутренней формы (и это в случае фразеологических сращений) [Мелерович 2010, 90].

Внутренняя форма понимается как конкретно-образная мотивация. Взаимосвязь между двумя уровнями значения, идиоматическим и буквальным, то есть мотивированность фразеологического выражения, является одной из центральных концепций современного изучения фразеологии. Феномен мотивированности имеет фундаментальное значение для когнитивной лингвистики (существует четыре типа мотивированности: метафорическая, символическая, интертекстуальная и индексная) [Ramusino, Mollica 2019, 156]. Мотивация связана с внутренней формой языковых знаков, именно благодаря явлению мотивированности знака выражается мысль, представление, относящееся к чувственному образу или понятию.

Таким образом, мы выделили основные теоретические предпосылки исследования фразеологических единиц и рассмотрели различные этапы развития фразеологических концепций. Современные исследования концентрируются на когнитивных и

психолингвистических аспектах изучения фразеологии, то есть на корреляции с мыслительными процессами человеческого сознания. В качестве перспектив исследования предлагается комплексный подход к изучению фразеологических единиц, в рамках которого должны учитываться следующие категории: номинация и внутренняя форма, семантико-смысловая структура, коннотативные и образные элементы формирования устойчивых смыслов языковых единиц.

Литература

1. Виноградов В.В. (1977) Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография, Москва – С. 140-161
2. Горды М. (2011) Семантическая фразеология современных русского и польского языков // Критика и библиография, Русский язык за рубежом №5/2011, С. 109-113
3. Gries S.T. (2008) *Phraseology and Linguistic Theory: A brief survey* // *Phraseology: An interdisciplinary perspective*, Granger S. and F. Meunier (Eds), John Benjamins, Amsterdam and Philadelphia, P. 3-25
4. Каримова З.С. (2008) Проблема определения фразеологизма в современной лингвистике // Вестник Башкирского Университета, Филология и искусствоведение, Уфа, С. 578-581.
5. Красса С.И., Дудкина В.Г. (2011) Фразеология vs. идиоматика: теоретические и прикладные аспекты // Современная теория языка, Известия ВГПУ, С. 11-14.
6. Мелерович А.М. (2010) К проблеме соотношения внутренней формы, фразеологического значения и концептуального содержания фразеологизмов различных структурно-семантических типов // Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии, сб. докладов 2-й международной научной конференции, Белгород, С. 89-93
7. Ramusino P.C., Mollica F. (2019) *Fraseologia in prospettiva multilingue: il continuum lessico-sintassi* // *Lessico ed educazione linguistica*, Carocci, 220 p.
8. Сафина З.М. (2012) Репрезентация концепта в семантике фразеологических единиц // Вестник Башкирского Университета, раздел Филология и искусствоведение, Т. 17, №1 (1), С. 549-553
9. Седых А.П., Сопова И.В. (2010) Фразеология в период становления новых исследовательских парадигм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность, № 3 – М.: Издательство РУДН – С. 49-53
10. Черникова С.Н. (2016) Национальная специфика фразеологической картины мира (на материале наименований компонентов природного ландшафта в русском и английском языках) // диссертация, Воронеж Государственный Университет, 2016, 223 с.
11. Benigni V., Ramusino P.C., Mollica F., Schafroth E. (2015) How to apply CxG to Phraseology: a multilingual research project // *Journal of social sciences, Science publications*, Volume 11, Issue 3, P. 275-288.
12. Cheng W. (2011). *Exploring corpus linguistics: Language in action* // Series: Routledge, New York, 288 с.

References

1. Vinogradov V.V. (1977) *Ob osnovnyh tipach frazeologičeskich edinic v russom jazyke* [On the main types of phraseological units in the Russian language] // Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija*, Moskva, P. 140-161
2. Gordy M. (2011) *Somatičeskaja frazeologija sovremennich russkogo i pol'skogo jazykov* [Semantic phraseology of the contemporary Russian and Polish languages] // *Kritika i bibliografija, Russkij jazyk za rubežom*, №5/2011, P.109-113
3. Gries S.T. (2008) *Phraseology and Linguistic Theory: A brief survey* // *Phraseology: An interdisciplinary perspective*, Granger S. and F. Meunier (Eds), John Benjamins, Amsterdam and Philadelphia, P. 3-25
4. Karimova Z.S. (2008) *Problema opredelenija frazeologisma v sovremennoj lingvistike* [Problem of definition of the phraseologism in the contemporary linguistics] // *Vestnik Baškirkogo Universiteta, filologija i iskusstvovedenie*, Ufa, P. 578-581.
5. Krassa S.I., Dudkina V.G. (2011) *Frazeologija vs. idiomatika: teoretičeskie i prikladnye aspekty* [Phraseology vs idiomatics: theoretical and applied aspects] // *Sovremennaja teorija jazyka, Izvestija VGPU*, P. 11-14
6. Melerovič A.M. (2010) *K probleme sootnošenija vnutrennej formy, frazeologičeskogo značenija i konceptual'nogo sodержanija frazeologismov različnyh strukturno-semantičeskich tipov* [On the problem of correlation of inner forms, phraseological meaning and conceptual content of phraseologisms of various structural-semantic types] // *Diskursivnye i didaktičeskie problemy frazeologii*, sb. *Dokladov 2-oj meždunarodnoj naučnoj konferencii*, Belgorod, P. 89-93.
7. Ramusino P.C., Mollica F. (2019) *Fraseologia in prospettiva multilingue: il continuum lessico-sintassi* // *Lessico ed educazione linguistica*, Carocci, 220 p.
8. Safina Z.M. (2012) *Reprezentacija koncepta v semantike frazeologičeskich edinic* [Representation of the concept in the semantics of phraseological units] // *Vestnik Baškirkogo Universiteta, razdel Filologija i iskusstvovedenie*, T. 12, №1 (1), P. 549-553

9. Sedykh A.P., Sopova I.V. (2010) *Frazeologija v period stanovlenija novych issledovatel'skich paradigm* [Phraseology during the development of new research paradigms] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Voprosy obrazovanija. Jazyki i special'nost', № 3 Moscow, Izdatel'stvo RUDN, P. 49-53.
10. Černikova S.N. (2016) *Nacional'naja specifiķa frazeologičeskoj kartiny mira (na materiale naimenovanij komponentov prorodnogo landšafta v russkom i anglijskom jazykach)* [National specifics of the phraseological picture of the world (based on the names of components of the native landscape in Russian and English languages)] // dissertacija, Voronež Gosudarstvennij Universitet, 223 p.
11. Benigni V., Ramusino P.C., Mollica F., Schafroth E. (2015) *How to apply CxG to Phraseology: a multilingual research project* // Journal of social sciences, Science publications, Volume 11, Issue 3, P. 275-288
12. Cheng W. (2011). *Exploring corpus linguistics: Language in action* // Series: Routledge, New York, 288 p.

УДК 811.112.2

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ПРЕДМЕТ ОДЕЖДЫ» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Мельникова Юлия Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / melnikova@bsu.edu.ru

Чурова Анастасия Александровна

студентка кафедры немецкого и французского
языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / livenskaya.n@yandex.ru

Аннотация

Вопрос изучения самобытности национальной культуры с помощью проведения языкового анализа лексических единиц является в последние годы одним из основных в работах как русских, так и зарубежных филологов. Неразрывная связь культуры и языка выступает предметом изучения многих гуманитарных дисциплин: лингвострановедение, лингвокультурология, когнитивная лингвистика. В статье **рассматривается** понятие «национальная картина мира» и **проводится** комплексный анализ одной из языковых единиц с компонентом «предмет одежды», как культуроносного пласта лексики, поскольку одежда на протяжении всей истории человечества играла важную роль, а любые изменения жизни общества накладывали свой отпечаток на предметы одежды. **Выдвигается** рабочая гипотеза о том, что язык является индикатором историко-культурных изменений жизни общества. **Намечаются** перспективы дальнейшего исследования лексики сферы «Одежда» с целью выявления ее национальной, культурной и языковой специфики.

Ключевые слова: национальная картина мира, взаимосвязь культуры и языка, лингвокультурология, языковой анализ, предмет одежды, фразеологизм.

LINGUOCULTUROLOGICAL CHARACTERISTICS OF LEXICAL UNITS WITH THE COMPONENT «ITEM OF CLOTHING» IN MODERN GERMAN

Melnikova, Yulia Nikolaevna

Candidate of Sciences in Philology,
Associate Professor of the German and French languages
department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / melnikova@bsu.edu.ru

Churova, Anastasia Aleksandrovna

student of the German and French languages
department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / livenskaya.n@yandex.ru

Abstract

The issue of studying the identity of national culture by conducting a language analysis of lexical units has been one of the main issues in the works of Russian and foreign philologists in recent years. The inseparable relation between culture and language is the subject of study in many humanities: linguistic and cultural studies, cultural linguistics, and cognitive linguistics. The article discusses the concept of “national picture of the world” and provides a comprehensive analysis of one of the language units with the component of clothing as a cultural layer of vocabulary, because clothing has played an important role throughout the history of mankind, and any changes in the life of society have left their mark on the items of clothing. A working hypothesis is put forward that language is an indicator of historical and cultural changes in the life of society. The prospects for further research of the vocabulary “Clothing” are established with the purpose of finding its national, cultural and linguistic specifics.

Key words: national picture of the world, relation between culture and language, cultural linguistics, language analysis, item of clothing, phraseological unit.

Человек мыслит и воспринимает окружающий его мир с помощью языка, соответственно пережитое человеком не может не отражаться напрямую в языке. Это позволяет говорить о неразрывной связи языка и культуры.

Проблема соотношения культуры, сознания и языка является на сегодняшний день предметом исследования таких междисциплинарных наук, как лингвострановедение, лингвокультурология, этнолингвистика, психоллингвистика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация. Данные науки оперируют понятием «Национальная языковая картина мира». По словам Е.М. Шурыгиной, «национальная языковая картина мира представляет собой процесс и результат отражения в языке исторического, культурного, социального, языкового опыта определенного национально-лингвокультурного сообщества» [Шурыгина 2014: 184]. Вопрос взаимосвязи культуры и языка исследовали не только зарубежные ученые, таких как И.Д. Михаэлис, И.Г. Гердер, Л. Вайсгербер, Э. Сепир, Б. Л. Уорф, но и известные русские лингвисты, а именно, Д.Г. Мальцева, В.А. Маслова, Е.М. Верещагин, С.Г. Тер-Минасова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.

Предметом исследования данной статьи являются лингвокультурологические особенности становления и развития лексики сферы одежды в современном немецком языке. В качестве примера возьмем лексическую единицу **das Hemd**.

Толковый словарь Дуден дает следующее определение слову «рубашка»: *das Hemd* – von männlichen Personen als Oberbekleidung getragenes, den Oberkörper bedeckendes Kleidungsstück aus leichtem Stoff, das mit Ärmeln und einem Kragen versehen ist und vorne meist durchgeknöpft wird / одежда, покрывающая верхнюю часть тела мужчин, сделанная из легкого материала, имеющая рукава и воротник, чаще всего застегивающаяся спереди [Duden]. Стилистический словарь Дуден (Duden. Das Stilwörterbuch) выделяет несколько значений: а) *das Oberhemd* – рубашка, часть мужского гардероба (см. выше) и б) *das Unterhemd* – рубаха, домашняя одежда, нижнее белье [Duden 2001: 408].

Согласно Словарю Клуге, слово произошло от древневерхненемецкого *hemidi* – *Hemd*. Позднее в западно-немецком было образовано *hamón* „Hülle, Kleidung, Leib“ – оболочка, одежда, кожа. Затем значение слова варьировалось от *hama* «одежда», *hama*, *homa* «облачение», «кольчуга». Возможно, что *hamo* обозначало длинный предмет одежды, а *himidi* – более укороченный вариант нательной одежды [Kluge 1934: 726].

Изначально, основным и единственным предметом одежды в древние века у германцев, не зависимо от пола, было нательное платье из хлопчатобумажной ткани. У женщин длина его достигала щиколоток, у мужчин длина была в среднем до колен. Долгое время **Hemd** была одеждой для всех сословий, причем ее надевали как для выхода на улицу (в качестве верхней одежды), так и при нахождении дома. Лишь только позднее (X – XII в.) длинная рубаха свободного кроя становится нижней одеждой, поверх которой надевалась другая длинная верхняя одежда. Позднее слово **Hemd** стало обозначать широкую укороченную мужскую одежду, причем у женщин нательная рубаха постепенно разделась, и верхняя ее часть стала называться непосредственно **Hemd** (а позднее *Bluse*), а нижняя часть *Rock* – юбка. Сегодня же блузки мужского кроя называются *die Hemdbluse* [Глушецкая, Дзенс 2015: 84].

Помимо этого, существуют различные виды рубашек: *das Netzhemd* (сетчатая рубашка); *das Unterhemd* (майка); *das Nachthemd* (ночная рубашка); *das Oberhemd* (рубашка); *das Sporthemd* (спортивная рубашка, майка).

С существительным *das Hemd* часто употребляются следующие прилагательные: *ein leinenes* (льняная), *seidenes* (шелковая), *weißes* (белая), *gestreiftes* (полосатая), *bügel freies* (немнущаяся), *kurzärmeliges* (с короткими рукавами), *tailliertes* (приталенная), *frisches* (свежая), *sauberes* (чистая), *schmutziges* (грязная) *Hemd*.

Существительное *das Hemd* сочетается со следующими глаголами: *ein Hemd anziehen* (надеть), *überstreifen* (надеть, «натянуть»), *tragen* (носить), *aufknöpfen* (расстегнуть), *ausziehen* (снять), *wechseln* (поменять), *über der Hose tragen* (носить поверх

брюк, навывпуск), *in die Hose stopfen* (заправить в брюки), *waschen* (стирать), *bügeln* (гладить), *ausbessern* (латать, чинить, штопать) [Duden, 2001: 408].

Фразеологический состав немецкого языка различает большое множество устойчивых словосочетаний и выражений на основе лексической единицы *das Hemd*:

- Выражение *das Hemd ist / liegt mir näher als der Rock* (*der eigene Vorteil ist mir wichtiger als der eines anderen*) имеет аналогичное по своему значению в русском языке: «своя рубашка ближе к телу», которое означает то, что для кого-то свои собственные интересы стоят на первом месте. Возникновение этого выражение объясняется тем, что раньше слово *Rock* обозначало верхнюю одежду, которая надевалась на рубашку, она же, соответственно носилась на голое тело, то есть была ближе к нему: в быту одежда древних германцев – как мужчин, так и женщин – первоначально состояла из длинной нательной рубахи с рукавами или без рукавов, у мужчин – до колен, у женщин – до щиколотки (разные фасоны рубах обозначались по-разному: *rock* – прямая простая рубаха, *hemd* – со сборками, складками, а позднее – и вышивкой), со временем *hemd* становится нижней одеждой (рубахой), а *rock* – одеждой «второго ряда», которая шьется из плотной или вязаной ткани, а у воинов является кожаным (позднее – кольчужным) панцирем [Дзенс, Мельникова, 2015: 136]. Позже с появлением костюма-тройки в немецкий язык входит синонимичное выражение *das Hemd ist einem näher als die Weste*.

- Значение нательной рубахи отражено также в выражении *im bloßen Hemd* – в одной рубашке.

- Выражение *das letzte (sein letzte) Hemd hergeben / verschenken* (*alles für jemanden zu tun bereit sein; bereit sein, sich für jemanden aufzuopfern*) значит, что мы на благо и ради другого человека готовы пожертвовать собой и своими интересами. Возникло это выражение с того давнего времени, когда слово *das Hemd* обозначало простую нательную рубаху и это было единственным предметом одежды германцев в то время. Эта удлиненная рубаха была и верхней одеждой, и одеждой, в которой находились дома, одновременно. Соответственно, она была единственным и самым важным предметом одежды в то время, а значит отдать ее человек мог только в крайнем случае, когда жертвовать было больше нечем.

- Выражение *alles bis aufs Hemd verlieren* (*alles, was man noch besitzt, verlieren*) означает потерять все (имущество и т. п.); тесно связано по смыслу с выражением, приведенным выше. Так как рубашка долгое время составляла основу гардероба германцев, потерять ее означало в прямом смысле этого слова лишиться всего. Существует синонимичные этому выражения: *das (letzte) Hemd vom Leibe verkaufen* (продать всё до последней рубашки), *kein Hemd auf dem Leibe haben* (гол как сокол), *kein ganzes Hemd mehr am (auf dem) Leib haben* (совсем обеднеть, опуститься).

- Выражение *jemandem das Hemd über den Kopf ziehen / jemanden bis aufs Hemd ausziehen / plündern* означает «снять с кого-либо последнюю рубашку, обобрать кого-либо до нитки». Это устойчивое выражение напрямую связано с историческим развитием значения слова *das Hemd* и еще раз подчеркивает то, что рубашка носилась на голое тело и была последним, что можно было забрать у человека.

- оборот *sich das Hemd ausziehen lassen* означает «позволить себя использовать». Дословный перевод выражения «позволить снять с себя рубашку» означает то, что мы позволяем человеку использовать нас, злоупотреблять нашей помощью, забрать все, до последнего.

- Устойчивое выражение *das zieht einem (ja) das Hemd aus!* – это невозможно! / это выводит из себя.

- Выражение *bis aufs Hemd durchnässt / nass sein / werden* – промокнуть до нитки – также использует лексику *das Hemd* в первоначальном значении «нижняя одежда, белье».

Разговорное, иногда фамильярное выражение *sich ins Hemd / Hemdchen machen* обозначает 1. *Angst haben* (испугаться, ср.: наделать в штаны): „Mach dir nicht ins Hemd! Die Sache ist ein kleiner Eingriff und für die Chirurgen im KKH kein Problem!“ 2. *sich wegen*

einer Kleinigkeit aufregen (волноваться по мелочам): „Ich verstehe nicht, warum er sich deswegen so ins Hemd macht! Das war doch nur ein ganz kleiner Kratzer am Auto“. Встречается устаревший вариант, зафиксированный в 1910 году *sich einen Fleck ins Hemd machen*. Данное выражение отражает древний образ рубашки, подчеркивающий ее большую длину. В словаре Дуден выражение *Mach dir nicht ins Hemd!* трактуется как *Stell dich nicht so an!* (Не хвастай! Не задавайся!) [Duden, 2001: 408].

- Пословица *das letzte Hemd hat keine Taschen* говорит о том, что мы не можем забрать все земные блага и накопленное годами богатство с собой после смерти. Бессмысленно всю жизнь «над золотом чахнуть», ведь на том свете это не будет иметь никакого значения. В данном выражении имеется в виду последнее облачение человека.

- Следующее устойчивое выражение *die Meinung / Gesinnung wechseln wie das Hemd* (*die Meinung je nach Situation ändern; gesinnungslos / opportunistisch sein*) означает менять свое мнение в зависимости от ситуации. Смена новой рубашки – это процесс, который происходит регулярно и довольно часто. Позднее он стал олицетворять легкомыслие и непостоянство в своих суждениях и взглядах. Похожее значение несет в себе наша пословица «менять что-либо как перчатки».

- Фамильярное выражение *jemandem (eine Delle) ins Hemd treten* выражение угрозы. Ср. русск. «наступить кому-либо на горло»: *Sei bloß still, sonst trete ich dir ins Hemd! / Wenn ich ihn erwische, trete ich ihm ins Hemd, ein Schlag, und du stehst im Hemd (da)!*

- Ряд выражений содержит лексему *das Hemd*, которая метафорически обозначает человека. Пренебрежительное, фамильярное выражение *ein halbes Hemd* имеет два значения: а) сопляк, выскочка, хвастун: *Dieses halbe Hemd will uns noch ins Werk hineinpfuschen!* б) *ein schwächlicher Mann* – коротышка: *Dieses halbe Hemd kann nicht einmal bis an die Klingel reichen*. Выражение *ein müdes Hemd* можно перевести как доходяга: *Wie kann dieses müde Hemd den Wetlauf gewinnen?* Аналогично оборот *ein nervöses Hemd* обозначает нервного человека, «клубок нервов»: *Nicht einmal stillstehen kann das nervöse Hemd!*

Таким образом, можно сделать вывод, что лексические единицы, обозначающими предметы одежды, относятся к базовой лексике, которая, с одной стороны, характеризуются древним возрастом, восходит к германской эпохе, с другой стороны, устойчивостью в силу важности обозначаемых предметов. Однако лексические единицы, обозначающие предметы одежды, в историческом процессе меняют значение под влиянием культуры носителей языка. Так, в частности существительное *das Hemd* употреблено в большинстве случаев в первоначальном значении «рубаха», «нательное, нижнее белье».

Так, исторические изменения общества и условий жизни человека находят свое отражение в языке. Это еще раз подтверждает, что язык – это не просто слова, которые мы, подобно ярлыкам, присваиваем определенным предметам окружающей нас действительности, это то, что несет в себе отпечатки культуры говорящего на нем народа.

Литература

1. Глушецкая С.М., Дзенс, Н.И. Диахроническая полисемия номинаций концептосферы «Мода». – Saarbrücken: LAP Lambert, 2015. – 225 с.
2. Дзенс Н.И., Мельникова Ю.Н. Введение в германскую филологию. История немецкого языка: Учебное пособие. – Белгород: Политерра, 2015. – 343 с.
3. Шурьгина Е.Н. Понятие «картина мира» в лингвокультурологическом освещении. – Ярославль: Ярославский педагогический вестник, 2014. – № 3. – Том I (Гуманитарные науки) – С. 184 – 187.
4. Duden. Band 2. Das Stilwörterbuch. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2001. 979.
5. Duden. Das Bedeutungswörterbuch: Bibliographisches Institut GmbH, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de>
6. Kluge, Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin, Leipzig: de Gruyter, 1934. – 740 S.

References

1. Glusheckaya, S.M., Dzens, N.I. (2015) *Diachronicheskaya polisemiya nominacij konceptosfery «Moda»* [Diachronic polysemy of the concept sphere “Fashion” nominations]. Saarbrücken, LAP Lambert, 225.

2. Dzents, N.I., Mel'nikova, YU.N. (2015) *Vvedenie v germanskuyu filologiyu. Istoriya nemeckogo yazyka: Uchebnoe posobie* [Introduction to Germanic Philology. History of the German language: textbook]. Belgorod, Politerra, 343.
3. Shurygina, E.N. (2014) *Ponyatie "kartina mira" v lingvokul'turologicheskom osveshchenii* [The Concept of "picture of the world" in linguoculturological coverage]. Yaroslavl', Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 184-187.
4. Duden. Band 2. (2001) *Das Stilwörterbuch* [The Style Dictionary]. Mannheim, Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 979.
5. Duden. (2020) *Das Bedeutungswörterbuch* [The Dictionary Of Meaning]. [Electronic resource]. available at: <https://www.duden.de>
6. Kluge, Fr. (1934) *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache* [Etymological dictionary of the German language]. Berlin, Leipzig: de Gruyter, 740.

УДК 811.112.2

FUNKTIONALES SEMANTISCHES FELD DER EVIDENTIALITÄTSMARKER IM MODERNEN DEUTSCH

Мельникова, Юлия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / awdejewa@mail.ru

Балабаева, Юлия Евгеньевна

ассистент кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / balabaeva@bsu.edu.ru

Zusammenfassung

Im Artikel werden der Versuch einer Definition der Evidentialität als lexikalische semantische Kategorie und ein kurzer Übersicht sprachlicher Ausdrücke gegeben, die als Evidentialitätsmarker im Deutschen angesehen werden können. Außerdem wird die Feldstruktur der Ausdrucksmittel dieser funktional-semantischen Kategorie skizziert, wobei zwischen Mikrofeldern der direkten und indirekten Evidenz unterschieden wird.

Schlüsselwörter: die Evidentialität, grammatische (morphologische) Kategorie der Evidentialität, direkte und indirekte Evidentialität, funktionales semantisches Feld.

FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF EVIDENTIAL MARKERS IN MODERN GERMAN

Melnikova, Yulia Nikolayevna

Ph. D. in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / awdejewa@mail.ru

Balabaeva, Yulia Evgenievna

Assistant Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / balabaeva@bsu.edu.ru

Abstract

The article is devoted to the definition of the evidentiality as a semantic category as well as to the mark of the field structure of means of expression of this functional-semantic category, with dividing into micro fields of direct and indirect evidentiality.

Key words: evidentiality, grammatical (morphological) category of evidentiality, direct and indirect evidentiality, functional-semantic field.

Der Informationsaustausch in der Gesellschaft ist eine der wichtigsten Funktionen der Sprache. Wenn der Sprecher diese oder jene Informationen gibt, kann er die Quelle seines Empfangs angeben. Zu diesem Zweck haben viele Sprachen spezielle Ausdrucksmittel: grammatikalisch, lexikalisch, syntaktisch. Die Analyse dieser Forschung in verschiedenen Sprachen lässt den Schluss zu, dass die Sprache in gewisser Weise die vom Sprecher empfangenen Informationsquellen widerspiegelt und klassifiziert.

Die Kategorie der Evidentialität ist ein viel diskutiertes und selten klar definiertes Phänomen der modernen Linguistik. Sie existiert in vielen Sprachfamilien auf allen Kontinenten, wobei jedoch die unklare Art der einzelnen Definitionen sprachübergreifende Vergleiche oftmals erschwert. Aus diesem Grunde – und aus dem simplen Wunsch nach einer klaren Definition, mit welcher gearbeitet werden kann, heraus – ist eine ebensolche Definition erstrebenswert, wird in der Literatur jedoch nie oder nur vage gegeben.

Die Kategorie der Evidentialität wird nicht in allen Sprachen unterschieden und ist nicht immer unabhängig und gekennzeichnet. Es hat einen unterschiedlichen Status und unterschiedliche Interpretationen, abhängig vom System der Mittel, um konkrete Beweiswerte auszudrücken.

Die wichtigsten Schwerpunkte der Theorie der Evidentialität wurden in den letzten Jahrzehnten des 20. Jahrhunderts gebildet. Der Bildung dieser Theorie sind zahlreiche theoretische Forschungen hinsichtlich der Mittel zur Darstellung der indirekten Sprache (in anderen Ausdrücken interpretiert: Beweise, Nacherzählungen, Beweise / Nicht-Offensichtlichkeit, Inaktivität) in europäischen Sprachen und dem System der grammatikalischen Mittel zum Ausdruck direkter / indirekter Beweise – vorausgegangen [8: 94-95; 3: 180-182].

Erstmalig wird die Kategorie der Evidentialität als grammatisches Phänomen wohl von Boas erwähnt. Dieser findet in einigen nordamerikanischen Sprachen, Morpheme, welche keiner englischsprachigen Bedeutung entsprechen. Diese markieren, so Boas, Hörensagen, direkte Evidenz oder einen Traum als Wissensquelle. Jakobson nimmt Evidenz als Kategorie in seiner Theorie der „Shifters“ auf, und sah diese als Mittel zur Beschreibung der Interaktion von Ereignissen, deren Bedeutung ohne Kontext nicht definierbar ist [5: 201-377; 7: 95-113; 8: 94].

Eine saubere begriffliche Trennung der beiden semantischen Bereiche, die auch von anderen Wissenschaftlern postuliert wird, ist umso wichtiger, als evidentielle Bedeutungen in den meisten indoeuropäischen Sprachen (auch im Deutschen) typischerweise durch sprachliche Mittel ausgedrückt werden, die auch epistemische Modalität [6: 84,98; 1: 7].

Aus diesem Grund wurde die Evidentialität von vielen – insbesondere älteren – Autoren als ein Teilbereich der Modalität angesehen (oder man bezog den Terminus „Evidentialität“ sowohl auf die Markierung der Quelle einer Information als auch auf die Bewertung ihrer Faktizität [11: 51-97; 3: 190-192].

Gegenstand dieser Forschung ist die Kategorie der Evidentialität im modernen Deutsch, das eine Reihe grammatikalisierter (aber nicht morphologischer, sondern morphologischer und syntaktischer) Ausdrucksmittel besitzt, die eine Feldstruktur haben und das dominierende funktional-semantische Feld der Evidentialität darstellen. Dieses wird in zwei Sektoren geteilt: direkte Evidentialität (Ich-Evidenz) und indirekte Evidentialität (Er-Evidenz).

So kann zum einen zwischen direkter und indirekter Evidentialität unterschieden werden. Von direkter Evidentialität wird gesprochen, wenn die Evidenz für eine Aussage vom Sprecher selbst erlebt oder wahrgenommen wird. Evidenz wird also über die Sinne des Sprechers gewonnen (Sehen, Hören, etc.). Indirekte Evidentialität liegt dann vor, wenn die Evidenz inferentieller Art (Schlussfolgerung) oder quotativer Natur (Hörensagen) ist [6].

Der Kern beider Sektoren besteht aus metarepräsentativen Satzgefügen, einschließlich eines "Evidenzrahmen" in Form eines Hauptsatzes, eines erklärbaren Informationsträgers und eines "Kanals" zum Empfangen von Informationen (durch Perzeptionsverben: *meinen, glauben, behaupten, annehmen, andeuten, sagen, betonen, schreiben, feststellen, kritisieren* oder verbal noun verbal activities: *die Meinung, die Behauptung, die Annahme, die Vorstellung, die Bemerkung, das Argument* und viele andere) und den Nebensatz, der die Referenzinformationen enthält, in dem der Konjunktiv I als Marker der Obliquität verwendet wird, wobei er die neutrale, „entfernte“ (nicht bewertende) Haltung des untersuchten Subjekts zu den referierenden Informationen markiert [3].

Im modernen Deutsch kann der Konjunktiv I mit dem Indikativ abwechseln um Objektivität, Universalität des referierenden Standpunkts oder das Einverständnis des Betreffenden mit dem entsprechenden Standpunkt (Meinung, Aussage, Nachricht zu einem bestimmten Ereignis usw.) auszudrücken. Der Konjunktiv I ist in der schriftlichen Sprache in der evidentialen Funktion weit verbreitet, um die Worte und Meinungen anderer Menschen neutral zu übertragen [4].

Die nächste Peripherie vom semantisch-lexikalischen Feld besteht aus Konstruktionen *accusativus cum infinitivo* mit einem expliziten Subjekt (Ich-Evidenz, Er-Evidenz), *scheinen* +

zu + *Infinitiv I / II* (*Es scheint... zu sein*) mit einem impliziten Informationsträger (Ich-Evidenz) und *sollen* + *Infinitiv I / II* auch mit einem impliziten Informer-Form (Er-Evidenz), bei dem der Schwerpunkt der Erzählung auf Informationen liegt und die Autorisierung die Rolle eines Hintergrunds spielt, sondern die Informationen "unseres" und "eines anderen" deutlich abgrenzt.

Die mittlere (Zwischen-) Zone, die die Auferlegung modaler Bedeutungen auf den Wert von Evidentialität offenbart, besteht aus den Satzgefügen, in denen der Hauptsatz von verbalen Substantiven mit der Semantik verbal-kognitiver Tätigkeit eingefügt wird und von modalen Bedeutung subjektiver Bewertung begleitet werden kann. Bei der Gebrauch der Konstruktion *wollen* + *Infinitiv I/II* äußert sich der Sprecher/der Verfasser Zweifel an der referenzierten Information des ganzen Satzes. Sie bringt die Nichtübereinstimmung des referierenden Subjekts mit den referierten Informationen zum Ausdruck [9].

Es wird also deutlich, dass Evidentialität im Deutschen (auch) auf Basis eigentlich epistemisch modalen Verben ausgedrückt werden kann. Hierbei bedeutet alterniert, dass diese Verben eine zusätzliche Bedeutungsebene erhalten [9].

Die ferne Peripherie besteht aus Konstruktionen mit einer ausgeprägteren Bedeutung der Modalität: *werden* + *Infinitiv I/II* (Ich-Evidenz + Vermutung), *sein* + *zu* + *Infinitiv I* (Ich-Evidenz, seltener Er-Evidenz + Verpflichtung Möglichkeit), *haben* + *zu* + *Infinitiv I* (Ich-Evidenz либо Er-Evidenz + Verpflichtung), sowie verschiedene parenterale Mittel (*seiner Meinung nach, wie X betont/meint/schreibt, so X, nach X, nach der Vorstellung von X* u.a. = Er-Evidenz) oder Modalpartikel und Adverbien (*evident, offensichtlich, gewiss, wohl, wahrscheinlich, vielleicht, zweifellos, anscheinend, folglich* u.a. = Ich-Evidenz) [3].

Wie dargestellt, verfügt die deutsche Sprache über mehrere Ausdrucksmittel von die Kategorie der Evidentialität mit Feldstruktur. Gleichzeitig offenbart die Zusammensetzung der Darstellungsmittel von Ich-Evidenz und Er-Evidenz sowohl Ähnlichkeitsmerkmale als auch recht offensichtliche Unterscheidungsmerkmale, die den Forscher mit dem Problem einer gründlicheren Analyse der Struktur von Mikrofeldfeldern Ich-Evidenz und Er-Evidenz konfrontieren, um die Bestandteile der Kern- und Randzonen zu vergleichen in beiden Mikrofeldern.

Evidentialität kann im Deutschen wie demonstriert durch grammatische, unter anderem Modal- und Perzeptionsverben, und lexikalische Mittel, etwa Adverbien markiert werden. Dennoch herrscht in der Literatur eine weitgehende terminologische Verwirrung aufgrund einer Konfusion der Begrifflichkeiten von epistemischer Modalität, Evidentialität und anderen angrenzenden Feldern, etwa der Mirativität [3,4, 9, 10].

Die Grenzen von Evidentialität und anderen Kategorien überschneiden sich, etwa der epistemischen Modalität und der Mirativität, zu einem gewissen Ausmaß. Ebendiese Überschneidung macht eine Definition von Evidentialität kompliziert – so kompliziert, dass seit Beginn der Diskussionen um eine solche Definition keine klare Antwort gefunden werden konnte.

Die Kategorie der Evidentialität war und ist ein wesentlicher Bestandteil der kognitiven und kommunikativen Tätigkeit der Gesellschaft. Diese Kategorie ist kein neuer Trend in der Sprache. Mit einer Veränderung des sprachkulturellen Bildes der Welt und der Art und Weise des Informationsaustauschs ändert sich nur der Art und Weise ihres Ausdrucks.

Eine wichtige Rolle scheint ferner die Semantik von reedeinleitenden (nicht unbedingt syntaktisch übergeordneten) Verben zu spielen. Dieser und wahrscheinlich noch andere Faktoren müssen späteren Untersuchungen vorbehalten bleiben.

References

1. Aikhenvald A. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press 2004.
2. Balabaeva Ju.E. *Sredstva vyrazhenija kategorii jevidencial'nosti v nemeckom nauchnom tekste (k probleme issledovanija)* [The means of expressions of the category of the evidentiality in the german scientific literature (some introductory facts on the problem of research)] // Vestnik of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Science Magazine. Philology Series 4 (18). – St.-P.: LSU them. A.S. Pushkin, 2008. – Pp. 20-36.
3. Balabaeva Ju. E., Dzens N.I. *Status metareprezentivnyh modelej v sostave funkcional'no-semanticheskogo polja jevidencial'nosti v nemeckom jazyke (v aspekte mezhkul'turno-divergentnogo razvitija indoevropskikh jazykov)* [The status of metarepresentative constructions in the fucional-semantical field of evidentiality in German (in the

aspect of intercultural-divergent evolution of Indo-European languages) // Vestnik of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Science Magazine. Philology Series 1. – St.- P.: LSU them. A.S. Pushkin, 2009. – Pp. 180 – 198.

4. Balabaeva Ju. E., Profatilova S.M. *Nemeckij konjunktiv kak grammatikalizovannyj marker jevidencial'nosti (na materiale nauchnogo teksta)* [The present forms of conjunctive as grammaticalizing markers of the category of evidentiality (in the German scientific literature)] // Lexicography and Communication – 2015: Proceedings of the I Intern. scientific conf. (Belgorod, April 23-24 2015) / edited by prof. A.P. Sedykh – Belgorod: PH «Belgorod» NRU «BSU», 2015. – Pp. 117-121.

5. Boas F.K. Grammar, with glossary of suffixes // Transactions of the American Philosophical Society 37, 1947. – Pp. 201 – 377.

6. De Haan F. Evidentiality and Epistemic Modality: Setting Boundaries. Southwest Journal of Linguistics, 1999, № 18. – Pp. 83-101.

7. Jakobson R.O. Shifters, Verbal categories and The Russians verb // Prinzipty tipologicheskogo analiza jazykovogo stroja. – M.: Nauka, 1972. – Pp. 95-113.

8. Kozintseva N.A. *Kategorija jevidencial'nosti (problema tipologicheskogo analiza)* [The category of evidentiality (a problem of typological analysis)] // Voprosy jazykoznanija. 1994, №3. – M.: Nauka. – Pp. 94 – 104.

9. Melnikova Ju. N., Balabaeva Ju.E. *Jevidencial'naja funkcija modal'nyh glagolov v sovremennom nemeckom jazyke (na materiale nauchnogo teksta)* [The evidential function of modal verbs in modern German (in the scientific text)] // Sprachtheorie und interkulturelle Kommunikation №1(32). Kursk. – 2019. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=37266398> (date of the application 17.04.2020).

9. Schmitz D. Evidence in German: Delimitation and problems. Cologne. Unpublished, 2016 URL: <http://adomox.com/papers.htm> (date of the application 26.04.2017).

10. Willet Th. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality. – Studies in Language 1988 №12. – Pp. 51–97.

УДК 81'373.45

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ В ТЕРМИНОЛОГИИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Милуд Мохамед Рашид

Доктор филологических наук, доцент кафедры турецкого
и русского языков, преподаватель русского языка как иностранного.
Университет Алжир 2 им. Абу Эль касем Саад Аллах, г. Алжир, Алжир.

E-mail: medrachid.miloud@univ-alger2.dz

ORCID ID: 0000-0003-0334-5859

Аннотация

Статья посвящена изучению языковых контактов в терминологии нефтегазовой промышленности. В работе рассматриваются результаты взаимодействия разных языков в области нефтегазовой промышленности. Довольно детально описаны и изучены основные типы заимствования иноязычных терминов нефтегазовой промышленности. Проанализированы процессы калькирования и полукалькирования нефтегазовых терминов в русском языке и доказано, что они создавались по мере возникновения новых понятий, нового оборудования и овладения новыми научно-технологическими процессами. Статья подтверждает мнение о том, что иноязычная лексика проникает во все сферы жизни современного российского общества. В результате анализа автор доказывает, что заимствование иноязычных терминов является самым важным источником пополнения словарного запаса русской терминологии нефтегазовой промышленности. На основе проведённого исследования можно утверждать, что заимствование новых терминов из английского языка является основным путём обогащения нефтегазовой терминологии современного русского языка.

Ключевые слова: термин, терминология, нефтегазовая промышленность, заимствование, калькирование, полукалькирование, варваризмы, экзотизмы.

ON THE QUESTION OF LANGUAGE CONTACTS IN TERMINOLOGY OF OIL AND GAS INDUSTRY

Miloud Mohamed Rachid

Doctor of Philology, Associate Professor of Turkish and Russian
Languages Department, Teacher of Russian as Foreign Language.
Algiers University 2 named after Abu Elkassem Saad Allah, Algiers, Algeria.

E-mail: medrachid.miloud@univ-alger2.dz

ORCID ID: 0000-0003-0334-5859

Abstract

The paper is devoted to the study of language contacts in the terminology of oil and gas industry. The article deals with the results of interaction of different languages in the field of oil and gas industry. The main types of borrowing of foreign terms of oil and gas industry are described and studied in sufficient detail. The processes of calquing and

semi-calquing of oil and gas terms in the Russian language are analyzed and it is proved that they were created as new concepts; new equipment and mastering new scientific and technological processes appeared. The paper confirms the opinion that foreign language vocabulary penetrates into all spheres of life of modern Russian society. As a result of the analysis, the author proves that the borrowing of foreign terms is the most important source of vocabulary replenishment of the Russian terminology of oil and gas industry. On the basis of the conducted research, it can be argued that the borrowing of new terms from the English language is the main way of enriching the oil and gas terminology of the modern Russian language.

Keywords: term, terminology, oil and gas industry, borrowing, calquing, semi-calquing, barbarisms, exoticisms.

Не вызывает сомнения тот факт, что одним из важнейших факторов развития и исторического изменения лексической системы любого языка является заимствование, которое считается одним из основных источников пополнения словарного запаса всех языков. В результате данного процесса появляются, используются и закрепляются иностранные слова.

Иначе говоря, «одним из важнейших результатов взаимодействия языков является заимствование, т.е. единицы, заимствованные русским языком из иностранных языков. Заимствованные слова, в общем — это слова, перенесённые одним языком в другой в результате языковых контактов» [Милуд, 2018: 175].

Мы не можем обойти вниманием тот факт, что заимствованные слова способны отражать факты социально-экономических и научно-культурных контактов между языковыми коллективами. «Заимствования — обогащение словарного состава языка за счёт словаря других языков — обычное следствие взаимодействия разных народов и наций на почве политических, торговых, экономических отношений» [Реформатский, 1996: 249].

Н.С. Валгина утверждает, что «в конце века были созданы благоприятные условия для международных контактов; российское общество стало более открытым и предрасположенным к таким контактам. В новых социальных и политических условиях активно проявились причины, приведшие к неизбежности заимствований» [Валгина, 2003: 108].

Аргументируя свою точку зрения, Н. С. Валгина считает, что «иноязычная лексика проникает во все сферы жизни современного российского общества, входит в повседневный быт, заменяет русские привычные слова, включает в себя наименования, обозначающие понятия, прежде считавшиеся принадлежностью чуждого нам буржуазного мира. Эти слова вошли в жизнь россиян вместе с понятиями, которые они обозначают. Теперь это и наша жизнь: *казино, крупье, мафиози, мафия, бомонд, наркомания; бизнес, коррупция, рэкет, холдинг, мориторинг; сэконд-хэнд, ноу-хау, пиар*» [Валгина, 2003: 113].

Приведём несколько примеров общеупотребительных заимствованных слов: из арабского языка: *الكحول* (алькоголь) → *алкоголь*, *التعريفة* (*таарифа*) → *тариф*, *حلى* (*халва*) → *халва*, из арабского диалекта стран Магриба путём французского: *الزهر* (*аззахр*) → *hasard* → *азарт*; из французского: *artiste* → *артист*, *billet* → *билет*, *genre* → *жанр*, *journal* → *журнал*, *crème* → *крем*, *mirage* → *мираж*, *hôtel* → *отель*, *paletot* → *пальто*, *séance* → *сеанс*, *sujet* → *сюжет*, *шанс* → *chance*, *étage* → *этаж*, *chaussée* → *шоссе*; из английского: *grant* → *грант*, *leader* → *лидер*, *slang* → *сленг*, *tram + way* → *трамвай*, *office* → *офис*, *image* → *имидж*, *folklore* → *фольклор*, путём французского: *waggon* → *wagon* → *вагон*; из латинского: *revolūtiō* → *революция*, *figura* → *фигура*, *annotatio* → *аннотация*, *intervallum* → *интервал*, *rector* → *ректор*, *factum* → *факт*, *цемент* → *caementum*, путём немецкого: *corpus* → *корпус* → *корпус*; из немецкого: *absatz* → *абзац*, *Backenbart* → *бакенбарды*, *Knopf* → *кнопка*, *marschroute* → *маршрут*, *maßstab* → *масштаб*, *Perückenmacher* → *парикмахер*, *stangenzirkel* → *штангенциркуль*; из польского путём итальянского: *poczta* → *posta* → *почта*; из итальянского: *passo porto* → *паспорт*, *firma* → *фирма*, *mafia* → *мафия*, *pararazzi* → *панарацци*; из испанского: *corrida* → *коррида*, *parada* → *парад* и т. д. [Электронный ресурс: Goldendict Gnu-Linux Убунту версия электронный словарь].

Выбор терминологии нефтегазовой промышленности в данной статье обусловлен тем, что нефтегазовая промышленность является одной из ведущих отраслей алжирской экономики. Крупнейшие энергетические компании мира инвестируют в этот сектор, в том числе и российские, которые стремятся активно расширять свою деятельность в Алжире в областях разведки, добычи и транспортировки нефти и газа. Эта деятельность воздействует не только на экономический рост Алжира, но и пробуждает интерес к изучению русского языка в процессе обмена опытом и информацией по нефтегазовой промышленности в рамках алжирско-российского сотрудничества [Милуд, 2015: 7].

Автором данной публикации был подготовлен один из самых редких русско-французских словарей терминов нефтегазовой промышленности. Словарь содержит наиболее употребительные термины-понятия в области нефтегазовой промышленности (18077 терминов). Приводимые примеры в настоящей работе были отобраны из данного русско-французского словаря терминов нефтегазовой промышленности [Милуд, 2014]. Выбор словаря обусловлен тем, что словарь доступен по свободной лицензии Creative Commons (CC BY-NC-SA 4.0).

Развитие и обновление нефтегазовой терминологии происходит одновременно с развитием научно-технической мысли, и, как следствие, появлением новых способов и технологических приёмов нефтегазовой промышленности. «Между началом XIX в. и серединой XX в. русский язык пополнился значительным числом заимствованных слов, преимущественно из западных языков. На первое место вышли прямые заимствования из английского языка, причем не всегда остро необходимые и оправданные. Например, в области химической технологии электролитов были заимствованы *ингибитор* "вещество, замедляющее протекание химических реакций" и *ингибция* из англ. inhibitor ср. to inhibit; в медицине *инжектировать* "впускать", в технике — *инжектор* (англ. to inject, injector) "устройство для впрыскивания вещества", ср. *инжекторный насос*» [Суперанская и др., 2012: 179]. Следует отметить, что вышеупомянутые термины являются нефтегазовыми терминами, например, *ингибитор коррозии*, *ингибитор окисления*, *цементационный инжектор*, *сопло инжектора*.

Накопленный нами опыт в области изучения терминологии нефтегазовой промышленности позволяет считать, что самым важным источником формирования русской терминологии с самых ранних этапов ее формирования являлось заимствование иноязычных терминов. Среди заимствованных терминологических номинаций разграничиваются собственно заимствования, варваризмы (иноязычные вкрапления) и экзотизмы. Варваризмы — это не ассимилированные иностранные слова или выражения, сохранившие все свойства языка-источника [Милуд, 2015: 42-43]. Приведём несколько примеров в терминологии нефтегазовой промышленности: *фонд (действующих скважин)* из французского *fonds*, *балансир (станка-качалки)* из французского *balancier*; *накер* из английского *racker*; *фитинг* из английского *fitting*; *кран* из немецкого *klappe*, *тарелка (колонны)* из немецкого *teller*, *кран* из немецкого *krahn*; *габбро* из итальянского *gabbro*, *фирма* из итальянского *firma*, *параклаз* из итальянского *paracrase*.

Экзотизмы представляют собой номинации, которые обозначают реалии, свойственные природе, жизни и культуре других народов [Милуд, 2015: 43]. Анализ нашего словаря показал наличие несколько терминов-экзотизмов, например, *нефедоллары (pétrodollars)* (от англ. dollar), *мастер (буровой)* (*contremaître de forage* от англ. master), *башмак (обсадной колонны)* (от тат. *basmaq*).

В русской нефтегазовой терминологии кальки и полукальки создавались по мере возникновения новых понятий, нового оборудования и овладения новыми технологическими процессами. Калькирование определяется в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой как «образование новых слов или введение в язык новых способов синтаксического построения путём заимствования лексико-семантических и лексико-синтаксических моделей другого языка или языков и заполнения их морфемами данного языка» [Ахманова, 1966: 183].

В специальной литературе по терминоведению подчёркивается, что при калькировании «заимствуется не материальная форма лексической единицы, а только её структура или значение, например, русское слово *водород* образовано по латинской модели *hydrogen*» [Гринёв-Гриневиц, 2008: 155].

Несмотря на тот факт, что некоторые исследователи считают, что «кальки — особый вид заимствований. Обычно это слова, формирующиеся по образцу структуры соответствующих иностранных слов, но не заимствующие их материальной основы» [Кодухов, 1987: 137]. Мы рассматриваем калькирование в данной статье как отдельный лексический приём. Например, *light oil* (англ.) → *светлый нефтепродукт (лёгкая нефть)*, *préservation* (франц.) → *предохранение*, *extreme pressure* (англ.) → *сверхвысокое давление*, *capillary migration* (англ.) → *капиллярная миграция*, *ultra-fast drilling* (англ.) → *сверхскоростное бурение*, *white oil* (англ.) → *белая нефть*, *saturation pressure* (англ.) → *давление насыщения*.

«Полукальками называются слова, состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова, которые по словообразовательной структуре так же точно соответствуют аналогичным словам языка-источника, из которого идёт заимствование» [Немченко, 2008: 576]. Например, *contre-écrou* (франц.) → *контргайка*, *antiépaississant* (франц.) → *антизагуститель*, *vibroforage* (франц.) → *вибробурение*, *télémesure* (франц.) → *телеизмерение*, *contrepoids* (франц.) → *контргруз*; *bivalent* (англ.) → *двухвалентный*, *telecontrol* (англ.) → *телеуправления*.

Анализ русской нефтегазовой терминологии, используемой в вышеупомянутом словаре показал, что большую часть иноязычных терминов нефтегазовой промышленности составляют заимствованные лексические единицы из английского языка. Например, *crystallisation* → *кристаллизация*; *infiltration* → *инфильтрация*, *preventer* → *превентер*, *collector* → *коллектор*, *piers* → *пирс*, *crown block* → *кронблок*, *scrubber* → *скруббер*, *mesh* → *меш*, *pillars* → *пиллерс*.

В этой связи, Н. С. Валгина указывает на то, что «иноязычное слово, чаще всего английское, в современном русском контексте — это одна из примет «языкового вкуса эпохи»» [Валгина, 2003: 108].

В. Н. Немченко отмечает, что «нередко из других языков заимствуются слова для обозначения тех или иных понятий, уже имеющих своё название в данном языке, например, *артист* (ср. употреблявшееся в то время слово *лицедей*), *дифференциация* (ср. *разграничение*), *импорт* (ср. *ввоз*), *компромисс* (ср. *соглашение*), *локомотив* (ср. *паровоз*), *лошадь* (ср. *конь*), *мораль* (ср. *нравственность*), *собака* (ср. *пёс*), *экспорт* (ср. *вывоз*), *аранжировать* (ср. *приспособлять*)» [Немченко, 2008: 573].

Кроме того, нами наблюдается тенденция к использованию заимствованных терминов вместо исконно русских терминов в области нефтегазовой промышленности, например, *инъекция* (франц. *injection*) вместо исконно русского термина *нагнетание*, *дренаж* (франц. *drainage*) вместо *водоотвод*; *инсталляция* (англ. *installation*) вместо *установка*, *дегидратация* (англ. *dehydration*) вместо *обезвоживание*. В некоторых случаях используется иноязычный термин вместо исконно русского описательного оборота: термин *инжиниринг* (англ. *engineering*) вместо *инженерно-консультационные услуги*.

Подводя итог проведённого исследования, можно заключить, что самым важным источником пополнения словарного запаса русского нефтегазового подязыка с самых ранних этапов его формирования являлось заимствование иноязычных терминов. Большую часть иноязычных терминов нефтегазовой промышленности составляют заимствованные лексические единицы из английского языка. По мере возникновения новых понятий, нового оборудования и овладения новыми технологическими процессами в результате научно-технического прогресса создавались кальки и полукальки в русской нефтегазовой терминологии. Данная статья была подготовлена с использованием свободного программного обеспечения с открытым исходным кодом.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966. — 598 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Логос, 2003. — 304 с.
3. Гринёв-Гриневи́ч С. В. Терминоведение: учеб. пособие. — М.: Академия, 2008. — 303 с.
4. Кодухов В. И. Введение в языкознание. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 1987. — 291 с.
5. Милуд М. Р. Русско-Французский словарь терминов нефтегазовой промышленности. — Париж.: Изд-во Publibook, 2014. — 784 с. URL: <https://www.publibook.com/dictionnaire-russe-francais-des-termes-du-petrole-et-du-gaz.html/> (время обращения – 26.07.2019).
6. Милуд М. Р. Полиаспектный лингвистический анализ рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника». Научный журнал «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». — 2018. — вып. 2 (38). — С. 173–180.
7. Милуд М. Р. Структурно-семантический анализ лексики нефтегазовой промышленности. — Саарбрюккен, Германия.: Издательство Lap Lambert Academic Publishing, 2015. — 141 с.
8. Немченко В. Н. Введение в языкознание. — М.: Дрофа, 2008. — 704 с.
9. Реформатский А. А. Введение в языковедение /Под ред. В. А. Виноградова. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 536 с.
10. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. Вопросы теории / Отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 6-е. — М.: Книжный дом «Либроком», 2012. — 248 с.

References

1. Ahmanova O. S. Dictionary of linguistic terms. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1966. 598.
2. Valgina N. S. Active processes in modern Russian: Textbook for University students. Moscow: Logos, 2003. 304.
3. Grin'ov-Grinevich S. V. Terminology: teaching manual. Moscow: Akademija, 2008. 303.
4. Koduhov V. I. Introduction to linguistics. Moscow: Prosveshhenie, 1987. 291.
5. Miloud M. R. Russian-French dictionary of oil and gas industry terms. Paris: Publibook, 2014. 784 P. URL: <https://www.publibook.com/dictionnaire-russe-francais-des-termes-du-petrole-et-du-gaz.html/> (Accessed – 26.07.2019).
6. Miloud M. R. Scientific Newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, Series «Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches». Issue 2 (21). 2018. Polyaspect linguistic analysis of Anton Chekhov's short story "The Death of a Government Clerk". 173–180.
7. Miloud M. R. Structural and semantic analysis of oil and gas industry vocabulary. Saarbrücken, Germany: Lap Lambert Academic Publishing, 2015. 141.
8. Nemchenko V. N. Introduction to linguistics. — Moscow: Drofa, 2008. 704.
9. Reformatskij A. A. Introduction to linguistics. Moscow: Aspekt Press, 1996. 536.
10. Superanskaja A. V., Podol'skaja N. V., Vasil'eva N. V. Common terminology. Theory questions. Moscow: Librokom, 2012. 248.

УДК 81'373.7

«PIEFKE» И «ÖSIS»: ЯЗЫК ОДИН – РАЗЛИЧИЯ НА ВСЕХ УРОВНЯХ

Нарьжная, Диана Сергеевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / 1079043@bsu.edu.ru

Аннотация

У каждого языка мира есть определенное количество диалектов, которые возникли в силу своего исторического развития. Немецкий язык не является исключением и каждый из его вариантов отличается от другого в соответствии с диалектной обстановкой в стране. В данной статье рассматривается австрийский вариант немецкого языка «österreichisches Deutsch» и его отличительные черты по отношению к официальному немецкому языку.

Ключевые слова: австрийский вариант немецкого языка, немецкий язык, вариант, лингвокультурология, язык, различия, лексико-семантический, фонетический, грамматический уровень.

«PIEFKE» AND «ÖSIS»: ONE LANGUAGE – DIFFERENCES ON ALL LEVELS

Naryzhnaya, Diana Sergeevna

Undergraduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / 1079043@bsu.edu.ru

Abstract

Each language of the world has a certain number of dialects that arose due to its historical development. The German language is not an exception and each of its variants differs from the other in accordance with the dialectal

situation in the country. This article presents the official Austrian version of the German language «österreichisches Deutsch» and its distinguishing features from the official German language.

Key words: Austrian version of the German language, German language, variant, linguoculturology, language, differences, lexical-semantic, phonetic, grammatical level.

Изучая языки лингвисты, как правило, обращают внимание на историю происхождения и развития языка. История каждого языка неразрывно связана с историей народа, его страны, развитием диалектов, наречий, финансовых, политических, социальных, географических и других факторов. В связи с этим, целесообразным является изучение языка и культуры народа в их синергетическом взаимодействии [Седых 2012].

Среди множества подходов целесообразно выделить, наиболее близкий к нашему исследованию, лингвокультурологический подход, изучающий взаимосвязь языка и культуры. Российский филолог В.В. Воробьев дает следующую дефиницию данному направлению исследований: «Лингвокультурология – закономерная ступень в области филологических и других гуманитарных наук – это научная дисциплина синтезирующего типа, пограничная между науками, изучающими культуру, и филологией (лингвистикой), а не аспект преподавания языка, как лингвострановедение» [Воробьев 2006: 32].

Единицей изучения лингвокультурологии выступает лингвокультурема «как комплексная межуровневая единица» [Воробьев 2006; 45]. По своему значению и составу лингвокультурема в значительной степени отличается от слова. Она состоит из знака, значения и самого содержания. Кроме того, стоит также отметить, что лингвокультурема способна отражать не просто содержание, но и национально-культурную специфику знака. В этом смысле мы разделяем мысль учёного о том, что: «Язык – это путеводитель, приобретающий все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры» [Воробьев 2006: 3].

Как известно, литературный язык – это вариант общенародного языка, понимаемый как образцовый. Он функционирует в письменной и устной форме [Маслов 1987: 18]. Литературный немецкий язык «Hochdeutsch» является официальным языком во всех немецкоговорящих странах. По всему миру около у 100 миллионов людей немецкий язык выступает родным языком, кроме того немецкий язык является одним из наиболее распространенных в Европейском Союзе. Официальным немецкий язык считается в Германии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейне, Люксембурге и Бельгии. Но, несмотря на это, немецкий язык, а именно его варианты, различаются в грамматике, произношении и словарном составе. Вариант языка – это территориальная разновидность одного и того же литературного языка. Варианты языка, в отличие от диалектов, являются письменными, литературными [Седых 2012].

Причиной возникновения вариантов официального литературного языка является разнообразие языковой ситуации в разных странах и государствах. Языковая ситуация – это взаимоотношение общего языка (официального языка, языка межнационального и мирового общения, письменного языка) и отдельного языка (местного, регионального, разговорного, родного) [Кодухов, 1987: 74]. Среди вариантов немецкого языка выделяют следующие: австрийский, швейцарский и бундесдойч [Жирмунский 1976: 35].

Изучая особенности австрийского варианта немецкого языка, стоит отметить, что Австрия – это та страна, в которой диалектам придается большое значение [Ebner 2008: 13]. Примерно у 8,7 миллионов австрийцев немецкий язык является первым или вторым языком. В повседневной жизни австрийцы говорят на диалектах или применяют австрийский вариант немецкого языка. Литературный немецкий язык употребляется в письменной официальной речи, его можно услышать по радио, телевизору, в церквях, на лекциях или уроках в школах. Но как бы там ни было, даже говоря на официальном немецком языке, австрийцы накладывают свой отпечаток, в первую очередь, на произношение.

Австрийский вариант немецкого языка, несмотря на свои различия, понятен для немцев. Выделим отличительные черты австрийского варианта от немецкого языка на фонетическом, лексическо-семантическом, грамматическом уровнях.

1. Лексическо-семантический уровень.

История становления и развития Австрии оказала большое влияние на формирование австрийского варианта немецкого языка. Различия на лексическом уровне обусловлены следующими факторами: непосредственно история Австрии, наличие территориальных диалектов, заимствованная лексика при контакте с другими странами.

Сравнивая немецкий и австрийский язык можно наблюдать следующие различия:

- многие существительные в австрийском языке имеют немецкое происхождение, но отличаются при этом в значении (die Bäckerei: в немецком – предприятие, которое производит выпечку, в австрийском – сладкая маленькая выпечка; die Eierspeise: в немецком – блюдо, приготовленное главным образом из яиц, в австрийском – яичница; der Röster: в немецком – прибор для жарки, в австрийском – мусс или компот из слив, бузины или абрикоса; die Schularbeit: в немецком – письменное домашнее задание, в австрийском – письменная контрольная).

- в австрийском варианте немецкого языка в процессе словосложения употребляется буква «-s», в немецком языке «-e» (der Spitalsaufenthalt, der Spitalsarzt, die Hundshütte – die Hundehütte). В австрийском языке также можно наблюдать полное отсутствие соединительных гласных при словосложении (die Tragetasche (нем.) – die Tragtasche (австр.), das Tageblatt (нем.) – das Tagblatt (австр.), der Adventskranz (нем.) – der Adventkranz (австр.)).

- в австрийском языке субстантивация числительных осуществляется с помощью окончания «-er»: der Einser, der Zweier, der Fünziger.

- в политическом строе наблюдается различие в наименовании должностей, кабинетов, палат (der Bundestag (нем.) – der Nationalrat (австр.), der Ministerpräsident (нем.) – der Landeshauptmann (австр.)).

- уменьшительно-ласкательный суффикс австрийского языка «-erl» соответствует немецкому «-chen» (Tascherl – Täschchen).

2. Фонетический уровень:

- самым главным отличием австрийского от немецкого языка на фонетическом уровне является мягкое произношение без твердого приступа.

- группа слов «Bruch, Geruch, hin, rächen, Rebhuhn, Vorteil» в австрийском языке произносится с длинной гласной.

- слова иностранного происхождения, начинающиеся на «-st» в австрийском произносятся [st-], в то время, как в немецком – [ft-] (der Stil, der Standard).

- в немецком языке слова, имеющие в корне слова «-st-, -sp-», читаются как [-st-, -sp-], а в австрийском, не смотря на положение сочетания звуков – [-ft-, -fp-].

- окончание «-ig» в австрийском языке читается как [-ik] (der König).

- в австрийском языке для всех слов иностранного происхождения действует правило ударения на первый слог, в немецком языке – на последний.

- у австрийцев наблюдается тенденция к проглатыванию звуков и слогов, что способствует краткости и усилению высказывания.

3. Грамматический уровень:

Грамматика австрийского языка во многом схожа с немецким языком, существуют лишь незначительные различия:

- глаголы состояния в австрийском варианте немецкого языка употребляются с «sein» в прошедшем времени Perfekt, в немецком – с «haben» (Ich bin gestanden / Ich habe gestanden; Du bist gelegen / Du hast gelegen).

- в настоящем времени сильные глаголы во втором и третьем лице единственного числа не получают умлаут (du fahrst / du fährst).

- род существительного (die Sahne (нем.) – der Schlagobers (австр.) – взбитые сливки, die Tüte (нем.) – der Sackel (австр.) – пакет, das Komma (нем.) – der Beistrich

(австр.) – запятая, das Gummi (нем.) – der Gummi (австр.) – резинка, ластик, der Ausschank (нем.) – die Ausschank (австр.) – стойка, der Puder (нем.) – das Puder (австр.) – пудра);

- образование множественного числа в австрийском языке во многих случаях образовывается с помощью умлаута (die Krägen, die Wägen, die Pölster, die Bögen). Различие представляет собой также употребление слова «джинсы», в австрийском языке допускается употребление в единственном числе «Jean», в то время, как в немецком – только во множественном – «Jeans».

- не все существительные немецкого языка подвергаются одному и тому же типу склонения в австрийском варианте немецкого языка: «der Wirt» (хозяин дома) в немецком языке сильное склонение, в австрийском – слабое.

Рассмотренные различия австрийского варианта немецкого языка свидетельствуют о том, что на фонетическом, лексико-семантическом и грамматическом уровнях наблюдаются незначительные отклонения от немецкого языка.

Таким образом, австрийский язык имеет характерные отличия от немецкого языка на всех уровнях: фонетическом, лексико-семантическом, грамматическом. Несмотря на это, «метропольной» основой австрийского варианта остается немецкий язык, который используется в официальной и письменной речи, по радио, телевизору, в новостях и газетах. Ответвления австрийского от официального немецкого языка свидетельствуют об индивидуальности и уникальности рассматриваемой лингвокультуры.

Литература

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология: монография. М.: РУДН, 2006. – 336 с.
2. Жирмунский В.М. Немецкая диалектография. – Л., 1976. – 491 с.
3. Кодухов В.И. Введение в языкознание: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 288 с.: ил.
4. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. Вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.: ил.
5. Национальная социологическая энциклопедия URL: <https://voluntary.ru/termin/variant-jazyka.html> (дата обращения: 20.03.2020).
6. Седых А.П. Национальная литература и коммуникативная культура нации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2012. № 2 (10). с. 16-20.
7. Ebner J. Duden. Österreichisches Deutsch. Eine Einführung von Jakob Ebner. – Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Duden-Verlag, 2008. – 48 p.

References

1. Ebner J. Duden. Österreichisches Deutsch. Eine Einführung von Jakob Ebner. – Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Duden-Verlag, 2008. – 48 p.
2. Kodukhov V.I. Introduction to Linguistics: Textbook for students ped. Inst. for special. № 2101 "Rus. lang. and lit." - 2nd ed., revised. and add. - M.: Education, 1987. – 288 p.: ill.
3. Maslov Y.S. Introduction to Linguistics: Textbook. for filol. specialist. universities. - 2nd ed., revised. and add. - M.: Higher. school., 1987. – 272 p.: ill.
4. National Sociological Encyclopedia URL: <https://voluntary.ru/termin/variant-jazyka.html> (accessed: 03.20.2020).
5. Sedykh A.P. National literature and the communicative culture of the nation // Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education. 2012. № 2 (10). p. 16-20.
6. Vorobyov V.V. Linguistic and cultural studies: monography. M.: RUDN, 2006. – 336 p.
7. Zhirmunsky V.M. German dialectography. - L., 1976.- 491 p.

УДК 81'373.7

СОКРАЩЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: РУССКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ

Нгатею Аconi Шани Павел

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия /ondonpavel@yahoo.fr

Аннотация

Вопросы функционирования аббревиатуры в различных областях науки представляет интерес для современной лингвистики. Использование аббревиатуры в юридических текстах имеет долгую историю.

Аббревиатуры уже широко использовались римскими юристами (например, SPQR «Senatus Populusque Romanus»). Целью исследования является сравнительное изучение использования аббревиатуры на русском и французском языках в юридических документах.

Ключевые слова: функционирование аббревиатур на русском и французском языках, юридические документа, сравнительное изучение, виды используемых сокращений.

ABBREVIATIONS IN LEGAL TEXTS: RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES

Ngatheyo Akony Chany Pavel

Master student at the Department of German and French
of the Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *ondonpavel@yahoo.fr*

Abstract

The functioning of the abbreviation in various fields of science is of interest to modern linguistics. The use of abbreviations in legal texts has a long history. Abbreviations have already been widely used by Roman lawyers (for example, SPQR "Senatus Populusque Romanus"). The purpose of the study is a comparative study of the use of the abbreviation in Russian and French in legal documents.

Key words: functioning of abbreviations in Russian and French, legal documents, comparative study, types of abbreviations.

Аббревиатура или сокращения появляются и обобщаются в связи с развитием общества. В России, как и в других западных странах, частое использование сокращений начинается на рубеже 19-го и 20-го веков. Одним из катализаторов этого процесса стала Первая мировая война, но он ускорился после революции 1917 года. Если в начале XX века в русском языке насчитывалось несколько десятков сокращений, то в конце века их было тысячи [Лейчик 2009: 53].

Основной причиной использования сокращений в праве является, как и в других специализированных областях науки, стремление к экономии языковых средств в пользу экономии времени и пространства. Широкое использование аббревиатур, именно в цитатах и ссылках юридического дискурса, связано с проблематикой юридической истины.

Очевидно, что аббревиатуры и их условные обозначения, мешают пониманию читателя, не являющегося юристом. Сокращения представляют собой некий код, секретный язык. Этот феномен некоторые юристы сравнивают с использованием латыни в юридической речи.

В юридической речи имеется большое количество терминов-сокращений. В стандартах ИСО аббревиатура представляет собой «простой сокращенный термин, являющийся результатом удаления части букв, из которых он составлен» [ИСО 1087].

В сегодняшней грамматике «алфавитное руководство по французской лингвистике, аббревиатура определяется как один из процессов, которые способствуют развитию неологии и заключаются в том, чтобы связать лингвистическую единицу со значением, которое, отрезанное от одного или нескольких элементов, сохраняет значение начальной единицы [Arrivé et al. 1986: 17].

Аббревиатура – это процесс формирования термина из терминологических синтагм. Чтобы сложный термин мог стать основой для создания аббревиатуры, он должен обладать достаточно большой частотой и быть социально значимым для пользователей.

В юридической речи аббревиатура имеет определенную специфику по отношению к общему языку, но и по отношению к специализированной речи других областей. Эта специфика обусловлена формированием сокращенных терминов и прежде всего их функционированием в речи.

Свод юридических аббревиатур состоит из юридических словарей, списков юридических ссылок, данных специализированных веб-сайтов, юридических текстов всех типов и данных наших юридических экспертов и консультантов. Он состоит из 908 русских аббревиатур и 1952 французских аббревиатур.

Нужно отметить, что аббревиатуры, обозначающие международные органы, а также национальные и международные нормативные акты, органы, учреждения и службы, по меньшей мере, хорошо представлены во французских источниках, а несколько уже – на русском языке.

С семантической точки зрения юридические аббревиатуры включают юридические термины и другие сокращения, используемые в юридическом дискурсе, которые не являются исключительно терминами. Семантическая классификация является общей для обоих языков, однако она подчеркивает особенности в русском и французском языках относительно семантических подтипов и количества сокращений существующих типов. На обоих языках выделяются следующие тематические группы:

- в национальных нормативных документах речь, прежде всего, идет о таких кодах как:

АПК РФ: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

ВК РФ: Водный кодекс Российской Федерации

ГК РФ: Гражданский кодекс Российской Федерации

УК РФ: Уголовный кодекс Российской Федерации

НК РФ: Налоговый кодекс Российской Федерации

СРС: Code de Procédure Civile

CGI: Code général des impôts

СР: Code pénal

СJA: Code de justice administrative

С. mon. fin : Code monétaire et financier

С. jur. fin.: Code des juridictions financières

Аббревиатуры, обозначающие нормативные тексты, существуют на обоих языках, но они не очень многочисленны на русском языке:

ФКЗ: Федеральный конституционный закон

ФЗ: Федеральный закон

НПА: Нормативный

Сокращений типов нормативных текстов на французском языке гораздо больше, например:

LO: Loi organique

LC: Loi constitutionnelle

Const.: Constitution

D.: Décret

Décis.: Décision

A. min.: Arrêté ministériel

A. : Arrêté

Circ. min.: Circulaire ministérielle

Названия законов сокращаются на французском языке для часто цитируемых законов:

LOLF : Loi organique relative aux lois de finances ;

LSI: Loi Société d'Information ;

LOTI: Loi d'orientation des transports intérieurs ;

(Loi) LOPPSI : Loi d'orientation et de programmation pour la performance de la sécurité intérieure ;

(Loi) LRU: Loi relative aux libertés et responsabilités des universités ;

Loi SRU: Loi relative à la solidarité et au renouvellement urbains ;

Loi DALO: Loi instituant le droit au logement opposable et portant diverses mesures en faveur de la cohésion sociale ;

Loi DADVSI: Loi Droit d'auteur et droits voisins dans la société de l'information.

В русском языке аббревиатуры названий законов встречаются редко, есть названия, включающие аббревиатуры в свои сокращенные названия:

ФЗ-2300-1 «О ЗПП»: *Федеральный закон от 07.02.1992 № 2300-1-ФЗ «О защите прав потребителей»;*

Закон о МСУ: Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»;

Федеральный Закон об ОРД: Федеральный Закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

- В международных нормативных документах можно встретить аббревиатуры как:

СПС: Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейским Союзом 1994 г.;

ЕСПЧ: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод;

Conv. EDH: Convention de sauvegarde des droits de l'Homme et des libertés fondamentales;

PIDCP: Pacte international relatif aux droits civils et politiques

Что касается аббревиатуры, встречающиеся в рамках государственных учреждений и служб, то данная группа является той которой включает обозначения юрисдикций, органов, учреждений, а также их отделов имеет несколько сокращений на обоих языках.

ВАС РФ: Высший Арбитражный Суд Российской Федерации

Генпрокуратура РФ: Генеральная прокуратура Российской Федерации

УВД: управление внутренних дел

МВД: министерство внутренних дел

ВККС РФ: Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации

TGI : Tribunal de grande instance

TPI : Tribunal de première instance

IGSJ : Inspection Générale des Services Judiciaires

SCPC : Service Central de Prévention de la Corruption

Cass. Civ. : Chambre civile de la Cour de cassation

AN: Assemblée nationale

Данная тематическая группа, включающая виды и названия учреждений, государственных органов, а также их отделов является одной из наиболее важных в количественном отношении. При сходстве аббревиатур этого общего типа подгруппы могут не совпадать на двух языках. Например, в русском языке есть сокращения для названий министерств (*Министерство юстиции Российской Федерации – Минюст России, Министерство иностранных дел Российской Федерации – МИД России*). Эти сокращения широко используются во всех видах русской речи. Во Франции такого использования практически не существует. Насколько нам известно, только Министерство иностранных и европейских дел имеет сокращенное обозначение МАЕЕ.

Таким образом, для анализа сокращений в юридическом дискурсе мы использовали терминологический подход. Сравнительный терминологический анализ позволил классифицировать аббревиатуры на семантические группы и выделить их особенности на русском и французском языках. На обоих языках выделяются следующие тематические группы: национальные нормативные документы, международные нормативные документы, национальные официальные публикации, официальные международные публикации, государственные учреждения и службы, международные организации и учреждения. Существование этих семантических групп в обоих языках доказывает сходство процессов создания сокращений из составных терминов, имеющих одинаковое значение.

В то же время классификация показывает отличительные особенности в зависимости от языка. Количество сокращений в группах и подгруппах может не совпадать на обоих языках. Аббревиатуры, обозначающие виды нормативных текстов, намного более многочисленны на французском языке, на французском языке гораздо больше. На французском языке существует большое количество сокращений, обозначающих официальные международные издания, в отличие от русских. Во

французском языке группа, обозначающая людей и их функции, имеет несколько сокращений, в то время как в русском языке такие сокращения редки.

Литература

1. Лейчик В.М., 2009, Люди и слова: Как рождаются и живут слова в русском языке, изд. 2-е, испр. И доп., Москва, Книжный дом «Либроком», 216 с.
2. Арривэ М., Гадэт Ф. и Галмиш. М. Грамматика сегодня: алфавитный справочник по французскому языкознанию, Flammarion, 1986. – 719 с.
3. Абрегова А. (2005) Специфика формирования и функционирования юридических терминов-аббревиатур в современном английском языке: дис. к.ф.н., Саратов. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/206323.html> (дата обращения 22.04.2020).
4. ISO 704, 1987, Principes et méthodes de la terminologie, déc. 1987, 16 p.

References

1. Lejcik VM, 2009, les gens et les mots: comment les mots naissent et vivent en russe, éd. 2e, rév. et ajouter., Moscou, Librairie Librocom, 216 p.
2. Arrivé M., Gadet F. & Galmiche M., 1986, La grammaire d'aujourd'hui: guide alphabétique de linguistique française, Flammarion, 719 p.
3. Abregova A. (2005) Spécificité de la formation et du fonctionnement des termes juridiques-abréviations en anglais moderne: Thèse de doctorat. Saratov. . URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/206323.html> (Accédé 22 avril 2020).
4. ISO 704, 1987, Principes et méthodes de la terminologie, déc. 1987, 16 p.

УДК 811.161.1

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ БОРИСА ДЖОНСОНА

Носова, Марина Валериевна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
учитель иностранного языка
муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Лицей №32»
г. Белгорода
Белгород, Россия / nosovamarina302@gmail.com

Ермакова, Ольга Александровна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
учитель иностранного языка
муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Центр образования №15 «Луч» г.
Белгорода
Белгород, Россия / olga.tsyshko@yandex.ru

Аннотация

Прагматилистический анализ речевого поведения политика на примере речевых манифестаций премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона. Языковые средства трактуются как способы речевого воплощения коммуникативных стратегий политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, коммуникативные стратегии, стилистические средства.

LANGUAGE PERSONALITY PRAGMALINGVISTIC STRUCTURE OF THE PRIME MINISTER OF THE GREAT BRITAIN BORIS JONSON

Nosova, Marina Valerievna

graduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
foreign language teacher
municipal budgetary general education institution «Lyceum 32», Belgorod
Belgorod, Russia / nosovamarina302@gmail.com

Ermakova, Olga Aleksandrovna

graduate student of the German and French languages department
Belgorod State National Research University
foreign language teacher
municipal budgetary general education institution «Education centre 15», Belgorod
Belgorod, Russia / olga.tsyshko@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the pragmastylistic analyse of the politician speech behavior by the example of the acting prime-minister of Great Britain Boris Johnson. Linguistic means present themselves as the ways of the communicative strategies objectification in speech.

Keywords: political discourse, communicative strategies, stylistic means.

Ораторское мастерство, искусство воздействия на сознание людей издревле играло огромную роль в процессе коммуникации. С течением развития общества значительное внимание стало уделяться средствам выразительности, привлечения внимания, воздействия на публику. Это способствовало росту заинтересованности в понимании механизмов, путей, способов и приемов влияния на человеческое сознание. Борьба за власть в коммуникативном плане привела к формулированию ряда коммуникативных стратегий, использование которых в политической коммуникации обуславливает эффективность риторики политических деятелей, способствует культивированию некоего образа в сознании реципиента. В последствии выработался целый инструментарий анализа дискурса. Термин «дискурс» определяют по разным признакам, часто в связи с определенной сферой, каждая из которых наделяет его определенными характеристиками [2].

Мы считаем важным отметить, что разделяем точку зрения А.П. Чудинова, который включает в понятие «дискурс» в качестве компонентов в сознании адресанта и адресата тексты, содержание которых учитывают оба участника, представление говорящего об адресате, задачи автора при создании текста, политические взгляды говорящего, а также политическую ситуацию на момент создания текста [4, 41].

В данной работе в качестве объекта лингвистического исследования выступает политический дискурс Бориса Джонсона на примере “his first proper weapons-grade speech” “PM conference speech”. Идеологическая направленность политического дискурса в первую очередь реализуется посредством лингвистических средств, чаще всего эпитетов, метафор и сравнений, так как их наличие и манипулятивное воздействие на сознание проходит практически незаметно для реципиента. В рамках политического текста их использование преследует определенные цели, чаще всего это – придание речи убедительности, образности и побудительности.

Анализ прагматической системы языковой личности действующего премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона на примере его конкретной речи позволяет говорить о превалировании в его коммуникативном дискурсе на данный момент коммуникативной макростратегии захвата власти (стратегии дискредитации и обесценивания заслуг и нападения, в рамках последней используются тактики противопоставления, оскорбления, обвинения и дистанцирования) и универсальных коммуникативных стратегий. В рамках последних центральное место занимают стратегии вуалирования, аргументации, агитации, мистификации (тактики смещения акцентов и преуменьшения), самопрезентации (в рамках которой реализуется наибольшее число коммуникативных тактик: отождествления с к.-л., самовосхваления, позитивного позиционирования, солидаризации с адресатом, создания «своего круга», интимизации изложения, создания эффекта непосредственного общения, акцентирования положительной информации, нейтрализации негативного представления, гипертрофирования «я/мы» темы) и призыва (ссылки, аллюзии, уверенная манера презентации и т.д.) [3, 12-13]. Необходимо отметить, что речевое воплощение коммуникативных стратегий происходит с помощью стилистических средств языка отдельной языковой личности.

Данная речь нами была выбрана неслучайно, так как по оценкам многочисленных политических критиков, комментаторов и просто слушателей отличалась от стиля его предыдущей риторики на посту премьер-министра: “*It showcased his gift of communication, his ability to mobilise language to uplift, enthuse and motivate. To convey a sense of cheerful mission, even when it comes to Brexit and correct the tone: seek to replace the acrimony with optimism*” [1].

Высокая концентрация изобразительных и выразительных стилистических средств с первых минут политической речи наводит на мысль о характере и эмоционально-смысловом посыле будущего выступления.

С точки зрения анализа речевых особенностей языковой личности политика нами было обнаружено широкое использование комических метафор. В рамках данного

политического выступления мы можем назвать метафору наиболее продуктивным и обладающим наибольшим прагматическим потенциалом изобразительным средством.

Также раскрытию лингвокультурного образа политика способствовало использование им анафоры, метафорического сравнения и речевой избыточности в составе одного предложения: *“... If parliament were a laptop, the screen would be showing the pizza wheel of doom. If parliament were a school, Ofsted would be shutting it down. if parliament were a reality TV show then the whole lot of us would have been voted out of the jungle by now...”* [5].

Популистская риторика Джонсона была призвана нагнетать недовольство и гнев по отношению к Парламенту среди “Brexit supporters”, фактически обвиняя его в блокировании ухода Великобритании из ЕС.

“...we could have watched the Speaker being forced to eat a kangaroo testicle....” [5].

Риторические вопросы в сочетании с иронией и «кулинарной» метафорой наглядно демонстрируют стилистическое своеобразие риторики политика.

“...I know that some of you may have been mildly peppered with abuse on the way in but are you abashed? Are you downcast?...” [5].

Осознанная эксплуатация «я/мы темы» характеризует Бориса Джонсона, как политика, четко осознающего нужды и потребности современного британского общества, раздираемого изнутри многолетними внутренними недовольствами и конфликтами, обособливающими и противопоставляющими граждан Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии. На фоне общенациональной разрозненности и обзленности образ сплоченной Консервативной партии Великобритании под предводительством нынешнего премьер-министра добавляет в речь политика особый колорит, непрозрачно намекая на виновников текущей ситуации в стране.

“...We are Conservatives and we get on with serving the people – and speaking of service I should begin by paying tribute to my predecessor Theresa...” [5].

Знаменательным является тот факт, что метафорическая «дань памяти» политической карьере Терезы Мэй отдается при первом упоминании персоны Бориса Джонсона в контексте лидерства на посту премьер-министра страны.

Ироническое подчеркивание нарастания степени «терпеливости» супруга Терезы Мэй, которая уделяла значительное внимание борьбе с домашним насилием и современным рабством, в подобном контексте звучит насмешкой над несостоятельностью политика в качестве жены и хозяйки, которая уклоняется от «домашнего быта» и которую уже давно заждался супруг. При этом Борис отмечает, что ее отсутствие на посту премьер-министра не вызовет остановки борьбы в данном направлении.

...I know the whole of conference remains full of gratitude to you and especially to Philip May, for your patience and your forbearance, and yes, we will continue with the work of tackling domestic violence and modern slavery...” [5].

Для того, чтобы усугубить отношение аудитории, особенно “remainers” к Парламенту и подчеркнуть слишком затянувшийся выход Великобритании из ЕС, политик прибегает к использованию метафорического сравнения (анималистического характера) “Brexit” с неоднократно пережеванным нечто, что уже не поддается классификации: *“...Just at the moment when voters are desperate for us to focus on their priorities, we are continuing to chew the supermasticated subject of Brexit...”* [5].

Анализ синтаксической структуры предложений также поддерживает гиперболизированную идею о давно назревшей необходимости выхода из состава Евросоюза: *“...When what people want, what leavers want, what remainers want, what the whole world wants, is to be calmly and sensibly done with the subject and to move on, and that is why we are coming out of the EU on October 31 come what may, conference...”* [5]. В частности в данном предложении использование синтаксического параллелизма преследует цель донести до слушателей заинтересованность премьер-министра в выходе

из кризисной ситуации, скорейшем поиске решения, удовлетворяющего интересам всех заинтересованных сторон.

В тексте звучат многочисленные призывы, закольцованные вокруг темы “Brexit”: “... *Let's get Brexit done...Let's get this thing done....Let's get Brexit done. Let's bring our country together....*” [5].

Для данной речи также характерным является частое нарочитое повторение местоимения “we”. Таким образом, политик стремится достигнуть ощущения внутреннего единства с аудиторией, заставить людей включить его в «круг единомышленников», создать эффект непосредственного общения: “...*We can, we must and we will, even though things have not been made easier by the surrender bill...*” [5].

Понять истинное отношение Бориса Джонсона к описываемым событиям нам помогают эпитеты, например, “*astounding spectacle*”, “*constructive and reasonable proposals*”, “*supreme authority*”, “*deranged and ruinous plans*”, “*bizarre features*” и другие.

Кроме того, в речи политика помимо темы “Brexit” звучат намеки на направленность риторики на предстоящих всеобщих выборах, выражается отношение к Лейбористской партии: “... *let's get ready to make our case to the country against the fratricidal antisemitic Marxists...*” [5] Подобное метафорическое сравнение лейбористов с “*fratricidal antisemitic Marxists*” уже включает в себя некоторые искажения политики данной партии. Например, предложение партии в отношении четырехдневной рабочей недели выступает гарантией потерь доходов граждан.

Ироническое по своей сути уточнение: “...*We have the astounding spectacle of the leader of the opposition being prevented by his colleagues from engaging in his constitutional function, which is to try to remove me from office...*” [5] и сравнение Джереми Корбина с бывшим Генеральным секретарем ЦК КПСС К.У. Черненко, намекающее на неясную связь лейбористов с Россией, “... *try to bundle him towards the throne like some Konstain Chernenko figure, reluctantly propelled to office in a Kremlin coup, so that they get on with their programme for total national discord...*” [5] дискредитирует Лейбористскую партию Великобритании в лице ее лидера.

Метафора “*the chaos and cacophony of two more referendums*” в подобном контексте применяется с целью обвинить лейбористов в подыгрывании Социально-демократической партии Шотландии.

Противопоставление двух стратегий экономического развития страны, попытка представить Джереми Корбина и лейбористскую партию Великобритании некомпетентной в области экономики достигается за счет противопоставления: “... *I will tell you that it is by raising the productivity of the whole of the UK, not with socialism, not with deranged and ruinous plans borrowed from the playbook of Bolivarian revolutionary Venezuela but by creating the economic platform for dynamic free-market capitalism...*” [5].

Кроме того, мы считаем необходимым отметить, что речевое поведение Бориса Джонсона копирует по своей коммуникативной направленности стратегию Кэмерона, принесшую ему победу над Эдом Милибандом в 2015 году.

Анафорический повтор в сочетании с гиперболой создают образ сильного, решительного лидера, готового решать проблемы и нести ответственность за ошибки других.

“...*We will under no circumstances have checks at or near the border in Northern Ireland. We will respect the peace process and the Good Friday agreement. we will go further and protect the existing regulatory arrangements for farmers and other businesses on both sides of the border, we will allow the UK, whole and entire, to withdraw from the EU, with control of our own trade policy...*” [5]

Не менее интересной особенностью языковой личности Бориса Джонсона является сознательное избегание темы семьи и дружбы. Поэтому тот факт, что в данной речи политик прибегает к отсылке на мнение матери касательно выхода из ЕС, создает эффект интимизации повествования. Использование такого стилистического приема как

лексический повтор подчеркивает важность концепта «равенство» в системе жизненных координат политика: “...*my mother taught me to believe strongly in the equal importance, the equal dignity, the equal worth of every human being on the planet...*” (1). Этой же цели служит употребление идиоматического выражения “*keep the ace up my sleeve*”. Гиперболизация образа матери в жизни его семейства (“*supreme authority in my family is my mother*”) также неслучайна. Борис обнажает перед слушателем внутрисемейный конфликт, вызванный разногласиями о необходимости для Великобритании покинуть ЕС. Это помогает политику достигнуть большей солидаризации с адресатом.

В рамках данной речи политик предпринимает попытку изменить образ национальной системы здравоохранения. Метафоры “...*The NHS is holy to the people of this country because of the simple beauty of its principle that it doesn't matter who you are or where you come from but when you are sick the whole country gathers at your bedside...*” [5] направлены обозначить и подчеркнуть усилия, оказываемые министерством здравоохранения во имя сохранения здоровья людей и его скорейшего восстановления при необходимости.

Яркие образы и неожиданные метафоры, как мы уже упоминали, образуют речевое своеобразие лингвокультурного образа Бориса Джонсона. Поэтому в заключительной части речи им были использованы метафорические сравнения, противопоставления и игра слов, сделавшая невозможным серьезное восприятие партии-соперника.

“...*It is one of the many bizarre features of the SNP that in spite of being called names like Salmond and Sturgeon they are committed to handing back those fish to the control of the EU. We want to turbo-charge the Scottish fishing sector; they would allow Brussels to charge for our turbot. Let's get on with sensible, moderate one-nation but tax-cutting Tory government and figuratively if not literally let us send Jeremy Corbyn into orbit where he belongs...*” [1]

Таким образом, комплексное исследование речи Бориса Джонсона позволяет сделать вывод о том, что основная цель политического дискурса, выраженная в стремлении оратора оказать эмоциональное воздействие на слушателей, добившись достижения поставленных целей и задач, реализуется языковой личностью с помощью использования разнообразных лингвостилистических средств, а степень их использования и выбор конкретных способствует детальному изучению способов языковой реализации коммуникативных стратегий и степени успешности их воплощения в речи оратора.

Литература

1. Критическая статья на выступление Бориса Джонсона, 2019 URL: <https://www.spectator.co.uk/article/boris-johnson-s-weapons-grade-speech> (дата обращения: 05.03.2020).
2. Седых А.П. Специфика речевого воздействия Жака Ширака // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 24-29.
3. Туманова Г.А. Коммуникативная стратегия убеждения и особенности ее реализации в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М., 2016. - С. 12-13.
4. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб пособие / А. П. Чудинов. – 4-е изд. – М., 2012. – 256 с.
5. Boris Johnson's Conservative Party conference speech. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=THNzjmF6Zxw> (дата обращения: 07.03.2019).

References

1. Critical paper about Boris Johnson's speech, 2019. [Electronic resource]. available at: <https://www.spectator.co.uk/article/boris-johnson-s-weapons-grade-speech> (Accessed 05.03.2019).
2. Sedykh A.P. (2011) *Specifika rechevogo vozdejstviya Zhaka Shiraka* [The specifics of the speech effect of Jacques Chirac] // *Politicheskaja lingvistika*. № 1 (35). 24-29.
3. Tumanova G.A. Communicative strategy of persuasion and its features of realization in political discourse (on the material of Russian and German languages): dissertation abstract. ... candidate of philological studies. - M., 2016. 12-13.
4. Chudinov A.P. Political linguistics: text edition / A.P. Chudinov. – 4 edition. – M., 2012. 256.
5. Boris Johnson's Conservative Party conference speech. - [Electronic resource]. available at: <https://www.youtube.com/watch?v=THNzjmF6Zxw> (Accessed 28.02.2019).

УДК 81'42

**МОДЕЛЬ ТЕКСТОВОГО МИРА КАК КОНСТРУКТ КОСВЕННОЙ
КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. СКОТТА
«WAVERLEY; OR 'TIS SIXTY YEARS SINCE»)**

Огнева, Елена Анатольевна

доктор филол. наук, заведующая кафедрой иностранных языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / ogneva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается символ солнца в англоязычной модели текстового мира, представляющего собой интерпретативный конструкт косвенной коммуникации как процесса прочтения и осмысления когнитивно-сюжетной сетки романа В. Скотта “Waverley; or 'tis sixty years since”. Выявляются тенденции построения номинативного поля художественного концепта SUN как ядерного концепта одной из моделей текстовых субмиров. Определяется, что номинанты концепта SUN преимущественно являются темпоральными маркерами.

Ключевые слова: косвенная коммуникация, художественный текст, текстовый мир, модель, конструкт, художественный концепт, темпоральный маркер

**TEXT WORLD MODEL AS A CONSTRUCT OF INDIRECT COMMUNICATION
(BASED ON THE NOVEL «WAVERLEY; OR 'TIS SIXTY YEARS SINCE»
BY W. SCOTT)**

Ogneva, Elena Anatolievna

Doctor of Philology, Head of the foreign languages department /
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / ognevav@bsu.edu.ru

Abstract

The article considers the symbol of the sun in the English text world model, which is an interpretive construct of indirect communication as a process of reading and understanding of the cognitive plot net in the novel “Waverley; or 'tis sixty years since” by W. Scott. Construction trends in the nominative field of the literary concept SUN as one of the kernel concept of the text subworld model are identified. It's proved, the literary concept nominees are mainly temporal markers.

Key words: indirect communication, literary text, text world, model, construct, literary concept, temporal marker

В современном языкознании довольно подробно рассмотрена такая область знаний как межкультурная коммуникация, обоснованы концепции, доказаны различные точки зрения, выработан теоретико-методологический аппарат. Межкультурная коммуникация, реализуемая посредством ознакомления с межкультурными художественными переводами, представляет собой один из подтипов косвенной коммуникации. В широком смысле слова косвенная коммуникация обозначает ознакомление с информацией и её осознание адресатом без непосредственного ответного импульса, воспринятого автором этой информации, т.е. адресантом.

Термин «косвенная коммуникация» был введён в научный тезаурус в середине 90-х годов XX века, до этого периода с середины 70-х годов, согласно результатам анализа отцифрованной научной литературы, проведённого посредством поисковика платформы Google scholar, существовал термин литературная коммуникация. Очевидно, предположить, что могут быть неотцифрованные научные источники, в которых упомянутые термины употреблены ранее указанного периода. Однако, исходя из того, что в 2010 году сервис Google Books отсканировал и выложил в Интернет все печатные книги, которых оказалось 129 864 880 книг, вероятность существования неотсканированных научных источников сводится к нулю.

Исследуя механизм косвенной коммуникации, закономерно подходим к такому интерпретативному явлению как текстовый мир. Это понятие ввёл в 1999 году голландский учёный П. Уэрт/Верт [Werth 1999]. В теории текстовых миров, по мнению С.Л. Кушнерук, «в содержательном плане текстовый мир представляет собой концептуальное пространство, которое создают отправитель и получатель,

взаимодействуя с текстом» [Кушнерук 2011, 45], то есть в процессе создания модели, «сопряженной с конкретным текстом» [Огнева 2019, 30].

С нашей точки зрения, модель текстового мира представляет собой интерпретативный конструкт косвенной коммуникации как процесса прочтения и осмысления когнитивно-сюжетной сетки того или иного художественного произведения. Проведённые нами исследования показали, что в зависимости от участия в косвенной коммуникации адресата, т.е. читателя, на которого ориентировался писатель, создавая произведение, или реципиента, т.е. читателя, на которого не ориентировался писатель при создании своего произведения, модель косвенной коммуникации будет принимать формат адресной или неадресной моделируемости, где «модель как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления» [Карасик 2013, 6].

Являясь основой косвенной коммуникации, художественный текст попадает в орбиту исследовательского интереса и рассматривается с различных научных точек зрения. В проводимом исследовании текст рассматривается как концептосфера, представляющая собой совокупность художественных концептов каждый из которых оказывает влияние на формирование модели текстового мира, которая, как нам видится, у каждого читателя состоит из *n*-количества текстовых субмиров, обусловленных количеством когнитивно-сюжетных субтематик, т.е. количеством художественных концептов.

Художественный концепт в виде «репрезентации сознания» [подробнее о сознании: Fludernik 2003] является форматом знания. Под форматом знания Н.Н. Болдырев понимает «определенную форму представления знания на мыслительном (концептуальном) или языковом уровнях» [Болдырев 2009, 26], тогда как в проводимом исследовании формат знания понимается как систематизированная семиотически оформленная проекция знания.

Художественные концепты как индивидуально-авторские проекции национальных концептов могут быть базовыми и лингвокультурными. Значимым лингвокультурным концептом англоязычного художественного дискурса видится концепт СОЛНЦЕ, которое является одним из центральных мифологических символов британской культуры, символом света и тепла. Значимость этого концепта в национальной концептосфере британцев предопределяет его высокую частотность в качестве ядерного концепта в модели текстовых миров создаваемых при прочтении различных книг. В данной работе представляется интересным выявить тенденции репрезентации художественного концепта SUN / СОЛНЦЕ в романе В.Скотта «*Waverley; or 'Tis Sixty Years Since*» / ‘Уэверли, или Шестьдесят лет назад’, впервые опубликованном в 1814 году и повествующем о восстании якобитов в 1745 году. Это был первый исторический роман писателя.

В рассматриваемой модели номинативного поля художественного концепта SUN / СОЛНЦЕ выявлено 39 номинантов, репрезентирующих преимущественно темпоральную когнитивную сетку, под которой понимается «разновидность общей системообразующей категории текстовой сетки» [Татару 2012, <http>]. В темпоральной сетке выявлены все три типа темпоральных маркеров, а именно 16 хронем, 16 лексических таймеров и два маркера видо-временной формы глагола, коррелирующего с семантикой лексемы *солнце*.

Рассмотрим тенденции репрезентации трёх типов темпоральных маркеров в исследуемом номинативном поле. Под хронемами понимаются единицы языка или речи, эксплицирующие время. В когнитивной сюжетной сетке произведения уровень частотности хронем «оказывает воздействие на динамику повествования» [Огнева 2013, 825].

Проведённые ранее исследования показали, что хронемы могут быть по структуре одноядерными и многоядерными, т.е. двудядерными, трёхядерными и т.д. Под одноядерными хронемами понимаются номинанты, в структуре которых заложено одно темпоральное ядро; например, *вечер, лето, в мае и т.д.* Под многоядерными хронемами понимаются номинанты, в структуре которых заложено два и более темпоральных ядра;

например, двоядерные хронемы: *зимний вечер, лето 2020 года, в мае 2020 года*; трёхядерные хронемы *зимний вечер 2020 года, в первый летний месяц 2020 года и т.д.* В проводимом исследовании приняты следующие условные обозначения ядерности хронем: 1Я – одноядерные хронемы, 2Я-двоядерные хронемы.

Итак, в номинативном поле рассматриваемого художественного концепта выявлено 16 различных хронем, среди которых преобладают одноядерные. Перечень хронем приводится по мере их упоминания в тексте романа, в скобках указана ядерность хронем: *after sunrise* / после восхода (1Я), *for many hours after sunrise* / в течение многих часов после восхода (2Я), *sunrise* / восход (1Я), *Sunday afternoon* / в воскресенье в после полуденное время (2Я), *the past sunset* / после заката (1Я), *it was near sunset* / был почти закат (1Я), *before sunrise хронема* / перед восходом (1Я), *about sunset* / на закате (1Я).

Наряду с преобладаем одноядерных хронем особенностью темпоральной сетки романа является контекстная поляризация хронем *sunrise* и *sunset*. Контекстная поляризация «представляет собой совокупность маркеров, репрезентирующих поляризацию и содержания, и формы единиц текста» [Гламазда 2019, 234]. Контекстная поляризация данных хронем определяется по их частотности употребления, а именно в первых трёх четвертях романа упоминается только хронема *sunrise*, тогда как в последней четверти четырежды употребляется хронема *sunset*, т.е. писатель, создавая когнитивно-темпоральную сетку романа, максимально синергизировал семантику хронем *sunrise* и *sunset*, т.е. развитие сюжета, а именно большая часть сюжета сопряжена с символом восхода солнца – борьбой якобинцев, тогда как неизбежность поражения якобитов сопряжена с символом заката солнца. Также в романе выявлена метафора, в составе которой упомянута хронема *in the sunset of his fortune* / на исходе жизни.

В номинативном поле художественного концепта SUN определено наличие восьми циклических хронем *Sunday* / воскресенье. По мнению И.А. Даниленко, «циклическое время – время, в котором отсутствует движение вперед, происходит возврат к тому, что было; время, являющее собой регулярно повторяющийся цикл: день, неделя, месяц, год» [Даниленко 2015, 689]. В. Скотт подчеркивает цикличность событий, описанных в романе, посредством циклической хронемы *Sunday* / воскресенье, показывая тем самым, что движение якобитов не развивалось по своей сути, т.е. писатель подготавливает читателя к тому, что сюжет романа завершится тем, что движение якобитов сойдёт практически на нет. Примечательно, что в номинативном поле концепта циклическая хронема *Sunday* / воскресенье составляет 50 % от всех хронем.

Вторым типом темпоральных маркеров, выявленных в номинативном поле художественного концепта SUN / СОЛНЦЕ, являются лексические таймеры. Этот термин введён в научный тезаурус Е.И. Бузиной, которая понимает под лексическими таймерами «темпоральные маркеры, в семантике которых наряду с непосредственным значением имеется дополнительное темпоральное значение» [Бузина 2019, 75]. В номинативном поле концепта выявлено 6 лексических таймеров, а также двухтипная корреляция темпоральных и проксемных маркеров: синергия и сопряжение. Прежде всего, перечислим лексические таймеры по мере их употребления в тексте романа и укажем ядерность, используя вышеуказанные условные обозначения: *the morning sun лексический* / утреннее солнце (2Я), *a sunny recess* / солнечный перерыв (1Я), *in the rising sun* / при восходе солнца (1Я), *the first ray of the sun* / первые лучи солнца (1Я), *in the evening sun* / при вечернем солнце (2Я), *before the sun sets* / перед закатом солнца (1Я),

Рассматривая двухтипную корреляцию темпоральных и проксемных маркеров необходимо учесть, что под синергией времени и пространства понимается репрезентация двух явлений в одном номинанте. Например, в номинанте *the western sun* / западное солнце выявлена синергия темпорального маркера - лексического таймера *the sun* и проксеммы *western*. Под сопряжением времени и пространства понимается контекстуальное единство двух маркеров невербального кода. Например, в номинанте *the rays of the sun were lingering on the very verge of the horizon* / лучи солнца были очень длинными до самой

кромки горизонта сопряжен лексический таймер *the rays of the sun* и проксема *the very verge of the horizon*. Наряду с сопряжением времени и пространства в лексических таймерах сопрягаются стихии. Например, в номинанте *the sun is above the sea / солнце над морем* выявлено сопряжение трёх стихий: огня (солнце), воды (море) и воздуха посредством сопряжения лексического таймера *the sun* и проксема *above the sea*.

В рассматриваемом номинативном поле художественного концепта SUN / СОЛНЦЕ выявлено три номинанта, репрезентирующих, прежде всего, погоду, а затем являющихся имплицитно лексическими таймерами: 1) *by sun and wind / за счёт солнца и ветра* – номинант репрезентирует погоду, в которой сочетается две стихии: солнце (огонь) и ветер (воздух); 2) *the sun through a mist сопряжение / солнце сквозь туман* – в номинанте, отражающем свет, проникающий через пространство тумана, описан день как часть суток; 3) *all this moment the sun, which was now risen above the horizon, dispelled the mist / в этот момент солнце, которое сейчас поднималось над горизонтом, рассеяло туман* – в данной погодной картине, в отличие от первого номинанта, значима линия горизонта, линия отделяющая две стихии – землю и воздух.

Установлено, что в ряде номинантов исследуемого номинативного поля художественного концепта, прежде всего, репрезентируется значение «солнечный свет». Темпоральность в таких номинантах имплицитна: *sunbeam / свет, sunshine of a court / солнечный свет двора, sun shone full in the court / солнце ярко сияло во дворе, the sun shone / солнце сияло*.

Третьим типом темпоральных маркеров являются видо-временные формы глагола, где темпоральность заложена в самой форме. Однако, исследования показывают, В. Скотт в исследуемом романе чаще прибегает к употреблению имён существительных - хронем *sunrise и sunset*, лексических таймеров с ядром *sun*, чем глагольных временных конструкций, которых выявлено только две: 1) *the winter sun had set / зимнее солнце село, 2) a brief gleam of December's sun shone / прямой отблеск декабрьского солнца светил*. В первой конструкции одноядерный лексический таймер *the winter sun* сочетается с видо-временной формой глагола *had set* - прошедшее перфектное время. Во второй конструкции двоядерный лексический таймер *a brief gleam of December's sun* сочетается с видо-временной формой глагола *shone* - прошедшее простое время.

Выявлено, также, что: 1) ряд номинантов с ядром *sun* репрезентируют цвет: а) *sunny side of the peach / солнечная сторона персика*, б) *sunburnt loiterers / загоревшие бездельники*, в) *sunburnt visage / загоревшее лицо*; 2) словосочетание с ядром *sun* представляет собой проксема *to the course of the sun / по курсу солнца*; 3) название предмета, измеряющего время, также содержит корень *sun* - *sundial / солнечные часы*.

Таким образом, текстовые миры, образующиеся в результате косвенной коммуникации и представляющие собой комбинированную модель субмиров, формируются вокруг ядерного или нескольких ядерных концептов когнитивно-сюжетной сетки произведения. Вследствие значимости концепта SUN / СОЛНЦЕ в британской национальной концептосфере, этот концепт приобретает статус ядерного в формируемых читателями текстовых мирах.

Анализ номинативного поля художественного концепта SUN / СОЛНЦЕ в романе В.Скотта «*Waverley; or 'Tis Sixty Years Since*» выявил тот факт, что номинанты поля преимущественно репрезентируют темпоральный аспект когнитивно-сюжетной сетки романа. Поскольку темпоральность текста является одной из основ создания читателем текстового мира и национально обусловленная ядерность художественного концепта является другой основой формирования текстового мира, то синергия двух этих основ видится значимым фактором популярности произведения, которую приобрёл роман сразу после своего написания.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып IV. М.: ИЯ РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. 25-78.

2. Бузина Е.И. Детерминация лексических таймеров в темпоральной структуре художественного текста // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2019. № 44. 174-178.
3. Гламазда С.Н. Контекстная поляризация как феномен построения художественной модели мира // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. №4 (63). 232-237.
4. Даниленко И.А. К вопросу о линейном и циклическом художественном времени // Когнитивные исследования языка. Вып. XXI / отв. ред. вып. Л.М. Бабина. М.: Ин-т Языкознания РАН, Тамбов: Изд. Дом. ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. 688-691.
5. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320.
6. Кушнерук С.Л. Теория текстовых миров как исследовательская программа в рамках когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. 45-51.
7. Огнева Е.А. Хронемы в архитектонике когнитивной темпоральной модели текста // Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: мат-лы Всеросс. науч. конф. 11-12 апреля 2013 г. / отв. ред. вып. Л.А. Фурс. Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 821-826.
8. Огнева Е.А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров: монография. М.: Эдитус, 2019. 190.
9. Тарату Л.В. Ритм темпоральности постмодернистского нарратива как когнитивная модель (роман М. Спарк «Расцвет мисс Джин Броди») // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7907> (дата обращения 05.04.2020)
10. Fludernik M. Chronology, Time, Tense and Experientiality in narrative // Language and Literature. 12.2. 2003. 117-134.
11. W. Scott. Waverley; or 'Tis Sixty Years Since. The Project Gutenberg EBook. URL: www.gutenberg.org (accessed 05.04.2020)
12. Ukhnaeva E.A. et al. Specific verbal representation of the Time category / E.A. Ukhnaeva, A.P. Sedykh, E.N. Legochkina, E.N. Kovalenko, O.I. Vorobyova // Amazonia Investiga. 2020. Т. 9. № 29. 126-134.
13. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. L.: Longman. 1999. 390.

References

1. Boldyrev, N.H. (2009) *Kontseptual'naja osnovna yazika* [Conceptual language base]. Cognitive languages researches. Vol. IV. Moscow, Tambov, Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina. 25-78.
2. Buzina, E.I. (2019) *Determinatsia lexicheskikh tajmerov v temporal'noj structure hudozhestvennogo teksta* [Lexical timers determination in the temporal structure of literary text]. Foreign languages: linguistics and methodological aspects. № 44. 174-178.
3. Glamazda, S.N. (2019) *Kontekstnaja polarizatsia kak fenomen postroenija hudozhestvennoj modeli* [Context polarization as the construction phenomenon of literary world model]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. №4 (63). 232-237.
4. Danilenko, I.A. (2015) *K voprosu o linearnom i tsiclicheskom hudozhestvennom vremeni* [About linear and cycling literary time] Cognitive languages researches. Vol. XXI. Moscow, Tambov, Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina. 688-691.
5. Karasik, V.I. (2013) *Yazikovaja matritsa kulturi* [Language matrix of culture]. Языковая матрица культуры. Moscow, Gnozis. 320.
6. Kushneruk, S.L. (2011) *Teoria tekstovih mirov kak issledovatel'skaja programma v ramkah kognitivnoj lingvistiki* [Text world theory as research program of cognitive linguistics]. Cognitive linguistics issues. № 1. 45-51.
7. Ogneva, E.A. (2013) *Hronemi v arhitektonike kognitivnoj temporal'noj modeli* [Chronemes in the cognitive temporal text model achitectonics]. Cognitive languages researches. Vol. XXIV. Moscow, Tambov, Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina. 821-826.
8. Ogneva, E.A. (2019) *Koncepti-dominanti kak informativnije konstrukti tekstovih mirov* [Concepts-dominant as informative constructs of text world]. Moscow, Editus. 190.
9. Taratu, L.V. (2012) *Ritm temporal'nosti postmodernistskogo narrativa kak kognitivnaja model (roman M. Spark "Rastsvet miss Dzhin Brodi")* [Temporal rithm of postmodern narrative as cognitive model (based on the novel M. Spark "The Prime of Miss Jean Brodie")]. Modern issues of science and education Современные проблемы науки и образования. № 6. [electronic recourse]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7907> (дата обращения 05.04.2020)
10. Fludernik M. Chronology, Time, Tense and Experientiality in narrative // Language and Literature. 12.2. 2003. 117-134.
11. W. Scott. Waverley; or 'Tis Sixty Years Since. The Project Gutenberg EBook. URL: www.gutenberg.org (accessed 05.04.2020)
12. Ukhnaeva E.A. et al. Specific verbal representation of the Time category / E.A. Ukhnaeva, A.P. Sedykh, E.N. Legochkina, E.N. Kovalenko, O.I. Vorobyova // Amazonia Investiga. 2020. Т. 9. № 29. 126-134.
13. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. L.: Longman. 1999. 390.

УДК 81'373.7

WHAT IS BERRY? ETYMOLOGY OF BERRIES' NAMES

Pleskonos, Anastasia Sergeevna

Student of the Faculty of Foreign Languages,
Pedagogical Institute,
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *nastyaples@yandex.ru*

Filimonova, Nataliya Gennadyevna

Senior lecturer of English language and teaching
methods Department,
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *Karpova_n@bsu.edu.ru*

Abstract

Recently the study of language based on the analysis of the origin of the thematic groups is considered to be relevant. Nowadays territorial boundaries are no longer significant and people have the opportunity to learn the culture and history of the countries worldwide. The main attention is paid to identifying the origin of words in Russian and English and comparing their etymology. This topic is rather relevant because understanding of the origin of the vocabulary will help students to classify this vocabulary. In future it will facilitate its memorization in English.

Key words: etymology, origin of the word, comparative analysis of words.

The name of all objects is encountered in everyday life has its origin. And sometimes it's extremely surprised to find out where this name came from. One of the simplest and common but in the same way curious and unexplored category is berries. Everyone knows plenty of berries but few of us have ever thought why and where they got such names and there is no conventional explanation. Some of them were named in appearance, others by the name of the place of growth, others by their similarity to some objects and so on and so forth.

Nowadays territorial boundaries are no longer significant and people have the opportunity to learn the culture and history of the countries worldwide [Grinkova 1958, 109].

That's why the topic of this article is "Etymology of berries' names". This theme is rather hot because understanding of the origin of the vocabulary will help students to classify this vocabulary. In future it will facilitate its memorization in English.

Etymology is the field of linguistics that deals with establishing the origin of words, their initial structure and initial genetic connection with other words.

Language is a dynamic, very flexible system that cannot be imagined as frozen and unchanging [Room 2006].

It often happens that the origin of a given word cannot be determined absolutely accurately. In this regard, the etymologies of words are divided into true (absolutely reliable, indisputable) and hypothetical (hypothetical, problematic). There is only one true etymology of a word; while there can be several hypothetical ones. Hypothetical interpretations in the dictionary are accompanied by caveats: *probably, most likely, apparently, etc.* At the current stage of the development of the science there are much more words with hypothetical etymology than with indisputable ones. And there are words that have not yet been subjected to etymological analysis.

It's not a secret that Russian and English are related to different language groups. Russian is one of the Slavic language groups when English is part of the German one. But they are still in one language family that's why its especially interesting to see into similarities and differences in words' meaning specifically berries [Abaev 1952, 56- 69].

Before proceeding directly to the analysis of the origin of the words there are two explanations to be made.

Firstly, in English as in Russian in the everyday sense of meaning the word "berry" doesn't coincide with the scientific term "berry". For example, tomatoes and watermelons are berries from the botanical point of view. And it's not customary to call them berry in everyday life. From a scientific point of view, lemon is a berry but raspberry is not. So, in connection with this confusion, this article will focus on berries in the generally accepted sense of this word, trying to take into account the features of both languages.

Berries have been known to mankind for a long time. This is one of the oldest parts of human diet.

To begin with the very word "*berry*" in English has an unknown etymology. There are several variants of its origin claiming to be true. Some scientists say that "*berry*" has German origin. Root "*ber-*" is present in all Germanic languages including the ancients. In the Old English the word "*berry*" was used to mean the fruits of grapes, since they are "*naked*" means without villi such as apricot. But over time the meaning expanded to the modern one/

Russian equivalent for English "*berry*" has clearer origin. It comes from the pre-Slavic word "*aga*". In the Serbo-Croatian "*vinyaga*" we see a print of it: "*vinyaga*" means "*vine*" (so to speak, "*wine berry*"). From this "*aga*" the word "*agoda*" was first produced using the suffix "*-oda*", which then, as they say, "*developed the initial iot*" and turned into a "*jagoda*" [Semenov 2015].

And now let's move on to the ancestry of the most common berries names.

Raspberry is one of the most ancient berries in the world. For the first time it was discovered in Greece on the Ida mount. That's why it's scientific name is "*ideus*". It is known that firstly raspberry was used only as a medicinal plant. Flower tincture was used by Greeks and Romans for treating snake and scorpion bites. The origin in English is uncertain but possibly it is connected with Anglo-Latin *vinum raspeys* which means "*a sweet rose-colored wine*". Ernest Klein suggests it was formed via the French word, from Germanic source with original sense of "*rough berry*", based on the appearance.

Russian linguists are also haven't come to the consensus about the provenance of the raspberry name yet. There are also two variants. Some scientists associate word "*malyna*" with root "*mal-*" ("*small*") because raspberry consists of many small berry grains. Others connect it with an ancient Indo-European root meaning "*blue*" or "*black*". We can see it in Greek word "*melas*" meaning "*black*"). So they believe raspberry got its name for its dark red color. Both these explanations are not indisputable, but there are no better ones so far [Semenov 2015].

English word "*strawberry*" obviously consists of two parts "*straw*" and "*berry*". It is said that in some parts of the world strawberries are covered with straw for winter so that plants do not freeze. Other variant also connected with cultivating strawberry. They say name of this berry is connected with straw which is laid under the berries so they don't get dirty. But both of them are no more than some kind of legend because the word "*strawberry*" appeared much earlier than people started to cultivate this berry [Uspenskiy 2017].

Linguists say that the first part of the word "*strawberry*" means small yellow grains covered the berry. Other variant is that "*straw*" comes from word "*stray*" in the meaning of "*separate*" or "*strew*". This refers to the bines strawberry abundantly to wrap around in their place of growth.

In Russian "*clubnika*" can be deciphered as a "*tuber-like berry*". Etymologists explain the origin from the root "*club-*" because the fruit are spherical unlike and have conical or oval shape. General Slavic word ancestor meant "*rounded lump*". From here comes the cursed word "*cluben*" (tuber).

Gooseberry is type of thorny shrub with hairy fruit firstly cultivated in northern Europe in 1530. The most curious first part of this word is of uncertain origin. No part of this plant seems to have connection with goose. Linguist Watkins pointed the origin to Old French word "*grosele*" which means "*gooseberry*". But it also may arise from German "*Krausebeere*" with the root "*Krause*" means "*crispy, curly*". Anyway, it may be connected with German words in *kr-/cr-* and meaning "*to bend, curl; bent, crooked; rounded mass*". Under this theory the word "*gooseberry*" would be folk etymology.

But others linguists find no reasons to prefer these theories to literal reading. They say ground on which plants and fruits have received their names associating with animals are so commonly inexplicable, that the want of appropriateness in the meaning affords no sufficient ground for assuming that the word is an etymological corruption.

An interesting fact is that "*gooseberry*" also may be a slang or a "*fool*". Also, in euphemistic explanations of reproduction to children, babies sometimes were said to be found under a gooseberry bush.

In Russian cherry is considered to be a berry but in English is a fruit. But from the point of view of botany, cherries are neither a berry nor a fruit but a drupe. The fruit of plants genetically related to apricots and plums. Humanity has known them since ancient times. The ancient Romans learned about cherries from the ancient Greeks and loved them very much. They knew and distinguished many varieties.

Their name in English dates back to the Latin "*cerasum*" and is formed according to one version from the name of the region of their growth in modern Turkey (Giresun) or from the name of the small town of Kerasund (Κερασούντα), located between Farnakia and Trebizond, which became famous for cherries. According to this version, it was there that the Romans first met them, giving the name "*Kerasunt fruits*" - "*cerasi*" [Weekley 1921].

The word "*cherry*" first appeared in Russian in the XV century. The origin is unclear. According to some researchers, this word is primordial and is formed from a common Slavic basis. According to others, it is a loan from the same basis as the German "*Weichsel*" means "cherry", where the word, in turn, came from Late Latin. Latin "*viscum*" means "*bird glue*". In this case, the original meaning of the word is "wood with sticky sap".

Cranberry is the name of the fruit of several species of a swamp-growing shrub. Apparently an American English adaptation of Low German "*kraanbere*", from "*kraan*" means "*crane*" + Middle Low German "*bere*" means "*berry*". The reason for the name is not known, perhaps they were so called from fancied resemblance between the plants' stamens and the beaks of cranes.

German and Dutch settlers in the New World apparently recognized the similarity between the European berries and the larger North American variety and transferred the name. In England, they were "marshwort" or "fenberries", but the name, were imported by 1680s and were applied to the native species in 18c. The native Algonquian name for the plant is represented by West Abenaki "*popokwa*" [Uspenskiy 2017].

In Russian the origin of the word is undeniably pan-Slavic, but its etymology is vague. There is an option that the word cranberry means "the berry that birds like to peck", a Serbian analogue of the word "*beak*" can serve as an indirect confirmation.

Other linguists believe that cranberries got its name from the place of growth and means "swamp berry". In Old Slavonic the word "*kluchevina*" with a similar root means "swamp". The dialect name of cranberry is "*zhuravicha*", so it can be assumed that the appointment of berries is close to the name of such a marsh bird as the crane. In addition, the appearance of the crane is often associated with a poker, the common name of which is "*kluka*" also has a similar root.

And finally, the last option is the onomatopoeic theory of the origin of the word "cranberry". In Old Slavonic "*klukat*" means "*to make noise*". Here, an analogy is drawn with the Serbian word "*kluk*" means "*squeezed grapes*" and the onomatopoeia of these words is erected to the sound made by crushed berries.

The currant is a very small kind of seedless blackish raisin or dried grape, used in cookery and confections, a shortening of "*raysyn of Curans*" means "raisins of Corinth". The "s" was mistaken for a plural inflection from Anglo-French "*reisin de Corauntz*". The raisins were exported from southern Greece. Then in 1570s the word was applied to the small round red or black berry of an unrelated Northern European plant. Then lately introduced in England, on its resemblance to the raisins. It later was applied to plants having similar fruit in America and Australia [Wedgwood 1978].

Russian equivalent of one of the meaning of the word "*currant*" is "*smorodina*". Currant is one of the most common berries in Russia. they were loved back in ancient Russia. Especially popular was the currant mash.

But the berry got its name not because of its taste, but because of its unusual smell. In ancient times, the smell of the people seemed so strong that they chose the root "*smorod*" for the name of this plant.

The root has pre-Indo-European roots and sounded in ancient times as "*smerd*" or "*smrod*" means the strong odor, stink.

These are just some brief examples of berry name's stories, but they also shed light on the big picture.

It can be judged that the etymology of the berry name's origin is an interesting, but rather vague topic. Scientists could not come to one version of the origin of these names in both Russian and English. In both languages there are many fairly plausible theories. Despite the fact the Russian and English languages belong to different language groups; it seems possible to distinguish quite common features from them [Otkupschikov 2005, 145-157].

Thus, many berries got their name in honor of their places of growth and various geographical features. Adaptations of the names of objects and animals on the basis of various associations are also popular for berries names. But decisive in both languages can be called naming in accordance with external signs, whether it be the shape, color, or even the smell of berries.

All words are changing over time. This affects both the phonetic shell and the lexical meaning. Over the centuries, so many changes can accumulate that the original appearance and meaning of the word will be "darkened." This creates significant difficulties for analysis. And the establishment of the origin of the word does not mean that the earliest, original form will certainly be restored.

Modern etymology is a fascinating and complex science, which can provide a huge contribution to the process of systematizing and learning a language. But unfortunately, there are so many more questions than answers.

References

1. Abaev, V.I. (1952) «*O principah sostavleniya etimologicheskogo slovarya*» [On the principles of the etymological dictionary] // Questions of Linguistics. No. 5. Moscow, USSR Academy of Sciences, 959.
2. Grinkova, N.P. (1958) «*Slavyanskaya filologiya*» [Slavic Philology]. Moscow, USSR Academy of Sciences, 393.
3. Otkupschikov, Y.V. (2005) «*K istokam slova: Rasskazy o nauke etimologii*» [To the source of the word: Stories about the science of etymology]. - St. Petersburg, Avalon, 352.
4. Room, Adrian (2006), Place Names of the World, 2nd ed., McFarland & Co., 216.
5. Semenov, A.V. (2015) «*Etimologicheskij slovar'*» [Etymological dictionary] // [Electronic resource]. available at: <http://evartist.narod.ru/text15/006.htm> (Accessed 07.04.2020).
6. Uspenskiy, L.V. (2017) «*Etimologicheskij onlajn slovar'*» [Etymological online dictionary] // [Electronic resource]. available at: <https://lexicography.online/etymology/uspensky> (Accessed 07.04.2020).
7. Wedgwood, Hensleigh (1978) A Dictionary of English Etymology, 3rd ed., Macmillan & Co., New York.
8. Weekley, Ernest (1921) An Etymological Dictionary of Modern English, John Murray, Dover Publications.

УДК 81'373.7

СТРАТЕГИЯ КООПЕРАЦИИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ТЕЛЕВЕДУЩЕГО В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ CORINA RIES – DIE TALKSHOW)

Пряникова, Евгения Борисовна

магистрант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / genie.prianikova@mail.ru

Научный руководитель: кандидат филол. наук, доцент Воронина Л.В.

Аннотация

Статья посвящена исследованию стратегии кооперации речевого поведения телеведущего как основного способа осуществления успешной коммуникации в рамках определенного телевизионного жанра. В статье рассматриваются особенности жанра ток-шоу, которые влияют на построение речевого поведения телеведущего и на выбор коммуникативных стратегий в процессе общения. В статье приведены примеры использования телеведущим тактики кооперации на примере Corina Ries-Die Talkshow. В статье также рассматривается понятие телевизионного дискурса, и выдвигаются особенности телевизионной коммуникации в рамках этого дискурса.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, кооперация, телевизионный дискурс, речевое поведение телеведущего, эффективность общения.

STRATEGY OF COOPERATION OF TV PRESENTER'S SPEECH BEHAVIOR IN TELEVISION DISCOURSE BY EXAMPLE: CORINA RIES – DIE TALKSHOW

Prianikova, Evgeniia Borisovna

Graduate student of the German and French languages department /
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *genie.prianikova@mail.ru*

Abstract

The article is devoted to the study of the strategy of cooperation of TV presenter's speech behavior as the main way to carry out successful communication within a certain TV genre. The article considers the peculiarities of the talk-show genre, which influence the construction of TV presenter's speech behavior and the choice of communicative strategies in the process of communication. The article provides examples of using cooperative tactics by TV presenter on the example of Corina Ries – Die Talkshow. The article also addresses the concept of television discourse and puts forward features of television communication within that discourse.

Key words: communication strategy, communication tactics, cooperation, television discourse, speech behavior of TV presenter, efficiency of communication.

Понятие дискурса в современной лингвистике определяет особенности конкретной речи в различных сферах человеческого существования. Рассматривая основные типологии дискурса, выделяется классификация, предложенная В.И. Карасиком, по которой дискурс представлен двумя типами: персональным (лично-ориентированным) и институциональным. В первом случае прослеживаются коммуникативные особенности говорящего, раскрывается личность во всем богатстве своего внутреннего мира. Во втором случае дискурс представляет собой общение в рамках статусно-ролевых отношений, где личность выступает как представитель определенного социального института. Среди многообразия типов институционального дискурса выделяется массово-информационный, составной частью которого является телевизионный.

Телевизионный дискурс представляет собой сложную семиотическую структуру взаимосвязи вербальных и невербальных (визуальных) средств в конкретном социальном пространстве. Под социальным пространством в данном случае стоит рассматривать медиапространство, в котором воплощается коммуникация, с одной стороны, схожая с обыкновенной моделью межличностного общения, а, с другой стороны, имеющая собственные отличительные признаки и получившая название «телевизионная коммуникация».

Телевизионная коммуникация, как и любой другой вид коммуникации, включает в себя участников коммуникативного процесса: адресанта (телеведущего) и адресата (аудиторию). Однако, с адресатом может происходить как непосредственное (межличностное) общение, так и опосредованное (на расстоянии). Непосредственное и опосредованное общение зависит от жанра телевизионной передачи. Именно жанр определяет степень самостоятельности речи ведущего и его возможность оперировать процессом коммуникации. Выделяются телепередачи, в основе которых лежит подготовленная, неспонтанная речь: теленовости, телеобзор, телегороскоп, а также телепередачи диалогического типа: теледебаты, ток-шоу, реалити-шоу, игровое шоу, телеигра, телеинтервью, где речевое событие основывается как правило на большей самостоятельности телеведущего, его спонтанной реакции в определенной коммуникативной ситуации.

Наиболее известным феноменом медийного пространства, относящимся к диалогическому типу телепередач, в настоящее время выступает ток-шоу. Модерирует весь процесс ведения данной передачи –телеведущий, от которого зависит успешность программы в целом.

Именно телеведущий определяет «драматургию» шоу: психологическую атмосферу в студии, контроль эмоций аудитории и нагнетание и разрядку обстановки. Телеведущий задает рамки, в которых проходит беседа: будет ли это доверительный разговор, провокативное шоу или интеллектуальная дискуссия. Например, Э.

Могилевская отмечает значимость телеведущего в ведении программы данного жанра: «Ток-шоу отличается необычайной тематической и функциональной широтой жанровой разновидности. Исследователи считают, что ток-шоу сочетает сущностные признаки интервью, дискуссии, игры, а также концентрируется вокруг личности ведущего. Это максимально персонифицированная экранная форма. Взаимодействию формы и ее создателя в первую очередь способствуют необходимые личностные качества ведущего: ум, находчивость, обаяние, юмор, умение заинтересованно слушать, пластично двигаться и прочее» [Могилевская 2006]. Таким образом, телеведущий в жанре ток-шоу для осуществления успешной коммуникации выступает как личность со своими профессиональными, личностными, национальными и т.д. особенностями речевого поведения.

Под речевым поведением понимается «форма взаимодействия человека с окружающей средой, выраженная в речи. Обусловлена ситуацией, задачей, условиями общения, коммуникативными потребностями, национальнокультурной спецификой участников общения» [Азимов, Щукин 2009, 254]. Телеведущий, выступая как личность, обладает также своими особенностями речевого поведения, связанными с его воспитанием, принадлежностью к социальным группам, к профессии. Однако для осуществления успешной речевой коммуникации в студии телеведущий ток-шоу подстраивает свое речевое поведение под речевую ситуацию, в которой находится, а именно: под обстоятельства, цели, адресата. В зависимости от собеседника, темы ток-шоу телеведущий выбирает определенные стратегии и тактики речевого поведения, необходимые в конкретной ситуации общения.

В работе О.Я. Гойхмана и Т.М. Надеиной «Речевая коммуникация» под речевой стратегией понимается «осознание ситуации в целом, определение направления развития и организация воздействия в интересах достижения цели общения» [Гойхман, Надеина 2006, 208]. А.П. Сквородников интерпретирует речевую стратегию как «общий план, или “вектор”, речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий»; линию речевого поведения, принятую на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленную на достижение конечной коммуникативной цели (целей) в процессе речевого общения [Сквородников 2001]. Таким образом, термин стратегия речевого поведения в общем смысле подразумевает планирование речевых ходов в зависимости от конкретных условий речевого процесса и личностей коммуникантов для достижения определенных целей. Выявить речевые стратеги можно в ходе анализа диалогового взаимодействия на протяжении ведения беседы.

Речевые стратегии по отношению участников диалога к принципу организации речевого общения можно разделить на кооперативные и некооперативные. К кооперативным стратегиям относятся разные типы информативных и интерпретативных диалогов (например, сообщение информации, выяснение истинного, положения вещей и др.). К некооперативным стратегиям относятся диалоги, в основе которых лежит нарушение правил речевого общения – доброжелательного сотрудничества, искренности (например, конфликты, ссоры, угрозы, проявление агрессии и др.) [Граудина 2004].

Формат ток-шоу предполагает использование как кооперативных, так и некооперативных стратегий в зависимости от вида: социально-значимые, политические, ток-шоу с приглашенной знаменитостью и т.д. Однако для выявления стратегии кооперации в речевом поведении телеведущего была выбрана немецкое телевизионная программа Corina Ries – Die Talkshow, где установление контакта с участником программы, снятие напряжения в общении для осуществления откровенного, доверительного разговора являются приоритетными задачами телеведущего.

Кооперативная стратегия, как и любая другая стратегия, реализуется в тактиках речевого поведения. Под тактикой понимается совокупность приемов, используемых при ведении беседы, направленных на реализацию целей в рамках отдельного разговора на

определенном этапе беседы. В зависимости от обстоятельств, условий общения, эмоционального состояния тактика может меняться для осуществления наиболее успешного коммуникативного процесса. Тактика включает в себя конкретные действия, направленные на поддержание контакта, убеждения, переубеждения, на регулирование эмоционального состояния адресата.

Ведущей Die Talkshow является Корина Риз, обладающая неподдельной харизмой и играющая первостепенную роль в успехе данной передачи. Уже с зачина передачи в речевом поведении телеведущей прослеживается стратегия кооперации, проявляющаяся в следующих тактиках:

Тактика вежливого общения выражается в употреблении клишированных фраз соблюдения этикета. Вежливое общение – это один из способов добиться желаемого результата. Когда телеведущий деликатен и вежлив, он выстраивает более «полезное общение», которое дает ему больше возможностей для раскрытия личности участника и для получения необходимой информации по ходу ведения разговора. Так, одни из самых употребительных формул вежливости являются формулы приветствия, которые Корина Риз использует в начале телепрограммы: *“Hallo“, “Guten Tag“, “Ich begrüße dich in meinem Studio!”* Корина Риз благодарит участника за его визит на шоу: *“Ich freu mich dass du überhaupt die Zeit gefunden hast“*, а также в ее речевом поведении прослеживаются фразы извинения: *“Entschuldige, dass ich dich unterbreche“* и просьбы *“Wiederhol, bitte“*.

Тактика искренности предполагает доверительную беседу между участниками интеракции, где важнейшими диалогическими моментами являются потребности «высказать главное для себя (открыть душу) и услышать главное для собеседника (войти в душу). Данная тактика начинается прежде всего с откровенности и искренности самого телеведущего, который, например, рассказывая факты о себе, выстраивает доверительные отношения с участником-собеседником. Так, Корина Риз в разговоре использует следующую ответную реплику на слова собеседника: *“Ehrlich gesagt, stimme ich auch selbst nicht immer den Menschen zu helfen. Ich bin nicht so gütig, wie du denkst!”*, которая раскрывает в какой-то степени отрицательные стороны ее личности.

Тактика похвалы выступает в качестве стимула для общения и предполагает определенное воздействие на собеседника. Интенция телеведущего в данном случае связана с положительными оценками, с выражением одобрения и восхищения достижениями участников телепрограммы: *“Du hast mit deinen 20 Jahren schon so viel erreicht!“, Sieben goldene Medaillen? Es ist einfach unmöglich!”*

Тактика комплимента схожа с тактикой похвалы, однако комплимент является способом сообщить о благорасположении к собеседнику. *“Du siehst bezaubernd aus!“, “Du hast schöne Augen.”* В данном случае акцент положительной оценки внешности мотивируется объективными данными и установкой положительных отношений с собеседником.

Тактика заинтересованности чаще всего выражается в желании узнать, как можно больше о собеседнике или расспросить его мнение на какой-либо вопрос. Такая тактика может быть сопряжена с реальным интересом или с этикетным вниманием. Например, в одном из интервью Корина Риз просит рассказать участника о его детстве: *“Erzähl mir von deiner Kindheit. Warum hast du mit dem Tennis angefangen?“*, в другом интересуется состоянием родственника: *“Wie geht 's deiner Mutter?“*

Тактику согласия можно рассматривать как речевое воплощение положительной реакции на мнение адресата. Примером может служить повторы реплик или подтверждение при помощи междометий: *“Ich fing an Tennis zu spielen, wenn ich 12 war. Es genug spät. - Ja, es ist ziemlich spät!“*

Тактика компромисса состоит в желании уступить в расхождении взглядов при обсуждении вопроса. Телеведущий использует данную тактику для избежания конфликтной ситуации во время разговора, которая может привести к нежелательному

нагнетанию обстановки в студии: “*Ehrlich gesagt will ich nicht über meinen Bruder reden. – Okay, wo bist du nach der Schule?*”

Тактика совета, которая используется телеведущим, имеет в данном случае не назидательный характер, а скорее несет «дружеский» посыл. В предложении: “*Ich denke, du solltest deinen Beruf selbst wählen*” Корина Риз предлагает гостю в студии самому делать выбор, касающийся его профессии.

В результате анализа фактического материала можно сделать вывод о том, что телеведущий в рамках данного вида ток-шоу использует в основном кооперативную стратегию, реализующуюся в тактиках согласия, заинтересованности, совета, комплимента, компромисса и т.д. Таким образом, Корина Риз помогает участникам осуществить успешную коммуникацию, регулирует процесс ведения беседы и задает положительный тон всей ситуации общения. Данный вид ток-шоу является ярким примером средств воздействия на человека в рамках стратегии кооперации.

Литература

1. Азимов Э. Г. Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий. – М.: ИКАР, 2009. – 448с.
2. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация. - М.: ИНФРА-М, 2001.
3. Граудина Л.К. Культура русской речи: Учебник для вузов - М.: ИНФРА-М, 2004.
4. Могилевская Э. Ток-шоу как жанр ТВ: происхождение, разновидности, приемы манипулирования: научно-культурологический журнал, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=1114> (дата обращения: 17.03.2020).
5. Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии: Риторика – Лингвистика. Вып. 5: Сб. статей. – Смоленск: СГПУ, 2004. - С. 5-11.

References

1. Azimov, E. G. Shchukin, A.N. (2009) *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij* [New dictionary of methodical terms and concepts]. Moscow: IKAR, 448.
2. Gojhman O.YA., Nadeina T.M (2001) *Recheyaya kommunikaciya* [Speech communication]. Moscow: INFRA-M.
3. Graudina L.K. (2004) *Kul'tura russkoj rechi: Uchebnik dlya vuzov* [Culture of Russian speech: Textbook for universities]. Moscow: INFRA-M.
4. Mogilevskaya E. *Tok-shou kak zhanr TV: proiskhozhdenie, raznovidnosti, priemy manipulirovaniya* [Talk-show as a genre of TV: origin, varieties, manipulation techniques]: Scientific and cultural journal, 2006 [Electronic resource]. available at:<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=1114> (Accessed 17.03.2020).
5. Skovorodnikov A.P. (2004) *O neobhodimosti razgranicheniya ponyatij «ritoricheskij priem», «stilisticheskaya figura», «recheyaya taktika», «rechevoj zhanr» v praktike terminologicheskoy leksikografii* [On the need to distinguish the concepts of "rhetorical reception," stylistic figure, "speech tactics," speech genre "in the practice of terminological lexicography]. Rhetoric – Linguistics: Collection of articles. Smolensk: SGPU.

УДК 811.161.1

О ЛИНГВОЭСТЕТИКЕ И ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: МАРСЕЛЬ ПРУСТ

Седых, Аркадий Петрович

доктор филол. наук, профессор

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Лингвоэстетические параметры текста представляют собой неисчерпаемый материал для инновационных исследований. Языковая эстетика является неотъемлемой частью национальной культуры, в частности – лингвокультуры. В коллективном сознании носителей национального языка эстетический аспект текста генерируют лингвоэстетическую картину мира, свойственную каждому языковому сообществу. В статье рассматриваются некоторые аспекты эстетической коммуникации и литературной картины мира с учетом дискурсных факторов художественного текста. Выдвигается рабочая гипотеза о том, лингвоэстетика французского языка обладает высокой степенью лингвокультурной активности в современном французском национальном дискурсе и соответственно в языковой картине мира. Намечаются перспективы исследования лингвоэстетики творчества и концептуальной картины мира.

Ключевые слова: языковая эстетика, языковая личность, художественный дискурс, французский язык, лингвоэстетическая картина мира, лингвокультура.

ON LINGUO-AESTHETICS AND LANGUAGE PERSONALITY: MARCEL PROUST

Sedykh, Arkadiy Petrovich

Dr. philol. sciences, professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / sedykh@bsu.edu.ru

Abstract

Linguo-aesthetic parameters of the text are inexhaustible material for innovative research. Linguistic aesthetics is an integral part of national culture, in particular - linguistic culture. In the collective consciousness of native speakers of the national language, the aesthetic aspect of the text generates a linguo-aesthetic picture of the world, characteristic of each language community. The article discusses some aspects of aesthetic communication and the literary picture of the world, taking into account the discourse factors of the literary text. A working hypothesis is put forward that the linguoesthetics of the French language has a high degree of linguocultural activity in modern French national discourse and, accordingly, in the linguistic picture of the world. Prospects for the study of linguistic aesthetics of creativity and a conceptual picture of the world are outlined.

Key words: linguistic aesthetics, linguistic personality, artistic discourse, French, linguo-aesthetic picture of the world, linguistic culture

Языковая эстетика не раз становилась объектом исследования и всеобъемлющего обсуждения в гуманитарных и филологических кругах всемирного научного сообщества [Заика 2000; Орлова 2003; Седых 1998, 2011]. Тем не менее, данный предмет далёк от окончательных и исчерпывающих объяснений своих сущностных характеристик. В этом смысле роман «В поисках утраченного времени» французского писателя Марселя Пруста представляет собой весьма продуктивный и актуальный материал для рассмотрения и анализа лингвоэстетических категорий в контексте эволюции современного французского языка.

Прустовская модель языковой личности по нашему мнению непосредственным образом связана с лингвоэстетикой романа «В поисках утраченного времени». Роман Марселя Пруста с невероятной плотностью «заполнен» персонажами (более 100 главных и второстепенных персонажей, плюс около 200 – эпизодических), которые говорят, пишут, дискутируют в рамках различных типов дискурса, от арготической речи до изысканных монологов представителей французского дворянства и высшего общества.

Писатель досконально знал свой родной язык, был вхож в различные слои французского социума, поэтому он скрупулёзно выстраивал каждого героя в точном соответствии с его дискурсной принадлежностью. Вместе с тем, несмотря на всю пестроту дискурсной палитры, ключевые эпизоды романа «обслуживаются» образцами языковой эстетики словесного творчества французского языка.

При этом некоторые исследователи [Pierron 2014] «обвиняют» Марселя Пруста в излишней «светскости» и «устности» (чрезмерным увлечением устными формами языкового материала). По их мнению, светские беседы (и не только светские, но и женский дискурс, дискурс простого народа и детей), воспроизводимые в романе «В поисках утраченного времени», отличаются разговорными формами, лишёнными высокой интеллектуальности образцового французского языка, например, Средних веков, когда латинский язык оставался языком знаний.

Пуристы обвиняют язык прустовских романов в отсутствии знаменитой французской ясности, так как, по их мнению, начиная с молодого возраста, писатель Пруст черпает вдохновение не в классических произведениях, ни даже у символистов, а избирает стиль *«affectif et individuel. Le texte plaide pour une langue sensible, non pour la langue de raison des académistes, dans des termes qui ne doivent rien à la ‘clarté’ (à la précision sémantique) et beaucoup aux conceptions synesthésiques»* [6: 28] (**аффективный и индивидуальный стиль**). Тексты наполнены чувствительным языком, не языком академического разума, с использованием терминов, которые не имеют ничего общего с «ясностью» или смысловой точностью, а скорее связаны с синестезическими концепциями языка нового времени).

По мысли Пьеррона прустовская «ясность» не обосновывается на буквализме и уверенности моносемной денотации. Речь идет, прежде всего, о «читабельности» текста, когда внимание акцентируется на проблематике рецепции, которая скорее ближе к

политике или эстетике («*La 'clarté' [pour Proust] (...) n'est pas fondée (...) sur la littéralité, sur la croyance en une dénotation monosémique (...)*» [6: 32]; *il s'agit plutôt d'une question de 'lisibilité', où l'attention est portée sur la réception, sur un problème qui serait partant plus politique et social qu'esthétique*»). Далее критик развивает свою мысль о смысловых построениях в прустовских текстах, которые воспринимаются не как данность, а как интерпретативный конструкт [6: 35].

Тем самым критики прустовского наследия непроизвольно подчёркивают особенности авторской эстетики, лингвоэстетики творчества, которые отличаются плюралистическим интерпретативным потенциалом, характерным и для общей эстетики французского языка: «*S'il en est ainsi la question redevient esthétique: le problème est déjà – avant que Proust ait pu élaborer une esthétique personnelle – le subjectivisme de l'interprétation du monde, dont la conséquence inévitable est l'instabilité du sens, obtenu chaque fois au terme d'une élaboration plurielle*» (Прустовский вопрос становится проблематикой эстетики восприятия текста, основанной на субъективизме интерпретации, следствием которого является нестабильность смысла, рецептивно конструируемого читателем, каждый раз, когда он соприкасается с авторским текстом).

Пруст всегда подчёркивает, ещё на ранней стадии своего творчества, когда он занимается переводами с английского языка (труды Раскина, английского искусствоведа и эстетика литературы), роль языковой личности писателя, подчёркивая специфические отношения с национальным языком, которые: «*portent toujours et de très fort près sur la relation de l'écrivain avec le langage*» [6, 42-43]. Пруст занимает почти идолопоклонническую позицию по отношению к слову, как ключевому элементу писательского стиля: «*un élément fondamental de la pensée linguistique et esthétique de Proust: soit qu'il n'existe pas un sens a priori des mots, qui serait observable en dehors de leur mise en discours, et qu'en littérature ce sens est réalisable uniquement dans le style*» (лингвистическая и эстетическая мысль Пруста акцентирует внимание на том, что слово не обладает априорным смыслом, смысл рождается только в процессе восприятия литературного текста через авторский стиль).

Пруст, обозначая рамки креативной лингвоэстетики, идёт гораздо дальше, утверждая, что «*Les seules personnes qui défendent la langue française (comme l'Armée pendant l'affaire Dreyfus), ce sont celles qui l'attaquent*» (Только тот защищает французский язык, кто нападает на него). Тем самым он говорит о чрезмерном академизме французского языка, который умрёт, если будет использовать только идеализированные выхолащенные убогим традиционализмом формы своего существования. По сути дела романические тексты Пруста (ряд исследователей считает их «поэтическими») отражают, а стало быть, реконструируют транзитивное пространство лингвоэстетики конца девятнадцатого века. Можно сказать, что речь идёт о формировании повествовательного хронотопа переходного периода от языка идеологии к языку лингвистов, иными словами от идеологической «лексикографии» к материальности языковых фактов, на основании которого зиждется литературное произведение.

Следующим лингвоэстетическим аспектом романа «В поисках утраченного времени» является то, что можно обозначить термином «металингвистические комментарии» от лица Повествователя. Металингвистические комментарии писательского *alter ego* позволяют выявить трансверсальные (пересекающиеся; многопрофильные) лингвистические категории (неологизмы, заимствования, арготизмы, жаргонизмы), которые массивно представлены в романе, как в языке персонажей, так и в матричном повествовании (*narration matricielle*). Речь идёт о феномене речевой «мизансцены» (*mise en scène*), описываемом Сильви Пьеррон: «*Le commentaire, par nature explicite, forme le fil rouge du thème de la langue dans le roman*» (Комментарий, по своей природе эксплицитный, формирует красную линию лингвистической темы романа) [Pierron 2014, 72]. Повествователь часто начинает с нормативных ремарок (правильность произношения, выбор лексики, стилевые пометки и пр.), чтобы закончить более общими размышлениями

о языковых фактах. Можно сказать, что лингвистическая (лингвоэстетическая) линия своеобразную драматургию литературного произведения. Опираясь на лингвистические замечания, читатель вовлекается в «создание» не только новых смысловых текстов, но приобретает своеобразные металингвистические навыки оценки текстовой канвы.

Лингвоэстетическая проблематика романа «В поисках утраченного времени» строится вокруг категории «дух французского языка», которая разворачивается не только как «спектакль языков» персонажей, но и как экстраполяция содержания ряда лингвистических терминов, употребляемых Повествователем (*nom, langue, génie de la langue française*).

В этом плане повествователь «участвует» в создании мифа универсальности французского языка: «Le mythe de l'universalité de la langue française est en effet une conséquence de la politique impériale menée aux XVIIe et XVIIIe siècles, et les civilisations latine et française ont en commun de réunir sous le même terme de 'langue', devenu emblématique, les domaines politique, linguistique et littéraire. Le 'génie de la langue française' ne désigne pas au fond les qualités d'une syntaxe, d'un lexique, d'une prononciation, mais affirme l'indivisibilité d'une nation, d'un territoire, d'une langue qu'il convient de défendre et d'illustrer, militairement et littérairement» (Миф об универсальности французского языка является следствием имперской политики Франции семнадцатого и восемнадцатого веков, латинская и французская цивилизации имеют много общего, объединяя в содержании термина «язык», ставший эмблемой, политическую, лингвистическую и литературные аспекты. В конечном счете, номинант «гений французского языка» обозначает не столько качественные характеристики синтаксиса, лексики или фонетики, а скорее утверждает неделимость нации, территории, языка, которые следует защищать и прославлять, всеми способами, от военного, до литературного) [Pierron 2004, 165]. Действительно идея «гения» французского языка начинает разрабатываться на всех уровнях, начиная со Средних Веков, и окончательно укрепляется в классическую эпоху в противовес региональным диалектам, латинскому языку и другим иностранным языкам [Ibid.]

Языковые личности романа существуют лишь благодаря языковым категориям, носителями которых они являются, и в этом смысле они продолжают развивать и укреплять миф о национальном языке, к категориям которого относятся *чистота* и *ясность* французского языка. В этом плане можно говорить о том, что прустовские смыслы существуют в форме языка, и непосредственно коррелируют с эстетическим чувством писателя, манифестирующемся в речи созданных им персонажей, иными словами с литературным произведением, эстетические ориентиры которого существуют в форме новых текстов на уровне читательского восприятия.

Итак, обобщая содержание вышеприведённого материала, можно констатировать, что лингвоэстетические параметры французского языка являются базовой составляющей языковых личностей романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». В перспективе предлагается рассмотреть идентичный материал в корреляции с авторским концептом «*beauté*» (красота), который является одним из ключевых концептов французской культуры.

Литература

1. Заика В.И. Об эстетической реализации языка // Вестник государственного Новгородского университета. №15, 2000.
2. Орлова О.В. Компьютерный анализ поэтического текста и моделирование ассоциативно-смыслового поля ключевого концепта автора // Открытое и дистанционное образование. Ассоциация образовательных и научных учреждений «Сибирский открытый университет» (Томск). № 1(9), 2003. 60-64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=14804751>
3. Седых А.П. Контекст. Знак. Образ. Белгород: БГУ, 1998. 160.
4. Седых А.П. Специфика речевого воздействия Жака Ширака // Политическая лингвистика; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» Екатеринбург, 2011. Вып. 1(35). 24-30.
5. Pierron S. Ce beau français un peu individuel: Proust et la langue. P.: Presses universitaires de Vincennes, 2005.
6. Proust M. À la recherche du temps perdu. Tome III. Bibliothèque de la Pléiade, n° 102, Paris, 1988. 1952.

References

1. Zaika V.I. (2000) *Ob jesteticheskoj realizacii jazyka* [On the aesthetic realization of language] // Vestnik gosudarstvennogo Novgorodskogo universiteta. №15.
2. Orlova O.V. (2003) *Komp'juternyj analiz pojeticheskogo teksta i modelirovanie asociativno-smyslovogo polja ključevogo koncepta avtora* [Computer analysis of the poetic text and modeling of the associative-semantic field of the author's key concept] // Otkrytoe i distancionnoe obrazovanie. Associacija obrazovatel'nyh i nauchnyh uchrezhdenij «Sibirskij otkrytyj universitet» (Tomsk). № 1(9). 60-64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=14804751>
3. Sedykh A.P. (1998) *Kontekst. Znak. Obraz* [Context. Sign. Image]. Belgorod: BGU. 160.
4. Sedykh A.P. (2011) *Specifika rechevogo vozdejstvija Zhaka Shiraka* [Specifics of the speech effect of Jacques Chirac] // Politicheskaja lingvistika; GOU VPO «Ural. gos. ped. un-t» Ekaterinburg. Vyp. 1(35). 24-30.
5. Pierron S. (2005) *Ce beau francais un peu individuel: Proust et la langue*. Paris, Presses universitaires de Vincennes.
6. Proust M. (1988) *À la recherche du temps perdu*. Tome III. Bibliothèque de la Pléiade, n° 102, Paris. 1952.

УДК 81'42:821.161.1

ТЕРМИНЫ ЦВЕТА В ВИЗУАЛИЗАЦИИ ФЛОРИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПРОЗЫ К.Г. ПАУСТОВСКОГО. ЦВЕТ РОЗЫ

Сивова, Татьяна Викторовна

доцент кафедры журналистики, кандидат филологических наук
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно
Республика Беларусь / sitavi@tut.by

Аннотация

В статье на материале Собрания сочинений К.Г. Паустовского с позиций лингвистики цвета реконструирован один из значимых фрагментов флористической картины мира писателя. Описана специфика индивидуально-авторской перцепции и визуализации розы – доминанты представленного названиями цветов флористического кода прозы К.Г. Паустовского. Установлены сферы функционирования лексемы *роза*, выявлен широкий спектр соотносимых с нею характеристик, описан колористический диапазон, актуализируемый в визуализации розы, его доминанты, а также индивидуально-авторские особенности колористической визуализации розы, установлено соотношение индивидуально-авторского и национального в цветовой репрезентации цветка, что способствует как реконструкции языковой картины мира мастера художественного слова, так и созданию концептосферы цветообозначений русского языка.

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвистика цвета, термин цвета, роза, идиостиль, К.Г. Паустовский.

COLOR TERMS IN K. PAUSTOVSKY'S PROSE FLORISTIC SPACE VISUALIZATION. COLOR OF THE ROSE

Sivova, Tatyana Viktorovna

Associate Professor, Department of Journalism
Candidate of Philology
Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Republic of Belarus / sitavi@tut.by

Abstract

In the article on the material of K.G. Paustovsky's Collected works one of the significant fragments of the writer's floristic picture of the world from the position of linguistics of color was reconstructed. The specifics of the individual author's perception and visualization of the rose – the dominant of the floral code of K.G. Paustovsky's prose was described. The areas of the lexeme *rose* functioning were established, a wide range of characteristics correlated with it was revealed, the ratio of individual-author's and national in the rose color visualization was established, which contributes both to the reconstruction of the master's of artistic word linguistic picture of the world and to color terms conceptsphere of the Russian language creation.

Keywords: linguistic picture of the world, linguistics of color, color term, rose, individual style of writing, K. Paustovsky.

Цветовая картина мира, являясь важнейшей составляющей индивидуальной картины мира языковой личности, национальной языковой картины мира, вызывает всё более возрастающий интерес лингвистов, лексикографов. Обзор лексикографических исследований, предметом которых является колоративная лексика (Е.А. Акуленко, О.В. Барина, А.П. Василевич, Е.А. Косых, О.В. Крамкова, А.В. Кузьмина, В.К. Харченко и др.), уже был представлен в нашей статье [16]. Сегодня особого

внимания заслуживает вышедшая в свет в 2019 г. монография В.Г. Кульпиной «Лингвистическая цветология: от истории к современности цветковых концептосфер» [8], в которой автор выявляет «лингво-этническую специфику в истории формирования цветовой картины мира русского и польского языков», осмысливает проблему «выработки метаязыка цветоописания и лексикографической презентации терминов цвета» [8, с. 15]. Кроме того, О.В. Крамковой в 2014 г. был издан ставящий своей целью «лингвистическое описание слов-цветообозначений, подразумевающее толкование слова, иллюстрации, грамматическую характеристику, акцентологическую справку» [5, с. 99] краткий лингвистический словарь цветовой лексики – «Словарь цвета и цветовых оттенков», концепция которого изложена в статье «Опыт лексикографического описания цветообозначений в русском языке (“Словарь цвета и цветовых оттенков”, Н. Новгород, 2014)» [5]. В 2016 г. В.П. Полухиной выпущен призванный «дать по возможности наиболее полное представление о цветовой палитре поэзии Бродского» [12] «Словарь цвета поэзии Иосифа Бродского», в который автор включил «все названия цветов, растений, злаков, овощей и деревьев, встречающихся в стихах Бродского, поскольку все они являются индикаторами цвета и имплицитно участвуют в создании цветовой палитры» [12].

Флористический код культуры [2; 3 и др.] закономерно получающий колористическое воплощение, чрезвычайно значим как в реконструкции национальной картины мира¹, поскольку цвет растения может выступать как идентифицирующий знак этноса [7, с. 275], так и индивидуально-авторской. Аксиологический потенциал, заключённый в концепте Роза, огромен, о чём свидетельствуют как многочисленные идеонимы: В.М. Гаршин «Сказка о жабе и розе», У.Б. Йейтс «Тайная роза», Ф.Г. Лорка «От любви умирают розы», А. Мёрдок «Дикая роза», Андре Моруа «Сентябрьские розы», У.М. Теккерей «Кольцо и роза», О. Уайльд «Соловей и Роза», У. Эко «Имя розы», а также К.Г. Паустовский «Золотая роза»: *Об этом я подробно писал в той же «Золотой розе». Я слишком часто ссылаюсь на эту книгу потому, что она насквозь автобиографична и могла бы быть одной из частей «Повести о жизни»* [11, т. 5, с. 533], так и целый ряд исследований, в которых, например: 1) роза рассматривается как «наиболее частотное “слово” языка цветов», особой системы знаков, возникшей на рубеже XVIII–XIX вв. [10, с. 38], 2) выявляется «своеобразие интерпретации розы в разных творческих эстетиках», устанавливается функция поэтического словесного образа розы [6, с. 2], 3) в ходе изучения цветовой картины мира писателя «с учётом её когнитивных и лингвокультурологических особенностей» [4, с. 3] анализируются функционирующие в его произведениях лексемы с цветовой семантикой, среди которых – «нецветовая лексика, основывающаяся на переносном употреблении или сравнении, цветовые смыслы которой актуализируются посредством особой организации контекста: *the sky above ... like a faded rose / небо... как увядающая роза*» [4, с. 10].

Роза – флористический приоритет в картине мира некоторых писателей. Так, согласно исследованию О.И. Мусаевой, наиболее широко в творчестве С.А. Есенина представлена группа лексем, объединённых семантическим компонентом «название целого растения», среди них – группа «название цветов», в которой роза занимает приоритетное положение: *роза 6, васильки 6, мак 4, ландыши 2, лилия, колокольчик, сирень, подсолнух, маргаритка 1* [9, с. 20], как и в произведениях Федерико Гарсиа Лорки: *rosa (роза 104), nardo (тубероза 25), jazmín (жасмин 28)* [9, с. 21]. Что характерно и для прозы Паустовского², в которой роза является доминантой представленного наименованиями цветов флористического кода – около 150 словоупотреблений. В свете изложенного представляется целесообразным выявить индивидуально-авторскую

¹ Согласно А.П. Седых, «конкретный цвет может обладать различной степенью лингвокультурной активности в различных национальных дискурсах и соответственно в цветковых картинах мира» [14, с. 120].

² Материалом исследования послужили произведения, включённые в Собрание сочинений в 9 т. [11].

специфику колористической перцепции и визуализации розы, что послужит комплексной реконструкции колористической картины мира писателя.

Сфера функционирования лексем *роза*¹, *розан* в произведениях К.Г. Паустовского включает не только собственно пространство природы: *в садах цветут розы и висят тысячи мандаринов* [11, т. 9, с. 262], специфичное системой флористических параллелей: *На дюнах растёт трава, её зовут живучкой. Это плотные серо-зелёные шарики, похожие на туго закрывшуюся розу* [11, т. 3, с. 622]; *как исполинские зимние розы, расцветали в палисадниках облепленные мохнатым снегом замёрзшие цветы рудбекии* [11, т. 6, с. 353], но и значимые для писателя:

1) пространство творчества, а в нём: а) пространство художественного слова (интертекст): *в памяти зазвенели, поднявшись из её глубины, далёкие слова: Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?* [11, т. 5, с. 433]; *мичман подсел к роялю, ударил по клавишам и запел грассируя: Дитя, не тянися весною за розой, // Розу и летом сорвёшь* [11, т. 2, с. 209]; б) изобразительного искусства: *была изображена пышная богиня изобилия. Она сыпала из рога гирлянды роз* [11, т. 7, с. 523]; в) прикладного искусства²: *прикрыл резную дверь (на ней были выточены из дерева кисти винограда и гирлянды роз* [11, т. 5, с. 93]; *дом, где год постройки был вырезан на деревянном толстом щите в рамке из тюльпанов и роз* [11, т. 7, с. 434]; *из первого же слитка он выковал розу* [11, т. 8, с. 223]; *на нём [бареже] вытканы корзины, из которых падают розы* [11, т. 8, с. 19];

2) пространство человека³, вестияльный код произведений: *вынул из петлицы алую розу и подарил её некрасивой девочке-судомойке* [11, т. 3, с. 296]; *теребила бахрому нарядной шали, чёрной с алыми розанами* [11, т. 3, с. 74], в котором находит отражение этнический вестияльный стереотип: *Голову тётя Дося повязывала, как все украинские бабы, чёрным платком с маленькими розами* [11, т. 4, с. 61]; а также «вещный» мир: *ковры с такими пылающими розами, что покупателей брала оторопь* [11, т. 5, с. 455];

3) пространство религии: *И его, этого бога, он воспевал в величественных звуках, в раскатах органа, в пряном дыхании роз, в нежных голосах причастниц* [11, т. 5, с. 67], также в ритуальной функции: *гирлянды из бумажных роз, висевшие около икон* [11, т. 4, с. 198].

Описанию авторской специфики перцепции розы способствует выявление характеристик, с которыми в авторском сознании (и тексте) соотносится растение. Среди них, наравне с колористической, первостепенное значение имеет одоративная (к запаху роз; тончайший запах роз; в пряном дыхании роз; приторный запах высушенных роз; душистые цветы): *В запахе древесной трухи всегда чувствуется привкус сухих роз* [11, т. 4, с. 553]; *когда проснёшься, из столовой будет пахнуть только что смолотым кофе и осыпавшимися розовыми лепестками* [11, т. 2, с. 288]; *то были мягкие запахи эвкалиптов, липнувший к лицу запах роз* [11, т. 1, с. 504], культурологически и ассоциативно обусловленная: *запах пороха и роз – дыхание свежести и свободы* [11, т. 2, с. 502]; *наплывали терпкие запахи, сливаясь с чуть осязанным шелковистым⁴ веянием роз* [11, т. 5, с. 220]. Дополняют авторское представление:

– акциональная характеристика (*зацвели розы; розы распускаются под небом Египта; одна из роз осыпалась и др.*): *подолгу смотрела, как розы, вздрагивая от стремительного хода поезда, пролетали через белые равнины, пронеслись по околицам увязших в снегу деревень, врывались в окутанные паром леса* [11, т. 2, с. 282]; *в воде была рыба, над водой цвели розы* [11, т. 1, с. 558]; *жёлтая роза трепетала у неё на груди* [11, т. 4, с. 38];

¹ *роза* ‘декоративный кустарник с крупными ароматными цветками разнообразной окраски и со стеблями, покрытыми шипами’, ‘цветки этого растения’; *розан* устар. *роза* [1, с. 1127].

² Значимость приобретает и материал изготовления (*бумажный, жёстяной, золотой, стеклянный, фарфоровый, шёлковый*): *рассказывала, что на могиле лежат фарфоровые розы* [11, т. 4, с. 239].

³ Также в переносном значении: *Леди Кингстон блистала на всех балах и, выражаясь фигурально, была летней розой на всех зимних праздниках и парадах* [11, т. 3, с. 408].

⁴ *шелковистый* ‘похожий на шёлк’, ‘блестящий, мягкий, гладкий’ [1, с. 1494].

– параметрическая (*купил маленькую розу; громадная роза; цветут огромные розы; с толстыми розами; пышные розы*): *На мостовых валялось множество измятых роз* [11, т. 1, с. 527];

– характеристика ‘лишённый необходимой влаги’ (*сухие розы; высохшие розы; засохший розовый куст*): *Ветер швырнул в окна духана горсть пыли и сухих розовых лепестков* [11, т. 1, с. 500];

– пространственная¹: *На казанлыкских розах Христофориди поймал мохнатого жука* [11, т. 1, с. 539], создающая обобщённое представление о городе: *Турин – весь в бегонии, розах и огромной герани* [11, т. 9, с. 404];

– антропоморфная: *утомлённые жарой заросли роз и бегоний вдыхали в открытые окна пряный и усыпительный воздух* [11, т. 7, с. 536];

– аудиальная, обусловленная спецификой пространства сна: *Оказалось, что это звенят лепестки розы, ударившись о кирпичный пол подвала, где жила тогда наша семья* [11, т. 7, с. 431];

– темпоральная: [такие] *уже осыпающиеся розы были только на опытной субтропической станции* [11, т. 1, с. 596];

– эмоционально-оценочная: *посылаю вам сентиментальные лепестки роз* [11, т. 9, с. 118], отражающая романтическое мировосприятие писателя: *Как внезапно происходят в нас перемены. Ведь вот ещё недавно балы были для меня забавой. Я всё любил в них – и ветер от женских платьев, и розы, упавшие на пол во время вальса, и блеск улыбок, и кипение человеческих страстей под этой маской любезности и смеха* [11, т. 8, с. 31].

Интерес для нашего исследования представляет сопоставление спектра авторских характеристик с зафиксированными в «Русском ассоциативном словаре» [13, с. 560] и отражающими фрагмент «коллективного сознания» реакциями на стимул «роза», которые можно условно сгруппировать следующим образом: а) цветовой признак (*красная, алая, белая, белила, бледная, зелёная, зелень, в цвету, красное, красный, розовая, розовый, чёрная*), б) тактильный (*шипы, колючая, с шипами, шип*), в) эстетический (*красивая, прекрасно, красиво, прекрасная*), г) пространственный (*болгарская, в вазе, клумба*), д) эмоциональный (*любви, любовь, жаль*), е) акциональный (*цветёт, лететь, упала*), ж) одоративный (*душистая, запах*), з) культурологический, символичный (*и крест, эмблема печали; 8 Марта, в подарок*). Как видим, данные реестры включают как уникальные характеристики (напр., у К.Г. Паустовского: антропоморфная, аудиальная, параметрическая, темпоральная, характеристика ‘лишённый необходимой влаги’), так и общие (акциональная, одоративная, пространственная, эмоциональная), среди которых общей абсолютной доминантой является колористическая.

Цветовой спектр, используемый К.Г. Паустовским для визуализации розы, представлен 20 цветолексемами, среди которых (в порядке убывания): а) термины цвета *алый, белый, жёлтый, пунцовый, чёрный, багряный*, спорадически используемые *бордовый, зелёный, золотой, красный, синий, фиолетовый*; б) термины цвета, образованные от названий предметов [19, с. 140]: *розовый, чайная роза*; в) авторские цветообозначения: *цвет густейшей крови, бледно-розовый, как ранняя заря*; г) лексемы, передающие не столько цветовой признак, сколько интенсивность окраски: *пылающая сила роз*; д) имплицитные цветообозначения: *перезрелые розы*; е) лексемы с семей ‘свет’ / ‘тьма’: *серебряный свет* [роз]. Специфика колористической визуализации роз проявляется в следующем.

Термин цвета *алый*, доминанта колористического спектра, актуализируется преимущественно в визуализации пространства человека (вестиального кода произведений): *Букет из шёлковых алых роз был приколот к её корсажу* [11, т. 3, с. 225]

¹ На периферии – в составе топонима: *Однажды Антоний Слонимский рассказал, как около его дома в Аллее роз (варшавская улица, где останавливался когда-то Александр Блок) к нему подошёл маленький соседский мальчик и задал ему простой, но совершенно современный вопрос* [11, т. 7, с. 232].

и его «вещного» мира: *Кузьма Леденцов – рыжий человек – сидит за прилавком и пьёт чай из большой чаши с алыми розанами* [11, т. 8, с. 61].

Термин цвета *белый*, равнозначный по количеству словоупотреблений *алому*, в корреляции с лексемой *роза* функционирует преимущественно в пространстве сна, воображения и соотносится на основе ассоциаций с именем Г.Х. Андерсена: *Потом я задремал под ёлкой от усталости и жара свечей и сквозь эту дремоту увидел Андерсена, когда он обронил белую розу* [11, т. 7, с. 433]; *Пусть же эти радуги почаще сверкают, как многоцветные триумфальные арки, над могилой сказочника Андерсена и над кустами его любимых белых роз* [11, т. 7, с. 444]. Функционируя в природном пространстве: *Каких цветов тут только не было! Бессмысленно их перечислять! <...> розы, розы, розы всех размеров, всех запахов, всех цветов, от чёрной до белой <...>* [11, т. 5, с. 373], *белый* актуализируется в системе природных параллелей: *из каждого пушистого снежного кристалла расцветают на лету один за другим маленькие, совершенно белые и тающие от её дыхания цветы, похожие на розы* [11, т. 6, с. 481].

Рассматривая специфику цветообозначения розы через призму колористического этноприоритета, В.Г. Кульпина обращает внимание на «очередность цветоопределений розы внутри словарных статей в толковых словарях русского и польского языков» [7, с. 274]. Так, в польском языке первую позицию константно занимает термин цвета *белый*, в русском – *красный*, согласно МАС, и *алый* – согласно БТСРЯ: *Алая, белая, чайная роза* [7]. Примечательно, что в представленном «Русским ассоциативным словарём» реестре «цветовых» реакций на стимул «роза» ни *алый*, ни *белый* не являются доминантами, но последовательно занимают вторую позицию после термина цвета *красный*: *красная* 14; *алая, белая* 4; *белила, бледная, зелёная, зелень, красное, красный, розовая, розовый, чёрная* 1 [13, с. 560].

Термин цвета *жёлтый*, функционирующий в пространстве природы: [старухи] *сидели молча, покачивая под слюдяным небом пыльный стеклярус старомодных шляп, и кропили букеты – астры, левкой и жёлтые розы – тёплой водицей из гранёных стаканов* [11, т. 1, с. 305], создаёт носящие антропоморфный характер описания: *Жёлтые чайные розы казались молодыми красавицами, потерявшими румянец от злоупотребления чаем* [11, т. 4, с. 34], фиксирует темпорально обусловленную динамику цвета: *розовые розы цвели в палисадниках и засыпали мостовые грудами быстро желтеющих лепестков* [11, т. 5, с. 547].

Термин цвета *чёрный*, помимо собственно цветообозначающей функции: *такие чёрные и уже осыпающиеся розы были только на субтропической станции* [11, т. 1, с. 596], актуализирует авторские ассоциации: [спектакль] *казался нам, чужестранцам, не совсем реальным, подобно туманным улицам этого городка, его пустынному уюту и увядшей чёрной розе на паперти церкви, где похоронен Шекспир* [11, т. 7, с. 266].

Термин цвета *пунцовый* значим как в пространстве природы: *В эту пыль падали толстые лепестки огромных, растрёпанных, как итальянские красавицы, пунцовых роз* [11, т. 5, с. 254], так и человека (вестиальный код): *Тётушка Дозя в синем платье и в шали с пунцовыми розами, румяная, красивая, рано поседевшая, кланялась старикам в пояс* [11, т. 4, с. 23]. В связи с функционированием термина цвета *пунцовый* примечательно замечание А.П. Василевича: «В начале XX в. весьма употребительным было слово *пунцовый* (ср. *пунцовый ковёр, пунцовый закат*). Характерно, что в одном из телеинтервью Алла Баянова¹, вспоминая о начале своей карьеры, упомянула о преподнесённом ей букете пунцовых роз. В эпоху после революции это слово резко сузило сферу употребления (сейчас оно применяется в редких случаях, по преимуществу при описании цвета кожи лица, да и то в поэтической речи)» [19, с. 39]. В прозе К.Г. Паустовского² термин цвета

¹ Алла Николаевна Баянова (18 мая 1914 г. – 30 августа 2011 г.) – советская, российская и румынская эстрадная певица. Заслуженная артистка России (1993 г.). Народная артистка России (1999 г.).

² Константин Георгиевич Паустовский (19 (31) мая 1892 г. – 14 июля 1968 г.).

пунцовый проявляет высокую активность. И наивысшую – в визуализации пространства природы (флористического кода произведений). Помимо цветообозначения роз, константно коррелирует с лексемой *кипрей* (в *трещинах лестницы цвёл пунцовый кипрей; пунцовые свечи кипрея; цветы [кипрея] сохранили свою яркую пунцовую окраску*): *И тут же на берегу стояли увядшие цветы кипрея. Пунцовые их лепестки покрылись ржавчиной от едкой росы* [11, т. 7, с. 372], спорадически – с номинациями *татарник*: *большие пунцовые головки татарника; мальва: сквозь бурьян выглядывали пунцовые мальвы; иван-чай: порубки, заросшие молодыми сосенками и берёзами, пунцовым иван-чаем; сирень: в зардевших от смущения слабым, чуть пунцовым румянцем чашечках сирени*. Второе по значимости пространство функционирования термина цвета *пунцовый* – пространство человека (соматический код), где цветообозначение принимает участие в создании как колористических описаниях лица: *пунцовые щёки выдавали её радость; блестящие от жара, чёрные глаза и пунцовый румянец на щеках*, а также: *пёструю куклу с круглыми пунцовыми щёчками; старик с пунцовым, сытым лицом пропойцы*, так и других частей тела: *помогали шофёр с пунцовым от солнца затылком* [11, т. 6, с. 130].

Термин цвета *багряный* ‘ярко-красный’ в корреляции с лексемой *роза* сопровождается дополнительными характеристиками: *В зубах у них пылали¹ багрянцем пышные розы* [11, т. 7, с. 165]; *хрусталь, пылившийся годами в буфете, а теперь вымытый и протёртый до алмазного блеска, отражал медный бок самовара и влажный² багряный цвет осыпавшихся роз* [11, т. 2, с. 287], в чём проявляется тенденция к интенсификации восприятия, в целом свойственная цветописи К.Г. Паустовского [15].

Функционирование термина цвета *красный*, единичное употребление которого свидетельствует о высокой степени индивидуально-авторского в визуализации розы (ср. с позицией доминанты цвета: *красная, алая, белая* [13, с. 560]), также специфично тенденцией к интенсификации: *Поникнув, висели у подножия распятия очень красные бумажные розы* [11, т. 4, с. 10].

Розовый получает дополнительную оценочную характеристику – соответствие цветовой норме: *тяжёлые классические розовые розы цвели в палисадниках* [11, т. 5, с. 547]. Ср. с данными «Словаря цвета»: **Роза**. Розы. Образно. Розовый свет, цвет. Роза виво. Практикующееся в торговле кораллами обозначение ярко-розового коралла. Старой розы. Грязновато-розовый, не насыщенный цветом. Цвет увядшей розы. Коричневато-розовый, тускло-розовый [18, с. 345], а также этимологией: «Как и укр. *рожевий*, польск. *gożowy*, произведено от *роза* или соответственно польск. *goża* «роза» (Брюкнер. с. 466). Русск. слово получено, возм., от укр. и польск. с вторичным воздействием *роза*» (Фасмер III. с. 496) [8, с. 79].

Корреляция термина цвета *бордовый* с лексемой *роза*, спорадически актуализируемая К.Г. Паустовским: *А вечером кто-то, очевидно дочь Васо, поставил мне на стол консервную банку с несколькими толстыми бордовыми розами* [11, т. 5, с. 547], сегодня, согласно исследованиям А.П. Василевича, продуктивна, становится основой для создания авторских терминов цвета: *сумеречная роза ‘серовато-бордовый’* [19, с. 155], *роскошь увядания ‘цвет увядшей бордово-красной розы’* [19, с. 159].

Термин цвета *зелёный* принимает участие в визуализации розы (партитатив): *превращался то в оранжевого дракона или цветок розы с зелёными листьями* [11, т. 4, с. 43], функционируя в пространстве природы. Расширение цветовой палитры происходит за счёт выхода за рамки природного пространства в пространство творчества: *Христина разрисовала печку в хате деда Мыколы огромными синими розанами и петушками* [11, т. 4, с. 484], в пространство «вещного» мира: *Посреди стола стоял большой букет фиолетовых бумажных роз* [11, т. 4, с. 458].

¹ *пылать* ‘ярко светиться, излучать сильный свет’ [1, с. 1051].

² *влажный* ‘насыщенный, пропитанный влагой’, ‘покрытый влагой’ [1, с. 135].

Функционирование термина цвета *золотой*¹ ‘блестяще-жёлтый, подобный цвету золота’ иллюстрирует характеризующую манеру цветописи К.Г. Паустовского тенденцию к интенсификации действительности и созданию на основе цепочек цвета [17] эффекта «многоцветности» (*чёрный – белый – золотой – бледно-розовый*): *и розы, розы, розы всех размеров, всех запахов, всех цветов, от чёрной до белой и от золотой до бледно-розовой, как ранняя заря* [11, т. 5, с. 373].

Цветовой спектр колористических описаний розы расширяется номинацией *чайная роза* ‘декоративное растение, цветущее небольшими цветками бледно-жёлтого цвета’, ‘сорт розы’; ‘роза с бледно-жёлтыми лепестками’ [1, с. 1467]: *Галя возмущалась этими её словами и продолжала возиться над одной какой-нибудь чайной розой целый день* [11, т. 4, с. 655]. Цвет такой розы К.Г. Паустовский, избегающий пастельных тонов [15], считает необходимым уточнить: *жёлтые чайные розы* [11, т. 4, с. 34]. Ср. с терминами цвета, приводимыми А.П. Василевичем: *палевый* ‘соломенно-жёлтый с чуть розоватым оттенком, цвета чайной розы’, см. также *кремовый* [19, с. 122]; *сливочный* ‘цвета жирного молока, сливок, белый с желтизной, цвет чайной розы’ также *кремовый* [19, с. 123].

К области авторской цветономинации относятся созданные на основе сравнения цветообозначения, передающие интенсивность цветового признака – от низкой: *розы всех цветов, от золотой до бледно-розовой, как ранняя заря* [11, т. 5, с. 373] до высокой: [купил] *розу, цвета густейшей крови, подошёл к японке и положил холодный и сырой цветок ей на колени* [11, т. 6, с. 598]. Степень интенсивности цвета призваны передавать также лексема *пылать*² (*пылающие розы; пылающая сила роз*): *Утро, – пишет он, – полное свежести и росы, сообщает красному цвету пылающую силу роз, прозрачность зари, свойственную воздуху плоскогорий* [11, т. 2, с. 291], имплицитное цветообозначение: *Что касается старой Европы, то она была просто неотделима в мыслях от <...> паровозного дыма, хрустящего утреннего хлеба, укропа, перезрелых роз и табака* [11, т. 5, с. 277].

Физической природой цвета и спецификой цветописи К.Г. Паустовского [15] обусловлено расширение цветового спектра лексемами с семой ‘свет’ / ‘тьма’: *вся комната наполнилась её [белой розы] серебряным светом и непонятным медленным звоном* [11, т. 7, с. 431].

Таким образом, в представленной на фоне широкого спектра характеристик, соотносимых с цветком, колористической характеристике розы отразилось соотношение национального и индивидуально-авторского в её восприятии, проявились основные черты цветописи писателя. Полученные результаты послужат как созданию «Словаря цветописи К.Г. Паустовского», проект которого был представлен нами в [16], так и комплексной реконструкции колористической картины мира писателя и созданию концептосферы цветообозначений русского языка.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Борисова Л.В. К вопросу о растительном коде лингвокультуры / Л.В. Борисова // Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном пространстве: проблемы языкового взаимодействия и

¹ Интересно с позиций брендинга проследить современные тенденции нейминга: «Золотая роза» – 1) литературная премия в честь Паустовского, Москва; Международная литературная премия // <http://goldenrose.kiev.ua/>; Всероссийский конкурс-фестиваль творчества и искусств, Подольск, 2) аромат Dilis Parfum; туалетная вода Apple Parfums; масло для питания волос, O'right Golden Rose Oil, 3) салон красоты, Минск, Йошкар-Ола; 4) магазин косметики и парфюмерии, Пермь, 5) гостевой дом Golden Rose, Геленджик. **В качестве термина цвета** – в описании товара: чемодан на колёсах Solier STL838 (S, золотая роза) // https://m.21vek.by/luggage/stl838_solier_06.html

² О современных негативных тенденциях в использовании чит. [19]: «Однако сплошь и рядом приходится наблюдать, как наряду с изделиями импортируются названия цвета этих изделий, иногда без всякого перевода: *Санрайз* (в оригинале *sunrise* ‘восход солнца’), *Бернинг роуз* (*burning rose* ‘пылающая роза’); *Парижан роуз* (*Parisian rose* ‘парижская роза’)» [19, с. 40].

- межкультурной коммуникации: Сб. науч. ст. по итогам Всеросс. науч.-практ. конф. / Отв. ред. С.Л. Михеева [и др.]. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018. – С. 19-22.
3. Жулькова К.А. Флоропоэтология в работах К.И. Шарафадиной (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 2014. № 1. – С. 71-78.
4. Климовских Ю.А. Цветовая картина мира О. Уайльда: когнитивно-лингвокультурологический подход: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – 21 с.
5. Крамкова О.В. Опыт лексикографического описания цветообозначений в русском языке («Словарь цвета и цветовых оттенков», Н. Новгород, 2014) / О.В. Крамкова // Социальные трансформации: Сб. науч. ст. / Под ред. Ю.А. Грибер. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2019. Вып. 30: Первый всероссийский конгресс по цвету. – С. 98-103.
6. Круглова Е.А. Символика розы в русской и немецкой поэзии конца XVIII – нач. XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 16 с.
7. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках. – М.: Московский Лицей, 2001. – 470 с.
8. Кульпина В.Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер. – М.: МАКС Пресс, 2019. – 288 с.
9. Мусаева О.И. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира (на материале русского и испанского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 24 с.
10. Ненарокова М.Р. «Царица цветов»: развитие значений розы в европейском и русском языке цветов (XVII-XIX вв.) // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 6–5. – С. 38-66.
11. Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Худож. лит., 1981–1986.
12. Полухина В.П. Словарь цвета поэзии Иосифа Бродского. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 367 с.
13. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / редкол.: Ю.Н. Караулов [и др.]. М.: АСТ-Астрель, 2002. Т. I: От стимула к реакции. 2002. – 784 с.
14. Седых А.П. К вопросу о языковой и «цветовой» картинах мира // Лексикография и коммуникация – 2016: материалы II Междунар. науч. конф. (Белгород, 21–22 апр. 2016 г.) / Под ред. А.П. Седых. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 118-121.
15. Сивова Т.В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Минск, 2018. – 29 с.
16. Сивова Т.В. Колоративная лексика как предмет лексикографического описания: от словника цветообозначений к словарю цвета // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. 2013. № 2 (156). – С. 61-66.
17. Сивова Т.В. Цепочки цвета как фрагменты колористической палитры прозы Паустовского (на материале автобиографической повести «Повесть о жизни») / Т.В. Сивова // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения: Сб. науч. ст. / Московский литературный музей-центр К.Г. Паустовского. – М.: Мир Паустовского, 2007. Вып. 3. – С. 546-552.
18. Харченко В.К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское. – М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2009. – 532 с.
19. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А.П. Василевича. – М.: КомКнига, 2005. – 216 с.

References

1. *The large explanatory dictionary of the Russian language* / gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2000. 1536 p.
2. Borisova L.V. *To the question about the vegetable code in the linguistic culture* // *Mezhjetnicheskoe vzaimodejstvie v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve: problemy jazykovogo vzaimodejstvija i mezhkul'turnoj kommunikacii*: Sb. nauch. st. po itogam Vseross. nauch.-prakt. konf. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t, 2018. P. 19-22.
3. Zhul'kova K.A. *Floropoetology in the K.I. Sharafadina's works (summary)* // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 7, Literaturovedenie: Referativnyj zhurnal*. № 1. 2014. P. 71-78.
4. Klimovskih Ju.A. *O. Wilde's color picture of the world: cognitive-linguoculturological approach*: Author. diss. cand. filol. sciences. Stavropol, 2011. 21 p.
5. Kramkova O.V. *The experience of lexicographical description of color names in the Russian language ("The dictionary of color and color shades", Nizhni Novgorod, 2014)* // *Social'nye transformacii*: Sb. nauch. st. Smolensk : Izd-vo SmolGU. Vyp. 30, 2019. P. 98-10.
6. Kruglova E.A. *Symbolism of a rose in Russian and German poetry of the late XVIII – early XX centuries*: Author. diss. cand. filol. sciences. Moscow, 2003. 16 p.
7. Kul'pina V.G. *Color Linguistics: Color Terms in Polish and Russian Languages*. Moscow: Moskovskij Licej, 2001. 470 p.
8. Kul'pina V.G. *Linguistics of colour: from history to contemporary stage of colouristic conceptual spheres*. Moscow: MAKS Press, 2019. 288 p.
9. Musaeva O.I. *Floristic metaphor as a fragment of the national picture of the world (based on the Russian and Spanish languages)*: Author. diss. cand. filol. sciences. Voronezh, 2005. 24 p.

10. Nenarokova M.R. "The Queen of Flowers": the development of the meanings of roses in the European and Russian language of flowers (XVII-XIX centuries) // *Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tehnologij*. № 6–5, 2016. P. 38-66.
11. Paustovskij K.G. *Collected Works*: in 9 vols. Moscow: Hudozh. lit., 1981–1986.
12. Poluhina V.P. *The Dictionary of Joseph Brodsky's color poetry*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 367 p.
13. Karaulov Yu.N. *Russian associative dictionary*. Moscow: AST-Astel', 2002. 784 p.
14. Sedykh A.P. *On the language and «color» pictures of the world* // *Leksikografija i komunikacija* – 2016: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (Belgorod, 21–22 apr. 2016 g.). Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU», 2016. 118-121.
15. Sivova T.V. *Interrelation of color, light and chronotope in the language of K.G. Paustovsky's works of fiction*: Author. diss. cand. filol. sciences. Minsk, 2018. 29.
16. Sivova T.V. *Color vocabulary as the subject of a lexicographic description: from the vocabulary of color designations to the color dictionary* // *Vesnik Grodzenskaga dzjarzhavnaga wniversitjeta imja Ja. Kupaly*. Ser. 3, Filalogija. Pedagogika. Psihologija. № 2 (156), 2013. 61-66.
17. Sivova T.V. *Color chains as a fragments of the coloristic palette of Paustovsky's prose (based on the material of the autobiographical novel "The Tale of Life")* // K.G. Paustovskij. Materialy i soobshhenija: Sb. nauch. st. / Moskovskij literaturnyj muzej-centr K.G. Paustovskogo. Moscow: Mir Paustovskogo. Vyp. 3, 2007. 546-552.
18. Kharchenko V.K. *Color dictionary: actual, potential, author's*. Moscow: Lit. in-t im. A.M. Gor'kogo, 2009. 532.
19. Vasilevich A.P., Kuznetsova S.N., Mishchenko S.S. *Color and color terms in Russian language*. Moscow: KomKniga, 2005. 216.

УДК 81'373.7

BILINGUALISM AS AN INTEGRAL PART OF THE TRANSLATOR

Stolyarova, Valeria Vyacheslavovna

Student of the Faculty of foreign languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / ms.parga_159@mail.ru

Avilova, Irina Aleksandrovna

Senior lecturer of English language and teaching methods
Department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / Avilova_i@bsu.edu.ru

Abstract

This article will focus on the modern achievements of science in the field of the theory of bilingualism, which grew up on the basis of language contacts. The phenomena of mass bilingualism and multilingualism have become the norm of modern society. The extraordinary versatility of bilingualism has given rise to many bilingual theories and aspects. The main aspects of bilingualism are considered: linguistic, psychological, sociological, pedagogical, literary and artistic.

Key words: Bilingualism, bilingual people, translators, bilingual sphere, work, science.

The 21st century represents a new stage in the development of modern society. Most of the political, economic and socio-cultural changes of recent years are inextricably linked with the desire of countries for an open society and integration into the European cultural and educational space. The rapidly developing international relations lead to the close interaction of various cultures and civilizations. There are few places in the world where residents encounter with their life only one thing - their native language.

Television, the media, the Internet penetrates everywhere, and with them foreign forms of communication. People travel, migrate, try to adapt to the new environment, understand the peculiarities of life in other places, foreign languages are also included in the educational minimum of school and university training programs in many countries, and quite often, the language of education differs from the native language of students. Without knowledge of another or other languages, one way or another is now indispensable. These processes have a significant impact on the language situation as a whole. The development of the available information and communication space creates the prerequisites and conditions for the spread of bilingualism or bilingualism as a leading trend in the linguistic development of modern society. In turn, bilingualism as a modern socio-cultural phenomenon develops under the influence of the following factors:

- strengthening the role of the sociocultural component;
- studying the culture of other countries and a deeper awareness of their own culture, participation in the "dialogue of cultures";
- the creation of a single educational space and, as a result, the desire of people to achieve a common European level of knowledge of foreign languages and the development of academic mobility of students and teachers;
- the need for bilingual education as a means of training that gives future specialists the opportunity to realize their potential and work actively in the global market, as well as a significant increase in inter-professional exchanges in the 21st century;
- the use of new information and communication technologies, the development of distance learning, on-line training, etc [Filimonova, Krylov 2012, 47].

Interest in the scientific study of bilingualism arose at the end of the 19th century and was associated with the development of linguistics and related sciences. Fundamentals of scientific development of the linguistic problems of bilingualism incorporated in the works of prominent scientists, I.A Baudouin de Courtenay, L.V. Shcherba, F.F. Fortunatov, A.A. Shakhmatov, E.D. Polivanov etc., as well as in the works of prominent foreign linguists A. Meye, W. Weinreich, G. Schuhardt, A. Martine, E. Haugen, S. Swades, S. Edwin, C. Osgood and others [Andreeva 2009, 34-35].

The problems of bilingualism and intercultural communication are inextricably linked, because people who speak a foreign language professionally are both specialists in the field of intercultural communication and bilinguals.

In modern science, there are many interpretations of the concept of «bilingualism». According to generally accepted ideas, bilingualism – is the fluency of two languages at the same time. The classic definition of bilingualism can be considered the definition of W. Weinreich. He claims that bilingualism is the possession of two languages and their alternate use depending on the conditions of speech communication. In the famous book by W. Weinreich "Language contacts", we read: «... the Practice of alternating the use of two languages, we will call bilingualism, and those who implement it, bilingual...»

A similar definition is given by V. Yu. Rosenzweig: «bilingualism is usually understood as the possession of two languages and regular switching from one to the other depending on the communication situation». From the point of view of psycholinguistics, bilingualism is the ability to use two language systems for communication [Terekhova 2002, 125].

Traditionally, professional proficiency in a foreign language is defined as approaching the level that is characteristic of an educated native speaker. However, this definition is not sufficient for people. It is advisable to add to it some more characteristics that are important for working with a foreign language, i.e. one that is not the language of communication in the country where it is used. A subject who uses a foreign language in his professional activity needs not only a certain level of practical knowledge of a foreign language, but also the ability to operate as a subject of communication in two (native and foreign) languages to ensure professional communication, as well as the ability to translate from one language to another within the limits necessary for professional activity [Terekhova 2002, 127].

As a result of mastering a foreign language, a monolingual person becomes bilingual, and the image of the world that exists in her mind expands by including a new angle of view represented by a second language system and a different culture. The formation of a bilingual personality can be carried out in different conditions, which will determine the qualitative originality of the emerging bilingualism. There are at least three types of bilingualism situations. In the first case, there is a natural bilingual communication environment, in which the child develops as a bilingual person from birth, without passing through the phase of monolingual development. In the second case, the monolingual person moves to a country whose language they do not speak. In this case, the study of a second language and the formation of bilingualism are carried out in the presence of constant linguistic and cultural reinforcement of the second language, which, of course, optimizes the formation of a second language mechanism. However,

in these conditions, the second language system can become dominant, which can lead to the «Erasure» of the native language and to the actual return of the subject to the monolingual status.

The object of this study is the third type of situation, when a second language is studied as a foreign language in a specially organized learning environment and in isolation from the environment in which this language serves for communication between its speakers. In this case, the native language is the dominant one, which determines the quality of the emerging bilingualism [Kolykhalova 2003, 188].

The subject learns a foreign language through the medium of the native language, which is the main tool of knowledge. As a result, the native language turns into a «prism» through which the knowledge of the studied language is refracted from its power to erect between itself and objects [Sedykh, Trescheva, Koteneva, Buzinova, Ermakova 2017].

By learning a foreign, new language, a person simultaneously learns a foreign, new world, in the words of M. Heidegger, learns a «new Home». And how real is it to enter this House, «great and powerful», to master all its riches, it means, not only to understand, but also to feel the meaning and meaning, often hidden, of tens or even hundreds of thousands of words, proverbs, sayings, etc.? A meaning that is revealed only to a person who has been immersed in the culture of a nation since childhood, who is well acquainted with its history, literature, Ethnography, folklore, and many others, up to the climatic conditions and confessional characteristics. In this regard, it can be distinguished two levels of language acquisition and use: the lowest (transmitting the meaning of information), or schematic, and the highest – creating and transmitting information as a three-dimensional and color image; if we develop an analogy, these levels are related as reading the score and orchestral performance. Moreover, even a perfectly correct language (a large vocabulary, perfect grammar) can be sterile, while the inclusion of «wrong» words, «inappropriate» expressions, deliberate mistakes (pseudo-mistakes, pseudo-sayings) often makes the language of a literary work, as well as oral speech, more saturated in color, humor, etc., i.e. more alive. The latter is not always available even for native speakers of a given language, let alone bilinguals, for whom the second language is not their native language. It seems that this position is echoed by the thought of Heidegger: «... is it so in language, as far as its essence is concerned, that we understand it as a language and, listening to it proper, perceive it?» [Kolykhalova 2003, 190].

According to S. Bochner, as a result of cross-cultural contacts, four individual types of bilinguals are formed:

- 1) defector (giving up your own culture for someone else's);
- 2) chauvinist (the opposite version);
- 3) marginal (fluctuation between two cultures);
- 4) intermediary (synthesizes two cultures, being their connecting link) [Kolykhalova 2003, 183-185].

Bilingualism lives and develops due to the interpenetration of cultures and languages in the process of long and direct contact. The famous aphorism of the psychologist B.G. Ananyev: «Personality is a product of culture» takes on a special meaning when it comes to bilingualism. Can it be considered a product of two cultures, or does cultural contact in this case lead only to the development of a different culture by the individual, during which there is an interpenetration and displacement of cultures? Does a bilingual become a person «at the border of two cultures?» V. A. Vlasov's doubts about this idea. «The personality of a bilingual, considered only in this context, is as if «frozen» constant, at the same time, the process of its formation is continuous, dynamic, and, therefore, the personality is constantly exposed to various influences, in particular, the impact of a new, foreign-language culture. In the case of the adoption of this point of view we need to talk about the formation of a bilingual (poly-linguistic) identities that are not static «on the boundary of two cultures» (three or more – this is not so important), but actively assimilating the fruits, the results of these cultures, while developing their own culture, a conglomerate of cultures inside a culture of peace, culture of tolerance, culture of a person as an open system for all new and different. In this vision of the goals of education, cultural and socio-

cultural approaches are clearly visible. This fully concerns the problem of the goals and content of the «poly-language» training of a resident of the XXI century, his linguistic education. It should create conditions for the individual to enter into an equal dialogue with the existing multicultural environment, allowing it to enter the world through the national and studied culture [Kolykhalova 2003].

Based on the above, it can be concluded that bilingualism contributes to the achievement of an adequate picture of the world in the mind of the individual. It should be noted that bilingualism, first, helps communication, cooperation, rapprochement and mutual assistance in social and political life; second, it promotes the spread of a wide cultural exchange between peoples; third, it can minimize language barriers in the communication of people of different nationalities, acting as a means to exclude the possibility of mutual isolation of peoples; fourth, it contributes to the wide spread of the language of interethnic communication; fifth, it contributes to mutual enrichment and mutual influence, replenishment and expansion of the lexical stock of each of the languages participating in a common and unified process.

References

1. Andreeva, S.V. (2009) *«Bilingvizm i ego aspekty»* [Bilingualism and its aspects] // Scientific notes of the TRANS-Baikal state University, No. 3. Irkutsk: ZSU. 34-35.
2. Filimonova, M.S., Krylov D.A. (2012) *«Dvuyazychie kak tendenciya sovremennogo obshchestva k yazykovomu obrazovaniyu»* [Bilingualism as a tendency of modern society language education] // Vestnik Mari State University, No.10. Rep. Mari-El, Yoshkar-Ola. 46-50.
3. Kolykhalova, O.A. (2003) *«Voprosy obrazovaniya i bilingvizma»* [Questions of education and bilingualism] // Vestnik RUDN, No.2, Series Philosophy. Moscow: RUDN. 183-191.
4. Sedykh, A.P., Trescheva, N.V., Koteneva, I.A., Buzinova, L.M., Ermakova, L.R. (2017) Bilingualism and biculturalism and teaching of modern languages: point of view of a teacher of french from Russia // Modern Journal of Language Teaching Methods. Vol.7, №2. 226-231.
5. Terekhova, G.V. (2002) *«Dvuyazychie k voprosu ob izuchenii inostrannykh yazykov kak sredstve mezhkul'turnoj kommunikacii»* [Bilingualism to the question of learning foreign languages as a means of intercultural communication] // Vestnik OSU, No.6. Orenburg: OSU. 123-128.

УДК 81

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ СТАТЕЙ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Стрижнёва Марианна Юрьевна

аспирант кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / maris@ukr.net

Аннотация

Осуществлен обзор современных жанров научно-популярных статей туристических журналов. Представлены их композиционные, грамматические, лексико-семантические и прагматические характеристики, обусловленные интердискурсивностью журнала (публицистический, туристический, научный, информационный, рекламный дискурсы). Туристический журнал подает объективную страноведческую информацию с авторскими комментариями. Были отмечены явления межджанровой диффузии, гибридизации и упрощения традиционных журналистских жанров (путевой очерк, обзор, репортаж, рекомендация, публицистическая зарисовка, интервью), возникновение нового жанра «путешествие». Описаны адресант (автор статьи) и адресат (читатель/слушатель), в частности эмоциональное (образная и экспрессивная лексика) и аргументативное влияние (стандартизированные высказывания), оказываемое первым с помощью дискурсивных стратегий и тактик для создания позитивного впечатления и убеждения адресата ближе ознакомиться с туристическим объектом.

Ключевые слова: туристический дискурс, жанры статей, журнал-travelог.

GENRE PARTICULARITIES OF SCIENTIFIC-POPULAR ARTICLES OF TOURIST DISCOURSE

Stryzhnova, Mariana Yurievna

post-graduate student of Belgorod State university / maris@ukr.net

Abstract

There was done a short review of modern genres of scientific-popular articles of tourist magazines. There were presented their compositional, grammar, lexical-semantic and pragmatic characteristics due to the magazine's

interdiscursivity (publicistic, tourist, scientific, informational, advertizing discourses). The tourist magazine provides objective civilizational information with author's comments. There were noticed phenomena of diffusion between genres, hybridization and simplification of traditional journalistic genres (travelling sketch, review, report, recommendation, publicistic sketch, interview), emergence of a new genre «travel». The sender (the author of article) and the addressee (the reader/listener) are described, in particular emotional (figurative and expressional lexics) and the argumentational influence (standardized statements) performed by the first by means of discourse strategies and tactics for creation of a positive impression and persuasion of the addressee to examine closer a tourist object.

Keywords: tourist discourse, genres of articles, magazine travelogue.

В условиях глобализации одним из самых действенных инструментов создания позитивного образа иностранных стран в коллективном сознании нашей родины является туристический дискурс, в частности представленный туристическими журналами (травелогами). Они становятся все более популярными в активной прослойке общества, представители которой не только удовлетворяют свой читательский интерес, но и находят вдохновение к путешествиям, начиная со своей страны. Некоторые из этих путешественников становятся затем авторами статей о собственных путешествиях, что является наилучшей обратной связью и оценкой влияния жанров современного туристического журнала.

Актуальность нашей статьи обусловлена необходимостью установить разграничения между существующими жанрами туристических статей, которые постепенно изменяются и смешиваются, путем рассмотрения их жанровых особенностей. Эта тема еще недостаточно изучена современными лингвистами и журналистами.

В нашей работе *объектом* нашего рассмотрения был письменный вид туристического дискурса, в частности современные жанры туристических статей научно-популярного журнала «Вокруг света». Нашим *предметом* был теоретический обзор и сравнение особенностей жанров научно-популярных статей, навести типологические особенности туристического дискурса на материале журнала "Вокруг света" за 2018-2019 гг. При рассмотрении указанной теме мы применили *методы* сравнения, терминологического, типологического и лингвопрагматического анализа.

По мнению многих ученых туристический дискурс имеет собственную жанровую парадигму и множество жанровых форм [Киселева 2007; Погодаева 2008; Лучинская 2009; Говорунова 2013; Филатова 2014; Колчевская 2106; Полежаев 2017; Сычова 2019].

Рассмотрим жанровые классификации типов туристических журналов у разных ученых. Полежаев Ю. Г. разделяет их на информационно-рекламные, развлекательные-рекламные, развлекательные, научно-популярные, эстетические, профессиональные, а также партворки тревел-тематики и бортовые журналы. Он выделяет следующие основные функции этих видов изданий: информационно-просветительская, развлекательно-релаксационная, коммуникативная, имагологическая, рекламная, имиджевая).

Для травелога характерно просветительно-информативное направление (описания процесса путешествия), прагматизм (авторская информация не только интересна, но и полезна для читателя), а также присутствует художественно-эстетическое начало. Это связано с использованием в нем различных функциональных стилей: официально-делового публицистического, художественного, научного, и разговорно-бытового. В него входят такие жанры, как: отчет о вояже, путевые заметки, путевой очерк, путевой дневник и путевой эпистолярный. В развлекательных и рекламных туристических изданиях доминируют жанры, направленные на усиление потребительского интереса читателей как потенциальных покупателей туристических услуг, в научно-популярных (к которым относится журнал «Вокруг света») – те, которые подают актуальную научно-просветительскую информацию, а в профессиональных – информативные для специалистов этой отрасли.

Однако существует современная тенденция упрощения традиционных жанровых форм, обусловленная в частности взаимопроникновением журналистского, рекламного и

PR-дискурсов. По определению Полежаева туристический журнал – это «печатное сброшюрованное периодическое издание, которое является специализированным (тематически ориентированным) медийно-коммуникационным каналом, который транслирует информацию, принадлежащую к гетерогенной концептосфере «странствия - путешествие - туризм - отдых». Наиболее распространенным жанром в таком журнале является путевой очерк, который включает в себя элементы репортажа или интервью.

Доминанту научно-популярного журнала «Вокруг света» представляют такие темы: «наука как способ познания мира», «местное население, его образ жизни, традиции, обычаи», «культура, искусство», «исторические достопримечательности и фигуры», «природа, растительный и животный мир», «технологии». Таким образом он популяризирует научную страноведческую информацию и содействует развитию межкультурной коммуникации. Также специфика туристического журнала заключается в его интердискурсивности, ведь он сочетает художественно-публицистический, туристический, научный, информационный, рекламный и другой дискурс, и мультиинституциональность: привлечены рекламный, журналистский и PR модулы [Полежаев 2017: 4, 7-9, 11-14].

Туристическим статьям свойственна стандартная композиция (заглавие - подзаголовок - вступление - основная часть - [историческая справка] - вывод), объективное представление информации, но возможны субъективные комментарии. Кроме описания современной действительности в этих жанрах присутствуют элементы проспекции и/или ретроспекции. Стилль статей обычно очень зависит от автора, у многих журналистов «Вокруг света» можно встретить утонченные образные сравнения, каламбуры, сложные синтаксические конструкции, а также уточнения, исторические, культурологические, географические, литературные и другие справки.

Рассмотрим особенности основных жанров статей журналов-трavelогов у разных ученых. Колчевская В. А. различает следующие жанры: текст-статья, текст-реклама, текст-анонс, текст-совет, текст-отзыв, текст-очерк [Колчевская 2016]. По нашему мнению, к тексту-статье относится репортаж, интервью, «путешествие», к тексту-совету – рекомендация, а к тексту-очерку – путевой очерк и публицистическая зарисовка. А. В. Колесниченко определяет репортаж как рассказ свидетеля, который дает возможность читателю ощутить себя на месте события. Умелый автор создает эффект присутствия для читателя, который будто воспринимает то, что происходит вместе с журналистом [Колесниченко 2008]. Для этого жанра характерны актуальность, общественная значимость, динамичность и наглядность изложения. В нем путешествие описано не как самоценный процесс, а как средство ознакомления читателя с социально-культурными реалиями или неурядицами других народов [Муха, Федосеева 2015].

Согласно А. А. Тertyчному, путевой очерк - это творческое описание личных событий и встреч автора с разными людьми во время его творческого путешествия. Этот жанр является динамическим во времени и пространстве, присутствует авторское «я»; информация подобрана в соответствии с авторским замыслом [Тertyчный 2000, 205-206]. С.М. Гуревич усматривает специфику репортажа в его стиле, эмоциональном и энергичном. Для него характерно использование образных средств, в частности тропов: ярких эпитетов, сравнений, метафор, иронии и т. д. Эффект присутствия возникает при сопереживании, когда читатель вместе с репортером увлекается и возмущается. Поэтому репортаж часто определяют как «художественный документ» [Гуревич 2004, 242].

А.А. Тertyчный определяет рекомендацию как аналитическое произведение, в основе которого лежит императивная программная информация [Тertyчный 2000, 201]. Она имеет практический характер, несет совет читателю-путешественнику. К жанру рекомендации относятся объемные материалы о рекомендованных местах для поездки на выходные или в отпуск или справочные колонки о видах доступного жилья, полезных вещах в путешествии и так далее. Публицистическая зарисовка, или эссе, может

передавать наблюдение за обычаями жителей определенной местности, несет элементы репортажа и диалога (Муха, Федосеева 2015).

Относительно интервью нужно отметить, что этот жанр в травелогах характеризуется большей свободой стиля, в частности он сопровождается субъективными комментариями автора, регулярными описаниями обстановки (она может меняться), разговорными элементами (как у автора, так и объекта интервью), каламбурами, фразеологизмами.

Однако отмеченные жанры редко встречаются в чистом виде, по большей части в смешанном. Это обусловило появление гибридных форм, например сочетание путевого очерка и репортажа, интервью и рекомендации. Т.М. Жаплова так отмечает современную тенденцию в журналистике: «Виртуозно отточенные в журналистской среде формы и методы воспроизведения действительности часто вбирают в себя черты смежных, «пограничных» жанров, которые открывают новые возможности для их использования в газетно-журнальной практике» [Жаплова 2013, 228]. В современном журнале возник многогранный жанр «путешествие». В «путешествии», как и в путевом очерке, автор привлекает фрагмент-пейзаж, портретные зарисовки и авторские отступления. Однако в «путешествиях» информация подается красноречиво, аргументированно (чтобы побуждать читателя к собственному путешествию) но очень сжато и исчерпывающе [Жаплова 2013, 231].

По мнению Погодаевой С.А., при представлении пространства и объектов туризма используются числительные, цифры, единицы измерения расстояний, топонимы (гидронимы, спелеонимы, агроонимы и др.), объекты-ориентиры, концепты (природное и культурное наследие, история, путешествие), субъективно-оценочная лексика (антропоморфная лексика, тропы и др.). Среди маркеров времени существуют прямые (конкретные даты) и косвенные показатели времени (название архитектурного стиля указывает на время построения), относительные индикаторы, описывающие моменты и отрезки времени, цикличность. Что касается грамматических времен, то преобладает настоящее, реже прошлое для описания исторических событий и будущее для запланированных событий или описания потенциальных возможностей туриста.

Сам адресат, по определению С.А. Погодаевой, является «многоликим, анонимным, сгруппированным в динамическое открытое множество», ему свойственны «повышенная эмоциональная восприимчивость, доверчивость по отношению к адресанту, открытость к познанию и общению». Адресант имеет следующие характеристики: «компетентность, дидактичность, популяризаторство, полифоничность, услужливость. Через характерную для адресанта диалогичность проявляется его стремление установить дружественный контакт, продолжить общение с адресатом туристического дискурса, повлиять на его дальнейшие действия». Отношения между участниками коммуникации в сфере туризма характеризуются не только наличием контактности, диалогичности, но и проявлением дистантности [Погодаева 2008, 7-8]. Для туристического дискурса свойственен аргументативный способ организации текста и использование дискурсивных стратегий и тактик для убеждения адресата (стратегии дифференцирования, информирования, вежливости, сотрудничества, оценочные и ценностные стратегии, стратегии сближения с адресатом, повышение «читаемости» сообщения; тактики ретроспекции и рефреймирования)». [Погодаева 2008, 5-6]. Они служат для усиления впечатления, информирования и убеждения читателя посетить описываемое место в реальном/виртуальном режиме в ближайшее время.

Рассмотрим разноуровневые типологические особенности туристического дискурса в статьях журнала «Вокруг света» (2018-2019) согласно Дериду И.В. [Дерик 2015, 6-7]:

1) лексико-семантические:

а) частотное употребление характерных слов для туристического дискурса и лексики из их семантических полей: путешествие, поездка, турист, активный/пассивный отдых, пейзаж, местная культура, питание, жилье и т. д.;

б) образная лексика с модальным и эмоциональным значением: увлекательная панорама, ощущение отделенности, затерянности в сказке, красивая и роскошная локация, одинаково прекрасная погода, свадьбу профессионалы могут превратить в настоящий фильм со счастливым концом, идеальное место для воплощения этой фантазии;

2) грамматические:

а) распространенность языковых единиц с грамматическим значением номинации, идентификации, детерминированности, динамических и статических признаков, действия и состояния: стоит заранее позаботиться о..., бронировать заранее, хлопоты можно поручить профессионалам, есть возможность, представляет собой;

б) частотное использование темпорального и пространственного дейксиса, высшей и наивысшей степеней сравнения прилагательных, глаголов несовершенного вида: одно из самых романтических мест, местные вина славятся на весь мир, лучшие салоны, наибольшая крепостная стена, в Европе проводят в любое время года, наилучшая площадка для созерцания завершающих фейерверков;

в) количественное преобладание неличных форм глагола над личными, форм страдательного залога над формами действительного залога, глагольных форм настоящего и будущего времени над формами прошедшего времени, в результате чего создается эффект вовлеченности адресата в описываемый процесс: заказывают, любят, добавляется, предусмотрен специальный пакет, задают настроение, получают, повелось называть, удачно интегрированы в ландшафт;

г) широкое использование клишированных синтаксических конструкций, употребление сложных предложений со сложносочиненной и сложноподчиненной связью: «Сначала заливают в металлический чайник стакан кипятка и кладут зеленый чай, ожидают минуту и наливают заварку, которая вышла, в отдельный стакан, потом в тот же чайник льют еще два стакана воды для промывания чая, их выливают, а настой из первого стакана возвращают в чайник. Они иначе чувствуют время, щедро вкладывая его в вещи, которые в результате веками не выходят из моды» [из рецепта марокканского чая, «Вокруг света» № 11, 2018].

д) высокая частотность конструкций вторичной предикации с неличными глагольными формами: Марокканцам не надо изобретать то, чего не бывает. Они декорировали 150 комнат, а на окнах в покоях главной красавицы установили витражи [«Вокруг света» № 11, 2018].

Выводы

Проведён обзор лингвостилистических особенностей туристического дискурса, который показал нам смешение разных функциональных стилей: официально-делового публицистического, художественного, научного, и разговорно-бытового. Это обуславливает высокую экспрессивность и эмоциональную окрашенность, субъективность высказывания в статьях с одной стороны и объективность смысла, выраженную стандартизированным языком (использование клише и стандартных синтаксических конструкций) с другой стороны. Отмечена тенденция к гибридации жанров через их редукцию и смешение. Представлены интегральные стратегии влияния на адресата и тактики их реализации (стратегии дифференцирования, информирования, вежливости, сотрудничества, оценочные и ценностные стратегии, стратегии сближения с адресатом, повышение «читаемости» сообщения; тактики проспекции, ретроспекции и рефреймирования (согласно Погодаевой С.А.). Охарактеризованы типы адресата и адресанта, а также отношения между ними, в частности впечатляющее, информативное и убедительное влияние первого на читателя/слушателя. По нашему мнению, развитие и видоизменение жанров в туристических научно-популярных статьях является постоянным процессом и требует регулярных лингвистических и журналистских исследований. Перспективным представляется их изучение в лингвокультурологическом и прагматическом аспектах, а также в сравнении с жанровыми характеристиками зарубежных статей сходной тематики.

Литература

1. Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 288 с.
2. Дерік І. М. До питання про типологічні лінгвістичні особливості дискурсу інтернет-повідомлень ділової тематики (на матеріалі англійської та української мов) / І. М. Дерік // Мова. – 2015. – № 23. – С. 5-9. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Mova_2015_23_3
3. Жаплова Т. М. Жанр «путешествие» в современном оренбургском «глянце» // Информационное поле современной России: практики и эффекты: Материалы X Междунар. научно-практ. конф. (17-19 октября 2013 г.) – Казань: Казанский ун-т, 2013. – С. 228-232.
4. Колесниченко А. В. Прикладная журналистика. – М.: Изд-во ун-та, 2008. – 192 с.
5. Колчевская В.А. Анализ текстов туристического дискурса (на материале русскоязычных и новогреческих изданий)//Хутыз И.П. и др. Особенности исследования и конструирования актуальных типов дискурса и их категорий. – Краснодар: Издательско-полиграфический центр Кубанского государственного университета, 2016. [Режим доступа]: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27561443>
6. Муха А. В., Федосеева Н. И. Содержательная и жанровая специфика трэвел-журналистики в зависимости от видов СМИ. Огарёв-Online. – 2015.– №19(60).– [Режим доступа]: http://tourlib.net/statti_tourism/muha.htm.
7. Погодаева С. А. Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе. Дис. канд. филол. наук; 10.02.05. – Иркутск, 2008. – 234 с.
8. Полежаев Ю. Г. Тревел-журнали в Україні: структурно-функціональні жанрово-тематичні особливості: автореф. дис. ... канд. наук із соц. комунікацій : 27.00.04 / Юрій Григорович Полежаєв, Класичний приват. ун-т (м. Запоріжжя) – Запоріжжя : [Б. в.], 2017 - 20 с.
9. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 312 с.
10. Журналы «Вокруг света» за 2018-2019 гг.

References

1. Gurevich S. M. *Newspaper: yesterday, today, tomorrow*. M.: Aspect Press. 2004. 288 p.
2. Derik I. M. *Mova*. No23. 2015. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Mova_2015_23_3.
3. Zhaplova T. M. *Materials of the Xth International scientific practical conference*. Kazan: Kazan university. 2013. Pp. 228-232.
4. Kolesnichenko A. V. *Reference book of the journalist*. M.: Aspect Press. 2013. 192 p.
5. Kolchevskaya V. A., Hutyiz I. P. et al. Particularities of the research and modelling of relevant types of a discourse and their categories. Krasnodar: Editing-printing center of the Kuban State University. 2016. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27561443>.
6. Muha A. W., Fedoseyeva N. I. *Ogarev-Online*. No19 (60). 2015. URL: http://tourlib.net/statti_tourism/muha.htm.
7. Pogodayeva S.A. Language means of the argument in the French tourist discourse. Abstract. Irkutsk. 2008. 234 p.
8. Polezhayev Yu. G. *Travel magazines in Ukraine: structural and functional genre thematic features*. Abstract. Zaporizhia: Classical private university (Zaporizhia). 2017. 20 p.
9. Tertychny A. A. Genres of a periodic press. M.: Aspect Press. 2000. 312 p.
10. The magazines "Vokrug Sveta" of 2018-2019 years.

УДК 81'373.7

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ЛИНГВОКУЛЬТУРА: SARPE DIEM

Томенко, Диана Александровна

магистрант кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / staskova.diana@yandex.ru**Седых, Аркадий Петрович**доктор филол. наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru**Аннотация**

Фразеологизмы являются неотъемлемой частью национальной культуры, в частности – лингвокультуры. В коллективном сознании носителей национального языка устойчивые словосочетания генерируют фразеологическую картину мира, свойственную каждому языковому сообществу. Вместе с тем каждый индивид имеет собственную фразеологическую картину мира, которая неизменно интегрирована в общезыковую картину мира. В статье рассматриваются некоторые аспекты фразеологической коммуникации и картины мира с учетом этнокультурных и диахронных факторов. Выдвигается рабочая гипотеза о том, что конкретный фразеологизм, в частности – «sarpe diem» обладает высокой степенью лингвокультурной активности в современном французском национальном дискурсе и соответственно в языковой картине мира. Намечаются перспективы исследования фразеологического дискурса.

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеологическая коммуникация, фразеологизм, семантическая и символическая доминанта, лингвокультура, дискурсивный узус.

PHRASEOLOGISMS AND LINGUISTIC CULTURE: CARPE DIEM

Tomenko, Diana Aleksandrovna

Master student of the German and French Department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *staskova.diana@yandex.ru*

Sedykh, Arkadiy Petrovich

Dr. philol. sciences, professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *sedykh@bsu.edu.ru*

Abstract

Phraseologisms are an integral part of the national culture, in particular – linguistic culture. In the collective consciousness of native speakers of the national language, stable phrases generate a phraseological picture of the world that is characteristic of each language community. At the same time, each individual has his own phraseological picture of the world, which is invariably integrated into the general linguistic picture of the world. The article discusses some aspects of phraseological communication and a picture of the world, taking into account ethno cultural and diachronous factors. A working hypothesis is put forward that a particular phraseological unit, in particular, «carpe diem», has a high degree of linguistic and cultural activity in modern French national discourse and, accordingly, in the linguistic picture of the world. Prospects for the study of phraseological discourse are outlined.

Key words: linguistic picture of the world, phraseological communication, phraseological unit, semantic and symbolic dominant, linguistic culture, discourse.

Последние десятилетия отмечены всё возрастающим интересом к поиску семантических и лингвокультурных доминант в сфере национальной культуры в корреляции с поиском оптимальных алгоритмов коммуникации и дискурса. В этом смысле фразеология и соответственно фразеологическая картина мира обладают неисчерпаемым потенциалом и неизменно становятся объектами исследования в среде мирового филологического сообщества [Седых, Сопова 2011; Черкашина 2010].

По мысли ряда учёных: «В практическом сознании носителей языка сформирован обобщённый “образ” *фразеологической палитры*, принятый в данном лингвокультурном сообществе, причём каждый индивид имеет собственную “версию” данного образа, который, тем не менее, интегрирован в общезыковую картину мира» [ibid].

Общезыковая картина мира включает в себя категорию «языковая картина мира», которая по мысли Ю.Л. Воротникова: «... становится в последние годы одной из наиболее «модных» тем отечественного языкознания. И в то же время, как это часто бывает с получившими широкое распространение обозначениями, до сих пор не существует достаточно четкого представления, какой именно смысл вкладывается в это понятие пишущими и как, собственно, следовало бы истолковывать его читающим?» [Воротников 2013].

Наряду с существующим термином «языковая картина мира» мы используем наименование «фразеологическая картина мира» для обозначения совокупности фразеологических единиц, обслуживающих конкретный национальный дискурс и лингвокультуру. Более развёрнутое, классическое и исчерпывающее определение даёт В.В. Виноградов: «Фразеологическая картина мира – это одно из фундаментальных понятий и рассматривается как компонент мировидения человека, как совокупность общечеловеческих и индивидуальных знаний о мире, как результат творческого отражения в нашем сознании не только действительного мира, но и нечто мыслимого, переживаемого нами, хотя и не отражающего реальности. С одной стороны, это некое идеальное, ментальное образование – сумма предметных значений и представлений о реальном мире, с другой стороны, это косвенно-производное образование, объективированное фразеологическими значениями» [Виноградов 1977, 30].

Любой формат языковой картины непосредственным образом связан с национальной спецификой слова, которую, по мнению Н.Ф. Алефиренко, определяют два фактора: объективный и субъективный: «выделяются они путём сопоставления языков. Под *объективным* фактором понимается ценностно-смысловая значимость естественных и культурных реалий, определяющих своеобразие жизненного пространства того или иного народа. *Субъективный* фактор характеризуется возможностью факультативного выбора

знакообозначений одних и тех же реалий, которые по-разному представлены ментальностью разных этноязыковых сообществ» [Алефиренко 2009, 68-69].

Приступим к рассмотрению косвенно-производных образований во французском языке и лингвокультуре. Следует отметить, что фразеологический узус современной французской лингвокультуры отличается возросшей интенсивностью использования устойчивых словосочетаний в различных типах дискурса, от обыденного, до научно-технического [Седых 2012].

Итак, французский фразеологизм активного использования «*carpe diem*» (лови момент; букв. ‘лови день’) на самом деле «оказывается» максимой, пришедшей во французский язык из Античности. Античное высказывание становится настолько популярным во всех видах французского дискурса, что оно начинает выступать манифестацией определённой философии жизни представителей Французской республики.

Латинское выражение «*carpe diem*» в буквальном смысле означает ‘собирай день сегодняшний’. Первое значение глагола *carpere* (*carpo, carpsi, carptum, carpere*) – рвать, срывать, собирать. Например: *flores carpinus* = мы собираем цветы; *carpere fructus* = собирать / выбирать фрукты. Сюда же можно добавить следующие значения: *carpere escam* (дышать, жить); *carpere iter* (идти, отправиться в путь). Данный глагол изначально принадлежал к земледельческой лексике [Грошева 2009]. Чаще всего словосочетание имело узуальное развитие в форме следующей фразы: *quam minimum credula postero*, что означало ‘и будь недоверчив к завтрашнему дню’. Как видим, содержание целого предложения предписывало адресату «собирать день сегодняшний, не заботясь о завтрашнем дне».

В современном французском дискурсе «*carpe diem*» является синонимом выражения «*profite de la vie*» (‘воспользуйся жизнью’), которое в свою очередь коррелирует с высокочастотным оборотом «*profites-en*» (‘воспользуйся этим’) или с нем менее частотным – «*profite (bien)!*» (удачи! успехов!). Центральное место во всех приведённых речениях занимает глагол *profiter* (пользоваться, извлекать пользу, прибыль; расти, полнеть, укрепляться), являющийся вектором базовой тернарной семы «выгода→польза→прибыль».

Современные французы интерпретируют данное словосочетание как «приглашение» к наслаждению настоящим моментом, лишённого забот о будущем. Актуальная семиотика поговорки имеет своим происхождением эпикурейскую философию, побуждающую поиск счастья путём удовлетворения естественных и необходимых желаний. Великий оптимист Эпикур действительно утверждал, что целью человеческой жизни является поиск удовольствия и избегание неудовольствия, но «без фанатизма», говоря современным языком, а с чётким осознанием того, что всё это должно делать упорядоченно и разумно, чтобы обрести *золотую середину* между вышеупомянутым неудовольствием и верховенством удовольствия.

Небольшой историко-лингвистический экскурс поможет более ярко и предметно представить лингвокультурологические характеристики рассматриваемого фразеологизма. В нижеследующей таблице отражена диахроническая эволюция употребления выражения «*carpe diem*» в опубликованных произведениях различных авторов [источник: *Google Ngram*]:

Как видим пик «публикационной активности» рассматриваемого фразеологизма приходится на первое десятилетие XXI века. Причём вышеприведённый источник отмечает интенсивный узус словосочетания *carpe diem* в индоевропейских языках на современном этапе. Самым ранним из зафиксированных свидетельств появления рассматриваемой поговорки является сборник лирических стихов («оды») Горация, римского (латинского) поэта, жившего в 65-8 годах до нашей эры. В этой поэме («К Левконое») Гораций обращается к женщине, Левконое, и даёт ей рекомендации о том, как воспринимать жизнь:

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi, quem tibi finem di dederint, Leuconoe, nec Babylonios temptaris numeros. ut melius, quidquid erit, pati. seu pluris hiemes seu tribuit Iuppiter ultimam, quae nunc oppositis debilitat pumicibus mare Tyrrhenum. Sapias, vina liques et spatio brevi spem longam reseces. dum loquimur, fugerit invida aetas: carpe diem, quam minimum credula postero (Не старайся понять, это грех, О, Левконоя, какая судьба уготована нам Богами. Не вникай в Вавилонские тайны чисел, лучше смириться, чтобы не случилось! Подарит ли нам Юпитер несколько зим, или эта будет последней, которая бьётся как тщетная волна Тирренского моря о груди неподвижных скал, будь мудрой, нацеди вина и соотнеси надежды с краткостью жизни. Пока мы с тобой беседуем, убегает завистливое время. *Собирай день, и не думай о завтрашнем дне*) [Horace, Odes, I, 11, version latine].

Следует отметить, что во французском языке мы находим идентичный корень в словах, связанных с концептом «день»: *diurne* (дневной), *quotidien* (каждодневный), но главное с днями недели, в частности со словом *vendredi* (пятница). Полная фраза, из которой Горацием взята только часть, состоит из следующих языковых единиц: *Dum loquimur, fugerit invidia: carpe diem, quam minimum credula postero*, что буквально переводится как «Я говорю, а время ускользает. Подбирай день, не веря завтрашнему».

Тезисно мысль великого римского поэта можно передать следующим образом: для достижения счастья следует жить изо дня в день, и заботиться только о настоящем времени, забывая об угрызениях совести по поводу прошлого и о страхах по поводу будущего. В частности Гораций настаивает на том, что жизнь относительно коротка, и каждое мгновение надо использовать в полной мере. Надо жить здесь и сейчас (*his et nunc = ici et maintenant*).

Приведём несколько примеров франкоязычного писательского дискурса, носители которого используют выражение «*carpe diem*»:

<p><i>Quand vous serez bien vieille, au soir, à la chandelle, Assise auprès du feu, dévidant et filant, Direz, chantant mes vers, en vous émerveillant: «Ronsard me célébrait du temps que j'étais belle!»</i></p> <p><i>Lors, vous n'aurez servante oyant telle nouvelle, Déjà sous le labeur à demi sommeillant, Qui au bruit de Ronsard ne s'aille réveillant, Bénissant votre nom de louange immortelle.</i></p>	<p>Когда состаритесь... Однажды, при свечах Вы, вечером присев у жаркого огня, Сонеты напевая, вспомните меня: «Ронсар, ты сохранил мою красу в веках!»</p> <p>И, день свой проведя в заботах и трудах, Вы, в полусне задумавшись к финалу дня, Сквозь шум услышите – к Вам долетят, звеня, Стихи Ронсара. Вам – в бессмертных похвалах.</p>	<p>Когда, старушкой, ты будешь прясть одна, В тиши у камелька свой вечер коротая, Мою строфу споёшь и молвишь ты, мечтая: «Ронсар меня воспел в былые времена».</p> <p>И, гордым именем моим поражена, Тебя благословит прислужница любая, - Стряхнув вечерний сон, усталость забывая, Бессмертную хвалу провозгласит она.</p>
--	--	--

<p><i>Je serai sous la terre, et, fantôme sans os, Par les ombres myrteux je prendrai mon repos: Vous serez au foyer une vieille accroupie,</i></p> <p><i>Regrettant mon amour et votre fier dédain. Vivez, si m'en croyez, n'attendez à demain: Cueillez dès aujourd'hui les roses de la vie</i> (Ronsard, <i>Sonnets pour Hélène</i>, 1578).</p>	<p>Фантомом стану я и, лёжа под землёй, Я стану призраком, коль плоть моя остынет. Тогда, старушкой, Вы качнёте головой...</p> <p>Любви моей Вам жаль, а Вашей жаль гордыни. Не ждите «завтра», верьте, будьте же со мной! И лишь бутоны жизни рвите Вы отныне! [https://www.chitalnya.ru/work/378515/]</p>	<p>Я буду среди долин, где нежатся поэты, Страстей забвенью пить из волн холодной Леты, Ты будешь у огня, в бессоннице ночной.</p> <p>Тоскуя, вспоминать моей любви моленья. Не презирай любовь! Живи, лови мгновенья И розы бытия спеша срывать весной. [https://www.chitalnya.ru/work/378515/]</p>
--	---	--

Как видим, фразеологизм «*carpe diem*» перефразируется в последней строке сонета французского поэта XVI века Ронсара, обращённого к возлюбленной (*Hélène*), образ которой передаётся при помощи фитонимической фигуры розы, цветка, который в шестнадцатом веке выступает символом женственности и женского начала. Несколько столетий назад роза являлась предпочтительным цветком странствующих рыцарей. «Технически» это выглядело так: перед тем как отправиться совершать подвиги во имя своей возлюбленной (не только и не столько супруга, сколько именно возлюбленная), рыцарь получал розу от объекта своих платонических вожделений в знак любви и верности. Позднее в средневековой Франции учреждаются «цветочные игры» для рыцарей-поэтов. Награда за победу в состязании – роза из серебра. Кстати, поэт Ронсар был одним из кавалеров серебряной розы (позднее – Шатобриан, Гюго, Виньи и др.). В рассматриваемом поэтическом фрагменте роза, как самая дорогая реликвия, выступает символом ускользающего дня, которым следует дорожить и от которого надо получать удовольствие по причине его обладания [http://magicsym.ru/carstvo_flory/roza-2.html#ixzz6JbBRY5BO].

Voilà les dragons qui me traversaient la cervelle <...> j'ai trop de temps à vivre pour perdre ce peu. Horace a dit: «Carpe diem, cueillez le jour». Conseil du plaisir à vingt ans, de la raison à mon âge (Драконы измучили мой мозг <...> мне осталось слишком много времени, чтобы потерять такую малость. Гораций сказал: «Лови день, подбирай день»). Подобный совет хорош в двадцать лет для погоней за удовольствием, а в моём возрасте, он взывает к разуму). [Châteaubriand, *Mémoires d'outre-tombe*, 1849-1850].

У Шатобриана со всей очевидностью фразеологизм «взывает» к рациональному использованию остатка жизни, но не ради удовольствия, как в молодости, а ради мудрого способа существования, предполагающего прагматическое распоряжение оставшимся временем.

Рассмотрим три фрагмента художественного дискурса современного французского писателя Паскаля Киньяра:

1. *La vie frissonne de lumière sur fond de mort. Philostrate peignit un crâne de mort. C'est, à l'opposé des Vanités du monde vivant, un Carpe diem funèbre il s'agit de cueillir la fleur de ce qui va périr tout à la fois ...* (Жизнь мерцает светом на фоне смерти. Филострат описывал череп. Это, в противовес Тщеславию живого мира, как похоронный смысл высказывания «Лови день», или собирай цветок того, что погибнет одновременно с остальным миром...) [Pascal Quignard, *Le sexe et l'effroi*, 1994].

2. *À la vérité, il s'agit d'un vers d'Horace. Ce vers est celui qui précède le Carpe diem de l'Ode XI Dum loquimur fugerit invidia aetas. Carpe diem quam minimum credula postero.*

(*Tandis que nous parlons le temps jaloux de toutes les choses du monde a fui. Coupe et tiens dans tes doigts le jour comme on fait d'une fleur. Ne crois jamais que demain viendra*) (Пока мы беседуем, завистливое время всех вещей мира убегает. Срезай и держи твоими пальцами день, также как цветок. Не верь никогда, что завтра настанет) [Pascal Quignard, *La Haine de la musique*, 1996].

3. *Vivre l'entièreté de la journée d'un jour encore, telle est ma prière. Telle est ma simple prière. Vivre seulement un jour. Avoir encore le bonheur d'un jour. Passer encore sur cette terre seulement, en gros, douze heures de lumière, entre la gaieté et les irisations et les cris qui fusent dans l'aurore – et le ternissement, la douceur, l'obscurité, le silence crépusculaire et l'enténébrement* (Прожить целостность дня, ещё один раз, такова моя молитва. Такова моя простая молитва. Прожить всего лишь один день. Ощутить счастье ещё одного дня. Провести на этой земле, в грубом приближении, двенадцать часов светлого дня, между радостью и радугой и криками, которые растворяются зарёй – и увядание, сладость, сумеречную тишину и погружение в темноту) [Pascal Quignard, *Une journée de bonheur*, 2017].

Вышеприведённые три фрагмента французского писателя Паскаля Киньяра демонстрируют мультиаспектность семантики рассматриваемого речения. **Первый эпизод** упоминает античного философа Филострата, который описывал находки костей гигантов, найденных на островах Греции и материке. По преданию, эти черепа наполняли вином, и в них входило больших двух ведёр «критского вина», при этом Филострат считал, что эти черепа принадлежали поколению «сыновей земли – гигантов сторуких и змееногих, вступивших в борьбу с новыми богами – олимпийцами из-за господства над миром, и придавленных вулканами» [Иркутская археология ... 2019]. Автор рассматриваемого текста «взывает» к содержанию фразеологизма Горация, исследуя тёмную сторону знаменитой поэмы. Парадоксально акт срывания цветка несёт в себе смерть последнего, смерть мгновения, таким образом, что по мысли великого грека необходимо выбирать смерть, чтобы дать восторжествовать жизни, чтобы абстрагироваться от временного измерения жизни и смерти, чтобы жить в полную силу вне времени, без страха перед будущим, без желаний, которые толкают в будущее. Пожертвовать цветком для того, чтобы придать больше «жизни» самой жизни. Блеск падения несёт в себе новый всплеск жизни.

Второй фрагмент – цитата из оды Горация (65 до н. э. – 8 до н. э.), которая передаётся в переводе на современный французский язык. Приведём в качестве иллюстрации слова самого Паскаля Киньяра (в переводе на русский язык), который сам исчерпывающе комментирует высказывание великого представителя «золотого века» римской литературы:

«*Carpe diem!*» весьма дерзко написал Гораций, когда Август утвердил свою тираническую власть и изобрел империю. Гораций жил на тесной римской улочке, которая впоследствии никогда не была так плотно заселена, как в те времена. Достаточно самого маленького серпа, чтобы выхватить один-единственный день из времени, как срезают один-единственный пион, вольно растущий на природе. Отсеки день! Кастрируй время! Решись обрезать, например, этот *вторник* так, словно речь идет, например, об этом *пионе*. С каждой зарей былое выбрасывает в пространство новый свет. И ни одна из них не повторяется дважды. Все утра мира безвозвратны. И ни одна ночь не походит на другую. Каждая ночь создает свой, неповторимый фон для пространства. Не бывает двух одинаковых цветков, двух одинаковых рассветов, двух одинаковых жизней. Любому мгновению нужно говорить: Ты. Всему, что приходит, нужно говорить: Входи! Жизнь — это краткий миг *re-citatio* (*прочитывания*), которое возникает в каждом из ее мгновений, излучает счастье при каждом случае, обновляет ее. Это радость, которая со временем избавляется от невзгод и страхов, хотя она и не вполне свободна от первозданной скорби. Мы можем острее воспринимать все, что она дарит нам, — присутствие, свет, цветок,

точку, тело, крик, ликование [*La barque silencieuse* <https://www.litmir.me/br/?b=155047&p=22>]

В третьем эпизоде можно наблюдать квазирелигиозную форму прославления счастья обретения каждодневного существования, которое трансформируется в художественный приём передачи экзистенциалистского ухода из жизни. По сути, речь идёт об обновлении человеческого существования через формат поэтической фигуры «инверсия», что можно обозначить семиотическим слоганом «смерть как обретение обновлённой жизни». Автор, кажется, говорит читателю: «Смерти нет, это всего лишь художественный приём для создания новых жизней». И в этом смысле «лови день» приобретает элементы конструктивно-позитивной семантики.

В следующем эпизоде отражено ироническое и эгоцентрическое отношение самих французов к современному состоянию умов Французской республики через саркастическую интерпретацию рассматриваемого фразеологизма:

...Je m'explique: votre grand «Carpe diem!» n'a-t-il pas effacé tout rapport à l'Histoire, comprise comme quelque chose qui nous dépasse en tant qu'individus prisonniers du hic et nunc. J'y vois l'une des raisons du triomphe a posteriori de cet «esprit de Mai» sourd aux périls dont tu parles, incapable de penser au-delà de l'immédiat, narcissique et conformiste. On ne croit plus à la grande épopée des grandes nations, des grandes idées et des grands hommes (Объяснюсь: ваш великий лозунг «Лови день!», не выпадает ли он из исторического процесса, который трактуется как нечто выходящее за пределы нашего понимания в качестве индивидов заложников знаменитого **здесь и сейчас**. Я вижу в этом феномене одну из причин позднего триумфа «духа Мая-68», глухого к вызовам о которых ты говоришь, неспособного преодолеть нарциссическую и конформистскую реальность. Больше никто не верит в эпоху Великих наций, Великих идей и Великих людей) [André Glucksmann, Raphaël Glucksmann, Mai 68 expliqué à Nicolas Sarkozy].

Для того чтобы понять «глубинный смысл» высказываний часто требуется краткий историко-социологический экскурс. В этом смысле вышеприведённый эпизод с рассматриваемым фразеологизмом, прагматический смысл которого не совсем ясен, требует данной эпистемологической акции. Автор текста – Андре Глюксман, философ, эссеист – в своё время (2007) поддерживает избрание Николя Саркози на президентский пост. Андре Глюксман считает, что Май 68 года является для Франции антиавторитарным движением с элементами культурной революции и революцией нравов, но подхваченный левыми партиями и, в частности Социалистической партией, сузил своё значение в рамках предрассудков и домыслов.

После выступления Николя Саркози на одном из избирательных митингов, где будущий президент пообещал, что он «ликвидирует наследие 68 года», Андре Глюксман отреагировал следующей тирадой в одном из своих эссе: «Не является ли сам Николя Саркози наследником мая 68 года?». Текст эссе был едким и достаточно агрессивным по отношению к сверх либеральной политике президента, которая предполагала возврат к временам жёсткого империализма. В устах Николя Саркози фразеологизм *carpe diem* наполняется сугубо прагматическим смыслом: *лови момент и обогащайся*.

Контент вышеприведённых эпизодов показывает, что элитная часть большинства представителей французской культуры, широко использовала, и продолжает использовать в своём дискурсе рассматриваемый фразеологизм, что говорит о его «плотной» семиотической корреляции с менталитетом французов. Одной из важнейших составляющих национального менталитета французов является восприятие каждодневной экзистенции в качественном аспекте, что соотносится с ключевым национальным концептом «*joie de vivre*». Данный концепт относится к разряду фундаментальных категорий французской ментальности или философии жизни. Суть его сводится к стремлению человека использовать «радостно и во всех проявлениях» каждое мгновение уходящей жизни, не становясь, тем не менее, заложником своих удовольствий, а проживая свою жизнь полно и интересно.

Говоря об индоевропейском лингвокультурном дискурсе, уместно привести примеры активного узуса из современной поп-культуры. Первый пример из популярнейшего диснеевского мультфильма «Король Лев». Здесь активно используется выражение из языка суахили «Акуна Матата» (*Hakuna Matata*). В переводе это словосочетание буквально означает «нет проблем» или «жизнь без забот», и оно может быть напрямую семантически и семиотически соотнесено с рассматриваемым фразеологизмом «*carpe diem*». Современные горации, кажется, говорят нам – оставьте все проблемы в прошлом, освободите голову от дурных мыслей, живите настоящим моментом с улыбкой на устах.

Второй пример – из социальных сетей, которые часто используют англоязычную лексику. Речь идёт об аббревиатуре *YOLO* (You Only Live at ONCE = живём один раз), которая является по сути дела укороченной версией фразеологизма «*carpe diem*» с семантикой «захвата» сегодняшнего дня и недоверия будущему. При этом в современном молодёжном сленговом дискурсе отмечается своеобразная прагматика, связанная с приведённой выше вирусной цитатой. Речь идёт о том, что говорящий (молодой человек или девушка) в какой-то мере оправдывает совершаемую (совершённую) глупость или странный или авантюрный поступок: *Why the hell would you do that? – Because YOLO* (Почему, черт возьми, вы это сделали? – Потому что живём один раз!) [URL: <https://xn----8sbfgf1bdjhf5a1j.xn--p1ai/1982-yolo-что-значит.html>].

Итак, фразеологизмы могут «проживать» и «проживают» долгую узусную жизнь, трансформируясь и приобретая дополнительные значения. При этом прагматика национальной языковой культуры играет не последнюю роль в диахронической эволюции фразеологической единицы, благодаря коннотативному семиозису в русле актуализации доминантных векторов развития семантического и концептуального пространства каждой отдельно взятой лингвокультуры. Рассмотренный фразеологизм «*carpe diem*» вне зависимости от своего латинского происхождения обладает своей траекторией семантического и семиотического развития через призму национального мировидения и моделей коммуникативного поведения, обогащаясь дополнительными смыслами часто в зависимости от политической конъюнктуры и соображений политкорректности.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. 140-161.
3. Воротников Ю.Л. «Языковая картина мира»: Трактовка понятия. Знание. Понимание. Умение: информ. гуманит. портал, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Vorotnikov/> (дата обращения 11.12.2018).
4. Грошева А.В. Латинская земледельческая лексика на индоевропейском фоне. Автореф... дис. док. филол.н., Санкт-Петербург, 2009. 51 с.
5. Иркутская археология: газетный компендиум советского периода. Часть I. 1919-1941. Litres, 2019.
6. Седых А.П., Сопова И.В. Фразеология в период становления новых исследовательских парадигм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность, № 3. М.: Издательство РУДН, 2010. 49-53.
7. Седых А.П. Национальная литература и коммуникативная культура нации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2012. № 2 (10). 16-20.
8. Черкашина Е.В. Языковая картина мира и её фразеологическая репрезентация в произведениях Н.В. Гоголя // Молодой ученый. 2010. №10. С. 160-162 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/21/2110/> (дата обращения: 30.03.2020).

References

1. Alefirenko, N.F. (2009) «*Zhivoe*» slovo: problemy funkcional'noj leksikologii [«Live» word: problems functional lexicology]. Moscow, Flinta: Nauka, 344.
2. Vinogradov V.V. (1977) *Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Moscow. 140-161.
3. Vorotnikov, Y.L. «*Jazykovaja kartina mira*»: *Traktovka ponjatija. Znanie. Ponimanie. Umenie* [«Linguistic picture of the world»: The interpretation of the concept. Knowledge. Understanding. Skill]: Inf. humanity. Portal

- 2013 [Electronic resource]. available at: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Vorotnikov/> (Accessed: 11.12.2018).
4. Grosheva A.V. (2009) *Latinskaja zemledel'cheskaja leksika na indoevropskom fone* [Latin agricultural vocabulary on an Indo-European background]. Avtoref... dis. dok. filol.n., Sankt-Peterburg. 51.
5. *Irkutskaja arheologija: gazetnyj kompendium sovetskogo perioda. Chast' I.* [Irkutsk Archeology: Soviet-era newspaper compendium. Part I.] 1919-1941. Litres, 2019.
6. Sedykh A.P., Sopova I.V. (2010) *Frazeologija v period stanovlenija novych issledovatel'skich paradigm* [Phraseology during the development of new research paradigms] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Voprosy obrazovanija. Jazyki i special'nost', № 3. Moscow, Izdatel'stvo RUDN, 49-53.
7. Sedykh A.P. (2012) *Nacional'naja literatura i kommunikativnaja kul'tura nacii* [National Literature and Communication Culture of the Nation] // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogičeskogo universiteta. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie. № 2 (10). 16-20.
8. Cherkashina E.V. (2010) *Jazykovaja kartina mira i ejo frazeologičeskaja reprezentacija v proizvedenijah N.V. Gogolja* [Linguistic picture of the world and its phraseological representation in the works of N.V. Gogol] // Molodoj uchenyj. №10. S. 160-162 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://moluch.ru/archive/21/2110/> (Accessed: 30.03.2020).

УДК 811.161.1

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ МЕТАФОРА Л.Н. ТОЛСТОГО В РОМАНЕ «АННА КАРЕНИНА»

Чересюк, Полина Андреевна

аспирант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
педагогический институт, историко-филологический факультет
Белгород, Россия / cheresuck.polina@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается роль индивидуально-авторской метафоры в формировании языка Л.Н. Толстого. Несмотря на существование разнообразных научных работ, исследующих творчество данного писателя в различных аспектах, творческое наследие до сих пор не изучено в полной мере. На данный момент есть необходимость подробного изучения художественного языка писателя. В работе рассматривается метафора как часть лингвоэстетической оригинальности писателя и средство воздействия на чувства и воображение читателя. В исследовании устанавливается, что метафорические выражения образно передают смыслы, которые не поддаются прямым номинациям и обладают суггестивными характеристиками. Подчеркивается, что метафора является не только языковой категорией, но и продуктивным элементом для познания окружающего мира и эффективным воздействующим инструментом на адресата. Целью настоящего исследования является анализ индивидуально-авторской метафоры Л.Н. Толстого в романе «Анна Каренина». Для достижения обозначенной цели были применены следующие методы и приемы: описательный метод, метод сплошной выборки языкового материала, элементы компонентного и контекстуального анализа.

Ключевые слова: метафора, художественный текст, интерпретация, Л.Н. Толстой.

INDIVIDUAL AUTHOR'S METAPHOR IN THE NOVEL «ANNA KARENINA» BY L. N. TOLSTOY

Cheresyuk, Polina Andreevna

Postgraduate student

Belgorod State National Research University
pedagogical Institute
faculty of history and philology
Belgorod, Russia / cheresuck.polina@yandex.ru

Abstract

This article examines the role of individual author's metaphor in the formation of L.N. Tolstoy's language. Despite the existence of various scientific works that explore the work of this writer in various aspects, the creative legacy has not yet been fully studied. At the moment, there is a need for a detailed study of the writer's artistic language. The paper considers metaphor as a part of the writer's linguo-aesthetic originality and a means of influencing the reader's feelings and imagination. The study finds that metaphorical expressions figuratively convey meanings that do not lend themselves to direct nominations and have suggestive characteristics. It is emphasized that metaphor is not only a language category, but also a productive element for understanding the surrounding world and an effective tool for influencing the recipient. The purpose of this research is to analyze the individual author's metaphor of L.N. Tolstoy in the novel "Anna Karenina". To achieve this goal, the following methods and techniques

were used: descriptive method, method of continuous sampling of language material, elements of component and contextual analysis.

Keywords: metaphor, artistic text, interpretation, L.N. Tolstoy.

Художественный текст – это своеобразное употребление языка, важными критериями для которого является экспрессивность и образность. Экспрессивность понимается как определенная функция отдельных языковых единиц, которая обеспечивает воздействие на реципиента, и метафора в этом смысле является сильнейшим средством воздействия на адресата речи. Образность – также одно из наиболее эффективных средств воздействия: «Эстетическая языковая информация обладает большим языковым потенциалом внушаемости: она воздействует на поведение человека посредством апелляции к эмоциональной сфере психики и через нее – к сознанию» [Киселева 1978: 23].

Литература преобразовывает и усиливает язык, отклоняясь от разговорного языка. Литературность может быть определена структурой, ритмом и резонансом используемых слов. Иглтон Терри утверждает, что язык художественной литературы отличается от других форм дискурса тем, что он различными способами «деформирует» обычные языки, насыщая их образными средствами [Терри Иглтон 2012: <http://>].

По мнению Г.Д. Ахметовой, языковое пространство художественного текста представляет собой метафорическую структуру [Ахметова 2010: 7]. Это означает, что художественному тексту свойственна фигуральность, иносказательность и образность. Автор такого текста прибегает к непрямым номинациям, имплицитно выражает оценки и мнения, что обусловлено его креативной эстетической задачей.

Вольфганг Изер считает, что литературное произведение имеет два полюса: эстетический и художественный. Художественный полюс – это авторский текст, а эстетический – реализация, осуществленная читателем. Следовательно, литературное произведение не может рассматриваться как актуализация или идентификация текста, а находится где-то между ними. Вольфганг Изер говорит о тексте как о виртуальном характере, который не может быть сведен к реальности текста или к субъективности читателя, он черпает свой динамизм из этой виртуальности [Вольфганг Изер 2011: <http://>]. Читатели, проходя через различные перспективы, предлагаемые автором, соотносят свое представление о действительности с представлением мира автором, тем самым приводя текст и себя в действие.

Для достижения большей образности, которая в дальнейшем будет раскрываться в воображении читателя, автор художественного текста использует свои индивидуально-авторские приемы. Языковые средства выразительности придают речи наглядность, так как воздействуют не только понятийно, но и образно. Эмоциональная и экспрессивная речь находит глубокий эмоциональный отклик, вызывает сопереживание, а также лучше запоминается читателем.

Основа образной системы художественного текста и способ создания поэтической картины мира – это метафоры. Тяготение художественной речи к метафоричности Н.Д. Арутюнова объясняет тем, что автору художественного слова приходится отталкиваться от обыденного взгляда на окружающий его мир и он больше не может мыслить терминами широких классов. В метафоре «заключено имплицитное противопоставление обыденного видения мира» [Арутюнова 1990: 17].

Метафорические выражения часто привлекают внимание читателя новизной и свежестью, неожиданностью употребления языковых единиц и связей. Поскольку метафорическое изложение связано с ассоциативным мышлением и способностью рассматривать «явления одного рода в терминах явлений другого рода» [Лакофф Д., Джонсон М. 1990: 389].

Язык Л.Н. Толстого – это целый калейдоскоп, в котором метафоры являются результатом эмоциональной, ценностной и оценочной переработки информации в сознании автора.

В романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстой метафорически показал свою безграничную любовь к природе и делится ею с читателем, подразумевая, что и у него в сознании отобразится лес, небо, сады и животные, которых видят его персонажи. Метафоры связаны между собой и создают в воображении читателя целую цепочку образов: всюду живое движение природы. Приведем пример: *«Каково! Слышно и видно, как трава растет!»* – сказал себе Левин, заметив двинувшийся грифельного цвета мокрый осиновый лист подле иглы молодой травы [206]. Здесь и далее ссылки на : Толстой Л.Н. Анна Каренина. – М.: Эксмо, 2015. – 960 с.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что Л.Н. Толстой олицетворяет и звезды на небе в глазах Константина Левина, например: *Но я, глядя на движение звезд, не могу представить себе вращения земли, и я прав, говоря, что звезды ходят* [935].

Небесные тела Л.Н. Толстой также описывает метафорически: *Венера перешла уже выше сучка, колесница Медведицы с своим дышлом была уже вся видна на темно-синем небе, но он все еще ждал* [208]. В данном фрагменте мы видим сравнение ковша Большой Медведицы с повозкой или колесницей. Созданный с помощью метафоры образ позволяет читателю наиболее ярко и зримо представить, как выглядит созвездие.

Рассмотрим следующий контекст: *<...> старые кудрявые березы сада, обвисшие всеми ветвями от снега, казалось, были разубраны в новые торжественные ризы* [57]. В данном примере мы видим, что автор не только при помощи метафоры олицетворяет природу, но и наделяет ее религиозным мотивом. Л.Н. Толстой соотносит русскую природу и православные устои, выражая свою любовь к родной земле. Особую роль играет и отношение к родной природе, не случайно обращение писателя к березе: ее образ укоренился в сознании русского народа, и является своеобразным символом русского пейзажа.

Метафорично по своему существу описание красоты природы и в следующих фрагментах: *Залились невидимые жаворонки над бархатом зеленой <...>* [195]. Автор сравнивает зеленое поле с бархатом, который как нежная и приятная на ощупь ткань покрывает еще не до конца пробудившуюся после зимы землю. *Зазеленела старая и вылезавшая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотым цветом лозине загудела выставленная облетававшая пчела* [195] – в этом примере Л.Н. Толстой сравнивает молодую траву с иглами и читатель может представить себе очень тонкую траву, коснувшись которой можно уколотся. Почки калины, смородины и липкой березы надулись и готовы распусться. Автор создал красивую и достоверную картину весеннего пробуждения.

Таким образом, индивидуально-авторская метафора выполняет образные эстетические функции олицетворения и сравнения по аналогии. Метафоре отводится первое место как «первотропу» в том смысле, что она является самым главным изобразительно-выразительным средством [Крюкова 2000: 69]. Такие метафоры в творчестве Л.Н. Толстого являются доминирующим экспрессивным характеризующим средством языка, они могут воспроизводиться в воображении читателя, воздействуют на процесс восприятия объекта привносимыми в текст коннотативными оттенками и переносными значениями. При помощи метафор Л.Н. Толстой кодирует свои мысли, а читатель в дальнейшем декодирует данные метафорические послания, извлекая и интерпретируя предоставленную автором информацию.

Литература

1. Ахметова Г.Д. Языковое пространство художественного текста (на материале современной русской прозы). – СПб.: Реноме, 2010. – 244 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 17-11.
3. Вольфганг Изер. Процесс чтения: феноменологический подход. / Современная литературная теория. Антология. // Под. ред. Кабанова И. – М.: Флинта, 2011. URL: <http://indbooks.in/mirror7.ru/?p=274748> (дата обращения: 01.03.2020).
4. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1978. – С. 23.

5. Крюкова Н.Ф. Метафорика и смысловая организация текста / Науч. ред. Г.И. Богин. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2000. – С. 69, 114.
6. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 389.
7. Терри Иглтон. Теория литературы. Введение. ЛитРес, 2012 URL: <https://www.litres.ru/terri-iglton/teoriya-literatury-vvedenie/> (дата обращения: 01.03.2020).
8. Толстой Л.Н. Анна Каренина. – М.: Эксмо, 2015. – 960 с.

References

1. Akhmetova G.D. Language space of the artistic text (based on the material of modern Russian prose). – Saint-Petersburg.: Renome, 2010. – 244 p.
2. Arutyunova N.D. Metaphor and discourse. // Theory of metaphor. – Moscow: Nauka, 1990. – Pp. 17-11.
3. Vol'fgang Izer. Reading process: a phenomenological approach. / Modern literary theory. Anthology. // Under ed. Kabanov I. – Moscow: Flinta, 2011. URL: <http://indbooks.in/mirror7.ru/?p=274748> (Accessed: 01.03.2020).
4. Kiseleva L.A. Questions of the theory of speech influence. – Leningrad: Izd-vo Leningrad. un-ta, 1978. – P. 23.
5. Kryukova N.F. Metaphorics and semantic organization of the text / Scientific editor by G.I. Bogin. – Tver: Tverskoj gos. un-t, 2000. – Pp. 69, 114.
6. Lakoff D., Johnson M. Metaphors that we live by // Theory of metaphors. – Moscow, 1990. – P. 389.
7. Terri Iglton. Theory of literature. Introduction. Litres, 2012 URL: <https://www.litres.ru/terri-iglton/teoriya-literatury-vvedenie/> (accessed: 01.03.2020).
8. Tolstoy L.N. Anna Karenina. – Moscow: Eksmo, 2015. – 960 p.

РАЗДЕЛ 3. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ, ПЕРЕВОД И СЛОВАРИ

УДК 371.3:811.133.1

ENSEIGNEMENT DE LA CIVILISATION: CONTENU CULTUREL DU NIVEAU MOYEN

Balykov, Vyacheslav Vitalievich

étudiant de l'Université nationale de recherche de Belgorod
Belgorod, Russie / 1112382@bsu.edu.ru

Krivchikova, Nelya Leonidovna

Université nationale de recherche de Belgorod
Belgorod, Russie / krivchikova@bsu.edu.ru

Résumé

La construction d'une compétence culturelle étrangère chez l'apprenant de langue est l'idée centrale de cet article. Pour développer la compétence interculturelle, il faut d'abord définir l'objectif à atteindre, et prendre la mesure des enjeux afférents à travers l'exploration des notions de représentations et d'apprentissage. Les étudiants et les enseignants construisent des représentations sur la culture et l'identité de leurs partenaires ainsi que sur leur propre culture. L'apprentissage peut alors être conçu comme la remise en cause de ces représentations et la construction d'un recul interculturel pour une vision ethno-décentrée de l'étranger.

Mots clés: niveau moyen, une compétence culturelle, l'enseignement de la civilisation, l'anthropologie culturelle, le contenu culturel.

Il est nécessaire, pour des raisons pédagogiques, que la langue, au Niveau moyen, véhicule un contenu culturel. Comment construire une compétence culturelle étrangère chez l'apprenant de langue, c'est une question très importante. La civilisation, c'est d'abord l'ensemble de phénomènes sociaux (religieux, moraux, esthétiques, scientifiques..) commun à une grande société, ou à un groupe de sociétés [Le Petit Robert 2001].

Pour ce qui est du FLE, la référence ne peut être uniquement le «Petit Robert», mais le Cadre commun européen, où il n'est pas question de «civilisation», mais de «savoir socioculturel», ainsi défini : «les traits distinctifs caractéristiques d'une société donnée et de sa culture, en rapport avec différents aspects» ; sans prétendre être exhaustif, le cadre européen énumère certains des thèmes qui composent ce «savoir socioculturel» : la vie quotidienne (les congés, les horaires), le savoir-vivre (les règles de ponctualité..), les relations interpersonnelles, les valeurs communes à une société (l'identité nationale, les institutions, la laïcité..), ou encore le langage du corps.

En cherchant à cerner ce qui, dans l'enseignement de la civilisation, distingue celui-ci de l'enseignement des aspects proprement linguistiques (morpho-syntaxe, lexicale, analyse de discours) de la didactique des langues.

Une langue étrangère qui n'apporterait pas un certain nombre d'informations spécifiques ferait inutilement double emploi avec la langue maternelle dont elle ne serait qu'un mauvais calque: les élèves s'en lasseraient rapidement. Communiquer avec les étrangers n'est pas une motivation suffisante en milieu scolaire normal: l'étranger est souvent loin et, après tout, n'a qu'à apprendre notre langue. C'est ainsi que l'on constate parfois dans les sociétés ethnocentristes, qui tendent à s'estimer culturellement autonomes, un manque d'intérêt pour les langues étrangères. Ce n'est qu'en développant un intérêt culturel et en répondant aux attentes ainsi créées que l'on maintiendra au Niveau moyen l'intérêt pour la langue étudiée.

L'inscription de l'anthropologie culturelle comme composante obligatoire des filières nationales (licence, maîtrise, D.E.A., D.E.S.S.) de didactique du français langue étrangère, à partir de 1983, a cependant conféré une légitimité nouvelle à cet enseignement qui, désormais, tient toute sa place. Que la langue et la culture se présupposent l'une l'autre, personne ne le conteste plus sérieusement.

Au Niveau moyen, l'étude de la langue reste prioritaire, mais les finalités secondes apparaissent. Celles-ci sont définies par la réponse à la question «à quelles fins apprend-on (ou enseigne-t-on) le français langue étrangère? ». Le contenu culturel devra répondre à ces fins qu'il s'agisse d'attentes propres aux élèves ou des orientations prévues par le système d'enseignement

dans lequel ils se trouvent. Ces attentes et ces orientations peuvent être très diverses, et il conviendra, au Niveau moyen, de tenir compte de cette diversification. Quoi qu'il en soit, au Niveau moyen, la langue va devenir un support de connaissances. C'est d'ailleurs une des fonctions du langage. Après un Niveau débutant centré sur la fonction primaire de communication, le Niveau moyen va sinon privilégier, du moins développer les autres fonctions, et faire, notamment, une place importante à ce que nous pourrions appeler *la fonction culturelle* de la langue étudiée [Guiraud 1968].

Le choix du contenu culturel va dépendre des orientations générales de l'enseignement et du temps dont on dispose. Dans un enseignement différencié selon les orientations, on sera tenté d'introduire assez vite la spécialisation, peut-être dès le Niveau débutant, en tout cas au Niveau moyen. Cette spécialisation peut être littéraire, scientifique, technique, économique, commerciale, etc. Elle aura pour effet d'orienter les études de français vers des types de langue et de contenu spécifiques. Dans un souci d'économie et de rendement, on peut même être tenté de limiter strictement le contenu culturel aux exigences de la spécialisation. Le plus souvent, on se bornera, ce qui est plus judicieux, à préparer la spécialisation dans le cadre de tronc communs d'orientation plus générale.

Reste le problème du contenu culturel au Niveau moyen d'un enseignement non spécialisé. C'est celui que se posent la plupart des professeurs de français langue étrangère en milieu scolaire habituel, surtout depuis qu'on les a mis en garde contre la démarche traditionnelle qui consistait à passer sans transition des rudiments de la langue à une spécialisation de type littéraire.

Il semble aujourd'hui admis que le contenu culturel le plus indiqué soit celui qui permette *une approche cohérente de la civilisation française*. Nous préférons le terme d'approche à celui d'enseignement car il prête moins à confusion. Il n'est pas question, en effet, au Niveau moyen, d'infliger aux élèves un enseignement magistral de civilisation, ni de leur imposer un tableau tout fait de la société française contemporaine. Ce tableau d'ailleurs n'existe pas et il n'est pas prouvé qu'il soit souhaitable d'adapter ou de réduire, en vue du Niveau moyen, les manuels audacieux mais souvent contestables où l'on a tenté de présenter à un niveau supérieur des synthèses de la France actuelle.

Cette approche sera cependant cohérente, car il faut bien sortir de l'impressionnisme du Niveau débutant, où la civilisation française est souvent éparpillée en une série de touches sans liens structuraux : l'agent de police, le café au lait, les croissants, la bagette, le béret, la Tour Eiffel, le mercredi ou les écoliers n'ont pas classe, etc. Au Niveau moyen, les faits de civilisation doivent commencer à s'ordonner sinon en un système du moins en une vision organisée. Quant à la civilisation elle-même, précisons, pour éviter toute ambiguïté, que nous donnons à ce mot le sens que l'anthropologie culturelle donne désormais au mot culture, en nous référant pour mémoire à deux définitions qui nous semblent se compléter heureusement. « Par culture l'anthropologie désigne l'ensemble des modes de vie d'un peuple, l'héritage social que l'individu acquiert de son groupe. En d'autres mots, la culture est cette partie de son milieu que l'homme a lui-même créée. Ou encore «La conception de la culture que nous cherchons à saisir se propose de comprendre, sous un seul mot, l'ensemble des attitudes, des visions du monde et des traits spécifiques de civilisation qui confèrent à un peuple particulier sa place originale dans l'univers» [Sapir 1969].

Ces définitions sont ambitieuses et extensives; leur application à l'enseignement peut être riche de conséquences. Tout d'abord, elles vont permettre d'écarter un certain nombre de conceptions plus traditionnelles qui avaient toutes pour conséquence de faire manquer la France contemporaine :

- la civilisation monumentale conçue comme histoire des lettres, des beaux-arts et de la pensée,
- la civilisation sublimée comme la vocation plus ou moins mystique d'un peuple ou d'une nation,
- la civilisation conçue comme le devenir d'un organisme vivant,

- les conceptions historicisantes de la civilisation, dont la cohérence serait à rechercher dans un déterminisme géographique ou ethnique ou dans l'enchaînement de l'histoire.

La difficulté principale tient à ce que les professeurs souhaitent enseigner «la France» et que la société française constitue un ensemble trop complexe pour être appréhendé.

Si toutefois une solution d'ensemble nous manque, les définitions que nous avons empruntées aux anthropologues n'en auront pas moins de conséquences importantes pour l'enseignement de la civilisation:

a) On recherchera la cohérence entre les faits de civilisation plutôt que leur enchaînement dans le temps: par exemple, si l'on considère comme caractéristique que les français sont très individualistes le comportement «frondeur» des Français, on mettra en relation leur indiscipline des piétons dans la rue, mais on laissera de côté les allusions à l'indiscipline légendaire des Gaulois.

b) La présentation des faits de civilisation sera autant que possible descriptive et non normative ou apologétique. Personne ne demande aux auteurs de manuels de semer la contestation ni de présenter la France sous un jour noir. Personne ne leur demande non plus de faire de la propagande.

c) On recherchera plutôt le trait caractéristique ou signifiant que l'exotique et l'insolite. La Citroën et les Gitanes filtre sont des objets culturels plus signifiants qu'un calvaire breton ou que les échasses des bergers des Landes.

d) Les anthropologues cherchent à mettre à jour la vision du monde, les attitudes, les comportements. Dans l'enseignement, il va falloir tenter d'illustrer les attitudes et les comportements des Français.

e) Enfin le décor du Niveau moyen devra fourmiller d'objets culturels usuels, ordinaires. Ils prendront leur sens, et donc deviendront signifiants, dans l'interaction que l'on saura faire apparaître entre le milieu, les situations et les comportements. La 2 CV ne cachera pas nécessairement la cathédrale de Chartres; elle aura cependant sa place sur une même diapositive, un peu choquante peut-être comme illustration de la France éternelle, mais plus véridique comme document sur la France d'aujourd'hui.

Reste le problème du passé, de la tradition, de ce que les anthropologues appellent l'«héritage». Dans tout ce que nous avons dit jusqu'à présent, il apparaît qu'au Niveau moyen, l'étude de la civilisation reste synchronique et s'attache dans son contenu et dans les procédés utilisés à faire appréhender la France contemporaine. Il serait toutefois absurde d'en conclure que le décor du Niveau moyen sera fait uniquement d'H.L.M., d'autoroutes et de supermarchés. Le passé, comme la mémoire, peut être aussi présent que le contemporain récent.

Il peut être utile de se rappeler que rien ne ressemble plus à un drugstore qu'un autre drugstore ni à une raffinerie de pétrole qu'une autre raffinerie. L'image que l'on donnerait de la France plus que moderne serait insignifiante.

Il en est de même pour l'histoire, que nous avons plutôt malmenée jusqu'à présent; nous soutenons en effet que narrer la guerre de Cent Ans, Versailles, les rois, les batailles n'a qu'un rapport lointain avec l'enseignement de la civilisation tel qu'on le conçoit aujourd'hui. Toute fois il y a une composante essentielle dans le comportement des Français qui est l'idée qu'ils ont de leur histoire; les clichés ou stéréotypes, de ce point de vue, sont plus importants que la vérité historique, car ils constituent autant d'images dans lesquelles les Français se projettent de façon significative. Le cliché devient alors élément signifiant, la connotation partagée devient signe. Chaque pays a pour image qui lui ne ressemblent pas forcément. Par exemple, la France a pour image le beret, la bouteille de vin rouge et le fromage. Pourtant dans les faits, quasiment pas un seul Français ne porte à ce jour un beret. C'est une question de stéréotypes qui empêchent généralement de connaître le Français que l'on a en face. Il est probable que l'on rencontrera des difficultés au Niveau moyen, pour faire une place aux références culturelles de cette nature. La compréhension de la France contemporaine et des comportements quotidiens des Français serait toutefois incomplète si l'on n'en tenait pas compte.

L'enseignement de civilisation représente la dimension la plus complexe de la didactique des langues étrangères. C'est la moins aboutie pour l'instant. Mais c'est celle dont l'enjeu est le plus grand. En effet, au-delà des aspects purement instrumentaux (que les hommes puissent communiquer entre eux pour des nécessités professionnelles), la didactique se doit de réfléchir aux problèmes autrement plus graves, des héritages et des partages culturels, de la transmission des cultures, bref de ce que nous laisserons à ceux auxquels nous sommes contraints d'adresser notre testament [Porcher 2004].

Littérature

1. Girod R., Grand-Clément F. Comment vivent les Français, Paris, Hachette,
2. Guiraud P. Les fonctions secondaires du langage, dans Le Langage, Encyclopédie de la Pléiade, Paris, Gallimard, 1968.
3. L. Porcher, L'Enseignement des langues étrangères Hachette, 2004.- 127 p.
4. Le Petit Robert: Dictionnaires de la langue française, Paris, 2001. - 2841 p.
5. Sapir E. Antropologie, t.II, Paris, éd. de Minuit, 1969.

УДК 81'139

МЕТАФОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Кадышева, Дарья Сергеевна

студентка факультета иностранных языков
кафедра немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / kadyшева.d@yandex.ru

Котенёва, Инна Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент
кафедра немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / koteneva@bsu.edu.ru

Аннотация

Культурный обмен позволяет сближать разные страны и народы, создавая единое поле. Возможности такого обмена создают некоторые трудности, препятствия на пути всеобщего понимания. Один из способов постичь культуру другого народа, или даже личность отдельного человека иной национальности – проникновение в его жизнь и эмоции, попытка поставить себя на его место. Этот опыт может дать художественная литература и её перевод. Художественный перевод в статье рассматривается как мощное средство межкультурной коммуникации. Такой перевод направлен не только на передачу мыслей писателя, но и на сохранение индивидуального авторского стиля. Объектом исследования является степень сохранения авторского стиля при переводе французских произведений на русский язык. Используется методология стилистического анализа, сопоставления, метод контекстуального анализа, метод частичной реконструкции языковой личности писателя. Намечаются перспективы дальнейшего исследования приемов переводчиков в качестве комплексных способов передачи индивидуального авторского стиля.

Ключевые слова: художественный текст, метафора, индивидуальный авторский стиль, перевод.

METAPHOR IN LITERARY TEXT AS AN OBJECT OF TRANSLATION TRANSFORMATIONS (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE)

Kadisheva, Daria Sergeevna

student
German and French Department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / kadyшева.d@yandex.ru

Koteneva, Inna Anatolievna

associate professor, German and French Department
candidate of philological Sciences
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / koteneva@bsu.edu.ru

Abstract

Cultural exchange allows bringing together different countries and people, creating a single field. The possibilities of this exchange create some difficulties, barriers on a way to the general understanding. One of the ways to understand the culture of another nation or even the personality of an individual person is to immerse in his life and emotions, an attempt to put yourself in his place. Literature and its translation can provide this experience. The literary translation in this article is considered as a powerful way of intercultural communication. Such translation is directed not only at conveying the writer's thoughts, but also at preserving an individual author's style. The object of the study is the degree of preservation of the author's style by translating French works into Russian. The methodologies of stylistic analysis, comparison, the method of contextual analysis, the method of partial

reconstruction of the writer's linguistic personality are used. Prospects for further research on the techniques of translators as integrated ways of conveying an individual author's style are being foreshadowed.

Keywords: literary text, metaphor, individual author style, translation.

В литературном тексте существует множество средств художественной выразительности, тропов, призванных наполнить повествование эмоциями и смыслом. Некоторые из них могут быть сугубо авторскими или принадлежащими к каким-либо особенностям культуры писателя. В этой связи их перевод на другой язык может быть осложнён отсутствием аналогов.

Одним из наиболее употребляемых тропов является метафора.

Самое первое определение метафоры выделил Аристотель. «Метафора – это имя, перенесенное с рода на вид, с вида на род или с вида на вид, с той целью, чтобы заполнить лексический пробел или украсить речь». Он подчеркнул, что метафора является средством переосмысления значения слова на основании сходства. Метафора дает возможность «говорить о действительном, соединять с ним невозможное» [Аристотель, 1998: 1097].

В основе метафоры лежит сравнение. Это во многом отражает отношение человека к объективной реальности.

Некоторые лингвисты понимают метафору как взаимодействие двух объектов, когда один не рассматривается в отрыве от другого. Благодаря своей связи со сравнением, так как метафора является одним из его видов, часто возникает путаница. Для сравнения характерны связующие единицы, наречия и прилагательные: как, похожий, словно, будто и т. д. Природа метафоры же сокрыта на первый взгляд, она требует «разгадать» её. Ей присущи образы, когда как сравнение призвано наделять предмет характеристикой, зачастую самой простой.

Метафора украшает художественную речь, придаёт ей возвышенность и патетичность. Она работает на эстетичность текста. Также метафора передает оценку предмета – это тоже является одной из её функций. Но более интересно то, что данный троп может давать названия явлениям и объектам, у которых нет собственного имени. Таким образом, метафора одновременно обогащает, придает красоту авторскому стилю и в то же время обозначает безымянные понятия.

Метафоризация касается в первую очередь наиболее известных понятий. Во французском и русском языках они одинаковы: это могут быть человеческое тело, животный и растительный мир, одежда, предметы быта, явления природы и т. д. В этом можно выявить некоторые совпадения различных культур. Детали механизмов часто носят названия частей тела (ручка, лапа, палец, колено, головка). Животные используются для характеристики людей, здесь можно пронаблюдать сближение между языками: «лиса» и «renard» обозначают хитреца, «соловей» и «rossignol» – хорошего певца.

В метафоре слово переходит в отвлеченный план, и вместе с тем появляются новые, абстрактные значения слова. Аристотель утверждает, что понятие метафоры по отношению к слову применимо только в пределах одной и той же части речи, и при этом – в пределах одного и того же слова [там же].

По мнению М. Н. Кожиной, существуют три типа метафоры:

1) метафоры общезыкового характера (необразные и известные всем), которые уже не относятся к средствам словесной образности (горлышко бутылки, глухой переулочек);

2) метафоры, сохраняющие «свежесть», не утратившие новизны (золото волос, молочная мгла);

3) метафоры собственно поэтические, отличающиеся индивидуальным характером (стальной лист неба, чернила ночи) [Кожина, 2008: 301].

В русском языке существуют частичные метафоры, глаголы, отличающиеся морфологически от тех, что используются и в прямом значении: «разъедать», «снестать». Во французском языке все метафоры полные.

В метафорических переносах французский глагол заходит дальше русского. Глагол «есть» при переносе сохраняет значение воздействия на предмет, приводящего к изменению последнего. Французский глагол «manger» в конечной точке метафорической эволюции обозначает пространственные отношения: движение извне внутрь, исчезновение одного предмета за другим.

В теории перевода говорится о «законе сохранения метафоры», согласно которому метафорический образ должен сохраняться по мере возможности. Без следования этому закону меняется смысл тропа и всей фразы, а эстетическая направленность теряется. Опускание метафор при переводе приводит к искажению авторского стиля, поэтому переводчику необходимо найти тот способ сохранения этого тропа, который передаст глубину мысли писателя в том виде, что максимально приближен к изначальному.

Можно выделить следующие основные способы передачи метафоры:

1) дословный перевод. Этот способ позволяет сохранить и образ, и эстетику тропа без поиска эквивалентов в языке перевода. Он применим к общеязыковым метафорам.

Пример: в тексте новеллы «Кармен» французского писателя Проспера Мериме встречается выражение – «Au pied de rochers à pic, la source s'élançait en bouillonnant, et tombait dans un petit bassin tapissé d'un sable blanc comme la neige». Д. Ригинский переводит троп дословно: «белый как снег песок». М. Лозинский изменяет метафору: «белоснежный песок». В этом случае утрачивается некий контраст, яркость сравнения. «Белоснежный» – это чистый, белый, похожий на снег. В то время в дословном варианте Д. Ригинского подчеркивается схожесть песка и снега, и это усиливает образ.

2) аналогичный перевод. Такой способ подходит для перевода, когда в обоих языках метафора имеет одинаковый смысл, а различия составляют слова. Однако это не касается авторских метафор.

Пример: Будучи в заключении за то, что отпустил Кармен, дон Хосе мысленно говорит себе: «Tout le temps que tu as servi sans punition, c'est du temps perdu» – «Все время, что ты провел без наказаний, это потерянное время». Имеется в виду то, что до встречи с Кармен дон Хосе нес хорошую службу, но больше он к этой жизни не вернется. Вариант перевода Д. Ригинского звучит так: «Все время, что ты прослужил без наказаний, пошло прахом». Он подчеркивает утерянное время в сравнении с прахом. М. Лозинский пишет: «Все время, что ты прослужил безупречно, пропало даром». Оба переводчика не используют дословный перевод «c'est du temps perdu», а заменяют его устойчивыми фразеологизмами, близкими для понимания русскому читателю.

3) опущение метафоры. «Théâtre de féerie» заменяется на место чудес, потому что в русском сложно найти понятный читателю аналог, а дословный перевод может придать тропу несколько другую окраску;

Пример: «Monsieur, cela me fit l'effet d'une balle qui m'arrivait... Je ne savais où me fourrer, je demeurais immobile comme une planche». Пораженный девушкой дон Хосе в одной из сцен становится «immobile comme une planche», то есть «недвижим как доска». Д. Ригинский заменяет «доску» «бревном», позволяя русскому читателю провести аналогию, так как в отечественных текстах состояние ступора часто сравнивается с «бревном».

4) неметафорический перевод. Способ перевода метафоры, при котором теряется ее образ, но объясняется значение (furieux comme un taureau, несказанно зол).

Пример: «Je lui demandai pardon, mais elle me bouda pendant tout un jour, et, quand je repartis pour Mon-tilla, elle ne voulut pas m'embrasser. J'avais le coeur gros». Вспоминания о своих страданиях, дон Хосе говорит: «J'avais le coeur gros», «у меня было тяжелое сердце». М. Лозинский упрощает фразу: «мне было тяжело», теряя образ метафоры, однако ее смысл остается на месте.

Таким образом, во французском языке метафоры чаще теряют свое прямое значение, чем в русском. Тропы не различаются по форме, но французские метафоричные образы

иногда выражаются одним и тем же словом. В русском же языке больше частичных метафор, а форма слова может существенно меняться.

Литература

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. – С. 1064-1112.
2. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учеб. М.: Флинта: Наука, 2008. 464.
3. Мериме П. Кармен и другие новеллы / пер. с фр. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 324.
4. Мериме П. Кармен: книга для чтения на французском языке. – Санкт-Петербург: КАРО, 2017. 160.
5. Проспер М. Новеллы. Пер. с фр. – М. Лозинский. М., «Художественная литература», 1978. 33.

References

1. Aristotle. *Ethics. Policy. Rhetoric. Poetics. Categories*. Minsk: Literatura, 1998. 1064-1112.
2. Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovsky V. A. *Stylistics of the Russian language*. Moscow Flinta: Nauka, 2008. 464.
3. Merimee P. *Carmen and other short stories / trans. from fr.* – SPB.: ABC, ABC-Atticus, 2016. 324.
4. Merimee P. *Carmen: a book to read in French.* – St. Petersburg: KARO, 2017 – 160
5. Merimee P. *Novelles / trans. from fr.* – M. Lozinsky. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1978. 33

Научное издание

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И КОММУНИКАЦИЯ – 2020

Сборник материалов
VI Международной научной конференции

(г. Белгород, 16–17 апреля 2020 г.)

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: Ю.В. Ивахненко
Обложка: Н.М. Сысоева
Выпускающий редактор: Л.П. Котенко

Подписано в печать 04.06.2020. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 11,6. Тираж 150 экз. Заказ 109
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48